Министерство культуры, печати и по делам
национальностей Республики Марий Эл

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Марийский государственный университет

Региональное отделение Российского
военно-исторического общества в Республике Марий Эл

Марийское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Материалы Межрегиональной научно-практической конференции,
г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 года

Йошкар-Ола
2020

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)
Р 32

Печатается по решению Ученого совета
государственного бюджетного научного учреждения
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева» (МарНИИЯЛИ)

Редакторы-составители:
канд. ист. наук ***О.А. Кошкина,***
канд. ист. наук ***Е.П. Кузьмин***

Рецензент – ***С.В. Стариков***, доктор ист. наук, профессор

Р 32 **Регионы России в военной истории страны:** сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции, г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 года / ред.-сост. О.А. Кошкина, Е.П. Кузьмин. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. – 462 с.

ISBN 978-5-94950-090-3

Знак информационной продукции 12+

В сборник включены материалы Межрегиональной научно-практической конференции, прошедшей в Йошкар-Оле 20–21 ноября 2019 года. Статьи посвящены актуальным проблемам военной истории регионов России.

Издание адресовано ученым-историкам, преподавателям и студентам, краеведам, деятелям культуры и всем интересующимся историей.

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-94950-090-3

© МарНИИЯЛИ, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Дроботушенко Е.В. Документы Государственного архива Российской Федерации как источник по изучению российской военной эмиграции в Китае в 1920–1950-х гг. 9

Кошкина О.А. Марийская АССР в начале Великой Отечественной войны (по документам Марийского обкма ВКП(б)) . 18

Смирнова Н.Б. База данных мемориальных объектов Чувашии и её роль в обновлении биографических статей в электронной чувашской энциклопедии 25

Ставропольский Ю.В. Целостный подход к решению методологических, источниковедческих и историографических проблем изучения военной истории..... 28

Храмкова Е.Л. Характеристика современного диссертационного комплекса по истории Среднего Поволжья периода Великой Отечественной войны 32

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Акилбаев А.В. Оружие в женских погребениях марийских могильников IX–XIII веков 46

Бахтин А.Г. Война в судьбе чемерис..... 50

Головнин П.А. Походы новгородских ушкуйников на Волгу и Северную Двину 67

Свечников С.К. Марийцы в русско-казанских войнах 1460-х годов 82

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ XVII–XIX вв.

Богатырев А.В. Мирная миссия воинов: Ян Оборский и Атаназы Миончиньский в 1675–1676 гг. 91

Григорькин В.А., Трапезников Д.А. Кампания князя Баюша против ногайцев в 1612 году 99

Кореева Н.А. Купечество Казанской губернии и Отечественная война 1812 года 108

Першин С.В., Борисов Б.А. Священный долг или суровое наказание? К вопросу об исполнении рекрутской повинности крестьянством Мордовского края во второй половине XVIII – середине XIX в. 126

Сергеев Т.С. Ополченцы Среднего Поволжья в военных кампаниях 1812–1814 годов 132

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Ащеулов О.Е. История формирования гвардейских минометных частей РККА в 1941–1942 годах и их роль в оборонительном этапе Сталинградской битвы 140

Ерошкин Ю.В. Движение «непоминающих» на территории Марийского края в годы Великой Отечественной войны 149

Исхаков Р.Л. Дивизионная печать в механизме партийно-политической работы в годы Великой Отечественной войны..... 156

Кистанов С.В. Эвакуация сотрудников войск НКВД в Мордовскую АССР в 1941 г. 168

Кудрявцев А.Н. Призыв на действительную военную службу в Российскую императорскую армию накануне и в начале Первой мировой войны 1914–1918 гг..... 176

Левин В.И. Из истории вхождения СССР во Вторую мировую войну..... 184

Маркова С.В. Эвакуация Воронежского медицинского института в Ульяновск в годы Великой Отечественной войны... 193

Митюков Н.В., Лошкарев А.Н., Баутина С.Л. Ижевские и Воткинские пароходы в годы Великой Отечественной войны.... 203

Оськин М.В. Продовольственные заготовки в Среднем Поволжье накануне Февральской революции: разверстка и снабжение 208

Рогашова Е.А. Трудности военных лет и попытки их решения новой властью: к проблеме смены статуса Ульяновской области в 1943 году..... 217

Саркисов С.К. О формировании добровольческого лыжного батальона на территории Удмуртской АССР в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. 228

Сергеева А.Н. Документы Государственного архива Республики Марий Эл о повседневной жизни сотрудников Госу дарственного оптического института Наркомата вооружения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 239
Упоров И.В. Наказание лишением свободы в годы Великой Отечественной войны: уголовно-исполнительный аспект 246

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

Алметева И.В. Земская школа Марийского края в 1914–1917 гг. 254
Ануфриев А.В., Козлов Д.В. В далеком Сибирском плену (военнопленные четверного союза в концентрационном лагере станицы Сретенской) 260
Гижов В.А. Повседневная жизнь ученых Саратова в годы Великой Отечественной войны 272
Григорьев В.С. Научная и социально-просветительская деятельность академика А.Н. Крылова накануне и в годы Великой Отечественной войны 280
Сергеев Н.А. Культурно-массовые мероприятия в среде военнослужащих РККА Ленинградского и Волховского фронтов в 1941–1943 гг. 288

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Андреев О.В., Кодыбайкин С.Н., Широкова М.А. Вклад поискового движения Чувашии в сохранение памяти о Великой Отечественной войне 295
Бахтин А.Г. Результаты диагностики знаний школьников Республики Марий Эл о героях Великой Отечественной войны. 303
Мушкина Н.В. Исторические песни марийцев 314
Устинов Д.А. Подвиг Александра Матросова в филателии . 326
Устинова А.А. История создания фильма «Пыль под солнцем» по событиям Муравьевского мятежа в Симбирске в свете новых фактов 330
Шурыгин А.В. Великая Отечественная война в жизни и творчестве писателя-фронтовика Аркадия Крупнякова (по фондовым материалам Национального музея Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева) 339

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Горбашова Г.Ф. Крымская война на страницах английских женских травелогов 350

Ларионов В.Л. Проблемы соотношения религиозных мотивов и материальных интересов участников межконфессиональных войн в средние века 358

Новик В.М. Книга Анджея Фрыча Моджевского «О войне» и современность 369

Тайгильдин А.В. Дневники солдат-конфедератов Гражданской войны в США (1861–1865) как исторический источник 377

Ярыгин А.А. Политика США в отношении Калифорнии накануне американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. 386

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Газизьянова С.М. История рода Курмашевых..... 395

Давыдова Н.В. Герой Советского Союза В.Ф. Криворотов .. 400

Кораблева О.В. «Воевать до последней капли крови…»: участник Великой Отечественной войны П.С. Филонов 407

Лукьянова Е.В. «Скорее покончить с этими фашистскими собаками»: фронтовые будни в письмах мужа к жене 410

Новосёлова Е.М. Эпизоды военной истории в картинах Козьмодемьянского художественно-исторического музея..... 418

Родюшкина М.Г. «Они погибли в Карелии»: об уроженцах Горномарийского района Республики Марий Эл..... 424

Сабирьянова Ф.Ф. Трагедия марийских лесов: положение солдат учебных лагерей на территории Марийской АССР в 1941–1945 годы 430

Федотова Е.В., Федотова Т.Ю. Степан Сергеевич Щербаков: служба в царской гвардии..... 434

Шерстнев В.Л. Незабытые солдаты Первой мировой войны. 443

Юртукова М.Н. Козьмодемьянские мастера музыкальных дел на фронтах Великой Отечественной войны 447

Сведения об авторах 456

ПРЕДИСЛОВИЕ

Военная история – одно из актуальных направлений исторических исследований. Военно-историческая отрасль в отношении региональной истории в настоящий момент проходит стадию своего становления.

Межрегиональная научно-практическая конференция «Среднее Поволжье в военной истории России», организованная Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Марийским государственным университетом, Марийским региональным отделением Российского общества историков-архивистов и Региональным отделением Российского военно-исторического общества в Республике Марий Эл, прошла в г. Йошкар-Оле Республики Марий Эл 20–21 ноября 2019 г. Социокультурная цель мероприятия – формирование целостной гражданской исторической памяти. Представления о прошлом живут на многих уровнях: от страниц академических изданий до семейных легенд и воспоминаний. Однако родная история предстает безликой, если в ней нет документальных страниц, описывающих события эпохи через призму жизни предшествующих поколений. Хранить память о защищавших Отчизну предках есть морально-нравственный долг ныне живущих. Интерес к своим корням, к истории родной страны является залогом благополучия общей исторической картины бытия.

Основными задачами мероприятия стали выявление неизвестных страниц в изучении военной истории регионов; анализ роли регионов России в проведении военно-исторических исследований и расширение их тематики; определение основных проблем методологии, источниковедения и историографии; введение в научный оборот новых исторических источников.

В ходе работы конференции обсуждались темы по нескольким направлениям: методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения военной истории; военные конфликты в древности и средневековье; военная история XVII–XIX вв.; регионы России в военной истории XX в.; человек и повседневность в условиях войны; отражение событий военной истории в художественной литературе, культуре, искусстве, исторической памяти народа; военная история России и зарубежных стран в исследованиях российских ученых; историческое краеведение.

В работе конференции приняли участие учёные научно-исследовательских институтов и вузов, научные сотрудники музеев, работники образовательных и культурных учреждений, краеведы, журналисты, аспиранты, студенты из городов Воронежа, Екатеринбурга, Ижевска, Иркутска, Йошкар-Олы, Казани, Козьмодемьянска, Краснодара, Москвы, Пензы, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Тольятти, Тулы, Ульяновска, Чебоксар, Читы.

В связи с большим интересом к мероприятию ученых разных регионов Россиии и выходом проблематики за рамки территории Среднего Поволжья было принято решение изменить название публикуемого по итогам конференции сборника «Регионы России в военной истории страны».

Представленное издание состоит из восьми разделов, соответствующих проблематике конференции. Включенные в сборник статьи охватывают значительный пласт актуальных проблем российской, региональной и даже зарубежной военной истории.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(5)

Е.В. Дроботушенко

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ В 1920–1950-х гг.

Аннотация. В статье проводится источниковедческий анализ отдельных фондов, описей, дел и документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) по проблеме истории российской военной эмиграции в Китае в 1920–1950-е гг. Отмечается, что она была представлена выходцами из самых разных регионов Российской империи: севера страны, Поволжья, южных территорий, с Урала, из Сибири и с Дальнего Востока. Данный аспект не нашел специального объемного научного анализа. В то же время работы по истории военной российской эмиграции в целом и по ее истории в Китае из печати выходили. Анализ архивных документов в части из них присутствовал, однако всестороннего источниковедческого анализа, в том числе и документов Государственного архива Российской Федерации, проведено не было. В фондах ГАРФ хранится большой объем документов по проблеме. Автор выделяет направления источниковедческого анализа истории российской военной эмиграции в Китае с опорой на конкретные фонды, дела и приводит примеры из отдельных документов. Основной вывод заключается в необходимости дальнейшей серьезной работы с источниками, и не только Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: военная история, источники, источниковедение, документы, архив, российская эмиграция, казачество, казачье войско, Китай, Маньчжурия, Синьцзян, Тяньцзин, Шанхай.

История российской военной эмиграции в последние десятилетия стала темой невероятно популярной. Идеи патриотизма, единства российской нации привели к росту популярности изучения исторической судьбы соотечественников за рубежом. Данная проблематика из года в год все чаще и чаще становиться предметом научного и научно-популярного анализа. Общая история военной российской эмиграции легла в основу исследований таких авторов, как С.В. Волков, В.Ф. Ершов, А.В. Окороков, А.В. Серегин, С.А. Сотников, Ю.С. Цурганов, И. Шинкарук и др. [3; 17; 18; 20; 26; 31; 32; 36 и др.]. В определенной степени нашла отражение в публикациях и история российской военной эмиграции в Китае, причем отдельные работы относятся еще к начальному советскому этапу [1; 2; 4; 5; 19; 21–24; 27–30; 33–35 и др.].

В то же время на сегодняшний день не проведено объемного, всестороннего анализа источниковедения по проблеме. Так или иначе характеристика источников находила и находит свое отражение в диссертационных исследованиях в разделе «Степень изученности проблемы», а затем в монографических исследованиях по их итогу. Зачастую они посвящены какому-либо конкретному аспекту, либо носят обобщающий характер и не затрагивают большое количество архивов, фондов, описей и дел.

Отметим, что об истории военной эмиграции из печати вышло прекрасное по своему содержанию многотомное издание «Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы», однако, очевидно, что оно не подразумевает объемного источниковедческого анализа [25].

За пределами серьезного научного интереса остался источниковедческий анализ документов Государственного архива Российской Федерации по российской военной эмиграции в Китае. Это предопределило появление настоящего исследования.

Хронологические рамки работы определены временными границами появления российской военной эмиграции в Китае и ее массовым отъездом из страны. Это рубеж второго-третьего десятилетий

XX в. и, соответственно, начало 1950-х гг. В то же время временные границы могут быть расширены, поскольку российские эмигранты в основной своей массе из Китая отправились дальше, в Северную и Южную Америку, в Австралию и там их история продолжилась. Часть же осталась в Китае. Помимо этого можно отметить, что в дальнейшем многие из них писали свои воспоминания о годах, проведенных в Китае, о жизни российской эмиграции. К примеру, фонды того же ГАРФ содержат дело «Письма председателя Музея русской культуры Н.А. Слободчикова Н.А. Троицкому о деятельности Музея и Русского центра в Сан-Франциско. Машинопись» от 1978 г., а, как известно, Музей русской культуры и Русский центр в Сан-Франциско стали сосредоточением дальнейшей истории российской эмиграции в США [6, оп. 1, д. 561].

Территориально в статье мы будем говорить о центрах российской эмиграции в Китае, а также о некоторых приграничных российских территориях. Относительного первого пункта можно сказать, что российская эмиграция, при том что она была дисперсно разбросана по всему Китаю, была главным образом сосредоточена в четырех регионах (городах) страны: запад – Синьцзян, север и северо-восток – территория Маньчжурии (Русское Трехречье, Хайлар, Харбин), восток – Шанхай и Тяньцзин. Что касается второго обстоятельства, то оно важно в связи с тем, что бегство в Китай происходило с территории ряда приграничных российских регионов.

Отметим, что российская эмигрантская среда Китая, в том числе и военная, была разношерстна в социальном плане, по этнической и конфессиональной принадлежности. Эмигранты представляли территорию всей Российской империи: запад, север страны, Поволжье, Сибирь и Дальний Восток.

Цель исследования – охарактеризовать отдельные фонды Государственного архива Российской Федерации, содержащие документы с информацией по истории российской военной эмиграции в Китае, и выделить направления исследования, а также проблемные области.

История российской эмиграции в Китай, в целом, и военной эмиграции, в частности, связана с революционными событиями в Российской империи 1917 г. и последовавшими за ними изменениями

политического устройства в стране. Остатки разбитых белогвардейских частей, несогласные с новым режимом, стали уходить за границу. Очевидно, что для Сибири и Дальнего Востока прибежищем стал Китай. Основная волна миграции туда приходится на самое начало 1920-х гг. Тогда же стали формироваться центры российской эмиграции в стране. Уходили за границу и казаки, которые формировали свои станицы по принципу принадлежности к казачьему войску: Оренбургское, Сибирское, Енисейское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское.

Забайкальские и дальневосточные казаки целыми станицами селились на севере и северо-востоке Китая. В дальнейшем происходили миграционные процессы внутри страны, когда эмигранты в поисках лучшей доли перемещались на новые места. Двигались они с севера на юг (из Маньчжурии, с Русского Трехречья, из Хайлара и Харбина в Тяньцзин и Шанхай) и с запада на восток (из Синьцзяна в те же Тяньцзин и Шанхай). Крайней точкой их массового проживания в Китае стал именно Шанхай, откуда на рубеже 1940–1950-х гг. они отправились на филиппинский остров Тубабао и далее в Северную и Южную Америку и Австралию.

Документы Государственного архива Российской Федерации по вопросу истории военной эмиграции в Китае можно условно разделить на несколько частей, при этом взяв за основу разные критерии. Первое и, вероятно, самое простое деление по географическому принципу, т.е. история эмиграции в определенных регионах Китая. Это вышеназванные территории и города. Здесь все документы можно разделить на три группы:

1. Документы по западному Китаю.
2. Документы по Северу Китая.
3. Документы по Тяньцзиню и Шанхаю.
4. Документы по приграничным территориям Российской империи, откуда уходили в Китай военизированные формирования и отдельные военнослужащие.

За основу группирования документов можно взять хронологический принцип, т.е. документы по времени появления эмигрантов в том или ином районе Китая, по времени их активности, по времени отъезда.

Наконец, можно взять за основу тематический принцип. Это

группирование документов по различным аспектам, к примеру, по истории деятельности военизированных структур эмиграции, по истории участия военной эмиграции в благотворительной, образовательной, издательской деятельности и т.д.

В рамках названных выше вариантов группирования фондов и дел ГАРФ по проблематике мы остановимся на некоторых с приведением конкретных примеров. Часть из них относительно хорошо известна специалистам, часть получила незначительное освещение в научной литературе или не получила такового вообще. В то же время отметим, что мы не претендуем на полноту освещения источников ГАРФ по истории военной эмиграции в Китае. Они слишком обширны, да и такой цели перед собой не ставили.

Несомненный интерес в рамках предметного поля настоящего исследования представляют дела фонда Р5963 «Казачий Союз в Шанхае. 1925–[1939]». Так, дело 15 «Сведения о эмигрантских союзах и обществах в Китае. Справки о членах правления казачьего союза в Шанхае. 09 апреля 1925 – 25 февраля 1926» первой описи «Дела постоянного хранения. 1925–1931 годы» дает нам представление о социальном составе основной массы белоэмигрантского сообщества города, которая была представлена казачеством. Списки эмигрантов по ряду эмигрантских общественных организаций Шанхая содержатся в объемном деле 25 «Письма И.Е. Шендрикова о делах шанхайского и харбинского белоказачьих союзов, впечатления о Японии. Список членов правления, ревизионной комиссии и суда казачьего союза. Ходатайство членов союзов о выдаче им пособий» той же описи. Не менее интересны и иные дела данного фонда, содержащие статистические данные, фамилии эмигрантов и характеризующие отдельные страницы деятельности российской эмиграции, в целом, и казачества, в частности, в Шанхае [10, оп. 1, д. 1–49 и др.].

Большой объем данных по российской эмиграции в Китае, в том числе и по военной, содержится в делах фондов с отдельными коллекциями. Таковым является фонд 10017 «Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций. 1904–2005». Он содержит самые разные по своему характеру документы. Переписки, газетные вырезки, справки [7, оп. 1, д. 148, 182, 200, 201, 202 и др.].

Интересны в рамках проблемного поля исследования некоторые дела фонда 10113 «Коллекция копий документов по истории белого движения и эмиграции, переданных из других архивов Российской Федерации и зарубежных стран». Среди них часть дел содержит документы по истории российской эмиграции в Шанхае. Это такие дела, как 56 «Опросные дела Шанхайского бюро общественной безопасности, заполненные отдельными российскими эмигрантами», 57 «Прошения Совета объединенной русской эмиграции, Эмигрантского комитета и общества «Помощь», в которых находим заявления и анкеты отдельных русских эмигрантов, изъявивших желание переехать в Китай, с просьбой получения разрешения на въезд и проживание в г. Шанхае» [8, оп. 1, д. 56, 57].

Интереснейшим источником видятся дела, содержащие материалы различных деятелей российской военной эмиграции в Китае. К фондам, содержащим такие дела, можно отнести фонд Р5881 «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов». К примеру, дело 896 «Письма Бакича А.С. Хорвату, Дутову, Унгерну о ведении совместных действий в Монголии, об оказании материальной помощи отряду Дутова и другие» второй описи «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов (1893–1939)» содержит переписку по вопросам существования находившихся в Харбине и Кульдже военнослужащих. Отдельные документы посвящены вопросам перехода границы Китая с данными о численности и положении военных формирований в 1920–1921 гг. Достаточно много различного рода материалов содержится в фондах Р5881, Р9145 и др. [9, оп. 2, д. 896; 14, оп. 1, д. 227, 254 и др.]

Очевидно, что отдельный интерес представляют дела, содержащие документы по характеристике различных аспектов самой военной эмиграции в Китай. В них приводятся даты эвакуации военнослужащих из того или иного населенного пункта, списки отъезжавших, различного рода переписки по вопросам эвакуации, перехода границы, снабжения и т.д. [13, оп. 1, д. 66 и др.]

Отдельные фонды ГАРФ содержат дела, в значительной степени или полностью посвященные истории эмиграции, в том числе и военной (а в отдельных случаях в основном военной) на разных территориях Китая. Так, дела упоминавшегося выше фонда Р5963 полностью посвящены Казачьему Союзу в Шанхае [10, оп. 1, д. 1–54].

При этом отметим, что в Китай бежали не только военнослу-

жащие регулярных частей или партизанских отрядов, но и служащие различных категорий, связанные с охраной заключенных, охраной порядка, сыскными структурами, полицией. Они уходили в Китай семьями. Основная масса из них в итоге влилась в военную эмиграцию. Следует сказать о раненых и больных, находившихся в госпиталях. Здесь, одним из ярчайших примеров может служить дело 9 «Переписка об эвакуации семей служащих из г. Читы в Хайлар. Списки на них» первой описи «Дела постоянного хранения.1912–1922 гг.» фонда Р8404 «Управление внутренних дел восточной окраины России. 1919–1922 гг.». В нем находим Приказ Командующего войсками Российской Восточной окраины № 2 от 27 февраля 1927. Об организации эвакуации. Так, из Читы эвакуировались военный госпиталь, «Забайкальский военный атамана Семенова госпиталь» и др. Руководили эвакуацией военные. Во главе стоял генерал-майор Генерального штаба В.В. Дашкевич-Горбацкий, находившийся в личном распоряжении Главнокомандующего всеми вооруженными силами Восточной Окраины [13, оп. 1, л. 2, 152]. Следует заметить, что сам он в Китай не ушел. Аналогичная информация встречается и в некоторых иных делах [13, оп. 1, д. 52].

Достаточно информативными выглядят дела, содержащие вырезки из различных эмигрантских газет Китая или целые сохранившиеся номера. В них встречается относительно много информации о российских военнослужащих в Китайской эмиграции. Они относятся к таким фондам, как Р6055 «Коллекция информационных материалов о Советской России, Германии, Польше и других странах за 1917–1937 гг.», Р6081 «Управление Китайской Восточной железной дороги», Р9145 «Коллекция документов различных эмигрантских организаций» и др. [10, оп 1, д. 15; 11, оп. 1, д. 49; 12, оп. 1, д. 160; 14, оп. 1, д. 234, 235 и др.].

Интересны различного рода путевые заметки, в которых характеризуется путь из России в Китай или история какого-либо события в жизни российской военной эмиграции. Так, одно из дел Р5881 содержит очерки Г. Земмеринга «От Омска до Чугучака» и «От Чугучака до Харбина через Монголию». Это воспоминания о поездке, в которых, к примеру, описывается посещение военных формирований генералов А.С. Бакича, А.И. Дутова, Б.В. Анненкова. Иной пример – записки полковника Г.В. Енборисова о создании «Восточного Казачьего Союза» в Харбине, которые в дальнейшем два раза были

изданы, в 1932 г. в Шанхае и в 2014 г. в Москве [9, оп. 2, д. 334; 896; 15; 16].

Следует сказать, что дела, содержащие данные по российской военной эмиграции в Китае, могут относиться и к иным фондам, тем, которые не упоминаются в данном исследовании.

Таким образом, можно констатировать, что документы ряда фондов Государственного архива Российской Федерации являются богатейшим источником по истории российской военной эмиграции в Китае. При этом часть из них стала достоянием широкой общественности, отдельные же и на сегодняшний день известны только узкому кругу специалистов, часть же до сих пор не введена в научный оборот. Сказанное предопределяет необходимость дальнейшей серьезной, кропотливой работы с источниками, в том числе и ГАРФ, по проблемам российской военной эмиграции.

Источники и литература

1. *Аблажей Н.Н.* РОВС и Енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 84–87.

2. *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007.

3. *Волков С.В.* Русская военная эмиграция: издательская деятельность. М.: Пашков Дом, 2008.

4. *Ганин А.* Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014. № 7. С. 52–58.

5. *Ганин А.Г.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015. Оп. 1. Д. 561.

7. ГАРФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148, 182, 200, 201, 202 и др.

8. ГАРФ. Ф. 10113. Оп. 1. Д. 56; 57.

9. ГАРФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 334, 896.

10. ГАРФ. Ф. Р5963. Оп. 1. Д. 1–54.

11. ГАРФ. Ф. Р. 6055. Оп. 1. Д. 49.

12. ГАРФ. Ф. Р6081. Оп. 1. Д. 160.

13. ГАРФ. Ф. Р8404. Оп. 1. Д. 9; 52, 66.

14. ГАРФ. Ф Р9145. Оп. 1. Д. 227, 234, 235, 254.

15. *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932.

16. *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. М., 2014.

17. *Ершов В.Ф.* Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг.: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.02. М., 1996.

18. *Ершов В.Ф.* Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М., 2000.

19. *Камский В.* Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923.

20. *Окороков А.В.* Русская эмиграция: политические, военно-политические и воинские организации. 1920–1990 гг. М., 2003.

21. *Ракунов В.А.* Военные последствия эмиграции белых войск из России в Китай // Власть. 2011. № 9. С. 136–138.

22. *Ракунов В.А.* Эмиграция белых войск из России в Китай и ее военные последствия (1918–1945). М., 2011.

23. *Ракунов В.А.* Эмиграция белых войск из России в Китай и ее военные последствия (1918–1945): автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2011.

24. *Рубанов Е.А.* Белая эмиграция в Китае в межвоенный период: русские наемники на иноземной службе в Маньчжурии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4. С. 70–74.

25. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. М., 1998–2002. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн.1. Исход; Кн. 2. На чужбине; Т. 2. Несбывшиеся надежды; Т. 3. Возвращение.

26. *Серегин А.В.* Русская военная эмиграция: из истории изучения в отечественной историографии // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2014. № 19 (141). С. 183–192.

27. *Смирнов С.В.* Российские офицеры и эмигрантское молодежное движение в Китае // Нансеновские чтения, 2016. СПб, 2018. С. 354–371.

28. *Смирнов, С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург, 2007.

29. *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.): автореф. дис. д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2019.

30. *Смирнов С.В.* Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4. С. 127–134.

31. *Сотников С.А.* Российская военно-политическая эмиграция во Франции. 1920–1945 гг. М., 2017.

32. *Цурганов Ю.С.* Русская военная эмиграция в Европе, 1939–1945 гг.: дис. канд. ист. наук. М., 2001.

33. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, 2015.

34. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.): дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2006.

35. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) // История Белой Сибири. Кемерово, 2009. С. 275–281.

36. *Шинкарук И., Ершов В.* Российская военная эмиграция и ее печать. 1920–1939 гг. М., 2000.

E.V. Drobotushenko

THE DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOURCE IN THE RUSSIAN MILITARY EMIGRATION IN CHINA IN THE 1920–1950

Abstract. The article presents a source analysis of the individual funds, inventories, deeds and documents of the State archive of the Russian Federation (SARF) on the issue of the military history of the Russian emigration in China in the 1920–1950-ies. Noted that it was presented came from different regions of the Russian Empire, the North of the country, the Volga region, southern territories, the Urals, Siberia and the Far East. This aspect has not found a special volume of scientific analysis. At the same time, work on the history of Russian military emigration in General and its history in China came out of the press. Analysis of archival documents in part of them was present, but a comprehensive source analysis, including documents of the State archive of the Russian Federation was not carried out. A SARF funds stored a large amount of documents on the problem. The author highlights the directions of source analysis of the history of Russian military emigration in China, based on specific funds, cases and examples from individual documents. The main conclusion is the idea of the need for further serious work with sources, and not only the State archive of the Russian Federation.

Keywords: military history, sources, source studies, documents, archive, Russian emigration, Cossacks, Cossack army, China, Manchuria, Xinjiang, Tianjin, Shanghai.

УДК 94 (470.343)

О.А. Кошкина

МАРИЙСКАЯ АССР В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по документам Марийского обкома ВКП(б)

Аннотация. В статье приведены документы из фонда Марийского обкома ВКП(б), хранящегося в Государственном архиве Республики Марий Эл. Это служебная записка И.В. Сталину о поло-

жении в Марийской АССР к ноябрю 1941 г. и информация о продовольственном снабжении от 9 октября 1941 г. народному комиссару торговли СССР А.В. Любимову. Анализируя документы по теме войны, можно составить полную картину повседневной жизни республики в военный период.

Ключевые слова: Марийская АССР, обком ВКП(б), Великая Отечественная война, архивный фонд, документы.

Накануне Великой Отечественной войны Марийская АССР являлась традиционно аграрной республикой. Около 87 % ее населения проживало в сельской местности. В годы довоенных пятилеток началось индустриальное развитие республики. Основными отраслями промышленности были лесная, деревообрабатывающая, стекольная, пищевая.

В период Великой Отечественной войны произошли серьезные изменения. Известие о начале войны пришло в Марийскую АССР 22 июня 1941 года – в день, когда республика отмечала 20-летие образования Марийской автономии. Праздничные мероприятия перешли в патриотические митинги с призывами о мобилизации всех сил и средств на отпор врагу.

Все органы управления перестраивались на военный лад. Перевод народного хозяйства на военные рельсы, строительство оборонных предприятий, оборонительных рубежей, размещение и забота об эвакуированных, лесозаготовки и т.д. – все эти вопросы были в ведении Совета народных комиссаров Марийской АССР и Марийского обкома ВКП(б).

Эвакуация стала одним из серьезных факторов, повлиявших на социально-экономическое развитие Марийской АССР. В республику в течение второй половины 1941 – первой половины 1942 года прибыло оборудование 27 промышленных предприятий из Москвы, Одессы, Киева, Ленинграда, Ржева. Кроме того, было перебазировано и размещено по предприятиям более 1000 единиц оборудования. К концу 1941 года в республике было размещено более 30 тысяч человек из Москвы, Ленинграда, Мурманска, Сталинграда, Литвы, Эстонии и др. Это повлекло за собой изменения социально-бытовых условий. Не хватало материальных ресурсов, топлива, электроэнергии, транспорта, продуктов питания.

Тема Великой Отечественной войны мало разработана в исторической науке Республики Марий Эл. Были защищены диссертации по отдельным отраслям экономики. Известно, что в республику были перебазированы крупные предприятия, и это способствовало индустриализации Марийской АССР. Такая картина наблюдалась и в других тыловых регионах.

Но углубляясь в документы по теме войны можно открыть множество разных фактов, представляющих картину жизни республики в военный период. И здесь большой интерес представляют фонды обкома, в данном случае Марийского обкома ВКП(б).

Обком партии – высший орган партийного руководства – занимался всеми сферами деятельности. Фонд Марийского обкома ВКП(б), хранящийся в Государственном архиве Республики Марий Эл, представлен практически полным комплексом документов всех его структурных подразделений.

В настоящее время при разработке темы мало внимания уделяется партийным документам. Чаще всего исследователь обращается к документам соответствующих отраслевых организаций. В регионах это еще и результат того, что ранее партийные архивы были отделены от основного фонда.

Начало Великой Отечественной войны – это крайне напряженный период не только на фронте, но и в тылу. На наш взгляд, в этой связи особый интерес представляет докладная записка И.В. Сталину председателя Совета народных комиссаров Марийской АССР Я.И. Абрамова и секретаря Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнарева о положении в Марийской республике к ноябрю 1941 года. Она остро отражает сложившуюся ситуацию и содержит сведения о строительстве оборонительных рубежей, аэродромов на территории Марийской АССР, хлебозаготовках, а также о количественных изменениях трудовых ресурсов [1, оп. 5, д. 29, л. 145–147].

В этом документе анализируется сложившаяся ситуация. На территории Марийской АССР развертывалось строительство оборонительных рубежей протяженностью до 125 километров, а также Штабом военно-воздушных сил Московского военного округа было намечено строительство 9 оперативных аэродромов со спецсооружениями.

Для окончания строительства оборонительных рубежей в уста-

новленные сроки требовалось рабочей силы около 65–70 тысяч человек. К концу осени 1941 года республика располагала трудовыми ресурсами по колхозам в 140 тысяч человек, из них женщин – 94 тысячи человек, мужчин – 46 тысяч человек. Из 140 тысяч человек на постоянной колхозной работе было занято 23 тысячи человек (это председатели и счетоводы колхозов, конюхи и животноводы и другие), кроме того, около 3 тысяч человек изготовляли сани, лыжи, теплую одежду и выполняли другие заказы для Красной Армии. В итоге, оставшиеся трудовые ресурсы колхозов составляли 114 тысяч человек. В документе отмечено: «Если призвать на строительство оборонительных рубежей 30 % женщин, то всех людей, которых можно мобилизовать на это строительство, набирается около 50 тысяч человек, не хватает рабсилы до 20 тысяч человек. Внутри республики эту нехватку рабсилы можно восполнить только за счет остановки работ по лесозаготовкам и ряда предприятий, что считаем крайне нежелательным, так как почти все предприятия республики работают по спецзаданиям» [1, оп. 5, д. 29, л. 145–146].

При этом нужно отметить, что более 30 тысяч человек, которые подлежали мобилизации на строительство оборонительных рубежей, жили в районах, расположенных в 150–250 км от места работ. А из-за отсутствия транспорта добираться до строительства можно было только пешком.

Проявлялись трудности с тягловой силой: «на 1 января 1941 года в республике насчитывалось 42 тысячи голов рабочих лошадей, из них больше 12 тысяч голов мобилизованы для Красной Армии, осталось всего лишь 30 тысяч голов. Республика должна еще сдать государству более 42 тысяч тонн зерна, около 20 тысяч тонн картофеля с расстоянием вывозки от 15 до 90 километров (большинство районов возят зерно и картофель за 40–80 километров). Кроме того, предстоит еще заскирдовать хлебов с площади 44 тысячи гектаров и обмолотить с площади 19 тысяч гектаров, то крайняя напряженность с тягловой силой будет вполне очевидна» [1, оп. 5, д. 29, л. 146].

Из всего этого следовало, что справиться с работами по строительству оборонительных рубежей, 9 оперативных аэродромов со спецсооружениями, убрать хлеб, обмолотить и сдать зерно государству только силами республики было чрезвычайно трудно. «В связи

с чем Совет народных комиссаров Марийской АССР и Областной комитет партии просят Государственный комитет обороны:

1. Оставить за Марийской АССР строительство оборонительных рубежей по реке Волге протяжением 100 километров. Строительство Сурского оборонрубежа провести силами Горьковской области. Или в крайнем случае мобилизовать для строительства Сурского оборонительного рубежа и тягловую силу из Шарангского, Санчурского и Яранского районов Кировской области. Районы, расположенные от участка строительства на Суре от 100 до 130 километров, и один район – до 180 километров.

2. Для строительства оперативных аэродромов разрешить мобилизацию рабочей и тягловой силы из Салобелякского, Кичминского и Лебяжского районов Кировской области, расположенных от намечаемых точек для строительства аэродромов на расстоянии от 20 до 80 километров.

3. В целях не допуска разбазаривания хлеба разрешить приемку 15–20 тысяч тонн зерна из колхозов, крайне слабо обеспеченных тягловой силой, на глубинных пунктах, заняв для этой цели имеющиеся в районах пустующие церкви и склады, с тем, чтобы по окончании строительства указанных крупнейших оборонительных работ зерно с глубинных пунктов вывезти санным путем на линейные пункты Заготзерно» [1, оп. 5, д. 29, л. 147].

Следующий документ из фонда Марийского обкома ВКП(б) – это информация о продовольственном снабжении от 9 октября 1941 г., представленная секретарем Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнаревым народному комиссару торговли СССР А.В. Любимову [1, оп. 5, д. 25, л. 260–262].

Крайне напряженное положение в торговле и общественном питании, которое испытывала республика с осени 1941 г., еще более затруднялось не только в связи с уменьшением плана продовольственных товаров на октябрь, но и в связи со значительным ростом населения как в городе, так и в сельской местности. В Марийскую АССР прибыло свыше 60 тысяч эвакуированного взрослого и детского населения (часть из них позже переехала в другие регионы), несколько тысяч рабочих эвакуированных предприятий и заводов, значительный контингент воинских частей и медико-санитарных

учреждений РККА. За время эвакуации (на октябрь 1941 г.) одних детских закрытых учреждений прибыло с контингентом 2271 человек. Кроме этого было организовано вновь или расширено детских домов в связи с эвакуацией на 1225 человек и яслей на 1156 человек, организовано сезонных детских учреждений для привлеченных к работе в колхозах эвакуированных – на 12071 человек. Увеличено количество коек в детских больницах, родильных домах и других лечебных учреждениях.

В документе отмечалось: «Удовлетворить даже самые скромные требования этих учреждений Наркомторг Марийской АССР не в состоянии, не говоря уже об эвакуированных семьях командно-политического состава РККА и НКВД, которые имеют право на обеспечение товарами первой необходимости. На общественное питание республики возложены ответственные задачи обслуживания контингента оборонных строек и заводов (стройучасток №16, заводы 297, 298, ОКБ-43, XIII-летия Октября, ГОИ), командно-политического состава воинских частей РККА (Ленинградская военно-воздушная академия и ряд других воинских частей). Выделяемые фонды продовольственных и промтоваров Марийской АССР ни в какой мере не соответствуют количеству и требованиям обслуживаемого контингента. Учитывая, что население Марийской АССР продолжает увеличиваться за счет вновь прибывающих, Марийский областной комитет ВКП(б) настойчиво просит пересмотреть фонды продовольственных и промтоваров на 4-й квартал в сторону увеличения их по Марийской АССР с учетом тех изменений, которые произошли и происходят в количественном составе контингента, а также его значимостью» [1, оп. 5, д. 25, л. 261].

Для обеспечения через торговую сеть и общественное питание, а также для снабжения по карточкам только по городу Йошкар-Оле на 4-й квартал 1941 г. было необходимо 320 т сахара, 400 т кондитерских изделий, 280 т рыбы, 60 т сливочного масла, 20 т растительного масла, 40 т мяса, 250 т макаронных изделий, 5 т чая, 8 т сыра, 240 т крупы, 2 вагона яиц [1, оп. 5, д. 25, л. 262].

Для сравнения в этом документе приведена таблица количества продуктов, выделенный республике на октябрь [1, оп. 5, д. 25, л. 260]:

	План на октябрь	План на 3-й квартал	%% к 3-му кварталу
1. Сахар	15 т	125 т	12%
2. Кондитерские изделия	20	320	6,25
3. Рыба	15	120	12,5
4. Сельдь	10	50	20
5. Мясо	10	35	21,1
6. Колбасные изделия	10	30	33,3
7. Масло животное	5	40	12,5
8. Сыр	2	5	40
9. Крупа	40	150	26,6

Кроме приведенных документов о количестве населения в регионе, продовольственных и бытовых проблемах, фонд Марийского обкома ВКП(б) содержит сведения о настроениях в регионе с началом войны, перегоне скота с оккупированных территорий, бомбежках, замерзших на Волге пароходах с ранеными бойцами, эвакуированными, оборудованием предприятий, бытовых проблемах (сбоях в системах жизнеобеспечения города в связи с увеличением населения) и др.

Представленные документы, конечно же, затрагивают лишь часть проблем, с которыми столкнулась республика с началом Великой Отечественной войны. Но они дают представление об изменениях социально-экономической ситуации в Марийской АССР, условиях жизни и труда населения.

Источники и литература

1. ГА РМЭ. Ф. П-1 – Марийский обком ВКП(б).

O.A. Koshkina

MARI ASSR AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (according to the documents of the Mari regional committee of the UCP(b)

Abstract. The article contains documents from the fund of the Mari regional committee of the UCP (b), stored in the State Archive of the Re-

public of Mari El This is a document by I.V. Stalin on the situation in the Mari ASSR by November 1941 and information on food supplies dated October 9, 1941 to the Commissar of Trade of the USSR A.V. Lyubimov. By analyzing documents on the topic of war, you can get a complete picture of the daily life of the republic during the war period.

Keywords: Mari ASSR, regional committee of the UCP (b), World War II, archive fund, documents.

УДК[069:004.65+030](470.34)

Н.Б. Смирнова

БАЗА ДАННЫХ МЕМОРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧУВАШИИ И ЕЁ РОЛЬ В ОБНОВЛЕНИИ БИОГРАФИЧЕСКИХ СТАТЕЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ ЧУВАШСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Аннотация. В работе проанализирована база данных военных мемориальных объектов в качестве вспомогательного аппарата для обновления статей в электронной версии Чувашской энциклопедии. Рассмотрена история ее создания, структура и роль в выявлении новых сведений.

Ключевые слова: база данных, мемориальные объекты, электронная Чувашская энциклопедия, обновление статей.

В соответствии с поручением Председателя Кабинета министров Чувашской Республики И.Б. Моторина от 6 июля 2016 г. № 02/01-3848 стала вестись работа по подготовке Книги мемориальных объектов (памятников, обелисков, стел), посвященных увековечению памяти защитников Отечества, и воинских захоронений. Ее планируется издать к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В книге будет представлен свод объектов культурного наследия мемориального искусства, памятников и мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества, а также воинских захоронений, имеющихся на территории Чувашской Республики.

В течение ряда лет Национальной библиотекой Чувашской Республики систематизировался материал для книги, и велась подготовка базы данных военных памятников. По мере появления новой информации она уточнялась и дополнялась. В базе данных содержатся сведения о 1317 наиболее значимых мемориальных объектах, связанных с войнами и локальными военными конфликтами, и 285 воинских захоронениях. Всего в республике насчитывается 1216 мемориальных объектов, посвященных Великой Отечественной войне, локальным конфликтам – 101. Из них по районам: Алатырский – 26, Аликовский – 43, Батыревский – 53, Вурнарский – 74, Ибресинский – 43, Канашский – 118, Козловский – 51, Комсомольский – 62, Красноармейский – 60, Красночетайский – 62, Мариинско-Посадский – 69, Моргаушский – 68, Порецкий – 23, Урмарский – 53, Цивильский – 104, Чебоксарский – 101, Шемуршинский – 34, Шумерлинский – 35, Ядринский – 61, Яльчикский – 63, Янтиковский – 31; по городам: Алатырь – 6, Канаш – 32, Новочебоксарск – 10, Чебоксары – 15, Шумерля – 20.

В базе данных каждый мемориальный объект имеет цветную фотографию и краткую характеристику, включающую полное название объекта, его местонахождение, типологическую принадлежность, дату установки, текст надписи на памятнике, информацию об авторе, описание объекта и прилегающей территории, сведения о его возникновении, изменении, перестройках, утратах, описание границ территории и примечания. Что касается воинских захоронений, то дополнительно приводится их состав и размеры, описание надгробий и список захороненных. В примечаниях также указывается состояние могил.

База данных играет значительную роль не только в подготовке книги, но и в обновлении биографических статей для электронной Чувашской энциклопедии. Прежде всего, важные сведения можно получить о Героях Советского Союза и Российской Федерации, а также о полных кавалерах ордена Славы. С течением времени постоянно появляются новые памятные объекты, посвященные им – бюсты, мемориальные доски и др. Как правило, всю информацию о них сразу выявить невозможно. Особенно это касается малой родины героев. Благодаря базе данных можно оперативно найти необхо-

димые сведения. К примеру, удалось выявить информацию о бюсте Героя Советского Союза Урукова Виталия Ивановича в с. Шемурша. Герою Российской Федерации Смирнову Николаю Валерьевичу в последние годы были установлены мемориальные доски в родной деревне Кашмаши Моргаушского района и в г. Чебоксары, на доме, где он жил, что также было добавлено в энциклопедическую статью.

Отдельного внимания заслуживают адреса, где расположены мемориальные объекты: названия улиц, парков, скверов и т.д. Они могут носить имена людей, включенных в Чувашскую энциклопедию. К примеру, таким образом удалось найти сведения об улице, названной в честь поэта, прозаика и переводчика Н.К. Янгаса в д. Янгасы Красноармейского района. База данных позволила выявить и информацию об улице в д. Бахтигильдино Батыревского района в честь героя Гражданской войны П.Е. Крепкова. В д. Хорамалы Цивильского района имеется улица поэта и подпольщика И.В. Викторова, информация о котором была также внесена в Чувашскую энциклопедию.

Следовательно, база данных мемориальных объектов Чувашской Республики решает весьма важные задачи и служит необходимым вспомогательным аппаратом не только для книги. Значительную роль она играет и в обновлении биографических статей для интернет-версии Чувашской энциклопедии. Они оперативно пополняются новыми данными.

N.B. Smirnova

DATABASE OF MEMORIAL OBJECTS OF CHUVASHIA AND ITS ROLE IN UPDATING BIOGRAPHICAL ARTICLES IN THE ELECTRONIC CHUVASH ENCYCLOPEDIA

Abstract. The paper analyzes the database of war memorial objects as an auxiliary device for updating articles in the electronic version of the Chuvash encyclopedia. The history of its creation, structure and role in identifying new information are considered.

Keywords: database, memorial objects, electronic Chuvash encyclopedia, updating articles.

УДК 930.85

Ю.В. Ставропольский

ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ, ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. Военная история торит окно в боевой опыт человечества и предлагает в распоряжение исследователей мощный междисциплинарный аналитический инструмент. Применительно к военной истории, мы не сможем понять эволюцию войны, изучая изменения в вооружении, обществе, логистике и т.д. по отдельности. Исследователю требуется целостный подход, способный анализировать не только различные факторы, вовлечённые в насильственный конфликт, но и эффекты, создаваемые взаимодействием между ними.

Ключевые слова: война, история, система, фактор, исследование, актуальность, эволюция, идентичность.

В чём состоит актуальность военной истории для современного мира? История войн – это мощная линза, через которую можно разглядеть и увидеть прошлое. Л.Д. Троцкий выразительно охарактеризовал войну как локомотив истории. Войны возносили на троны монархов и сокрушали империи, распространяли идеи и религии по всему миру и изничтожали веру. Одних войны превращали в героев, других в злодеев, одновременно одурачивая большинство.

Можем ли мы понять наш мир, не постигая насильственных сил, которые его создали? Военная история способна помочь нам в стремлении к лучшему миропониманию не только в области политики, но и в области культуры, которая окружает нас ежедневно [1, p. 607]. Изучение военной истории – это нечто большее, чем просто реконструкция былых сражений. Война занимала центральное место в человеческой жизни, простираясь от стен Трои до Версаля и Потсдама. Военная история торит окно в боевой опыт человечества и предлагает в распоряжение исследователей мощный междисциплинарный аналитический инструмент.

Во-первых, физические, интеллектуальные и моральные проблемы войны позволяют нам заглянуть глубоко в сердце человечества. Во-вторых, анализ того, каким образом действуют военные, многое говорит нам о культурах тех обществ, к которым они относятся. Современная военная история опирается на огромный спектр дисциплин, от истории искусств до статистики, включая экономику, психологию, социологию и моральную философию, пытаясь осмыслить войну во всех её аспектах [2, p. 216]. Военная история, однако, сложна, ибо война по самой своей природе является чрезвычайно комплексным явлением. Война беспрерывно эволюционирует, и это должно удручать, ведь войны причиняют зло по отношению к человечеству.

Зачем изучать военную историю? Начиная с Фукидида вплоть до XIX века, у любителей исторических штудий не было большого выбора, ибо вся история была военной историей. Сегодня действительно, наличие взаимодополняющих (а иногда и конкурирующих!) субдисциплин в историческом поле придают обоснованности поставленному вопросу. Представляется, что существуют веские причины для изучения военной истории [3, p. 113]. Во-первых, постижение военной истории может помочь нам понять наше настоящее. Во-вторых, занятия военной историей и рассмотрение таких феноменов, как религиозная война и тотальная война, способствуют пониманию того, каким образом войны влияют на формирование культурной и национальной идентичности, что особо актуально в контексте современных региональных конфликтов.

Исследования военной истории, благодаря сочетанию исторических подходов со стратегическими и международными исследованиями, раскрывают важные измерения внутренней динамики государственности, а также трансформации государственности под влиянием войн в очень широком хронологическом промежутке. Конфликт является одним из главных преобразующих факторов в любом обществе, фундаментальным образом затрагивая всё – от технологических инноваций до политических конституций и культурной самобытности. В то же время значение войны в формировании мира, каким мы его знаем, придаёт особую актуальность исследовательской проблематике вооруженных конфликтов в любые исторические периоды [4, p. 613]. Например, нынешние вооружён-

ные конфликты, связанные с Ближним Востоком, проистекают не только из того, что после Второй мировой войны образовались Израиль и Палестина. Они в равной степени коренятся в крестовых походах, а также в идеях об отношениях между религией и войной, порождённых тридцатилетней войной 1618–1648 гг.

Из истории мы узнаём, что война была главным двигателем большинства форм политических, социальных, экономических и технологических изменений, и что глубокое понимание причин, хода и последствий войны является самым верным способом избежать ненужных конфликтов в будущем. Безусловно, война, в той или иной форме, не исчезнет из человеческой жизни, хотим мы того или нет. Именно поэтому изучение военной истории на основе анализа лучших доступных источников так важно для всех – и учёных, и политиков, и военных.

Каждая война обладает характерным своеобразием, ибо ведётся немного иным оружием, на иной местности и с разными политическими целями. Облик битвы со временем изменился, но знаем ли мы как? Способы, которыми люди нападают на своих врагов (или демонстрируют свою способность к насилию), резко изменились. Эти изменения частично являются результатом технологических инноваций, но это ещё не вся военная история [5, p. 149]. Социальные изменения оказывают непосредственное влияние на военные действия, поскольку они, к сожалению, также являются социальной деятельностью.

С точки зрения современных тенденций в сфере исследования военной истории, понятия технологии и культуры служат в качестве двух основных факторов, к рассмотрению которых необходимо обратиться для того, чтобы понять эволюцию тактики и стратегии. Наконец, человеческие ограничения (как физические, так и психологические) также представляются важным фактором, присутствующим на поле боя. Эти три элемента, отфильтрованные экономическими условиями каждого отдельного сценария, образуют зонтик, под которым историческая наука анализирует войну [6, p. 147]. Анализ этих факторов, и особенно динамики, возникающей между ними, затруднён, и эта сложная задача становится ещё более сложной из-за одного конкретного свойства, присущего любой системе, в которой взаимодействуют люди – её комплексного характера.

Система определяется как сложная, когда мы, изучая её части, не можем понять, как она работает. Классический научный подход состоял в том, чтобы решить проблемы, разделив головоломку на более мелкие проблемы, обычно более простые для решения. Эта методика валидна тогда, когда каждый элемент обладает собственным набором свойств и правил, а взаимодействие между ними не особенно важно, если оно вообще существует [7, p. 92]. Сложные системы демонстрируют такое поведение, которое не присуще ни одному отдельному элементу, но которое возникает в результате их взаимодействия. Такие эмерджентные свойства трудно предсказать, но они не хаотичны.

Сложность присутствует в различных дисциплинах, но именно в изучении человеческого общества она становится наиболее очевидной. Так обстоит дело с социальными сетями, где определённые глобальные события, изменяющие социальную структуру, происходят в ситуации, в которой участвуют несколько человек, известной как эффект снежного кома [8, p. 245]. Применительно к военной истории, мы не сможем понять эволюцию войны, изучая изменения в вооружении, обществе, логистике и т.д. по отдельности. Исследователю требуется целостный подход, способный анализировать не только различные факторы, вовлечённые в насильственный конфликт, но и эффекты, создаваемые взаимодействием между ними. Наконец, понятие сложности может сочетаться с другим свойством – адаптацией. Использование сложных адаптивных систем позволит выяснить то, как отдельные компоненты и их эмерджентные свойства изменяются с течением времени.

Источники и литература

1. *BlackJ.* MilitaryHistory. New York: Routledge, 2017.

2. *Black J.* Introduction to Global Military History 1775 to the Present Day. New York, 2018.

3. *Carman W.Y.* A History of Firearms from Earliest Times to 1914. New York, 2017.

4. *Corvisier A.* A Dictionary of Military History and the Art of War. Oxford, 2017.

5. *Lookingbill B.D.* American Military History. Cambridge, 2018.

6. *Morillo S., Pavkovic M.F.* What is Military History? New York, 2017.

7. *Muehlbauer M.S., Ulbrich D.J.* The Routledge History of Global War and Society. New York, 2018.

8. *Nolan C.* The Allure of Battle: A History of How Wars Have Been Won and Lost. Oxford, 2017.

J. V. Stavropolsky

A HOLISTIC APPROACH TO THE SOLUTION OF METHODOLOGICAL, SOURCE STUDY AND HISTORIOGRAPHICAL PROBLEMS OF STUDYING MILITARY HISTORY

Abstract. Military history blazes a window into the combat experience of mankind and provides researchers with a powerful interdisciplinary analytical tool. Applied to military history, we cannot understand the evolution of war by studying changes in weaponry, society, logistics, etc. separately. The researcher needs a holistic approach capable of analyzing not only the various factors involved in violent conflict, but also the effects created by the interaction between them.

Keywords: war, history, system, factor, research, relevance, evolution, identity.

УДК 930:001.12

Е.Л. Храмкова

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ДИССЕРТАЦИОННОГО КОМПЛЕКСА ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу диссертационных исследований по истории Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья), защищенных в 2001–2019 гг. Особое внимание уделяется инфраструктуре научных центров подготовки и проведения защит, методологии, источниковедению и проблематике диссертаций.

Ключевые слова: диссертации, Среднее Поволжье, Великая Отечественная война, методология истории, источниковая база.

Современная историографическая ситуация в регионе (Самарская, Ульяновская, Пензенская области и Республика Татарстан) в области подготовки и защиты диссертаций по проблеме обусловлена как традициями, сложившимися в научных центрах советского периода (Казанский и Куйбышевский государственные университеты, Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, Куйбышевский, Ульяновский и Пензенский государственные педагогические институты), так и методологическими, источниковедческими, инфраструктурными, поколенческими трансформациями в российской исторической науке, критическим пересмотром традиционных концепций Великой Отечественной войны. Значительное влияние на современную диссертационную культуру оказало повышение требований к аттестации научных кадров России, изменение структуры послевузовского образования и места аспирантуры в ней.

В изучаемый период (2001–2019) история Среднего Поволжья военного времени стала предметом изучения в 27 (4 докторских) диссертациях. Кроме этого в 11 (6 докторских) диссертациях аспекты темы рассмотрены в специальных разделах или являются сквозными сюжетами. Таким образом, в современный диссертационный комплекс входят 38 работ. Они выполнены по трем специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (35, 9 из них докторские), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (2, 1 из них докторская) и 17.00.02 – Музыкальное искусство (1).

Защиты диссертаций проходили каждый год, за исключением 2011 г., 2013–2014 гг. и 2016 г. Из 9 соискателей ученой степени доктора исторических наук 5 защитили кандидатские диссертации по истории Великой Отечественной войны (А.В. Захарченко, А.Ш. Кабирова, О.В. Тузова, Е.Л. Храмкова, В.Н. Якунин). Интервал между защитой кандидатской и докторской диссертаций составил у соискателей от 5 (В.Н. Якунин) до 36 лет (Г.А. Широков). Столь длительный период подготовки и организации процедуры защиты у большинства исследователей был связан с широкой источниковой базой, о чем будет сказано далее, с модернизацией системы аттестации научно-педагогических кадров высшей квалификации в стране, повлекшей за собой изменение критериев, которым должны

соответствовать докторские диссертации, повышение требований к публикации основных результатов исследовательской деятельности соискателей и др.

Основные центры защиты кандидатских диссертаций по изучаемой проблематике находились в Среднем Поволжье. Это государственные – Казанский – 5 защит, Самарский – 2 защиты и педагогические университеты – Самарский – 6 и Пензенский – 5 защит; Институт истории им. Ш. Марджани – 2 защиты. По одной защите состоялось за пределами региона: в Белгородском, Ленинградском, Московском областном, Санкт-Петербургском, Удмуртском, Чувашском государственных университетах и Оренбургском и Российском государственных педагогических университетах. Докторские диссертации были защищены в госуниверситетах в Самаре (3), Казани (2), МГУ им. М.В. Ломоносова (1); педагогических вузах в Москве (2) и Оренбурге (1); Институте истории им. Ш. Марджани в Казани (1).

Достаточно широкая география защиты связана с закрытием созданных еще в советский период диссертационных советов в педагогических вузах в Пензе и Самаре, в Институте истории им. Ш. Марджани в Казани, а также с отсутствием диссовета в Ульяновске. Поэтому практически каждый третий соискатель защитился не по месту выполнения своих научно-квалификационных работ. Данный факт следует оценивать не только как негативный, создающий определенные неудобства для диссертантов, но и как положительный, влияющий на «конкурентоспособность» диссертационных трудов, качество научных публикаций и апробацию исследований, репутационный имидж местных вузов как центров подготовки квалифицированных специалистов по истории Великой Отечественной войны. Выход диссертантов за рамки областей Среднего Поволжья позволяет поддерживать и развивать научные контакты с высшими учебными заведениями, академическими учреждениями других регионов, так как связи между региональными научными сообществами по причинам объективного и субъективного характера перестали иметь систематический характер. Одной из причин подобного развития событий явился уход из жизни на рубеже XX–XXI вв. тех поволжских историков (Д.П. Ванчинов, З.И. Гильманов, А.А. Иванов, И.М. Ионенко, Н.П. Мышенцев, Л.В. Храмков и др.), кто много лет

вел аспирантуру и докторантуру, выступал организатором научных конференций по истории минувшей войны.

Изучение центров подготовки диссертаций позволяет составить представление о состоянии научной инфраструктуры по интересующей нас теме в регионе. По количеству подготовленных работ лидирующие позиции занимали самарский (21), казанский (7) и пензенский (6) научные центры. Докторские диссертации были выполнены в Самарском государственном университете (4), Самарском государственном социально-педагогическом университете (2); по одной работе – в Институте истории им. Ш. Марджани, Редакции «Книги Памяти» при Кабинете министров Республики Татарстан, Московском педагогическом университете и Самарском филиале Московского городского педагогического университета. Нельзя не отметить роль отдельных кафедр в многолетней подготовке диссертационных исследований по истории Великой Отечественной войны, некоторых из них уже нет. Это кафедра отечественной истории и археологии в СГСПУ, кафедра отечественной истории и историографии в СамГУ, кафедра современной отечественной истории XX века исторического факультета в КГУ, кафедра отечественной истории и методики преподавания истории в Пензенском государственном педагогическом институте и др.

Одним из наиболее важных параметров характеристики диссертационных трудов, как известно, является источниковая база. Сравнительное изучение разделов, посвященных характеристике источников, количественные подсчеты фондов свидетельствуют о том, что преимущественное внимание значительная часть диссертантов уделяла анализу документов региональных архивов – областных и республиканских (23 диссертации, из них 3 докторские). Отдельные соискатели сузили архивное пространство своих исследований до архива (архивов) одной области (12, 21, 22, 24). «Регионализацию» источниковой базы обусловили открывшиеся еще в 90-е гг. минувшего века возможности ввода в научный оборот неизвестных и мало востребованных документов не только федеральных, но и местных архивов; определенная переориентация научного сообщества на углубленное изучение локальных процессов; более внимательное отношение к богатейшему, но недостаточно разработанному источниковому комплексу, сосредоточенному в республиканских, област-

ных, городских и районных музеях различного профиля и других культурно-просветительных учреждениях.

Следует подчеркнуть, что акцент на региональной источниковой базе практически не повлиял на качество диссертационных трудов. Наоборот, это позволило всесторонне разработать проблемы, которые ранее либо не изучались, либо недостаточно исследовались в советский период и в 1990-е гг. К ним относятся, например, такие темы, как демографические процессы в среде городского населения [29], массовое сознание [19, 21], безвозвратные потери населения [4], музыкальная культура [31] и др. Авторам некоторых диссертаций удалось продвинуться в области методики источниковедения. Так, А.Ю. Иванов, опираясь на концепции отечественных источниковедов, разработал авторскую методику междисциплинарного анализа фронтовых писем (на материалах Республики Татарстан), которая может найти применение в изучении эпистолярных источников периода Великой Отечественной войны, сохранившихся в других регионах [12].

Двум диссертантам – А.А. Иванову [11] и О.Ю. Бушуевой [4] – в ходе сбора документальных материалов и их анализа удалось создать новый исторический источник, который в свою очередь явился основным источником информации по одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем российской историографии – безвозвратным потерям населения конкретного региона на фронтах Великой Отечественной войны. Речь идет о создании электронных баз и банков данных на материалах Республики Татарстан и Куйбышевской (Самарской) области. Кроме научного значения, указанные работы имеют ярко выраженную социокультурную и практическую направленность.

В источниковую базу 28 (9 докторских) диссертаций вошли и документы федеральных архивов. По вполне понятным причинам наибольшим предпочтением соискателей пользовалась нормативно-правовая, делопроизводственная и статистическая документация по теме, сосредоточенная в 3 архивах – Государственном архиве Российской Федерации (25, из них 8 докторских), Российском государственном архиве экономики (16, из них 6 докторских) и Российском государственном архиве социально-политической истории (16, из них 6 докторских). Гораздо реже в силу особенностей проблема-

тики диссертационных работ соискатели обращались к документам Российского государственного архива научно-технической документации, в том числе и Самарского филиала РГАНТД (ныне РГА в г. Самаре) (5, из них 3 докторских), Российского государственного архива литературы и искусства (4, из них 1 докторская). В единичных случаях докторантами привлекалась информация из фондов Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива Военно-морского флота, Российского государственного военного архива. Достаточно скромное место в источниковой базе диссертаций занимают документы крупных ведомственных архивов – Центрального архива Министерства обороны РФ (5, из них 1 докторская), Архива внешней политики РФ, Архива Российской Академии Наук, Центрального архива ФСБ РФ. Среди местных ведомственных архивов можно отметить использование документов военкоматов, архивов Информационных центров УВД областей, Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУВД Самарской области и др. В особую группу источниковой базы отдельные авторы включали вещественные, изобразительные и письменные источники, выявленные ими в республиканских, областных, городских историко-краеведческих музеях, музейных коллекциях вузов, ведомственных музеях, таких как Музей по истории милиции (г. Пенза), Музеи по истории почтового дела в городах Самара, Ульяновск и Пенза. Все это способствовало не только расширению, но и усилению доказательности выводов, содержащихся в диссертационных исследованиях.

Источниковая база работ отдельных соискателей вызывает вопросы. Так, территориальные рамки кандидатской диссертации Н.А. Бессоновой [2] охватывают Среднее Поволжье, однако тема формирования боевых резервов в начальный период войны раскрыта без документов архивов Самарской области. Подрывает доверие к содержанию кандидатской диссертации В.А. Бойко раздел под названием «Источники и литература», а также некоторые несовпадения в текстах диссертации и автореферата. Начнем с того, что отметим: в диссертации есть раздел «Степень изученности проблемы» (с. 6–7), занимающий в общей сложности одну страницу. Никакого анализа литературы автор не дает. На с. 15–17 (чуть более двух страниц) идет раздел «Источники и литература» (?), где рассматривают-

ся документы, которые использовал соискатель. Видимо, понимая, что выходить на защиту в диссертационный совет с таким введением нельзя, В.А. Бойко меняет содержание раздела по историографии и увеличивает его почти до четырех страниц (3, с. 5–9). При этом, за исключением нескольких строчек, не меняется обзор источников. Правда, в автореферате он теперь называется «Источники» (3, с. 10–11). Что касается допущенных в этом разделе ошибок, то в автореферате исправлена лишь одна: в диссертации автор утверждала, что работала с документами Архива Академии наук СССР (ААН СССР), в автореферате – исправлено на Архив РАН (АРАН) (с. 10). И в диссертации, и в автореферате В.А. Бойко пишет, что исследовала материалы 143 дел 8 фондов 9 центральных и региональных архивов. Однако далее перечисляются один фонд РГАСПИ, один фонд ГАРФ, один фонд РГАНТД, четыре фонда ведомственного архива – АРАН, 2 фонда несуществующего архива Республики Татарстан (ЦГАТ). Все фонды указаны без описей. Непонятно, какие документы были изучены автором «из Архива горючих ископаемых (фонд С.С. Наметкина), Архива музея истории Казанского университета (фонд Президиума Академии наук СССР)». Интересно, что в диссертации имеется номер фонда Президиума АН СССР – 27, а в автореферате номер фонда отсутствует [3, с. 9].

Диссертационную культуру соискателей ученых степеней во многом определяет качество анализа источников. В данном случае подробная критическая видовая характеристика всех групп использованных источников была дана в 23 из рассмотренных 38 диссертаций. Она включала классификацию источников применительно к теме исследования, выявление особенностей источникового комплекса в целом и его отдельных групп, указание на введение в научный оборот новых документов, пробелы и недостатки в источниковой базе, выявление информационного потенциала каждого вида (а иногда и разновидностей) использованных источников. Особо хотелось бы отметить высокое качество раздела «Источники» в докторских диссертациях А.В. Захарченко, А.Ш. Кабировой, В.Н. Парамонова; кандидатских диссертациях А.Ю. Иванова, О.В. Рокутовой, А.В. Горшенина и др. К сожалению, лишь в немногих работах [11, 12, 4, 23 и др.] затрагивались вопросы методики работы авторов с источниками.

Что касается работы диссертантов с отдельными группами источников, нельзя не заметить повышение интереса к местной печати республиканского, областного, городского и районного уровня, к многотиражным газетам, ведомственной периодике [5, 19, 21, 25, 27, 32, 33 и др.]. Это связано, по меткому замечанию М.Э. Никитиной, с тем, что советские газеты – источник, «не ответивший на вопросы, которые выдвигает современная историческая наука» (автореф. с. 11), а также с «антропологическим поворотом», ориентирующим на анализ психологической составляющей исторических процессов. Некоторые исследователи успешно применили метод контент-анализа газетных материалов, позволивших получить более точное знание, например, о настроениях населения в тылу в военный период [19].

Разделы, посвященные методологии исследования (во введении; отдельные параграфы или главы), наряду с историографическим обзором являются наиболее сложным разделом для большинства соискателей. Поэтому в некоторых случаях наблюдается определенная несогласованность текста работы и ее методологической основы. В каждой диссертации присутствует стандартный набор принципов (историзма, научности, объективности), общенаучных и специально-исторических методов, которые используются в исторических исследованиях. Иногда выделяются ведущие методы, например, историко-хронологический. При этом диссертанты сравнительно редко раскрывают необходимость использования в работе именно тех или иных принципов и методов. Лишь авторы 13 (6 докторских) диссертаций в целом убедительно раскрыли эвристический потенциал своей методологии исследования.

Из новаторских методов, которые нашли применение в работах 2000-х гг., следует отметить метод исторического моделирования при изучении фронтовых писем [12], музыкальной культуры [32, 33], методы создания баз данных безвозвратных потерь населения [4, 11] и др. Как следствие «диалога» с другими научными дисциплинами следует рассматривать методологический инструментарий, включая терминологию, диссертационных трудов, посвященных изучению массового сознания, книжной и музыкальной культуры, демографических процессов в тылу, борьбе с уголовной преступностью, средств связи, общественного транспорта и др. [6, 15, 19, 20, 21, 29, 32, 33].

Почти каждый третий диссертант в качестве ведущего подхода (метода) применял диалектико-материалистический подход в сочетании с другими подходами (системный, цивилизационный, многофакторный). Отдельные диссертанты подробно характеризовали теоретические основы своих исследований, включая анализ отечественных и зарубежных исторических, философских, политологических, социологических и других концепций. Больше внимания в методологических разделах диссертации стали уделять применению, а иногда и разработке категориального аппарата, адекватного предмету исследования [4, 5, 12, 15, 19, 21, 27, 32, 33].

В Среднем Поволжье в тематике диссертационных работ по истории Великой Отечественной войны традиционно большое внимание уделяется экономической истории – отдельным отраслям военной индустрии, строительству, транспорту и связи. Не стали исключением и 2000-е гг. Указанная проблема получила освещение в 12 исследованиях (3 докторских) [1, 6, 9, 10, 14, 16, 17, 20, 23, 25, 26, 37]. Подготовка боевых резервов и формирование специальных воинских частей нашла отражение в двух диссертациях [2, 28]. Одной из «лакун» в средневолжской историографии является проблема уголовной преступности и деятельности правоохранительных органов в 1941–1945 гг. В изучаемый период она была заполнена диссертационными трудами на материалах Ульяновской и Пензенской областей [24, 30]. Впервые рассматривались такие аспекты социальной истории, как демографические процессы в городах и сельских районах региона, адаптация эвакуированного населения в крае, социальная защита подрастающего поколения [4, 11, 23, 29, 33]. Характерной тенденцией новейшей историографии является углубленное изучение проблем идеологического контроля и массового сознания [5, 19, 21], науки [3, 8, 35] и культуры военного периода [15, 18, 31, 32], в том числе физической культуры [36]. Еще одну группу диссертаций составляют работы единичного характера. Сюда мы включили докторскую диссертацию А.Ш. Кабировой [13], в которой реконструирована история одного из крупных тыловых районов страны – Татарской АССР в период Великой Отечественной войны; кандидатскую диссертацию Е.В. Шматова, посвященную вкладу «больших» и «малых» городов средневолжского региона в Победу [36]; две диссертации источниковедческого и историографического

характера [12, 34] и докторскую диссертацию по истории Русской православной церкви 1941–1945 гг. [38].

Особенность проблематики рассматриваемых диссертаций заключается не только в заполнении «лакун» в истории Среднего Поволжья военных лет, но и в постановке и решении проблем, которые практически никогда не являлись предметом исследования в советский и постсоветский периоды историографии. В первую группу работ входят диссертации А.Ш. Кабировой (комплексная история региона в годы войны); Е.Ф. Кондратенко, О.В. Петрова (промышленное строительство на территории Среднего Поволжья); Н.А. Володиной (система политического контроля); А.В. Захарченко (экономическая деятельность НКВД в Поволжье); Г.А. Широкова (академическая, вузовская, отраслевая наука региона); В.В. Федотова (эвакуированное население в Среднем Поволжье) и др. Вторую группу работ составили докторские диссертации А.А. Иванова (безвозвратные людские потери), О.В. Тузовой (музыкально-культурная система региона), кандидатские диссертации Н.Н. Мокиной (система связи в Среднем Поволжье), А.В. Горшенина (общественный транспорт поволжских городов) и некоторых других соискателей.

Заключение. В нашем сообщении кратко рассмотрена лишь часть параметров, с помощью которых может быть выявлено информативное значение сложившегося диссертационного комплекса по заявленной теме.

Диссертации, с одной стороны, один из наиболее «консервативных» историографических источников, подчиняющихся четким требованиям. Данное качество способствует тому, что на основе анализа указанного источника (в совокупности с авторефератами диссертаций) можно получить достоверные сведения по целому ряду аспектов состояния (в нашем случае современной) историографической ситуации в области исследования в диссертациях истории Среднего Поволжья периода Великой Отечественной войны. Диссертации являются достаточно точным «индикатором» методологических, терминологических, источниковых, конкретно-исторических предпочтений исследователей.

В настоящее время наиболее злободневным вопросом является вопрос о том, имеет ли шансы на дальнейшую подготовку высококвалифицированных специалистов средневолжская научная школа

по истории Великой Отечественной войны? Следует обратить внимание на ситуацию, сложившуюся в 2000-е гг.: преподаватели и научные сотрудники, получившие докторскую степень в это время, за небольшим исключением, не занимаются подготовкой аспирантов и докторантов вообще, и по войне в частности. Вероятно, это последствия перехода высшей школы на бакалавриат и магистратуру, вызвавшее уменьшение числа желающих обучаться в аспирантуре, а затем и в докторантуре; сыграло свою роль возрастание «трудоемкости» организации и проведения защит в условиях сокращения диссертационных советов, «оптимизации» кафедр, повышения требований ВАК к диссертациям, ведущим организациям, оппонентам и др. Кроме этого в некоторых (например, технических) вузах, где работают доктора наук, отсутствует аспирантура по отечественной истории. Все это в недалеком будущем приведет к сокращению количества кандидатов и докторов наук по истории Великой Отечественной войны в Среднем Поволжье.

Источники и литература

1. *Белолипецкий В.В.* Сельское хозяйство в Пензенской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2005.

2. *Бессонова Н.А.* Деятельность партийных, советских органов и общественных организаций Средне-Волжского района по формированию боевых резервов действующей армии в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг.: На материалах Пензенской, Саратовской и Куйбышевской областей: автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2004.

3. *Бойко В.А.* Создание и деятельность научно-производственных центров на востоке СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2006.

4. *Бушуева О.Ю.* Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2010.

5. *Володина Н.А.* Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917–1953 гг.: на примере Среднего Поволжья: автореф. дис. доктора ист. наук. М., 2010.

6. *Горшенин А.В.* Городской пассажирский транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Белгород, 2018.

7. *Заводчиков В.В.* Деятельность Куйбышевской студии кинохроники

и кинообслуживание населения Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Ижевск, 2017.

8. *Закиров А.Ф.* Становление и развитие академической науки в Татарской АССР в 1939–1961 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2018.

9. *Захарченко А.В.* Авиационная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2002.

10. *Захарченко А.В.* Экономическая деятельность НКВД-МВД СССР в Поволжье в 1937–1953 гг.: историческое исследование: автореф. дис. доктора ист. наук. М., 2014.

11. *Иванов А.А.* Боевые потери народов Татарстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. доктора ист. наук в форме научного доклада. Казань, 2001.

12. *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: по материалам Республики Татарстан: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2009.

13. *Кабирова А.Ш.* Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы завершения строительства социалистического общества в тыловом регионе: автореф. дис. доктора ист. наук. Казань, 2012.

14. *Кондратенко Е.Ф.* Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2002.

15. *Костюкова Е.И.* Книжное дело Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: На материалах Куйбышевской, Ульяновской, Пензенской и Саратовской областей: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2005.

16. *Кривоножкина Е.Г.* Сельское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2001.

17. *Курятников В.Н.* Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах: 30–50-е гг. XX века: автореф. дис. доктора ист. наук. Самара, 2009.

18. *Лазанчина А.В.* Произведения отечественных композиторов XX века в Самарском академическом театре оперы и балета (1931–2011): история постановок, музыкально-сценические редакции: автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 2012.

19. *Ломовцев А.И.* Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: На материалах Пензенской области: автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2002.

20. *Мокина Н.Н.* Развитие связи в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2017.

21. *Никитина М.Э.* Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: На материалах Пензенской области: автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2005.

22. *Нурдыгин Е.А.* Развитие физической культуры и спорта в Пензенской области: 1941–1953 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2017.

23. *Парамонов В.Н.* Индустриальное развитие РСФСР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: автореф. дис. доктора ист. наук. М., 2001.

24. *Пашкин А.Г.* Уголовная преступность и борьба с ней в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2012.

25. *Петров О.В.* Строительство предприятий и социальных объектов авиационной промышленности на территории Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2002.

26. *Рассохина О.В.* Топливная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: На материалах Куйбышевской и Саратовской областей: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2002.

27. *Рокутова О.А.* Социальная защита детей и подростков в Среднем Поволжье в 1941–1950 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Оренбург, 2008.

28. *Савченко Р.А.* Специальные воинские части РККА, сформированные в годы Великой Отечественной войны в ТАССР: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2015.

29. *Сакаев В.Т.* Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2008.

30. *Сучилкин А.В.* Пензенская милиция в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2006.

31. *Тузова О.В.* Музыкальная культура Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2003.

32. *Тузова О.В.* Музыкальная культура Поволжья в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг.: автореф. дис. доктора ист. наук. Оренбург, 2017.

33. *Федотов В.В.* Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): проблемы размещения, социальной адаптации и трудовой деятельности: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2004.

34. *Храмкова Е.Л.* Историография культуры России периода Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. доктора ист. наук. Казань, 2009.

35. *Широков Г.А.* Ученые Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: автореф. дис. доктора ист. наук. Самара, 2005.

36. *Шматов Е.Н.* Города Среднего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2003.

37. *Юсупова С.Н.* Пищевая промышленность Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: автореф. дис. канд. ист. наук. Самара, 2007.

38. *Якунин В.Н.* Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. доктора ист. наук. Самара, 2003.

E.L. Khramkova

CHARACTERISTICS OF THE MODERN DISSERTATION COMPLEX ON THE HISTORY OF THE MIDDLE VOLGA REGION PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is devoted to the analysis of dissertation research on the history of the Great Patriotic War (on the materials of the Middle Volga region), defended in 2001–2019. Special attention is paid to the infrastructure of scientific centers for the preparation and conduct of defense, methodology, source studies and problems of dissertations.

Keywords: dissertations, Middle Volga region, Great Patriotic War, methodology of history, source base.

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

УДК 903.22

А.В. Акилбаев

ОРУЖИЕ В ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ МАРИЙСКИХ МОГИЛЬНИКОВ IX–XIII ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются предметы вооружения, происходящие из женских марийских захоронений IX–XIII вв. Приводится их характеристика и интерпретация.

Ключевые слова: средневековье, марийцы, финно-угры, вооружение.

Единственным источником для изучения средневекового марийского населения домонгольского периода являются археологические материалы. А, учитывая специфику темы, эти материалы могут быть получены только из погребальных памятников. Выводы статьи основаны на информации из 8 могильников IX–XIII вв. (Веселовский, Дубовский, Нижняя стрелка, Кочергинский, «Черемисское кладбище», Юмский, Русенихинский, Кузинские хутора) и 4 могильников XII–XIII вв. (Выжумский II, Выжумский III, Починковский, Руткинский). Всего учтено 282 погребения, из них женские – 80, мужские – 132, неопределенные – 69. В 33 женских могилах встречены предметы вооружения. Жертвенные комплексы, характерные для марийских могильников рассматриваемого периода, не были рассмотрены, поскольку практически не содержат оружия.

Женские захоронения выделяются прежде всего по инвентарю, поскольку марийский женский костюм обладает стойкими этническими чертами. Здесь фиксируются специфические головные украшения (браслетообразные височные кольца, головные цепочки и венчики), нагрудные украшения (парные, одиночные с ажурным щитком), больше, чем в мужских захоронениях, встречаются украшения обуви. В свою очередь, мужские могилы также имеют некоторые характерные предметы: кошельки из бобрового хвоста, подвески-всадницы, серьги. Выводы о половой принадлежности, основанные на анализе вещей, подтверждаются антропологическими исследованиями [1, с. 142–148]. Неопределенные погребения характеризуются одним или несколькими факторами: большая степень разрушения, бедный инвентарь или его отсутствие, плохая сохранность костей, кремация, кенотаф.

Для интерпретации предметов вооружения в женских захоронениях необходимо учитывать весь погребальный комплекс в целом, взаимовстречаемость оружия с другими вещами. Таким образом выделяются некоторые особенности:

1. В женских погребениях отсутствуют такие предметы вооружения, как копья, топоры-кельты, топоры-чеканы, мечи и сабли, то есть специализированное боевое оружие.

2. Исключение из первого пункта составляет погребение 10 могильника Кузинские хутора. В нем в порядке ношения разложены женские украшения, а сбоку положены копье и дротик с шипами. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо других предметов вооружения, например, топора и стрел, что характерно для аналогичных по богатству инвентаря мужских захоронений. Кроме того, погребение является кенотафом [2, с. 127]. Вероятно, оружие здесь является мужским заупокойным даром. Подобные дары, как мужчин женщинам, так и наоборот, нередко встречаются в материалах древнемарийских могильников (погребения 3, 5, 6 Веселовского, 10, 11, 58 Дубовского могильников, 2 Нижней стрелки и т.д.). Кроме предметов вооружения это могут быть другие предметы, характерные для мужского погребального инвентаря, к примеру, серьги. Не исключено, что часть топоров и наконечников стрел в женских захоронениях являются такими дарами, как, например, в погребении 6 Веселовского могильника, где вдалеке от черепа находилось скопление вещей: топор, оселок, ножи, тесло, ножницы и др.

3. Иногда в богатых женских могилах положены длинные ножи (или кинжалы) в ножнах (погребения 3 Веселовского, 24 Дубовского, 6 Юмского могильников, 14 Черемисского кладбища, 25 Кузинских хуторов). Такие находки лишь в двух случаях сопровождались другим оружием – топорами. Известен один случай извлечения ножа из ножен – в погребении 3 Веселовского могильника. Здесь клинок крайне короткий, имеет, скорее, декоративное назначение [3, рис. 12, 7, с. 11], в связи с чем этот предмет едва ли уместно считать оружием. Г.А. Архипов называет такие предметы имитациями кинжалов [4, с. 46].

4. Стрелы в женских погребениях – редкость. Известны только в 6 комплексах и везде встречены в единичном экземпляре (кроме погребения II Руткинского могильника, где их 3). В погребении 5 Нижней стрелки наконечник стрелы очень маленький, по сути, декоративный [3, рис. 141, 14]. В мужских же могилах стрелы лежат преимущественно компактно, что наталкивает на мысль о наличии колчанов.

5. Топоры найдены в 25 женских захоронениях. Все представленные экземпляры – универсальные, среди них нет узкоспециализированных боевых (кельтов и чеканов), они не сопровождаются другим оружием. Из погребения 7 Нижней стрелки происходит кельт, но, в отличие от других кельтов, он короткий, имеет прямое лезвие и является скорее пешней. В семи случаях находки топоров сопровождаются льячками или литейными формами, кресалом и кремнями, в двух случаях – льячками, в 14 случаях – кресалом и кремнями. Причем в пяти случаях топоры были воткнуты в засыпь, а в одном – просто лежал в засыпи. Вероятно, это связано с обрядом «запирания» умершей [5, с. 234]. Возможно, стрелы здесь также несут какую-либо обрядовую функцию и не являются просто утилитарной вещью, которая пригодится умершему в потустороннем мире. В связи с этим факт нахождения такого оружия в женских погребениях уместно ассоциировать с людьми, связанными с огнем, то есть с литейщицами [6, с. 8–22].

6. В статье не учтены бытовые ножи, встречающиеся в большинстве погребений, вне половой принадлежности погребенных, и не являющиеся оружием.

Необходимо отдельно рассмотреть три захоронения, имеющие отличительные особенности. Во всех трех встречается комплекс вооружения марийского воина: боевой топор, копье, несколько стрел.

Первое погребение – 10 Нижней стрелки. Здесь, при отсутствии костей, найдены, кроме оружия, женские украшения (головной убор и нагрудник). Обращает на себя внимание расположение погребального инвентаря: серьги и пояс положены в порядке ношения, а женские вещи находятся в предполагаемом изголовье и сбоку, вместе с деревянными чашами. Уместно предположить, что этот кенотаф посвящен мужчине, а женские украшения – заупокойный дар. Другое погребение – 35 Нижней стрелки, где в скоплении жженых костей и рядом с ними находились копье, кельт, стрелы и длинная цепочка (аналогичная головной цепочке). Это захоронение оставляет вопросы, поскольку никаких других вещей здесь не было. Третье погребение – 71 Дубовского могильника. В нем представлен полный комплекс мужских вещей, но на голове погребенного находится головная цепочка, являющаяся признаком женского костюма. Вероятно, это тоже заупокойный дар мужчине, поскольку слева от черепа лежат женские нагрудные подвески. Однако непонятно, почему цепочка положена на голову. Никаких других атрибутов женского костюма здесь нет.

Таким образом, находки предметов вооружения в женских захоронениях связаны с высоким статусом погребенных. Как правило, это люди, занимавшиеся изготовлением ювелирных украшений, то есть литейщицы. Рассматривая весь погребальный инвентарь в целом, можно наблюдать отсутствие в женских могилах полного комплекса вооружения, характерного для мужских могил (отсутствие сочетания разных видов оружия, скопления стрел, собственно боевого вооружения), в связи с чем едва ли уместно считать найденные топоры и единичные наконечники стрел предметами, употреблявшимися женщинами в боевых действиях. Все они связаны либо с бытовыми функциями, либо с обрядом. Причем указанные особенности не проявляют локальных отличий и распространяются на весь обозначенный временной промежуток.

Источники и литература

1. *Пузаткина Е.А., Никитина Т.Б.* К вопросу о методах биоархеологических исследований Русенихинского марийского могильника IX–XI веков / Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Материа-

лы научной конференции, посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ им. Васильева, 2011. С. 142–148.

2. *Никитина Т.Б.* Население Верхнего Поветлужья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 124–140.

3. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

4. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 199 с.

5. *Никитина Т.Б.* Захоронения женщин-«литейщиц» Выжумского могильника XI–XIII вв. // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всероссийской с международным участием конференции, г. Уфа, 19–21 ноября 2018 г. Уфа, 2018. С. 231–238.

6. *Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. № 2. Казань, 2012. С. 146–165.

A.V. Akilbaev

WEAPONS IN WOMEN'S GRAVES OF MARI BURIAL GROUNDS OF IX–XIII CENTURIES

Abstract. In this article reviews weapons from women's mari graves of IX–XIII centuries. Their characteristic and interpretation are given.

Keywords: Middle Ages, mari, finno-ugric peoples, weapons.

УДК 94(477)

А.Г. Бахтин

ВОЙНА В СУДЬБЕ ЧЕМЕРИС

Аннотация. Следствием русско-казанских войн стало выселение группы марийского (черемисского) народа из порубежных с Казанским ханством районов на литовскую границу. Желая сохранить свободу, черемисы сбежали в Великое княжество Литовское, были

приняты властями и поселились на Украине. Там они получили от местных жителей наименование чемерисы. На основе имеющихся источников рассматривается сложная и противоречивая судьба этой части марийцев. Жизнь на южной границе (украине) не стала для них спокойной, они служили польско-литовскому правительству и много воевали, защищая приютивший их край и местное население от набегов татар, турок и молдаван, участвовали во внутренних конфликтах Речи Посполитой. Чемерисы долго держались особняком, оставаясь консолидированным этносом в иноязычном и иноконфессиональном окружении. Гражданский конфликт в Речи Посполитой в середине XVII в. привёл к расколу среди чемерис, усложнил их жизнь. Они воевали на стороне поляков, казаков, татар, турок и др. Уходили на турецкие территории и возвращались в Подолию. Оторванная от основной массы этноса группа волжских финнов смогла просуществовать до конца XIX века, пока не была ассимилирована.

Ключевые слова: черемисы, чемерисы, депортация, Бар Чемерисский, Бернард Претвич, война, татарские набеги, восстания.

Уже в период Средневековья по воле исторической судьбы марийцы оказывались далеко за пределами основной территории Марийского края. На сегодняшний день неплохо изучены восточные мари, проживающие с XV в. на Урале, в основном в Башкирии, а также в Пермской и Свердловской областях [24, 25]. Менее известна оказавшаяся в XVI в. на Западной Украине группа марийцев, именуемая там как чемерисы.

Впервые о некой группе черемис, выселенной русским правительством на литовскую границу узнал из сочинения австрийского посла Сигизмунда Герберштейна, но что с ними стало в дальнейшем, он не сообщал [9, с. 164]. Потом, в начале 1990-х гг., уже в Москве, изучая посольскую книгу по сношению Русского государства с Польско-Литовским, натолкнулся на интересное сообщение, из которого следовало, что некая группа черемис с границы ушла в сторону Украины [23, с. 753–754]. Хронология событий совпадала – стало ясно, что речь идёт об одних и тех же людях. Но и тогда оставалось непонятно, как сложилась их дальнейшая судьба. Потом случайно попалась статья украинского учёного Я.Р. Дашкевича, в которой он пытался разобраться, что это за загадочный народ под

именем чемерисы оказался на западе Украины [11, с. 100–111]. Тогда стало понятно, куда вышла эта упомянутая у Герберштейна и в посольской книге группа черемис. Впоследствии к исторической судьбе чемерис мне приходилось обращаться неоднократно [5, с. 76; 6, с. 223–226; 7, с. 812]. Тема постепенно насыщается фактами, появляются новые публикации, дополняющие наши знания об осевших на Украине марийцах. Наиболее интересна брошюра Н.В. Ильиной, уроженки тех мест, по воле судьбы связавшей дальнейшую жизнь с нашей республикой [14].

Появление западной группы черемис связано с последствиями русско-казанской войны 1521–1524 гг. Завершилась она без явной победы какой-либо стороны. Русские в этой войне использовали значительные военные ресурсы, понесли ощутимые потери, но добились минимальных результатов. Следствием войны стало возведение в сентябре 1523 г. в устье Суры крепости Васильсурск. Город построен как опорный пункт в борьбе с Казанским ханством воеводой, князем А.Б. Горбатым-Шуйским Сучковым по поручению великого князя Василия III (1505–1533) и назван в его честь [17, с. 264, 281; 18, с. 270; 19, с. 43–44; 20, с. 538; 9, с. 176]. Возведя город, воеводы окрестную «мордву и черемису казанскую за государя всея Руси к шерти привели» [26, с. 162]. Герберштейн отмечал, что возведение Васильсурска «явилось источником многих бедствий» [9, с. 176]. Татары не ограничивались только дипломатическими демаршами и пытались силовым путём вынудить русских оставить крепость. Не устраивало новое соседство и местное марийское население, которое также, несмотря на формальное причисление к российским подданным, проявляло недовольство. Великий князь понимал, что казанцы будут предпринимать попытки вытеснения русских за Суру, и поэтому принял меры: «А в городе на Суре остались воеводы князь Александра Иванович Стригин, да Василей Салтыков да Михайло Бакеев, а с ними многая люди» [20, с. 519]. Дополнительной мерой стало выселение из приграничной полосы марийского населения на запад страны. Несомненно, что такое решение было вызвано активным участием марийцев в войне на стороне Казани и последующими недружественными действиями. Примечательно, что русское правительство рассматривало депортируемых из-под Васильсурска марийцев как российских подданных, иначе бы их могли просто вытеснить на соседнюю казанскую территорию.

В 1526 г. этих черемисских мужчин, женщин и детей видел в Москве и даже разговаривал с ними австрийский посол С. Герберштейн. Он один из немногих иностранцев, посетивших Россию, знал русский язык, на котором, очевидно, и общался с марийцами. Дипломат поясняет, что правительство сомневалось в благонадежности черемис и поэтому хотело расселить их вдоль литовской границы. Однако любовь к родине и свободе была настолько сильна, что черемисы еще по пути рассеялись в разные стороны, а частью перебежали в Литву [9, с. 164]. В письме русского дипломата в Литве Ивана Ляцкого от 22 апреля 1527 г. сообщается, что черемисы (очевидно те же самые) сбежали из пограничных городов Белова и Торопца и, переправившись на плотах через Днепр, ушли вниз по реке. Далее из письма следует, что организованная погоня не смогла их перехватить, т.к. они оказались уже на литовской территории. Обращения к литовской стороне с просьбой об их выдаче удовлетворены не были, хотя литовцы и не отказали русским, они не спешили содействовать московитам в поимке оппозиционно настроенных беглецов [23, с. 753–754].

Переселенцы, оказавшись на Западной Украине, не нашли там себе спокойной жизни. Поселившись в пограничной полосе, они, как и на Родине, не расставались с оружием и вынуждены были вести полувоенный образ жизни. Оказались они первоначально на Волыни [10, с. 88–89], затем в Подолии и получили среди местного украинского населения несколько искажённое наименование – *чемерисы*. Оно, впрочем, в источниках соседствует одновременно с этнонимом черемисы. Они населяли городки Чемерис, Чемерисский (Черемисский) Бар, Чемерполь, пригород г. Сальника Черемисовку, жили в Каневе, Чемеровцах, в селе Чемерисах Волоских и других местах. Центральным городом, где обитали чемерисы, стал Бар. Он был основан польской королевой, итальянкой по происхождению, Боной Сфорца д Арагона (1494–1557) в 1537 г. на месте разрушенной татарами небольшой крепостицы Ров на одноимённой реке и назван так в честь её родного итальянского города Бари. Он состоял из трёх частей – польской, русской[1] и черемисской (чемерисской).

[1] Славянское население Украины называло тогда себя русскими («руськими»), этноним украинцы появился позднее.

Место, где поселились чемерисы, находилось на горном берегу реки, напротив русского и польского Бара и было пожаловано королевской грамотой в 1540 г. Николаю Ивановичу Невиду. При этом в грамоте ничего не говорилось о чемерисах, что означает, что на тот момент их там ещё не было. Впервые чемерисы как жители Бара упоминаются в письме королевы Боны начальнику барского замка Багенскому от 16 июля 1542 года. О них говорится как о недавно поселённых. Очевидно, чемерисы появились в Баре в 1540–1541 гг. 20 сентября 1547 г. королева Бона пожаловала чемерис поселением в Елтушкове близ Бара на реке Лядове с пасеками и мельницами [14, с. 5–6, 8].

В Чемерисском Баре в 1565 г. чемерисам принадлежал 51 дом, в которых могло жить 250–300 человек при расчёте в 5–6 человек на двор. В 1570 г. там имелся уже 61 дом с чемерисами [10, 264]. Возле Бара в сельских поселениях было также 10 чемерисских дворов, значит ещё приблизительно 50 человек. Остальное население Чемерисского Бара представлено «руськими» – 41 двор и четырьмя дворами с поляками [11, с. 20, 146, 389; 8, с. 86, 189, 192, 194, 208]. Таким образом, чуть более половины Чемерисского Бара заселяли собственно чемерисы. Не исключено, что последующий рост численности чемерис связан не только с естественным приростом, но и с присоединением к ним беженцев из Поволжья, явившегося следствием русско-казанских войн, завоевания Казанского ханства Русским государством и последующих ожесточённых и кровопролитных Черемисских войн второй половины XVI века.

Во главе каждой части города в Баре стоял выборный войт (староста) из зажиточных горожан, возглавлявший выборный же магистрат. За свою службу он брал себе часть налогов и судебных пошлин, взимаемых с населения. Войт осуществлял административное руководство, управлял городской собственностью, вершил вместе с присяжными суд. Первоначально войтом в Горном (Чемерисском) Баре являлся Николай Невид – основатель этого поселения и, очевидно, чемерисом не являвшийся. Он называется местным жителем «державцем села Мукарова Татарского» [14, с. 5–7].

Все три общины Бара – русская, польская и чемерисская в 1540 г. были пожалованы Магдебургским правом и льготами для переселенцев. Жители польской части Бара получили пятнадцатилетнее

освобождение от всех податей, русскому и чемерисскому населению льготу предоставили на 12 лет. После истечения льготного периода жители Чемерисского Бара должны были, как и все остальные, платить ежегодно 15 грошей чиншу, поддерживать в порядке пруд и нести военную службу. Платили также по четверти овса с дома и шесть волов раз в три года со всего города, медовую десятину и должны были отбывать три дня полевых работ на замковых фольварках.

Однако это не распространялось на чемерис, которые находились на особых условиях – не платили налогов и не выполняли повинностей, т.к. несли особую военную службу. От польского короля они получили земельные угодья, беспошлинно занимались хлебопашеством, огородничеством, скотоводством, пчеловодством, охотой, имели пруд, в котором ловили рыбу, владели мельницей. Они получали также от местного войта по 200 злотых в год, правда, только в том случае, если казна имела средства [10, с. 90–91].

В жизни чемерис военная служба занимала существенно большее место, чем у проживавших рядом с ними русских и поляков. По правовому положению чемерисы были близки к липкам – литовским служилым татарам. Для местных русских и поляков соседи оставались загадочным народом, они считали, что «черемисы, люди татарского народу» [14, с. 8]. По этой причине историки XIX в. первоначально полагали, что чемерисы ведут своё происхождение от татар. Русский историк М.Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916) писал, что «в исконном гнезде козатчины – Баре, именно – Русском, люстрация под рубрикою “служки” говорит: там есть три козака, которые ничего не дают, только на конях и пешие служат замку. Между тем здесь целая треть города – Черемисский Бар, состоящая преимущественно из татар, несёт собственно козацкую, то есть общинно-военную службу». Он с удивлением отмечает, что компактное проживание целой сплочённой общины «татар» в Черемисском Баре является исключительным не характерным явлением для литовских украинных поветов [8, с. 161–162, 208]. Известный украинский историк М.С. Грушевский (1866–1934) писал: «…вероятнее всего будет и чемерисов отнести к одной категории с татарами Острожскими, Витовтовыми колонистами. Впрочем, это название чемерисов или черемисов мне не встречалось ни у волынских, ни у других литовских татар, оно является термином как бы специально

барским, хотя топографические названия этого корня разбросаны на всём пространстве правобережной Украины (особенно любопытна Чемерисовка около Сальницы, на волынской границе)» [10, с. 89].

Из документа 1576 г. известно, что чемерисы были язычниками и лишь позднее приняли православие. Чемерисы до 70-х гг. XVII в. обладали выраженным национальным самосознанием, огражденным стойкими этнокультурными и социальными барьерами, благоприятствовавшими сохранению немногочисленной, дисперсной, но этнически единой общности, являлись консолидированным островным этносом. Они старались не допускать в свою среду представителей другого народа. Этим объясняется стремление чемерис создавать отдельные пригороды. Они старались селиться отдельно от представителей других этносов. В одной из подольских легенд отмечается удивление и даже враждебность чемерис, встретивших человека другой национальности в своём поселении. Они заявили забредшему к ним нищему: «В наши сёла никто не заходит» [12, с. 105–107, 111].

Чемерисы отличались свободолюбием и воинственностью. Они охраняли границы Великого княжества Литовского, отражали нападения крымских татар, турок, ногайцев и волохов (молдаван). Бар находился в опасном месте, там сходились два шляха – Черный и Кучманский, по которым татары продвигались в сторону Литвы и Польши. Организацию обороны Бара и окрестностей предпринял барский староста (с 1540 г.) Бернард Претвич (ок. 1500–1562). Действия Претвича против татар и турок оказались настолько успешными, что вызвали гнев самого турецкого султана Сулеймана Великолепного (1520–1566). Султан направил польскому королю Сигизмунду II Августу (1548–1572) жалобу на старосту и потребовал наказать его. Это косвенно подтверждает, что Претвич не преувеличивал свои боевые достижения. Претвича вызвали на Сейм, на котором он должен был отчитаться о своих действиях на украине (границе). Рассмотрение дела Претвича по распоряжению короля состоялось 14 декабря 1550 г. Отправляясь туда, староста подготовил записку о своих деяниях, с которой и выступил перед панами Сейма. В своём выступлении Претвич сказал: «Наияснейший милостивый король, Ваша королевская милость, мой милостивый господин, все причины тех жалоб на нас, слуг Вашей королевской

милости, хорошо понятны. Поэтому прошу Вашу королевскую милость, своего милостивого господина, чтобы Ваша королевская милость с ясновельможными панами Сейма Вашей королевской милости решили, когда татары грабят, гнать их или нет, а я во всем буду придерживаться того, какой будет воля и приказ Вашей королевской милости, моего милостивого господина» [27, с. 49]. Представленные успехи Бернарда Претвича в противодействии набегам татар и турок оказались настолько впечатлительны, что Сейм не только не осудил его, но и поддержал. С предполагаемого суда он вернулся признанным героем. Подготовленная для выступления перед панами записка сохранилась и стала важным источником о сложной, полной опасности, жизни на степной границе Польско-Литовского государства в 1540-е гг.

Судя по сообщению Бернарда Претвича, его отряд охранял границу в Днепро-Днестровском междуречье и не позволял татарам проникать вглубь страны. Это был успешный и инициативный военачальник, добившийся 70 побед над татарами. Претвич сформировал отряд из легковооруженных конников численностью в 150–200 человек. Половину этого отряда Претвич вынужден был содержать за свой счёт, т.к. ни казна, ни местные общества оказались не готовы к таким тратам за безопасность. Он писал, что стал «удерживать у себя тех, которых считал достойными». Чемерисы составили ядро этого отряда, очевидно, они и считались старостой лучшими. По ревизии 1552 г., чемерисы выставили 68 всадников. Староста высоко отзывался о воинском мастерстве чемерис. Они показали себя как отличные стрелки. Хорошо была налажена разведка. «Сторожи» отправлялись далеко в степь и вели наблюдение на путях передвижения татар и у речных переправ. Передвигаться они предпочитали тёмными безлунными ночами, днём прятались и вели наблюдение. Это позволяло в большинстве случаев заранее узнавать о появлении врагов и принять меры по противодействию, сами же оставались необнаруженными и неуловимыми [27, с. 45]. Если татарам и удавалось проникнуть к Бару, большого успеха они не добивались, а в результате преследования их зачастую разбивали и освобождали пленных. Успехи Бернарда Претвича нашли отражение в поговорке: «za pana Pretwica wolna od tatar granica», т.е. «благодаря пану Претвичу свободна от татар граница» [22]. Натоптанные татарскими конями

дороги на Литву и Польшу начали зарастать травою. Успехи в борьбе с татарами способствовали освоению украины. Невозможность тайно подойти большими массами к польско-литовским поселениям вынудила татар совершать нападения уже небольшими отрядами от 10 до 300 воинов. Им легче было проскользнуть мимо пограничной охраны. Смена тактики татарами увеличила эффективность их вторжений. Таких набегов малыми силами они могли совершить до 20 в год. Набеги татар стимулировались турками, наживавшимися на этих предприятиях. Они и сами участвовали вместе с татарами в набегах и поощряли к этому татар. Многие татары не имели пригодных для походов лошадей, и турки продавали им коней или давали в аренду в счёт будущей добычи, которой сами же назначали цену и скупали по дешёвке. За коней татарам приходилось отдавать половину всей добычи. Султан тоже оказывался в прибытке, так как с продажи и покупки пленников в его пользу шёл налог по 300 аспров. Покупатель и продавец пополняли султанскую казну при оформлении сделки по каждому пленнику на 600 аспров. Только с торга в Очакове и Белгороде казна получала много тысяч аспров [27, с. 45–46].

Претвичу тоже пришлось сменить тактику, от обороны он перешёл к нападениям. Его отряды стали выдвигаться далеко в Поле и преследовать татар даже в турецких владениях, чего раньше он не делал. Люди Претвича отличались мобильностью и внезапностью действий – неожиданно стремительно нападали и столь же быстро отступали. В составе отряда Претвича чемерисы совершали походы на турецкие крепости на берегу Чёрного моря, штурмовали Очаков, проникали в Крым. Они успешно преследовали и били татар и не только освобождали пленных, но и захватывали у них сотни коней. Только после одного такого преследования в руки людям Претвича попало 170 хороших коней. После отражения набега царевича Езибека Претвич догнал отряды мурз Бигоча, Биелека и Таксари, разгромил и захватил 560 коней [27, с. 51]. С 1535 по 1550 г. только отрядом Претвича было захвачено около 2100 коней [27, с. 65].

В 1541 г. татары пограбили под Овручем и у Хмельника. Посланная за ними погоня успеха не добилась, тогда подключился Претвич со своими людьми. Он дошёл до Очакова, но татар там не обнаружил. Напуганные появлением литовского отряда турки сразу же сдали татар: «Знайте, что татары на Березанских высотах,

а в городе их нет, делайте с ними, что хотите». Татар настигли и разгромили, однако они уже успели сбыть свой живой товар туркам. Освободить удалось только часть пленных. Это определило жестокое отношение к татарам воинов Претвича, мстивших за разорение и угнанных в неволю соотечественников. Претвич сообщает: «разбил и многих пленил, детей и женщин поколол, потоптал, мстя на обиды…». Захватили также более 500 коней [27, с. 53; 4, с. 15]. Пытавшихся спастись в море татар чемерисские стрелки, показывая своё мастерство, расстреливали «как уток» [12, с. 106].

В 1542 г. белгородские татары во главе с Джан сеитом и Иси ходжой появились возле Бара. Претвич вновь добился победы и захватил татарского командира Аларчу, от которого узнал, что другие татарские отряды уже прошли к Киеву и Черкассам. В степи разведка обнаружила следы от более чем 500 коней. Когда татары возвращались из удачного набега на Черкассы, Претвич пошёл параллельно татарскому отряду, успел обогнать его и устроить возле Очакова засаду. Расслабившиеся и уже чувствовавшие себя в безопасности татары жестоко поплатились за свою беспечность. Неожиданно со всех сторон появившиеся чемерисы и другие «степные рыцари» Претвича изрубили врага. От пленных узнали ещё об одном отряде, продвигающемся к Бару, зашли скрытно к нему в тыл и тоже разгромили.

Характерное описание тактики даёт Претвич в своей записке. Преследуя уходящего противника, люди Претвича догнали и разбили один из татарских отрядов. От пленных они узнали, что татары идут в лагерь на Березанской возвышенности возле Очакова. После сбора всех отрядов, татары собираются вновь пойти в набег. Получив информацию, староста приказал раздеть убитых и пленных татар и переодеться в их одежду. Под видом ожидаемого татарского отряда они двинулись к вражескому лагерю. Могу предположить, что чемерисы шли впереди, чтобы татары даже в татарской одежде по лицам не распознали славян. К тому же на всех одежды не хватило, основная часть отряда пошла следом. Маскарад увенчался колоссальным успехом, вражеский лагерь был разгромлен, пленные освобождены и захвачены сотни коней [27, с. 52].

В 1545 г. Претвич организовал успешный поход на базу татар и турок, в город Очаков. Своих сил у него для такого предприятия

имелось недостаточно, поэтому к походу были привлечены князья Семён Глебович Пронский, Федор Андреевич Сангушко, Богуслав Фёдорович Корецкий и Дмитрий Иванович Вишневецкий. Они добились успеха, спалив Очаков [27, с. 71].

Есть в записке Претвича и упоминание непосредственно чемерис. Он пишет, что «пришли татары по имени Иси ходжа [с] своей дружиной, Данабашин, Ферхат, Кихей стеречь под барскую дорогу и погромили черемис, которые шли домой с рыбалки. Нескольких из них забили насмерть, а девятерых с другими людьми на пасеках, поймали живыми». Узнав об этом, Претвич послал погоню, приказав преследовать, пока не догонят, даже если для этого придётся зайти в морскую воду. Действительно, настичь татар удалось только на морском берегу. Они как раз передавали пленных чемерис на турецкие корабли. Увидев погоню, татары и турки вышли против них, в ожесточённой схватке обе стороны понесли потери. На этот раз не сообщается об освобождении пленных и захвате коней, видимо, турки успели отплыть от берега, увозя пленников.

Через два года под Бар и Винницу пришли белгородские татары во главе с мурзой Синаном агой, Челеем, Мормоном и Нечаем. «И нашли черемисов, и убили Семена и Палтача, а прочих людей пленили» [27, с. 56]. Вероятно, речь идёт о человеке с марийским именем Семан (подходящий, удобный). Имя Палтай (Палтанач, Палтанич), имеющее тюркское происхождение и означающее «топор», тоже имело распространение среди марийцев [28, с. 334, 405].

Осенью 1550 г. произошло вторжение войска из 5000 воинов татар и молдаван. Войско возглавлял вассал турецкого султана молдавский господарь Илиаша II Рареш (1546–1551). Они захватили пленных под Баром и Хмельником. Но Претвичу удалось отстоять Бар. Штурм города стоил молдаванам сотни погибших. Смелыми вылазками из города защитники нанесли врагам ещё больший урон и вынудили их отступить. Отходящего врага Претвич преследовал и бил при первой возможности. Из похода вернулась только половина молдавско-татарского войска [27, с. 66].

После отставки Бернарда Претвича в 1552 г. нападения татар и молдаван усилились. Заселённый чемерисами Елтушков подвергся разорению молдаванами в 1568 г., а в 1569 г. татарами. Приходили они к Бару в 1573, 1575, 1577 и 1582 гг. [14, с. 9–10].

Чемерисские отряды насчитывали несколько сотен человек. В 1574 г. уже 200 чемерисских воинов охраняло границу. Служили они в коннице. Только в одном Баре в 1607 г. они выставляли 70 всадников [12, с. 102]. В реестре запорожского войска 1649 г. упоминаются Ярмола Чемерысь, Степан Чемерышь, Стецко Чемерис, просто Чемерис без имени, Захарка Чемерин, Лаврин Чемерисенко, Демьян Чемерин [21, с. 69, 72, 121, 169, 171, 179, 195]. Это только имена, явно указывающие на чемерисское происхождение их носителей. Многие чемерисы, принявшие к этому времени православие, уже имели русские имена. Ещё в люстрации Барского старосты 1565 г. чемерисы перечислялись уже по православным именам: Ивашко, Лаврин, Гринич, Зенко Германович, Иван Презняк, Квилежки, Андрей Лентвит, Зенко Побережник, Якоб Постригач, Броско, Бартасов дом, Каспер Кот, Ничай, Захар возник, Пётр Погершник, Симак Симянин [14, с. 8]. Хотя и тут ещё сохранилось древнемарийское имя Симак, что означает нежный, румяный, свежий, молодой. Имя же Каспер Кот могло образоваться в результате искажения марийского Касар (стройный) и Котей (шалаш) [28, с. 202, 236, 413]. В 1678 г. упоминается чемерисский хорунжий с фамилией Пожарский: «а тот де хорунжей из-под Каменца» [3, с. 731]. Тем не менее даже в 1700 г. упоминается чемерис войт из Чемерис-барских с именем Тойберда Орскабин [14, с. 14].

Чемерисы участвовали и в междоусобных войнах в Речи Посполитой в 1599 и 1611 гг. В начале XVII в. с усилением католицизма начинается наступление на права всего некатолического населения страны. Чемерис и русских стали принуждать платить десятину, никогда прежде ими не уплачиваемую. Но они не подчинялись даже судебным решениям [14, с. 10–11]. В середине века отношения чемерис с центральной властью из-за задержки жалования и притеснений ещё более обострились, и они в августе 1648 г. во время осады Бара восставшими казаками перешли на сторону сподвижника Богдана Хмельницкого Максима Кривоноса в количестве 500 человек, что позволило захватить этот город [13, с. 101]. Тут и произошёл раскол среди чемерис. Часть из них продолжала воевать на стороне поляков, защищала в 1649 г. город Збараж от казацко-татарского войска, другие сражались вместе с восставшими казаками. После прекращения в 1667 г. войны, чемерисы подчинились полякам,

т.к. Правобережная Украина по Андрусовскому перемирью 1667 г. и договору о «Вечном мире» 1668 г. осталась за Польшей.

Однако отношения между поляками и чемерисами не складывались. В 1672 г. началась турецко-польская война 1672–1674 гг. Турки и крымские татары при поддержке протурецкого гетмана Петра Дорошенко попытались установить свою власть над Правобережной Украиной. Им сопутствовал успех и уже в самом начале войны они смогли захватить Подолию. Оказавшись на оккупированной территории 2 тыс. чемерис перешли на сторону турок, а 400 к молдаванам, находящимся от них в вассальной зависимости. Ушедших к туркам чемерис поселили в дельте Дуная. Подчиняясь султану, они воевали против Польши, Украины и России. Так они сражались с промосковским украинским гетманом Иваном Самойловичем. В 1674 г. чемерисы вместе с татарами и турками воевали под командой гетмана Петра Дорошенко на Правобережной Украине против поляков, защищали от них Бар. При этом вместе с турками в гарнизоне города их насчитывалось 1200 человек [15, с. 277]. Засевший в Баре турецкий бей Александр Кречинский[2] собрал отряд в несколько сотен человек и совершал оттуда грабительские походы. Всех их называли чемерисами, хотя в отряде было немало татар и прочих [14, с. 13]. Бар в эти годы воспринимался на Украине как гнездо разбойников.

В том же 1674 г. Андрей Дорошенко с отрядом в 2000 человек, в котором было немало чемерис, обманом захватил и разграбил Орловку и Булыклевск. Они сообщили жителям, что будто бы присягнули русскому государю и хотят вместе с ними идти против турок. Дорошенко попытался потом таким же образом захватить местечко под названием Смелое. Однако смеловцы, наслышанные о его коварстве, подтвердили своё наименование «и смеловские де жители тех татар и Андрюшку под Смелым многих побили и гнали их до самого Чигирина; а толко де ушло с ним Андрюшкою казаков и татар с 50 человек» [2, с. 464–465]. В июне полковник из Могилёва-Подольского Савва Ясеринский сообщал гетману Самойловичу как «…в пятницу рано побежавши неприятели черемиса с охотными казаками несколко сот, около города скотины и людей били

[2] Видимо из перешедших к туркам православных.

и поимали было; а …потехи не понесли; против которых мы выбежав … как овец захватив, саблями своими и своё отобрали и до остатку побили, которых было колико сот, и едва из них тридцать человек ушло, а те все душами своими на поле под огородами и на огородах позапечатлеся, и всею дорогою аже до самого Вязовки того трупу чрез колико недель и зверь не переест. С тех же побоищ живьём 30 человек в место привели». Некоторых пленников послали к гетману, остальных порубили [2, с. 484–485].

15 июня гетман И. Самойлович сообщил царю Алексею Михайловичу о победе над казаками Андрея Дорошенко, татарами и чемерисами: «и старшину знатную войска татарского и черемиского живых в языках поимали: взяли казикерменского бея сына Асама агу да черемиского ротмистра и при нём 19 человек татар[3]» [2, с. 492–493]. Примечательно, что чемерисы (черемисы) часто упоминаются при описании противоборства в это время на Украине. Они воюют на той и другой стороне вместе с казаками, турками, татарами, поляками и русскими. Это указывает на то, что чемерисы представляли собой значительную военно-политическую силу, с которой считались все воюющие стороны. Характерным примером является поход переяславского полковника Ивана Лисенко в октябре 1678 г. на правый берег Днепра с целью переселения тамошних жителей на подчинённое России Левобережье. Но жители не хотели переселяться и даже оказывали вооружённое сопротивление попыткам насильственного их перевода. Полковник с задачей не справился и отступил «остерегая, чтоб тот враг с татары и с чемерисы иною дорогою в наши городки пришед, не починил разорения, слыша про нас на сей стороне» [3, с. 698]. В 1684 г. чемерисы вместе с турками и татарами под Студеницей, выманив из крепости, разгромили пропольского украинского гетмана Андрея Могиленко [1, с. 177].

Из-за совместных выступлений с татарами чемерис тоже стали часто называть татарами и липками – литовскими татарами. Так, в ноябре 1678 г. дорошенковский полковник Иван Павлович Яненченко (Яненко-Хмельницкий) с отрядом в 150 чемерис и стольких же татар перешёл у Черкасс Днепр, захватил скот и 30 человек в плен,

[3] Явно под руководством черемисского ротмистра должны были находиться черемисы же, названные в отчёте татарами.

но потерпели поражение от запорожцев. Характерно упоминание чемерис в отчёте о победе: «И на том де бою взято живьём татар 2 человека да третей липок, что словут чемерисы» [3, с. 726].

Чемерис в ранних народных украинских песнях – любимый, близкий человек у девушки, приравниваемый к запорожскому казаку [12, с. 102–103, 105–107]. Исследователями были записаны на Западной Украине народные песни с таким смысловым упоминанием чемерис:

Чемерис, чемерис, чем девочок не любишь?
Пусти ж мене до Дунаю, нехай собе погуляю!
Не досить ти гулятоньки, колись была у матоньки,
А теперь есъ у пригоде, гулятоньки тобе годе!
Ой гуляй же, гуляй же, як рыбонька в воде,
А як будешь за нелюбом, гулятоньки годе!
И я змук, и кунь змук, и кульбака змокла,
А стоячи девчинонько, пуля твого окна.
Девчино, серденько, а будь же ми рада,
Та пусть же ме кониченька до своего стада!
Ясеньку, серденько, на тебе ся гневам,
Я для твого кониченька стаеночки не мам [16, с. 325].

Переворот во взглядах произошёл тогда, когда большинство чемерис ушло в Турцию: в песнях, поговорках, связанных с этим периодом, чемерис – это налетчик, разбойник, грабитель, но даже тогда не тождественный с татарином.

В 1699 г. оккупация Подолья турками завершилась, восстановилась польская власть. В начале XVIII в. часть чемерис вернулась из турецких владений на прежние места проживания. Социальное положение чемерис при этом ухудшилось: у них не сохранилась воинская организация, но остались свободолюбивые традиции. После трёх разделов Польши в 1772, 1792 и 1795 гг. чемерисы стали российскими подданными, на них распространилось крепостное право. Началось активное взаимодействие черемис с украинцами. В 50–60-х гг. XIX в. потомки чемерис Бара развернули борьбу за возвращение привилегий, отмену барщины, проявляли пассивное сопротивление. К концу XIX в. чемерисы полностью ассимилировались с украинцами, с литовскими и добруджскими татарами. На

Украине следы чемерис остались в виде многочисленных топонимов и широко распространённой фамилии Чемерис [12, с. 103–104].

Не лёгкой, полной опасности оказалась судьба марийцев, очутившихся за тысячи километров от своей родины. Украинская поговорка хорошо выражает суть этого: «В чемериса, як і в нас, доля щербата» (У чемерис, как и у нас, судьба с изъяном) [12, с. 108].

Источники и литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранныя и изданныя археографическою комиссиею. СПб., 1853. Т. 5. 325 с.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1879. Т. 11. 820 стб.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1885. Т. 13. 768 стб.
4. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов, выс. учрежд. при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. К., 1890. Ч. 7. Т. 2. 859 с.
5. *Бахтин А.Г.* XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. 191 с.
6. *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. 660 с.
7. *Бахтин А.Г.* Чемерисы // Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 812.
8. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Население Юго-Западной России от половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.). К., 1891. 211 с.
9. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: МГУ, 1988. 430 с.
10. *Грушевский М.С.* Барское староство, исторические очерки (XV–XVIII вв.). К., 1894. 414 с.
11. *Гульдман В.К.* Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольский, 1901. 471 с.
12. *Дашкевич Я.Р.* Чемерисы в городах Украины XVI–XVIII вв. // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 100–111.
13. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. К., 1965. 828 с.
14. *Ильина Н.В.* «Барские чемерисы» (черемисы) в сёлах и местечках Барского старостваа в XVI–XVII вв. Йошкар-Ола, 2012. 24 с.
15. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. К., 1878. 469 с.
16. Народные песни Галицкой и Угорской Руси / сост. Я.Ф. Головацкий. М., 1878. Ч. 1. 388 с.

17. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. Софийские летописи. М., 2001. 446 с.

18. Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. 302 с.

19. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. 532 с.

20. Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Ч. 1. Русский Хронограф. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. 570 с.

21. Реестр всего войска запорожского после Зборовского договора с королём польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня и изданные по подлиннику О.М. Бодянским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1874. Кн. 2. С. 109–360.

22. *Рудницкий Ю.* Батько Бернард Претвич // Зеркало Недели № 33 (662) 8–14 сентября 2007. *URL:* //https://serg-slavorum.livejournal.com/1018734.html (дата обращения: 25.12.2019).

23. Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1892. Т. 35. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 1. 1487–1533 гг. 870 с.

24. *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. 248 с.

25. *Сепеев Г.А.* История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.

26. *Тихомиров М.Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI века // Московский край в его прошлом. М., 1979. С. 155–166.

27. Український степовий кордон в середині XVI століття (спогади барьского старости Бернарда Претвича). – Запоріжжя; Київ: РА «Тандем-У», 1997. 84 с.

28. *Черных С.Я.* Словарь марийских личных имён. Марий ен лӱм-влак мутер. Йошкар-Ола, 1995. 626 с.

A.G. Bakhtin

WAR IN THE DESTINY OF CHEMERIS

Abstract. The consequence of the Russian-Kazan wars was the eviction of a group of Mari (Cheremis) people from areas bordering the Kazan Khanate to the Lithuanian border. Desiring to preserve freedom, the Cheremis fled to the Grand Duchy of Lithuania, were accepted by the authorities and settled in Ukraine. There they received the name Chemeris from the locals. Based on available sources, the complex and contradictory fate of this part of the Mari is considered. Life on the southern

border (ukraine) did not become calm for them, they served the Polish-Lithuanian government and fought a lot, protecting their land and the local population from raids by tartars, Turks and Moldovans, participated in internal conflicts of the Commonwealth. The Chemeris stood apart for a long time, remaining a consolidated ethnic group in a foreign and non-confessional environment. Civil conflict in the Commonwealth in the middle of the XVII century. led to a split among the Cheris, complicated their life. They fought on the side of the Poles, Cossacks, Tatars, Turks, etc. They left for Turkish territories and returned to Podolia. A group of Volga Finns cut off from the bulk of the ethnic group was able to exist until the end of the 19th century until it was assimilated.

Keywords: cheremis, chemeris, deportation, Chemeris Bar, Bernard Pretvich, war, Tatar raids, uprisings.

УДК 94(470.3)

П.А. Головнин

ПОХОДЫ НОВГОРОДСКИХ УШКУЙНИКОВ НА ВОЛГУ И СЕВЕРНУЮ ДВИНУ

История, в том числе и древнейшая, – не давно прошедшее вчера, а важнейшее звено живой связи времен, тронь в одном месте, как отзовётся вся цепь.

А.С. Пушкин

Аннотация. С XIII по XIV век новгородские «лихие» люди–ушкуйники устаивали торговые, боевые походы на ладьях-ушкуях от Шпицбергена до низовьев Волги. Ушкуй представляет собой лодку обычно с одним парусом размерами 15–20 метров в длину, 2–3 метра в ширину водоизмещением до 5–6 тонн и с экипажем до 30 человек. В борьбе за Двинскую землю между Новгородом и Москвой активную роль сыграли новгородский боярин Никита Головня и ставленник Великого князя Василия Дмитриевича, новгородский расстрига Анфал, брат его Спиридон стал родоначальником дворянского рода Строгоновых, а Никита Головня – родоначальником дворянского рода Головниных, потомки которых оставили заметный след в истории России.

Ключевые слова: Новгород, Москва, ушкуй, поход, Волга, Никита Головня, Анфал, Двинская земля.

В конце I тысячелетия до н.э. в Южной Сибири находилось племенное объединение гуннов, из которого в первой половине I тысячелетия выделились тюрко-язычные народы и в VII–VIII веках монголо-язычные образования. Существовали значительные государственные объединения: Тюркский Каганат, Бохай и другие. В начале XIII века юг Сибири вошел в состав Монгольской феодальной Империи, в её западной части в начале XV века образовалось Сибирское ханство. Северная часть Западной Сибири была издавна известна новгородцам как «Югорская земля», куда отправлялись ушкуйники для пушного промысла, торга и сбора ясака.

В конце XIII века на Руси был создан новый тип корабля – ушкуй. Впервые об ушкуях упомянуто в хронике Эрика в эпизоде, относящемся к 1300 году, когда шведский флот под командованием маршала Кнутссона вошел в Неву и сжег несколько новгородских ушкуев. Последнее упоминание об ушкуях содержится в Псковской летописи 1473 года. Речные ушкуи представляли собой лодки вместимостью до 30 человек и грузоподъёмностью 5–6 тонн. Эти суда использовались в военных и торговых целях, в историю они вошли как военные корабли новгородской вольницы – ушкуйников. Первый их большой поход датируется 1320 годом во время войны Новгорода со шведами. Дружина Луки Варфоломеевича на морских ушкуях прошла Северной Двиной, вышла в Белое море, а затем в Северный Ледовитый океан и разорила область Финмаркен, располагавшуюся между южным берегом Варангер – Фьорда и город Тромсе. В 1315 году новгородский боярин и посадник Василий Своеземцев «купил» у местных князьков за 20 тысяч белок и 10 рублей территорию по реке Ваге с притоками, от погоста Вельска до Северной Двины. Он же завел на Ваге впервые хлебопашество и широко зазывал и селил на своих землях переселенцев из Новгорода. Его внук переселился из Новгорода на Вагу и построил для себя Пинежский городок над рекою Пинежкой. Здесь же, по реке Кулою и другим рекам, лежали обширные владения еще 12 новгородских бояр. Помимо новгородских бояр, летописи и документы с XIV века часто упоминают «двинских бояр». В 1398 году Новгородский по-

садник Юрий Дмитриевич вместе с посадником Федором Тимофеевичем организует поход на Двину против Великого князя Василия Дмитриевича. Союз Новгорода с Наримантом Гедиминовичем и его потомками впервые устанавливается в 1333 году. В конце 1332 года, после того как Новгород отказался платить Ивану Калите закамское серебро, Великий Князь свел из Новгорода своих наместников и находился в «размирьи» с Новгородом до 1334 года. В это время новгородцы принимают сына литовского князя Гедимина – Нариманта-Глеба, и дают ему Ладогу с Ореховым, Корельский городок и Корельскую землю, а также половину Копорья. Появление в Новгороде сына Нариманта Патракия в 1383 году снова совпадает с обострением новгородско-московских отношений. В 1385 году новгородцы отнимают суд у митрополита, в 1386 году ограбление новгородцами волжан вызывает поход против Новгорода князей Дмитрия Донского и Владимира Андреевича и контрибуцию в 8000 рублей, новгородским войском руководил Патракий Наримантович. В 1391 году решение Новгорода о митрополичьем суде вызывает приезд в Новгород митрополита Киприана и требование уничтожить грамоту 1385 года, в котором митрополиту было отказано. В 1393 году начинается война между Новгородом и Великим князем Василием Дмитриевичем, приведшая к победе Великого Князя и восстановлению митрополичьего суда. Однако в 1395 году, когда в Новгород снова приехал Киприан и «запроси суд», новгородцы суда ему не дали. В 1397 году начинается открытая война между Василием Дмитриевичем и Новгородом за Волок и Двину. К 1398 году относится Двинский поход посадников Тимофея Юрьевича и Юрия Дмитриевича, тогда же официальный разрыв с Москвой привел новгородцев к признанию суверенитета над Новгородом литовского князя Витовта» [1, л. 218–224].

В 1385 году было положено начало государственному объединению Литвы и Польши, по Кревской унии литовский великий князь Ягайло стал одновременно и польским королем. Новгородцы признавали верховную власть московского великого князя, но неоднократно приглашали в качестве служилых князей литовцев, давая им «в кормление» северные и западные территории Новгородской земли. Трижды, в 1399–1400, в 1412–1414 и в 1426–1428 годах Новгород и Литва находились в состоянии войны. В первых двух

случаях путем сложных дипломатических маневров новгородскому правительству удалось заключить мир «по старине», не доводя дело до военных действий. В третий раз, в 1428 году, войско Витовта совместно с отрядом союзника, тверского великого князя, вторглось в пределы Новгородской земли и осадило крепость Порхов. Новгородское посольство во главе с архиепископом Евфимием I заключило под Порховом мир, уплатив за него 10 тысяч рублей. На рубеже XIV–XV столетий Новгород конфликтовал с Москвой из-за одной из самых богатых новгородских волостей, Двинской земли, на которую претендовала Москва. В 1397 году жители Двинской земли подняли восстание против Новгорода, дав присягу на верность Великому Московскому Князю Василию Дмитриевичу. Новгородцы в ответ на это собрали большое ополчение и двинулись на Двину весной 1398 года. Сначала новгородцы пошли на Устюг, чтобы лишить двинян помощи с юга. Затем осадили главный укрепленный пункт Двинской земли – городок Орлец, около месяца продолжалась осада и Орлец пал. Руководители промосковского восстания были приведены в Новгород и там казнены. В 1401 и 1417 годах столкновения продолжались, но новгородцам удалось сохранить свои северные владения.

Первое появление ушкуйников в золотоордынских пределах относится к 1360 году, когда они взяли находившийся на левом берегу Камы город Джукетау (Жукотин). Второй поход состоялся в 1366 году, когда на 150 ушкуях новгородцы спустились по Волге до Нижнего Новгорода, а затем, ограбив его, ушли на Каму. В 1374 году 90 ушкуев, пройдя по Вятке в Каму и Волгу, приступили к городу Булгару, жители которого избавились от разорения выкупом. После этого 40 ушкуев вернулись на север, а 50 пошли «на низ к Сараю». В следующем году около 2 тысяч ушкуйников после ограбления Костромы и Нижнего спустились на Каму, затем вернулись на Волгу и продали пленных в Булгаре. Отсюда они двинулись к Сараю. Им удалось пройти всю территорию Золотой Орды с севера на юг до Хаджитархана, где местный князь с помощью хитрости перебил их. Последний поход ушкуйников относится к 1391 году, когда новгородцы с устюжанами спустились по Вятке в Каму, где взяли Джукетау, а затем, выйдя на Волгу, и Казань. С награбленным добром они благополучно «поидоша прочь от государства».

В конце XIV века происходит массовое переселение новгородцев в северную часть Арской (вотской) земли и построение здесь своих городков. В 1363 году ушкуйники с воеводами Александром Абакуновичем и Степаном Ляпой во главе вышли к реке Оби. Здесь рать разделилась: одна часть пошла воевать вниз по Оби до самого Ледовитого океана, а другая – гулять по верховьям Оби на стыке границ Золотой Орды, Чагатайского Улуса и Китая. К 1372–1392 годам Новгород достигал размеров 260 га, и на 1465 год количество жителей его было до 20 тысяч [2, с. 365]. В 1375 году на 70 ушкуях под началом воевод Прокопа и Смолянина новгородцы числом 1500 человек явились под Костромой, разбили войско в 5000 человек московского воеводы Плещеева, ханская столица Сарай-Берке была взята штурмом и разграблена, правители булгара откупились большой данью, но в устье Волги были перерезаны ночью воинами хана Салчея, внука ордынского хана Джаннибека, там погибли Прокоп и Смолянин. В 1398 году новгородцы с тремя воеводами отправились за Волок, на Двину, к городку Орлецу, захватили Кубенские волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюг. С Устюга Двиною пошли новгородцы к городку Орлецу, взяли и его и схватили воевод заволоцких. «Пленный воевода заволоцкий Иван Никитин как главный переветник скинут был с моста; братья его Герасим и Родион выпросили себе у Великого Новгорода жизнь с условием постричься в монахи; четвертый, Анфал (+1418) [3, с. 10], убежал с дороги; за ним погнался Яков Прокофьев с 700 человек и пригнал к Устюгу, где в то время был ростовский архиепископ Григорий и князь Юрий Андреевич. Яков пошел дальше за Анфалом и настиг его за Медвежьею горою, где беглец с товарищами своими устроил себе острог и бился из-за него с новгородцами; устюжане обманули Якова и в числе 2000 человек пришли на помощь к Анфалу и бились с новгородцами крепко на реке Сухоне, у порога Стрельного: Яков победил, убил 400 человек устюжан и дружины Анфаловой, перетопил других в Сухоне, но сам Анфал убежал в Устюг. Это было уже в 1399 году; но еще в предыдущем 1398 новгородцы, несмотря на свои успехи, отправили к великому князю архимандрита, посадника, тысяцкого и двоих житых людей с вторичною просьбою о мире и получили его на старинных условиях. Но в Москве не могли забыть неудачи относительно Заволоцкого края, не могли забыть и того, что

владыка Иоанн благословил новгородцев на войну с великим князем. «В 1401 году владыка был позван к митрополиту Киприану в Москву для святительских дел, но был задержан там и пробыл в наказании и смирении с лишком три года. В то же время на Двине возобновлена была прежняя попытка: Анфал Никитин с братом Герасимом, которому удалось выбежать из новгородского монастыря, с полками великокняжескими явились нежданно в Двинской земле и взяли ее всю на щит, жителей посекли и повешали, имение их забрали, захватили и посадников двинских; но трое из них, собравши вожан, нагнали Анфала и Герасима, бились с ними на Холмогорах и отняли у них бояр новгородских. В то же время великий князь послал двоих бояр своих с 300 человек в Торжок, где они захватили двоих бояр новгородских и взяли имение их, хранившееся в церкви» [4, с. 46–54]. «Российская родословная книга», изданная в 1857 году князем П. В. Долгоруковым [5, с. 364–369], дополняет роспись рода Головниных, изданную в 1854 году А.В. Головниным (1821–1886), и показывает, что дворяне Головнины происходят от Новгородского боярина Никиты Ивановича «Головни» (1370?–1419?), который, «предводительствуя новгородским войском, разбил в 1401 году под Холмогорами войско Московского Великого Князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, под командою Анфала Никитина в борьбе за Двинскую Землю». Н.М. Карамзин в «Истории Государства Российского», ссылаясь на «Новгородскую летопись попа Иоанна» отмечает: «рать московская без объявления войны вступила в Двинскую землю, будучи предводимая новгородскими изменниками Айфалом и братом его Герасимом, расстригою. Они пленили двинского посадника, многих бояр и везде грабили без милосердия, но разбитые под Холмогорами, оставили пленников и бежали в самый Петров день. Степан Иванович, брате его Михайло и Микита Головня, скопив около себя важан и сугнав Айфала и Герасима на Колмогорах, освободили новгородскую землю». О реальной деятельности Никиты «Головни», упоминает и академик В.Л. Янин в своей монографии [6, с. 51]: «В 1401 году, «на миру, на крестьном целовании, князя великого Василья повелением Анфал Микитин да Герасим Рострига с князя великого ратью наихав воиною за Волок на Двину и взял всю Двиньскую землю на щит без вести, в самый Петров день, крестиан повешал, а иных посе-

кле, а животы их и товар поимале, а Ондрея Ивановича и посадников двиньских Есифа Филипповича и Наума Ивановича изимаша. И Степан Иванович, брат его Михайла и Микита Головня, скопив около себя важан и сугнав Аньфала и Герасима, и бишася с ними на Колмогорах, и отняша у них бояр новгородских Андрея, Есифа, Наума»[7, с. 201–202; с. 305].

В 1402 году великий князь отпустил бояр новгородских, захваченных в Торжке, а в 1404 году отпущен был и владыка Новгородский Иоанн. Анфал Никитич не беспокоил более владений новгородских: «в 1409 году он пошел с вятчанами Камою и Волгою на город Болгары, но был разбит татарами и отведен в Орду; избавившись от плена, он явился опять в Вятку, но был здесь убит другим новгородским беглецом, Разсохиным, в 1418 году. Этот Разсохин шел по следам Анфала относительно Новгорода; в 1417 году из Вятки». В 1409 году воевода Анфал повел 250 ушкуев на Волгу и Каму. Ещё в 1397 году новгородский авантюрист Анфал Никитин с братьями перешел на сторону Москвы и помог ей захватить Торжок и новгородские земли на Двине. В ответ новгородцы пришли на ладьях с пороками, взяли Белоозеро, а затем Великий Устюг, куда бежали изменники. Через некоторое время Анфалу удалось бежать из новгородского плена на Вятку, откуда он в 1401 году с московскими полками и устюжанами вновь напал на Двинские земли. Одновременно Москва захватила Торжок. Анфал Никитин («Анбал» или «Айфал») происходил из знатного рода, его отец Никита был посадником в Пскове во времена правления Дмитрия Донского. Кроме Анфала у Никиты было ещё два сына Герасим и Спиридон. От внука Спиридона – Луки Козмича Спиридонова – ведет свой род Строгановы. С именем Анфала связывают появление где-то на Каме первого русского городка. В Вятском «Временнике» сказано: «В лето 1421 Михайло Росохин убил на Вятке ратию Анфала и сына его Нестора с дружиною их». В Новгородской летописи это событие отнесено к 1418 году: «6926. Того же лета убьен на Вятке Анфал и сын его Нестер от Михаила Россохина». В 1409 году пошли новгородцы из Заволочья по Двине, затем по Сухоне и вышли по Костроме на Волгу; взяв в Костроме подать, пошли, воюя, по Волге к Новгороду и взяли Новгород Нижний; потом же пошли к устью Камы, на совет с Анфалом, и не спешили. Анфал же пошел верх по Каме; кня-

зья болгарские и жукотинские послали к Анфалу и заключили мир, и дали ему откуп; Анфал же после этого сплоховал, они же взяли его хитростью в Каме, дружину его иссекли, а некоторые разбежались». В Типографской летописи: «В лето 6917 ходи Анфал на Болгары Камою 100 насадов, а Волгою 100 и восмь насадов. И избиша их в Каме, и Татарове Анфала яша и веде его в Орду, а Волжьскые насады не поспели». Булгарская летопись отмечает: «В 1409 году Анбал с 8 тысячами ушкуйников вплыл в Агидель с востока, а сговорившиеся с ним 5 тысяч галиджийцев – со стороны Джун-Калы. Когда Анбал завидел 80 кораблей сына Кудаша Субаша, то велел своим выйти на берег у Яр Чалов (Набережные Челны), а затем, под видом вылазки, выбрался из разбойничьего лагеря и сдался внуку Алая, сыну Гали-Джуры Еникею и Субашу. Ушкуйники пришли в сильнейшее замешательство; а когда Субаш вытащил из кораблей пушки и сделал по разбойничьему стану несколько залпов, – в ужасе сдались». Анбал принял ислам и поступил на службу Державе. Боярин князя Юрия Дмитриевича, Глеб Семенович, с новгородскими беглецами – Жадовским и Разсохиным, с устюжанами и вятчанами «наехали в насадах без вести на Заволоцкую землю и повоевали волости Борок, Емцу и Холмогоры, захватили и двоих бояр новгородских. Но четверо других бояр новгородских нагнали Глеба Семеновича и отбили свою братью со всеми другими пленниками и добычею, после чего четверо воевод новгородских пошли с заволочанами в погоню за разбойниками и пограбили Устюг». Это было последнее враждебное столкновение Москвы с Новгородом в княжение Василия Дмитриевича, который первый ясно показал намерение примыслить к Москве Заволоцкие владения [8, с. 23–24].

В 1514 году пленные узники Иван Пронский, Дмитрий Булгаков, Иван Челядин, взятые в полон под Оршей, поведали польскому историку и астрологу Матвею Меховскому (1457–1523) о Кореле, Югре и Перми, покоренных великим князем Московским. Воеводами в походе на Югру в 1499 году были князь Семен Курбский, Петр Ушатый и Василий Заболоцкий-Бражник [9], они составили «Указатель похода в Печору, Югру и к реке Оби» [10, с. 98–104].

Новгородский боярин Никита «Головня» (1370?–1419?), от которого и идёт дворянский род Головниных, жил в Новгороде во время княжения Московского князя Василия Дмитриевича (1389–1425)

и участвовал во всех новгородских событиях и походах. Историк С.М. Соловьев так описывал это княжение: молодой сын Донского, после двух лет проживания у Тохтамыша в плену, в самом начале княжения своего показал, что останется верен преданию отцовскому и дедовскому. Через год после того, как посол ханский посадил его на великокняжеский стол во Владимире, Василий отправился в Орду и купил там ярлык на княжество Нижегородское, которое незадолго перед тем выпросил себе в Орде же Борис Константинович. Борис был схвачен. По тому же ярлыку кроме Нижнего Новгорода, Василий приобретал Городец, Муром, Мещеру, Тарусу.

Самыми знаменитыми в дворянском роде Головниных являются потомки Никиты Головни: вице-адмирал В.М. Головнин (1776–1831), его сын Министр Народного Просвещения в 1861–1866 годах А.В. Головнин (1821–1886), контр-адмирал Н.В. Головнин (1801–1850). В Российском ВМФ к числу легендарных кораблей относится шлюп «Диана», совершивший кругосветное плавание под командованием лейтенанта В.М. Головнина в 1807–1814 годах. В мире нет такого военного моряка, как вице-адмирал В.М. Головнин, которому за его мужество, решительность, смелость, верность долгу, Царю и Отечеству поставили памятники и памятные знаки в поселке Асташово Рязанской области (1976), г. Южно-Сахалинске (1982),

В.М. Головнин

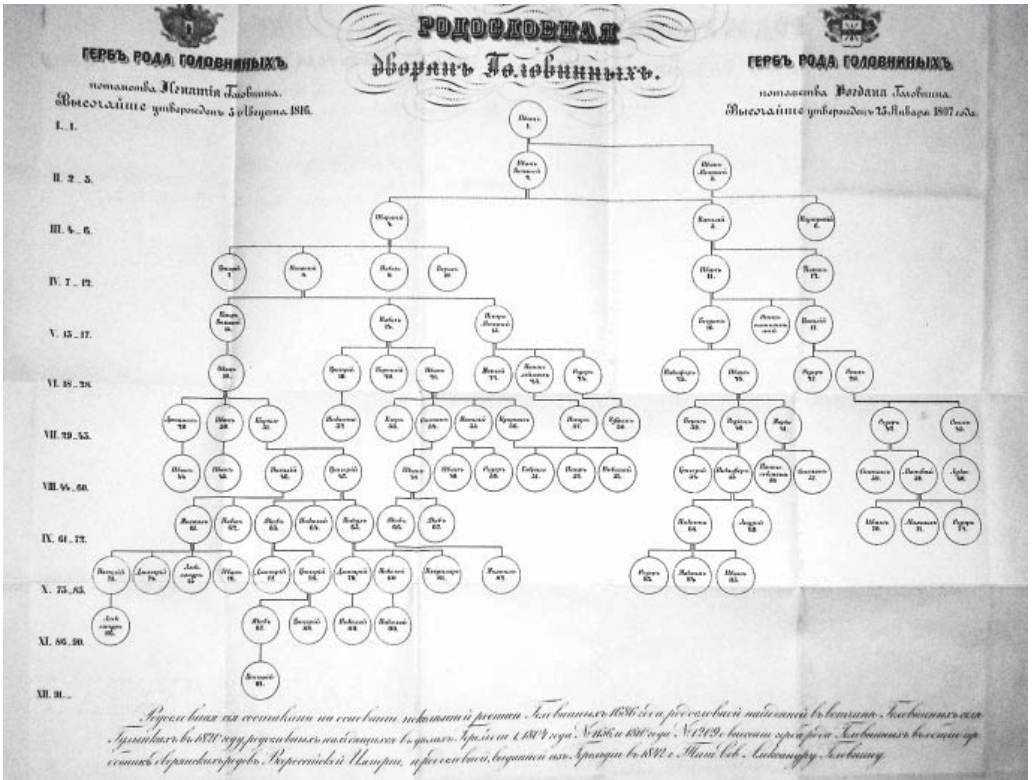
А.В. Головнин

в г. Сумото-сити (Госики-чо (Япония) (1996), р/ц. Старожилово Рязанской области (2006), г. Порт-Вила (Вануату) (2009), г. Саймонстаун (ЮАР) (2009), г. Рязани (2016), селе Троицы Рязанской области (2016), школа № 19 в Рязани носит имя В.М. Головнина, его именем назван город на Аляске, залив и губа (США), поселок и вулкан на о. Кунашир, гора на о. Новая Земля, подводная гора в Тихом океане, гора в парке «Налычево» на Камчатке, его имя носит транспорт ледокольного типа «Василий Головнин» и самолет.

В генеалогических трудах [11] представлены родословным росписи дворянского рода Головниных до конца XIX века, и насчитывают XII поколений. По архивным документам из РГИА, ЦГА СПб, РГА ВМФ, РГАДА, РГБ, РНБ, ГАРО, ГАТО П.А. Головнин подготовил труд «Дворянский род Головниных в истории России. 1370–2020», в котором уже XIX поколений от новгородского боярина Никиты.

Петр III подписал указ от 18 февраля 1762 года: «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству». Основные положения указа Петра III были подтверждены законодательным актом Екатерины II от 21 апреля 1785 года в «Жалованной грамоте дворянству 1785 года». Был организован Департамент Герольдии Правительствующего Сената, в каждой губернии были созданы Дворянские Родословные Книги, куда записывались дворяне определенной губернии. По 82 статье Грамоты в «шестую часть Родословной Книги вносились Благородные Дворянские Роды по алфавиту» с толкованием: «древние благородные не иные суть, как те роды коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят, благородное же их начало покрыто неизвестностью».

Первым из рода Головниных, доказавший, согласно новому Указу, древность своего происхождения, был подполковник Григорий Кириллович Головнин (1722–1798): «в 1793 году он просил Рязанское Дворянское Депутатское Собрание внести его с детьми в Шестую часть Дворянской Родословной Книги Рязанской Губернии, в число древнего дворянства, на что и последовало определение Герольдии от 20 июня 1794 года» [1, с. 8]. Титулярный советник Федор Никитич Головнин в 1804 году «просил Герольдию составить герб рода Головниных потомства Богдана Головнина. Вследствие сего герб был составлен и 25 января удостоен Высочайшего утвержде-

Родословная рода Головниных (1854)

ния», а мичман Дмитрий Яковлевич Головнин в 1810 году «просил Герольдию составить роду Головниных потомства Игнатия герб. В следствии этой просьбы герб был составлен, и 5 августа 1816 года Высочайше утвержден» [12, с. 10].

Герб рода Головниных

Описание герба (от Тараса): «Щит разделен горизонтально на две половины. В нижней половине на зеленом поле три золотые львиные маски, две сверху и одна внизу. Верхняя половина разделена двумя перпендикулярными линиями на три поля: боковые поля красные и в каждом из них серебряная пика острием вверх, среднее поле серебряное и в нем черная крепость. На гербе дворянские – шлем и корона с тремя страусовыми перьями, намет зеленый, подложенный золотом».

В 2005 году СПб художник Александр Шабров подготовил цветную копию герба рода Головниных по данным описания герба из Общего Гербовника. При составлении Герба рода Головниных специалисты-генеалоги в Департаменте Герольдии Правительствующего Сената учитывали древность рода и боевые заслуги представителей рода Головниных. Наиболее отличившимися в начале XVII века из рода Головниных оказались Игнатий и Павел Тарасовы дети Головнины, которые оказали мужество, храбрость и ревность в период Московского осадного сидения в 1618 году при отражении нападения Польского королевича Владислава IV и запорожского кошевого гетмана Петра Сагайдачного на Русь, за что и получили в 1626 году многочисленные вотчины от Царя Михаила Федоровича в Рязанском уезде. Все это и отражается в описании Герба рода Головниных: изображение крепостной башни, три львиные маски и стрелы. Сенатор, Гофмейстер Высочайшего Двора, хранитель архива князя Куракина, историк и генеалог в 1901 году В.Н. Смольянинов

второй (1861–1942) подарил в библиотеку Департамента Герольдии свою рукопись «Родословная дворян Смольяниновых», происходящих от Рюрика.

Прадед автора – статский советник, помещик Сергей Дмитриевич Головнин (1847–1921) родился в имении своего отца Дмитрия Вуколовича Головнина (1807–1876) селе Красильники Рязанской губернии, при крещении его восприемниками были: помещик соседнего села Половское, гвардии ротмистр князь Иван Алексеевич Кропоткин и дочь подпоручика Анна Дмитриевна Головнина. 16 декабря 1854 года он причислен к роду отца с внесением в 6 часть Дворянской Родословной Книги Рязанской губернии. После обучения в Морском Кадетском Корпусе, определен в канцелярию Спасского уездного Предводителя дворянства Рязанской губернии канцеляристом 7 декабря 1867 года. Проходя чинами, он был утвержден Земским начальником 5-го участка Спасского уезда 20 января 1890 года; получил серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III 26 февраля 1896 года; награжден медалью за проведение 1-й Всероссийской переписи населения 30 января 1897 года. За свою усердную службу награжден орденами Св. Анны 3 ст. 3 февраля 1903 года, Св. Станислава 2 ст. 1 декабря 1907 года. Пожалован в статские советники 1 декабря 1908 года. Сергей Дмитриевич Головнин 10 ноября 1872 года венчался с Еленой Константиновной Смольяниновой (1856–1911), дочерью надворного советника К.Н. Смольянинова, владельца Кирицкой зеркальной фабрики и владелец имений Никольское, Никитино, Кирицы в Рязанской губернии. Елена Константиновна в своем «Дневнике» оставила перечень рождения 17 детей в хронологическом порядке.

Укороченная родословная дворянского рода Головниных
Никита «Головня» (XIV в.)
? ?
Иван Головнин (XV в.)
Иван большой
Тарасий (+до 1594 г.)
Игнатий (+1652 г.)
Петр большой, ж – Елена Петровна Головнина
Иван

Кирилл (1676–1739), ж – Ксения Ивановна Пущина		
I----------I		
Григорий (1719–1798) ж – Ирина Евграфовна Кутузова I		Василий (1708?–1788) 1 ж – Пелагея Петровна Чеботаева 2 ж – Екатерина Михайловна Бурцова I
I----------I		I(1)
Викул (1771–1846) ж – Екатерина Васильевна Вердеревская	Яков (1757–) I	Михаил (1742–1785) ж – А.И. Вердеревская (+1785)
Дмитрий (1807–1876) ж – кн. С.П. Мещерская (+1853)	Дмитрий (1791–) ж – Анастасия Васильевна	**Василий** (1776–1831) ж – Е.С. Лутковская (1795–1880)
Сергей (1848–1921) ж – Елена Константиновна Смольянинова (1855–1911)		**Александр** (1821–1886) МНП (1861–1866)
I----------I		
Петр (1880–1918) ж – Любовь Платоновна Некрасова (1882–1954)		Борис (1878–1920) ж – Клавдия Геннадиевна Карпова (1882–1976)
Андрей (1909–1980) ж – Зоя Николаевна Преображенская (1914–2012)		Дмитрий (1906–1942) ж – Ванда Карловна Тальберг (1916–2002)
Петр (1950		**Олег** (1941 ж – Светлана Ильинична Мошкова (1941
		Дмитрий (1970 ж – Александра Александровна Байкалова (1970
		Максим Головнин (2008

Вот такими бравыми, боевыми были представители рода Головниных, ведущие свое начало от новгородского боярина Никиты, ибо девиз дворянского рода Головниных «За Правых – Провиденье».

Источники и литература

1. Новгородские посадники / В.Л. Янин. М., 1962.

2. От росов до России. История Восточной Европы 730–1868 / Пьер Гонно, Александр Лавров. СПб., 2017.

3. РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 850 // список именитых новгородцев с XIV

до конца XV века, составленный Г.А. Немировым, Анфал Никитич, убит 1418 г.

4. *Широкорад А.* Русские пираты. М., 2007.

5. *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, изд. кн. П.В. Долгоруков, 1857. СПб., Головнины.

6. *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина». М., 1981.

7. ПСРЛ. Т. 6. Т. 25.

8. *Феденёв А.А., Белавин А.М.* Реконструкция биографии Анфала Никитина (на основе летописных сообщений) // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 1.

9. Василий Заболоцкий-Бражник – представитель дворянского рода Заболоцких, потомков князей Смоленских и Рюрика. К этому роду принадлежит и автор этой статьи, как 35-поколение от Рюрика.

10. *Леонтьев А.И., Леонтьева М.В.* Неведомые земли и народы Севера. М., 2009.

11. *Головнин А.В.* Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1854; Материалы и исследования по Рязанскому краеведению», Т. 10; Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1. Рязань, 2006. Л. 344–353. Вып. 2. Т. 10. Рязань, 2007, Головнины; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга, изд. кн. П.В. Долгоруков, 1857. СПб., Л. 364–369. Головнины.

12. *Головнин А.В.* Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1854.

P.A. Golovnin

THE TRAVEL OF NOVGOROD'S USHKUINIKY'S TO THE VOLGA AND NORTH DVINA

Abstract. In XIII–XIV a Novgorod's sea robber's – ushkuiniky's made a trade and military travels on a big territory from Shpicbergen to Volga-river. Uskui is a boat 15–20 m in length, 2–3 m in width, tonnage 5–6 and naval depot 20–30. In the war from Moscow and Novgorod for the Dvinskay region took participate a noble man Nikita Golovny and Anfal – commander of Moscow's troop and their descendants reserved a main role in the history of Russia.

Keywords: Novgorod, Moscow, Uskui, travel, Nikita Golovny, Anfal, Dvinskay region

УДК 94(47).041

С.К. Свечников

МАРИЙЦЫ В РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙНАХ 1460-х ГОДОВ

Аннотация. Статья посвящена участию марийцев в русско-казанских войнах 1461–1462 и 1467–1469 гг. Проанализированы причины, характер, ход и результаты войн, приведших к установлению даннической зависимости Казанского ханства от Московской Руси в 1469 г.

Ключевые слова: марийцы, черемисы, восточные марийцы, казанские татары, Казанское ханство, Московское великое княжество, восточные окраины, Иван III, Ибрагим.

В 1440–1450-х гг. великому князю московскому Василию II Васильевичу Темному (1425–1462) удалось одержать победу над галичскими удельными князьями, а также подчинить Новгородскую республику, Можайское и Нижегородско-Суздальское княжества, Вятскую землю, часть Поветлужья [5, с. 176–178; 7, с. 160–187]. В то же время внутренне укреплялось и Казанское ханство, образовавшееся в 1430–1440-х гг. в северо-западной части Золотой Орды. Казань стала центром притяжения не только народов Среднего Поволжья («начя збиратися в Казань срачини и черемиса, развие по улусам казанским»), но и других частей распадавшейся Золотой Орды («начаша збиратися ко царю мнози варвары от различных стран: от Златыя Орды, от Асторохани, и от Азова и от Крыма») [8, с. 53]. После военных действий 1437–1447 гг., в ходе которых великий князь Василий II в 1445 г. попал в плен к хану Улуг-Мухаммеду и был отпущен на свободу после выплаты огромного выкупа, между Казанью и Москвой поддерживались мирные взаимоотношения, не прерывавшиеся почти 15 лет.

В 1461 г. великий князь Василий II возглавил поход на Казань, однако тогда война не началась, так как во Владимир «придоша послы ис Казани, и взяша мир» [13,с. 114; 18, с. 277; 21, с. 116]. Вступивший на престол 17 марта 1462 г. Иван III в первые же дни своего правления отправил своих воевод Бориса Кожанова и Бори-

са Слепогона на черемисские земли. К великокняжескому войску присоединились вологжане, галичане и устюжане. Русская судовая рать совершила поход «мимо Устюга к Вятке, а по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь» [22, с. 46, 90]. Марийцы вместе с татарами совершили ответное нападение: «Рать черемисская с тотары казаньскими приходили на Устюжъскии уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели многоруских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь» [22, с. 90]. В результате войны 1461–1462 гг. Москва добилась небольшого перевеса в противостоянии с Казанью и, в принципе, уже была способна приступить к решению задачи покорения Казанского ханства. Для этого требовалось ослабить главных союзников казанского хана – марийцев, к чему, собственно, и приступил Иван III в самом начале своего правления.

Поводом для нового русско-казанского конфликта послужил вопрос о престолонаследии. В середине 60-х гг. XV в. казанским ханом стал Ибрагим, сын Махмуда. Часть казанской знати, возглавляемая князем Абдулой-Мумином, пригласила к себе другого претендента – царевича Касыма (брата Махмуда), вассала великого князя московского. Иван III решил использовать этот династический спор для подчинения Казани [3, с. 32–33; 5, с. 180; 6, с. 13–14; 23, с. 106–109].

Осенью 1467 г. конное войско во главе с царевичем Касимом и воеводой Иваном Васильевичем Стригой-Оболенским, пройдя по правому берегу Волги, попыталось в районе устья Свияги переправиться на противоположную сторону реки. Здесь располагалась небольшая флотилия казанских татар. Русские попытались захватить суда, чтобы переправиться на левый берег, но татары, услышав громкий боевой клич великокняжеского постельничего Айдара Карпова, поспешно уплыли. Русским пришлось повернуть назад, так как судовая рать сильно отстала от конницы, а съестные припасы закончились. К тому же на левом берегу Волги их поджидало большое войско, собранное ханом Ибрагимом. В ходе своего отступления русские войска столкнулись с враждебными действиями со стороны населения Горной стороны Казанского ханства, прятавшего свои припасы от неприятеля. Воинам приходилось страдать от голода и холода, многие даже побросали по пути свои доспехи.

Казанцы ответили нападением на Галичское Заволжье, не добившись, правда, особых успехов: «И татари казанстии по отходе их, часа того поидоша изгоном к Галичю и мало нечто полону взяша, а градом и весем ничтоже успеша; все бо бяше в осаде во граде». Иван III предусмотрел такой ход событий: он заблаговременно перед походом Касима укрепил оборонительные рубежи − «разослал по градом заставы, в Муром и в Новъгород Нижней, на Кострому и в Галичь» [10, с. 137–141; 11, с. 187; 12, с. 152; 13, с. 118; 15, с. 217; 17, с. 186–187; 18, с. 279; 19, с. 222–223].

Зимой 1467/68 гг. была предпринята попытка разгрома основных союзников Казани – марийцев. С этой целью было осуществлено два похода «на черемису». Крупный отряд, который состоял из отборных войск («двора князя великого полки»), обрушился на левобережных марийцев. 6 января 1468 г. «рать великого князя прииде в землю Черемисскую, и многа зла учиниша земли той: люди изсекоша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша; а кони их и всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все изсекоша; а что было живота их, то все взяша, и повоевавше всю землю ту досталь пожгоша». Русские войска проникли довольно глубоко в марийские земли, не дойдя до Казани на расстояние лишь в один день пути. Вторая группа, куда входили воины, набранные в муромской и нижегородской землях, в это же время «повоеваша горы и бараты» правобережья и прилегающей части левобережья Волги. Казанцы в ответ на это совершили нападения на окраинные русские земли. Ранней весной 1468 г. марийско-татарские войска разорили Устюжский уезд, сожгли городок Кичменгу «с людми». Второй отряд напал на две костромские волости в бассейне Унжи, «множество полону взяша, а иных изсекоша». Третья крупная группировка войск в апреле 1468 г. совершила набег на окрестности Мурома. Летом 1468 г. было совершено повторное нападение на муромские места, однако находившийся в Муроме князь Данило Дмитриевич Холмский нанес казанцам поражение и освободил пленных. Татары, пустившиеся в бегство, спешились со своих коней и скрылись в густом лесу [11, с. 187–188; 12, с. 153; 13. с. 118–119; 15, с. 218; 17,с. 187; 18, с. 279–280; 21, с. 118, 286; 22, с. 91, 114]. Рассматриваемые военные действия обеими сторонами производились прежде всего с целью устрашения противника, они в основном свелись к грабежам,

массовому истреблению, уводу в плен мирного населения. И все же первоочередная задача Ивана III – обескровливание и ослабление марийцев как главных союзников Казани – в основном была достигнута.

Летом 1468 г. русские войска возобновили нападения, переместив на этот раз свои действия в центральные и восточные районы Казанского ханства. На Каму было направлено войско во главе с воеводой Иваном Дмитриевичем Руно, к великокняжескому отряду по пути присоединились вологжане, галичане, устюжане и вятчане. Однако ратники из Вятки, узнав, что казанские войска двинулись на оставшийся без прикрытия Хлынов, вернулись для защиты своего города. С Иваном Руном отправились в поход 300 вятчан. Казанцы, осадившие Хлынов, вынудили Вятскую землю признать свою данническую зависимость от хана и объявить нейтралитет в русско-казанской войне: «Не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя». Между тем судовая рать Ивана Руно, «повоеваша черемису на Вятке реце», разграбила селения и торговые суда на Нижней Каме, затем поднялась вверх до реки Белой («Белая Воложка»), где русские «черемису повоевали, а люди изсекоша и кони и всякую животину». Узнав о том, что вверх по Каме движется на взятых у марийцев судах отряд татарских воинов в 200 человек во главе с Тулазием, русские на семи насадах (плоскодонных, беспалубных парусно-гребных суднах с высокими набитыми бортами) устремились за ними в погоню, догнали и разгромили их, потеряв при этом только 2 убитых и 60 раненых. Затем Иван Руно повел свою рать «на Великую Пермь да к Устюгу» и далее в Москву [11, с. 188; 12, с. 153–154; 13, с. 119–120; 15, с. 218–219; 16, с. 279, 18, с. 280–281; 17, с. 187; 19, с. 224; 21, с. 118, 287; 22, с. 91].

Следует обратить внимание, что здесь мы имеем дело с первым письменным упоминанием о восточных марийцах. Марийское населения на реке Белой могло появиться еще в конце XIV в. Переселение марийцев в этом направлении было обусловлено целым рядом событий и процессов, произошедших в Среднем Поволжье во второй половине XIV в. и получивших свое дальнейшее развитие в первой половине XV в.: 1) опустошительные набеги ушкуйников (новгородских и вятских речных пиратов), 2) походы русских князей на Булгарию (они стали регулярными с 1370-х гг.), 3) нападения

золотоордынских феодалов на Булгарию в период междоусобных войн 1359–1380 гг. («Великой замятни»), нашествие Тимура (Тамерлана) в 1390-е гг., 4) как следствие, массовое переселение булгар из Нижнего Прикамья на север и запад − в земли, в основном населенные марийцами, 5) крупномасштабные стихийные бедствия в конце XIV – начале XV в. (эпидемия чумы, голод, засуха и т.д.). Основная масса марийских переселенцев устремилась в глухие лесные районы Ветлужско-Вятского междуречья [24, с. 44–47]; вверх по Каме и по Белой, скорее всего, поднимались лишь отдельные небольшие группы марийцев, преимущественно с низовьев Вятки и Камы.

Одновременно с отрядом Ивана Руна еще одно русское войско («застава великого князя»), возглавляемое князем Федором Семеновичем Хрипуном-Ряполовским, действовало на Волге. 4 июня 1468 г. около устья Свиягина Звенич Бору оно «побиша татар казаньских, двор царев, многых добрых», при этом убив татарского богатыря Колупая и захватив в плен князя Хозюм-Бердея [12, с. 154; 13, с. 120; 15, с. 219; 18, с. 281; 19, с. 225; 21, с. 287].

Решив, что настало время для генерального наступления на Казань, Иван III весной 1469 г. отправил значительные силы по Волге, Вятке и Каме. При этом возлагались большие надежды на фактор внезапности. Однако вятчане отказались участвовать в этом походе, обосновав свой отказ договором с казанским ханом. Затянувшиеся переговоры между московскими воеводами и вятчанами позволили казанскому послу в Хлынове предупредить хана Ибрагима о начавшемся вторжении русских войск. Иван III, полагая, что время уже проиграно и что без вятчан не удастся захватить Казань, дал приказ главному воеводе Константину Александровичу Беззубцеву, находившемуся в Нижнем Новгороде, отменить поход и отправить лишь небольшую группу добровольцев «воевати казанские места по обе стороны Волги», но при этом не приближаться к самой Казани. Добровольцы выбрали своим руководителем опытного Ивана Руна. Стремительный бросок (за трое суток) русских войск из Нижнего Новгорода до окрестностей Казани был для того времени беспримерным. Неожиданное появление русских ранним утром 21 мая застало врасплох жителей казанского посада. Началось истребление практически безоружного населения, пытавшиеся укрыться в своих домах погибли в пожаре, при этом было освобождено множество

полоняников. Штурмовать казанскую крепость небольшой русский отряд вполне оправданно не рискнул. Отряд Ивана Руно укрепился на острове Коровнич около Казани. Вскоре русские узнали, что хан Ибрагим собрал в Казани со всех концов страны огромное войско: «…до полна собрался на них царь казанской Обреим со всею землею своею, с Камскою и с Сыплинскою и с Костяцьскою и з Беловолжскою и Вотятъцкою и з Башкирьскою…». Очевидно, в этом войске были и марийцы, в том числе беловолжские (восточные). После семинедельного противостояния русские отступили, отбиваясь от атак казанской судовой рати и конницы. Через некоторое время – со значительным опозданием – близ Казани появилась северная русская судовая рать, которая спустилась вниз по Вятке и Каме и вышла на Волгу. Понеся значительные потери, ей удалось пробиться через мощный заслон, устроенный казанцами, и прибыть на соединение с остальными войсками в Нижний Новгород.

1 сентября 1469 г. объединенные силы русских во главе с братьями Ивана III Юрием и Андреем снова появились под стенами Казани. Присутствие в московском войске «царевича Касымова сына» Данияра, по всей видмости, означало, что в случае успеха русские рассчитывали посадить на ханский престол вассала Ивана III. Передовой русский отряд атаковал и сжег казанский посад, но был отброшен в результате вылазки защитников города. После того как осаждающие русские войска возвели острог и обезводили Казань, хан Ибрагим согласился заключить мир «на всей воли великого князя и на воевоцкой», выдал весь русский полон, приобретенный за истекшие 40 лет, и выплатил дань, но при этом сохранил свою власть [11, с. 189–190; 12, с. 155–158; 13, с. 120–123; 14, стб. 497; 15, с. 220–222; 16, с. 279–281; 17, с. 188; 18, с. 281–283; 19, с. 225–228; 20, с. 126–128; 21, с. 119–120, 142, 288–289; 22, с. 91–92, 114]. На этом крупномасштабные военные действия между Москвой и Казанью прекратились. Они возобновились лишь 9 лет спустя в 1478 г.

Трудно согласиться с мнением Ю.Г. Алексеева, К.В. Базилевича, А.Г. Бахтина, В.А. Волкова, Д.А. Котлярова, что проявившееся уже в 1467–1469 гг. стремление Московского великого княжества установить протекторат над Казанью было продиктовано исключительно задачами обеспечения безопасности восточных рубежей страны, «укрепления восточного стратегического направления» [2, с. 93–95;

4, с. 57; 5, с. 194–196; 6, с. 9–11; 9, с. 112]. Серьезно усомниться в этом позволяют следующие обстоятельства:

1) накануне войны 1467−1469 гг., судя по имеющимся сведениям, не было ни одного вторжения казанских вооруженных отрядов в пределы Московской Руси; поводом для вторжения русских войск в 1467 г. и начала русско-казанской войны явилась попытка возведения на ханский престол московского ставленника, а отнюдь не какой-нибудь татаро-марийский набег; необходимо отметить, что война 1461–1462 гг. тоже была начата Иваном III в условиях стабильно мирных и добрососедских отношений с Казанью;

2) с самого начала и до конца вооруженного конфликта 1467–1469 гг. стратегическая инициатива принадлежала московским войскам, Казань, в свою очередь, оборонялась всеми доступными способами (включая ответные нападения на русские земли);

3) война охватила практически всю территорию Казанского ханства, в том числе и саму Казань, в то время как менее значительные по своим масштабам казанские набеги задели лишь восточные окраины Московского великого княжества; это было обусловлено тем, что Казанское ханство в военно-политическом отношении было слабее Московского государства.

Война с Казанью в качестве оборонительной могла рассматриваться вятчанами, галичанами, нижегородцами, устюжанами, то есть русским населением тех земель, которые примыкали к границам Казанского ханства и иногда подвергались татаро-марийским набегам. Но надо при этом учитывать, что все эти набеги были спровоцированы агрессивными действиями великого князя московского. Иван III руководствовался, в первую очередь, своими великодержавными устремлениями, отчетливо проявлявшимися на протяжении всего периода его правления. Между тем противниками агрессивной внешней политики Ивана III по отношению к Казанскому ханству были даже ближайшие родственники великого князя − братья Юрий и Андрей Васильевичи, а также их мать, вдова Василия II Мария Ярославна. На основе герменевтического анализа текстов русских летописей А.В. Аксанов пришел к заключению, что «братья великого князя были вынуждены участвовать в конфликте, который не сулил им выгоды. Война с Казанью была направлена на расширение политического влияния Москвы. Для Юрия Васильеви-

ча и Андрея Большого усиление Москвы представлялось опасным: данный процесс ставил под угрозу существование удельных княжеств» [1, с. 81].

Со стороны Москвы необходимость наступления на Казанское ханство была обусловлена следующими причинами:

1) устранение препятствий для продолжения объединения русских земель: Казань стремилась контролировать Вятскую землю и Пермь Великую, на которые, в принципе, она имела столько же прав, что и Москва, поскольку эти области были полиэтничными;

2) установление господства в Среднем Поволжье, покорение Казанского ханства на условиях протектората с последующей постепенной интеграцией данной территории по образцу Касимовского ханства;

3) предотвращение опасности набегов казанских татар и черемисов, то есть решение проблемы безопасности восточных окраин Московской Руси.

Источники и литература

1. *Аксанов А.В.* Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

2. *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 464 с.

3. *Алишев С.Х.* Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.

4. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М.: Изд-во МГУ, 1952. 542 с.

5. *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: МарГУ, 2012. 660 с.

6. *Волков В.А.* Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М.: Прометей, 2016. 394 с.

7. *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 288 с.

8. Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 194 с.

9. *Котляров Д.А.* От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 352 с.

10. *Несин М.А.* Царевич Касим на службе Ивану III: как Касим пытался добыть казанский престол в 1467 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 137–141.

11. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 358 с.

12. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. VIII + 301 с.

13. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

14. ПСРЛ. Т. 15. Тверской сборник. СПб.: В тип. Леонида Демиса, 1863. VII с. + 504 стб.

15. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.

16. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. Первая половина. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 418 с.

17. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг.: 2-я Гос. тип., 1921. III + 271 с.

18. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

19. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 415 с.

20. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 419 с.

21. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 412 с.

22. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

23. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татарское кн. изд-во, 2009. 207 с.

24. *Сепеев Г.А.* История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 200 с.

S.K. Svechnikov

MARI IN THE RUSSIAN-KAZAN WARS OF 1460TH YEARS

Abstract.The article is devoted to the participation of Mari in the Russian-Kazan wars of 1461–1462 and 1467–1469. The causes, nature, course and results of the wars that led to the establishment of the dannic dependence of the Kazan khanate on Moscovite Rus in 1469 are analyzed.

Keywords: Mari, Cheremis, Eastern Mari, Kazan Tatar, Kazan khanate, Grand Duchy of Moscow, eastern fringes, Ivan III, Ibrahim.

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ XVII–XIX ВВ.

УДК 94(438)+94(470) «16/18»

А.В. Богатырев

МИРНАЯ МИССИЯ ВОИНОВ: ЯН ОБОРСКИЙ И АТАНАЗЫ МИОНЧИНЬСКИЙ В 1675–1676 гг.

Аннотация. Жизнеописания двух военных чинов XVII в. пополняются примечательными деталями благодаря деятельности в Речи Посполитой русского посланника В.М. Тяпкина.

Ключевые слова: военная история, русско-польские отношения, институт приставов, биографии исторических деятелей.

Начнем мы несколько отдалившись от «милитарной» составляющей. В польском языке «пристав» (przystaw) – человек, назначенный для ссылки иноземных дипломатов с политической элитой, для обеспечения проживания посла в Речи Посполитой, а также, в некоторых случаях, для ограничения свободы передвижения иностранцев [17, s. 70]. А. Брюкнер трактует слово так: «Урядник, данный послам “до боку”» [2, s. 514], в другом случае отмечается, «пристав»: помощник, ассистирующий, слуга, «nadzorca», участвующий в чем-то [8, s. 310]. Когда в 1674 г. в Варшаву прибыло русское посольство В.М. Тяпкина, подобные функции были возложены на разных людей. Приставами в разное время были некто Самуил Пясецкий, пан Урбицкий, человек из окружения литовского канцлера Кшиштофа (Христофора) Паца [1, л. 23–24 об., 35–35 об., 470 об., 777 об.]и др. Чаще всего в сношениях московской миссии с монар-

шим двором польского короля (с 1674 по 1696 г.) Яна III Собеского в качестве пристава участвовал Ян Оборский (Борский).

Повременим сейчас раскрывать его инкогнито и связь с военной тематикой. Скажем лишь, что нам удалось ее вычислить. Между тем Тяпкин дает о нем мало информации, из приведенных ниже текстов ясно только, что он был шляхтичем, дипломат обращается к нему «господин». Оказавшись прикомандирован к Яну III в его лагере у города Львова (1675), где тот находился для отпора турецко-татарскому нашествию, Тяпкин использовал Оборского [1, л. 484 об.–485] как посыльного:

«И с того стану послал от себя столник его царского величества Василей Михайлович Тяпкин пристава господина Яна Оборского под Львов в обоз до его королевского величества, велел ему объявити о своем прибытии под Львов, и чтоб ему встреча и приемность изобозу от королевского величества была со всякою учтивостию, как меж… царским величеством яко и его королевским величеством в их государских дружбе и братцкой любви обычай сохраняется.

Июля в кѣ (22. – *А.Б.*) день, недоезжая Львова за милю, приехал к резиденту царского величества из обозу от королевского величества помянутой пристав и сказал ему, что королевское величество указал ево, резидента царского величества, встрети[ть] многим ратным своим людем и принять с належитою учтивостию. И проводить ево з дворяны и с подьячими до указанного стану на подворье в самом городе Львове…» [1, л. 384–385 об.].

Имелись у приставов в их ответственной и государственно значимой работе помощники из числа «панства». Фиксирует подобный случай и Тяпкин, который оставил такое свидетельство:

«Июля [в] кѣ день, по обвещению чрез пристава, прислал королевское величество от себя из обозу ближнего своего полковника надворного господина Мио[н]чинского, а с ним товарства гусарского и панцернаго в збруях вооруженных… со всем нарядом полным.

И помянутый полковник царского величества резиденту говорил, что[б] он с грамотою его царского величества ехал в обоз до его королевской милости, пана нашего милостивого, тогож часу. А ему де полковнику с товарством его королевская милость указал… пред ним, посланником его царского величества, ехать…» [1, л. 400 об.–401].

Этим «полковником» был будущий подскарбий надворный коронный, воевода волынский Атаназы Валенты Мионченьский (Miączyński Atanazy Walenty, 1639–1723), один из ближайших товарищей Яна Собеского [15, s. 189]. Происходил из «средней» польской шляхты, благодаря близости к Собескому (до «всенародного» избрания королем в традициях шляхетской Речи Посполитой он был крупным магнатом) поднялся до уровня сенатора [16, s. 68], позже своей службой заслужил земельные пожалования [12, s. 154]. Удаль показал в 1667 г. под Подгайцами, храбрость проявил в легендарной Хотинской битве 1673 г., расчистившей дорогу к трону Яну III. Ему Мионченьский составил «партию» в новых боях с исламским агрессором, Османской империей, в 1674–1675 гг. Атаназы Валенты отметился в кампании осенне-зимней, 11 августа 1675 г. он выехал во главе легкой конницы к окруженному неприятелем Зборову, вернулся уже с плененными врагами. 24 августа принял участие в битве под Лесеницами (Львовская битва), разбил один из отделов турецкого войска и вновь взял в плен многих «языков». «Энергии и оперативности» Мионченьского этого периода удивляется польская исследовательница Ханна Видацкая [18]. Не останавливаясь на достигнутом, Атаназы Валенты неотступно преследовал османов, гнал их за Днестр [20]. Оттон Форст-Батталья своим литературным пером рисовал картину: пока очевидец быстрым оком обозревал позиции, Мионченьский в числе прочих гонялся за татарами, которые «роились» над тем «равнинным краем» [5, s. 86].

Заслуги нашего героя были столь велики, что, коронуясь в 1676 г. в Кракове, Собеский назвал его «верным приятелем нашего дома». Польский король не кривил душой – «отче» Атаназы Мионченьского, Петр, водил дружбу с отцом Яна III [4, s. 12]. Уже сам отпрыск Петра верность свою гербу Янина доказывал не раз, проводя многие часы уложа сраженного болезнью Собеского в 1667 г. [21, s. 5], не оставляя патрона ни днем, ни ночью, разделяя с ним все сложности походной жизни [18].

А что же Ян Оборский? Через него Ян III доводил до сведения резидента свои пожелания. Использовал польский государь Оборского, следуя «комнатной политике», скрывая от нежелательных глаз и ушей свои намерения:

«Резиденту его царского величества, столнику и полковнику Василью Михайловичу Тяпкину, пристав Ян Оборский сказывал: приказал де ему, приставу, королевское величество, чтоб он, резидент царского величества, был у королевского величества в шатрах и грамоту любительную от царского величества его королевскому величеству отдал запросто, без посолских чинов, как чин бывает на первых посолских приездах и отъездах, понеже обычай во всех християнских государствах резидентом по первой бытности исправлений поклона и посольства от государя ко государю. Прочие царственные любительные грамоты приносят и отдают приватным способом, се есть по домовному запросто приятству, а не гостиному и не по посолскому обычаю. Так же бы и он, резидент царского величества, изволил учинить и бы[ть] у его королевского величества и пода[ть] грамоту его царского величества в надежной обоих их государской приятной братцкой дружбе и любви, которую грамоту его королевское величество желает сам любительно приняти, а с ним, резидентом, о некоторых употребленных своих государских общих делех запросто поговори[ть].

А… его королевского величества резидент также грамоту от королевского величества на Москве несе[т] сам, его царскому величеству по посолскому чину отдает… отсылает… через писаря своего в государственную посолскую полату к ближнему боярину и наместнику серпуховскому Артемону Сергеевичу Матвееву.

Да и того де ради тех посолских чинов имети неподобает, что его королевское величество пребывает ныне не в самой столице государства своего, но в обозе и чтоб он, резидент, не опасался жадных в том нарушений или умаления чести государственные, з грамотою его царского величества ехать до его королевского величества тогож числа.

Тогда резидент его царского величества и нехотя склонился на волю его королевского величества, понеж уж грамота его царского величества давно с почты принята и залежалась у него, ожидаючи времени бытия у его королевского величества, поехал в обоз с приставом и с иными дворяны его королевского величества…» [1, л. 441об.–444 об.].

Впрочем, Оборский «соединял» Тяпкина не только с «его королевским величеством», но и с другими высокопоставленными лицами Польско-Литовского государства:

«Марта в г (3. – *А.Б.*) день, по присылке от сенаторов королевского величества, от канцлера великого Великого Княжества Литовского Христофора Паца и от маршалка великого Великого Княжества Литовского Александра Полубинскаго, царского величества резидент, столник и полковник Василей Михайлович Тяпкин, был на разговоре в замку краковском, в полатах королевского величества.

Тогда резидент царского величества с приставом своим Яном Борским, седчи в корету по посолскому обычаю, поехал на двор королевского величества в замок и приехал к самому крылцу, где сенаторы приезжают…» [1, л. 622 об.–623 об.].

Вышеприведенный эпизод случился в следующем, 1676 г., как раз тогда, когда Ян III (после временной передышки от полей сражений) прибыл в Краков на коронацию. Туда же собрался к польскому государю и Тяпкин. Через Оборского он пытался добиться материальной «поддержки» этой поездки:

«Ноября в өдень (9 ноября еще 1675 г. – *А.Б.*) писал до резидента его царского величества из Жолкви (украинский город. – *А.Б.*) пристав Ян Оборский, что на коронацыю государь их, его королевское величество, прежде своего, государского, подъему резиденту царского величества ехать указал, а в месячном н[а]лежащем резидентском корму и в подорожном подъеме отказано для того, что государя их, его королевского величества, двору до тех кормов ведать не надлежит, токмо Речи Посполитой и подскарбию великому коронному господину Андрею Морштину.

И того ж числа к резиденту царского величества приехал во Львов из Жолкви пристав Ян Оборский и резиденту царского величества говорил, чтоб резидент царского величества о месячном належащем резидентском корму и о подъеме на коронацыю государя их, его королевского величества, до Кракова старался сам и писал до Варшавы или до Кракова ж, до подскарбия коронного...» [1, л. 508 об.–509].

Последний раз сталкиваемся с Оборским в связи с коронационным краковским сеймом 1676 г. На это время «заморским» дипломатам рекомендовалось отложить запланированные визиты, дабы «не навредить» делам сейма. С этим поручением прибыл к русскому резиденту Оборский:

«Присылал к резиденту царского величества, к столнику и полковнику Василью Михайловичу Тяпкину, маршалок великой Великого Княжества Литовского Александр Полубинский именем

королевского величества ротмистра Гайдуцкого, а с ним пристава резидента царского величества Яна Оборского, с таковым объявлением, чтоб царского величества резидент з двора своего в Кракове никуды без указу государя, королевского величества, не выезжал и в замок на двор королевского величества и до сенаторов ни до кого, послов и резидентов, не ездил даже до скончания сейма, и на двор к резиденту царского величества резидентом цесарского величества римского и курфирсткого пресвятлейшества брандебурского и иных знакомцев пущать… не велено жадной особы.

Ротмистр и пристав говорили, будто резиденту государя их, его королевского величества, Павлу Свидерскому на Москве волности никакие нет и на двор к нему никого не пускают, и в церковь Божию ею ходить не позволяют…» [1, л. 561–562].

Сакраментальный, можно сказать, вопрос: так кто же такой Ян Оборский, имеет ли он прямое отношение к военной сфере? Для начала заметим, что «Ян Оборский» – довольно распространенное имя в Речи Посполитой тех дней. Разные источники выдают данные сразу нескольких персон с похожим сочетанием имени и фамилии, имеются на этот счет противоречивые сведения. Наглядно показывают сложность задачи списки голосовавших на выборах польского короля: за Собеского проголосовали сразу два Яна Оборских – варшавский кастелян и сохачевский и ручицкий староста [3, s. 247]. Хронологически близок к событиям, описанным Тяпкиным, Самуэль Ян Оборский (герб Абданк), земский ковенский судья 1673 г. [11, s. 3].

Однако больше шансов быть опознанным у Яна Зыгмунта Оборского (Jan Zygmunt Oborski), варшавского кастеляна (от 1654–1655 гг.), занимавшего сенаторское «кресло» при Михаиле Вишневецком [19, s. 77] и какое-то время пребывавшего в политическом «лагере» Кшиштофа Паца [10, s. 22]. Приложил усилия для укрепления фортификаций Варшавы [9, s. 27], в годы шведского вторжения-потопа король Ян II Казимир назначил его защитником столицы [7, s. 96]. Решение это было взвешенным: Оборский пользовался авторитетом среди шляхты [6, s. 77], имел военную выучку [6, s. 78].

Видеть в приставе русского дипломата именно Яна Зыгмунта заставляет факт его участия в военных событиях 70-х гг. XVII в. В 1675 г. (правда, в сентябре) сеймик Земли Варшавской постановил выделить вспомогательные части на помощь сражавшемуся на Украине королю – казацкую «хоругвь» во главе с тем самым Яном

Оборским [6, s. 86]. Но мог ли варшавский кастелян быть приставом? Как показывают примеры из истории, прислуживали иностранным представителям отнюдь не только «рядовые» шляхтичи. Например, коронный надворный ловчий Ян Кохановский в 1610–1611 гг. также находился «на посылках» московского посольства [14, s. 88]. Имел к этому делу отношение и писарь великий литовский Ян Скумин Тышкевич [22, s. 119–120]. Прибавляет уверенности в верности идентификации личности и другое: где-то в середине 1676 г. Ян Зыгмунт вместе со своим сыном, королевским дворянином, были жестоко убиты [13, s. 571]. Насколько нам известно, после 1676 г. в документах Тяпкина Оборский уже не упоминается, его заменяют другие сопровождающие.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 161а.
2. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. T. 1. XIV, [2], 805, [1] s.
3. Elektorów poczet, którzy niegdyś głosowali na elektów Jana Kazimierza roku 1648, Jana III. roku 1674, Augusta II. roku 1697, i Stanisława Augusta roku 1764. Lwów: Nakł. K. Jabłońskiego, 1845. 444 s.
4. Figiel G. Atanazy Miączyński – wierny sługa i przyjaciel Jana III Sobieskiego // Wschód. 2011. No. 1. S. 12–13.
5. Forst-Battaglia O. Jan Sobieski, król Polski. Warszawa: PIW, 1983. 402 s.
6. Hundert Z. Wojska zaciągnięte przez samorząd lokalny ziemi warszawskiej w latach 1671–1673 // Almanach Warszawy. 2015. T. IX. S. 71–106.
7. Kersten A. Warszawa kazimierzowska 1648–1668. Warszawa: PIW, 1971. 352 s.
8. Kleszczowa K. Słowotwórstwo języka doby staropolskiej. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1996. 486 s.
9. Konarski K. Warszawa w pierwszym jej stołecznym okresie. Warszawa: PIW, 1970. 673, [3] s.
10. Matwijowski K. Pierwsze sejmy z czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław: Ossolineum, 1976. 269 s.
11. Niesiecki K. Herbarz polski. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. T. VII. 900 s.
12. Penkała A. Szlacheckie kontrakty małżeńskie jako źródła do badań biograficznych i majątkowych na przykładzie intercyzy przedślubnej Antoniny Rzewuskiej i Piotra Miączyńskiego // Rocznik Lubelskiego Towarzystwa Genealogicznego. 2014 (2015). T. VI. S. 153–169.

13. Potocki W. Moralia i inne utwory z lat 1688–1696 / Oprac. L. Kukulski. Warszawa: PIW, 1987. T. 3. 700, [1] s.

14. Trawicka Z. Kochanowscy na forum sejmiku województwa sandomierskiego w latach 1572–1696 // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. 1986. T. XXXI. S. 85–92.

15. Trąbski M. Nieznane źródło do dziejów oblężenia i kapitulacji Twierdzy Kokenhauzen z 1700 roku // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 2017. No. 3. S. 183–193.

16. Ujma M. Problem biurokratyzacji personelu zarządzającego dobrami Jana III Sobieskiego // Dzieje biurokracji na ziemiach polskich. Lublin, Siedlce: IHAP, 2008. T. 1. S. 65–75.

17. Wasiucionek M. Ceremoniał jako polityka. Intrady posłów wielkich Rzeczypospolitej do Jass w latach 1622–1714. Praca magisterska na kierunku Historia w zakresie historii nowożytnej. Warszawa: S. n., 2011. 134 s.

18. Widacka H. Atanazy Miączyński (1639–1723), przyjaciel domu Sobieskich. URL: https://www.wilanow-palac.pl/atanazy_miaczynski_przyjaciel_domu_sobieskich.html (11.09.2019).

19. Wierzbicki L.A. Senatorowie obecni na sejmach i zjazdach w czasie panowania króla Michała (1669–1673) // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2009. T. VI. S. 73–80.

20. Wimmer J. Miączyński Atanazy Walenty h. Suchekomnaty // Polski Słownik Biograficzny. 1975. T. XX/3. Z. 86. URL: https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/atanazy-walenty-miaczynski-h-suche-komnaty (11.09.2019).

21. Ziembicki W. Zdrowie i niezdrowie Jana Sobieskiego. Poznań: S. n., 1931. 115 s.

22. Żojdź K. Stronnictwo Zygmunta III Wazy w Wielkiem Księstwie Litewskim w latach 1603–1621. Rozprawa doktorska przygotowana pod kierunkiem prof. dr. hab. M. Nagielskiego. Warszawa: S. n., 2018. 366 s.

A.V. Bogatyrev

PEACE MISSION SOLDIERS: JAN OBORSKI AND ATANAZY MIĄCZYŃSKI IN 1675–1676s

Abstract. Biographies of two military officials of the XVII century replenished with remarkable details through the activities of the Polish-Lithuanian Commonwealth Russian envoy Vasyli Tyapkin.

Keywords: military history, Russian-Polish relations, accompanying the Russian Ambassador, biographies of historical figures.

УДК 93/94

В.А. Григорькин, Д. А. Трапезников

КАМПАНИЯ КНЯЗЯ БАЮША ПРОТИВ НОГАЙЦЕВ В 1612 ГОДУ

Аннотация. 1612 год стал судьбоносным в истории России. Западные земли и сама столица оказались под властью Речи Посполитой. Северо-запад со старорусскими землями Великого Новгорода были захвачены Швецией. По стране бродили казачьи таборы, наемнические отряды и просто шайки разбойников. Но наиболее катастрофической ситуация стала на южной окраине России – на границе с Диким полем…

В настоящей статье идет речь о событиях на одном из ключевых участков русско-степной границы, где народы Поволжья смогли одержать победу над кочевниками – кампания мурзы Баюша Разгильдеева против ногайцев.

Ключевые слова: Баюш Разгильдеев, ногайцы, Смута.

События, развернувшиеся в 1612 г. на небольшом участке русско-степной границы и ставшие предметом данной статьи, не стали предметом отдельного исследования. Они лишь упомянуты в работах некоторых историков и краеведов. К таким относится В.Э. Красовский [8] и С.Б. Сенюткин [19]. О важности тех событий, можно судить по источникам, косвенно рассматривающим процессы, происходившие в это время во всей стране [21]. Первоисточниками данной темы являются грамоты [11], отписки [13] и прочие архивные документы.

В начале XVII в. занятость Крымской орды в борьбе с Габсбургами и ее мир с Россией, подчинение ногаев и успехи строительства укрепленных линий и крепостей в Диком поле привели к затишью на этом направлении. Гражданская война в России положила конец правильной организации обороны от степняков Дикого поля. Последний раз Лжедмитрий I в 1606 г. наметил расставить полки «на берегу», но после его убийства эти соединения превратились в активных участников междоусобной войны.

После мирного договора Турции и Речи Посполитой (16 июля 1607 г.) Сигизмунд тайно договорился с крымским ханом Казы-Гиреем об прекращении татарских набегов на польскую Украину и содействии в борьбе с Россией в обмен на ежегодные «поминки».

В 1608 г. царским дипломатам удалось достичь Крыма и заключить с ханом Казы-Гиреем соглашение о военном союзе против Лжедмитрия II. Крымцы без промедления совершили поход на занятую повстанцами территорию, а летом 1609 г. повторили его в большем масштабе.

Обстоятельствами Смуты воспользовались и подданные московского царя – Большие ногаи и другие кочевники Нижнего Поволжья. В 1606 г. юртовские и едисанские татары подчинились астраханскому воеводе кн. И.Д. Хворостинину и присягнули «Дмитрию Ивановичу». Глава Большой Ногайской орды кн. Иштерек, напротив, после долгих колебаний «шертовал» царю Василию и вошел в контакт с боярином Ф.И. Шереметевым. Однако последний сам находился в затруднении, а в 1608 г. вообще ушел из Царицына к Казани и Нижнему Новгороду. В итоге Иштеряк стал снова независим во внешних сношениях и начал набеги на русскую землю. Все это цинично оправдывалось борьбой с «воровскими» городами и отсутствием сведений, какие места воровские, а какие верные. В 1610 г. они участвовали в походах крымцев под Серпухов и в Рязанскую землю. В 1611 г. «разоренье» в украинных городах учиняли одновременно и крымцы, и ногаи, и черкасы, и вольные казаки, и «литва» – татары «жили без выходу» в Рязанской земле, а в Лихвинском уезде «вывоевали» даже овец.

Царь Василий и руководители первого ополчения могли только унимать мурз от набегов увещеваниями и посольствами, обещанием подарков и дани.

Огромный поток русского полона, хлынувший на рынки Крыма и Средней Азии, на Востоке вспоминали еще долго. Цены на пленников сильно упали, а в 1620-х гг. персидский шах Аббас, принимая царских послов, выразил удивление, что в Московском государстве еще кто-то живет. Достаточно сказать, что только в 1619 г. в орде Больших ногаев находилось 15 тыс. непроданных полоняников – их пришлось освободить после присяги Иштерека новому царю [22, с. 153].

Мордовский край не остался в стороне от событий Смуты. Многочисленные восстания [1, с. 9] а также активная поддержка обоих ополчений [7, с. 62], [9, с. 116] свидетельствуют о следующих обстоятельствах:

1. Местные феодалы являлись одной из ведущих сил в регионе, способные привлекать для решения своих задач значительные военные силы.

2. Близость степи, ослабление центральной власти и развернувшиеся в Поволжье боевые действия вынуждали их держать под рукой опытных и преданных людей.

3. Одновременно участие многих местных феодалов в междоусобице на стороне самозванцев и активная поддержка Второго ополчения ослабила военный потенциал края.

На момент 1612 г. обстановка в крае несколько стабилизировалась. Второе ополчение покидает Нижний Новгород. Местный воевода князь Андрей Хилков, который командовал остатками воинских сил и являлся номинальным представителем центральной власти в регионе, понимал, что ослабевшие гарнизоны не смогут удержать степняков на Засечной черте, вследствие чего он обратился за помощью к мордовскому мурзе Баюшу.

Еще раз стоит упомянуть, что оборона Засечной черты в Смуту была полностью дезорганизована (следующий набег 1614 г. был замечен случайно казаками, вышедшими межевать пашню [3, с. 17–18]).

Баюш Разгильдеев являлся представителем старой мордовской знати, вследствие чего обладал достаточными родственными связями, чтобы объединить вокруг себя значительную часть оставшихся в регионе военных сил (ранее даже воевавших друг с другом). Таким образом, войска, объединенные вокруг Баюша Разгильдеева, остались единственной весомой в регионе силой, способной хоть что-то противопоставить вторжению.

Источников о военном потенциале мордовского края начала XVII в. крайне мало. Во взятии Казани 1552 г., согласно летописям, участвовало около 10 000 человек [15, с. 64]. Француз Маржерет сообщает о том, что «есть далее татары, которые за ежегодную плату служат императору вместе с мордвинами, они составят от семи до восьми тысяч всадников, их жалованье – от восьми до

тридцати рублей» [7, с. 48–49]. Причём «Казанское войско» упоминается отдельно, из чего напрашивается вывод о том, что весомую часть из перечисленных составляли мордовские и татарские феодалы близлежащих к Алатырю земель. По данным на 1572 г. только в Новгороде, при Иване IV находилось до 5 тысяч татар, мордвы и черемисы – и это при том, что для будущей битвы при Молодях «на Берегу» было собрано гораздо больше войск. Несмотря на тяжёлые потери Смутного времени (и участия во втором ополчении [9, с. 116], ядро армии было составлено, так и из «национальной» конницы и небольшого количества «служилых людей» (возможно, для скорости также посаженных на коней). Численность армии не могла быть велика, к примеру, в 1615 г. в Арзамасском уезде насчитывалась всего 341 служилых людей [5, с. 523–524].

Несмотря на довольно подробные исследования событий лета 1612 г., весьма мало внимания уделяется исследованию противника – ногайцев. К сожалению, у нас не так много источников по этому поводу, однако зацепку даёт «имя» погибшего ногайского предводителя, «Кураметь». В ногайской аристократии того времени был лишь один род, который можно ассоциировать с этим наименованием – род Урамаметьевых. Можно сказать, что это был самый могущественный род ногайской орды. Даже сам Бий Большой Ногайской Орды Иштеряк не мог контролировать этих мурз без поддержки царских войск [1, с. 176]. К ним присоединились многие мелкие мурзы и кочевники [1, с. 167, 184]. В 1608 г. этот род откочевал на так называемую «Крымскую Сторону» (левобережье Волги), однако связи, оставленные на правом берегу Волги, позволяли им получать достоверную информацию о происходящем в Среднем Поволжье. Неясно кто конкретно вёл армию, был ли это один из многочисленных представителей рода, или же его глава Кара Кель-Мухаммед? В пользу первой версии говорит тот факт, что Кара Кель-Мухаммед упоминается, однако полностью отметать факт участия главы рода Урамаметьевых не стоит, ведь убитый в ходе боя мурза мог быть всего лишь одним из командиров ногайского войска, кроме того, сохраняется возможность, что труп был неправильно опознан. Во всяком случае для достижения цели похода могли использоваться значительные контингенты, что интересно, клан Урамаметьевых именно после 1612 г. постепенно сходит с первых ролей ногайской

политики. Возможно, это связанно с тяжёлыми потерями, понесёнными в мордовских лесах. По оценкам Новосельского, в походах Урамаметьевых на Русь участвовало 7–10 тысяч кочевников [12, с. 64]

Участие других родов в походе подтверждается более поздними событиями на реке Самаре. В 1614 г. в Самаре в тюрьме сидел некто «Авелейко Кучоковь Катайского рода» [14, с. 164–165]. Именно он должен был возвестить бию Иштеряку о восхождении на трон Михаила Романова. Скорее всего, перед нами единственный задокументированный участник со стороны ногайцев, однако сам факт руководства переправой «русского полона» через Самару именно этим человеком не говорит о его руководящей роли в походе.

Если цели обороняющей стороны предельно понятны: защитить край и нанести максимальный урон нападающим, то цели противника остаются неясными. В. Красовский и С. Сенюткин считали, что целью нападавших являлся Арзамас [8, с. 9]. Однако Арзамасом дело могло не ограничиваться. Самой желанной добычей являлась нижегородская земля.

Арзамас ранее встал на сторону «тушинского вора» Лжедмитрия II, Нижний Новгород неоднократно подвергался атакам тушинцев с этого направления, в которых участвовали и местные арзамасские «дети боярские». После того, как тушинцы были выбиты из Арзамаса, напряженность в местных землях сохранилась и даже усилилась, поскольку в крае были «испомещены» смоленские и дорогобужские помещики, потерявшие свои поместья на западных землях, захваченных поляками. Ранее (1608), в крае неоднократно восставала местная мордва, теперь же, к привычному недовольству из-за налогов, прибавились конфликты местных «мужиков» и новых помещиков [12, с. 47]. В таких условиях, при удаче татарских и ногайских набегов, могло сложиться так, что вчерашние мятежники вновь восстанут и создадут угрозу для нижегородских земель и самого города. Если бы ситуация сложилась подобным образом, то армия второго ополчения могла оказаться в условиях, в каких позднее окажется армия Шеина в Смоленскую войну (1632–1634): [18, с. 116–117] большинство ратных людей обратились бы для защиты своих земель именно в тот момент, когда каждая сотня бойцов была на счету. Это было выгодно и для одного из последних крупных ли-

деров «самозванчества» – Ивана Заруцкого [3, с. 17–18], который уже в это время подстрекает ногайцев к набегам, кроме того, сохранились сведения, что эмиссары Заруцкого уже склоняли местное население к мятежу [3, с. 13–14, 23]. Стоит упомянуть, что в войске Заруцкого уже находился отряд из арзамасского уезда [3, с. 17–18].

Однако народы Среднего Поволжья были уже не те, что во второй половине XVI в. Мятежи против царской власти вызывали усиление крепостничества и рост налогов, поддержка Лжедмитрия II, как защитника интересов мелких дворян и простого населения, против «боярского» царя Шуйского встречалась и в чисто русских областях. Интересно, что в Казанских землях сепаратизм был склонен проявлять чиновник старой системы дьяк Никанор Шульгин [12, с. 55]. Поволжские народы не пытались отделиться от русского государства, они вели гражданскую войну на местном уровне. И когда пришёл общий враг, они сплотились, защищая интересы единого государства.

Маршрут вторжения выявлен С.Б. Сенюткиным по свидетельствам служилых людей, живших на границе. Часть ногайцев, судя по всему, должна была обезопасить тылы от находившихся там служилых людей [19, с. 58], разделившись для этого на загоны; другая часть должна была как можно быстрее продвигаться к Алатырю и возмутить местное население к очередному восстанию, провести своеобразную «разведку боем» и позже соединиться с основным войском.

Обратимся к главному источнику нашей работы – царской грамоте Баюшу Разгильдееву. Первый этап компании описан так «И как де он Баиш пришел на Пьяну реку на Чуколы, и тут де с Нагайскими людьми был бой два дни, и в деревне Чуколе от Нагайских людей в осаде сидели, и на выласках многих Нагайских людей побили и переранили».

При внимательном прочтении становится очевидно, что бой у «Чуколы» и осада в «деревне Чуколе» два отдельных эпизода. Вероятно, авангард ногайцев был разгромлен в битве с конницей Баюша, а пехота из ополченцев и служилых людей по «прибору» расположилась в Чукалах (которые конная орда не смогла бы обойти) и сдерживала те загоны, которые пытались помочь авангарду. Очевидно, что разношёрстное войско кочевников не подчинялось пол-

ностью даже Урмаметьеву, «полевые командиры», к которым скорее всего и принадлежал и «Авелейко Кучоковь Катайского рода», возглавляющие отряды других родов не пришли под Чукалы и смогли сохранить полон и жизнь.

Конечно, Чукалы не могли считаться настоящей крепостью, однако даже огромные орды степняков порой оказывались бессильны перед самыми слабыми укреплениями, битва при Судьбищах [15, 16]. Не имея шансов взять или обойти крепость, потеряв множество людей, ногайцы были вынуждены отойти.

Второй этап компании: «да и в Ардатовском лесу в воротех был бой с Нагайскими людьми и побили Нагайских людей с пять сот человек, да у них же у Нагайских людей убили Мурзу Курмамета и знамя взяли, и их прогнали к Озерам, и многие от того бою Нагайские люди потопли, и отгромили у Нагайских людей на том деле всяких людей семь тысяч; а его, Баишу Мурзу, на том деле сбили с коня и отшибли у него на тем бою коня». Несмотря на успешную оборону, противник не был разбит, ногайцы сохранили знамя и около 7 000 пленных, что в данных условиях являлось страшнейшим экономическим уроном для края (даже в 1773 г. население алатырского уезда насчитывало 75,5 тыс. чел. муж. пола; из них 1,3 тыс. горожан и 74,1 тыс. крестьян). Противник сохранял и численное превосходство. Однако, обременённые полоном и награбленным имуществом, ногайцы стали очень медлительными. Как правильно отмечает С.Б. Сенюткин, обладая прекрасным знанием местности [19, с. 58], Баюш внезапно напал на растянувшихся кочевников, паника, воцарившаяся в рядах кочевников, ярко характеризуется строчкой: «многие от того бою Нагайские люди потопли», пытавшиеся спастись вплавь ногайцы и крымцы лишившиеся предводителя были обречены и рассеяны.

Дмитрий Пожарский в 1613 г. высоко пожаловал Б. Разгильдеева и Я. Мангушева княжескими званиями и земельными наделами, награды получили также арзамасские и алатырские служилые мурзы, татары, мордва.

Заключение

Объединённые силы всего мордовского края смогли отринуть многочисленные противоречия и обеспечили крепкий тыл второму

ополчению, которое, не боясь удара в спину, смогло полностью сосредоточиться на своей задаче и освободить Москву, положив начало возрождению государства. От тяжёлого рабства было спасено около 7000 тысяч мордовских и русских крестьян, которые смогли восстановить порушенные хозяйства и восстановить край после нашествия.

После освобождения столицы от интервентов Баюш Разгильдеев получил родовой титул князя и вотчину, а через шесть лет выиграл очередной спор с местными властями, получив жалованную тарханную грамоту [11].

На берегах Пьяны и в мордовских лесах народы Среднего Поволжья внесли свой бесценный вклад в дело возрождения российской государственности. Однако это была далеко не последняя битва в тысячелетней войне со степью.

Источники и литература

1. Акты Археографической экспедиции. Т. 2. СПб., 1836. № 116. 221 с.

2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией: [В 5-ти т. с доп. и указ.]. СПб., 1841–1872. 849 с.

3. Грамоты и отписки 1611–1612 гг. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий археографической комиссии 1861 г. Вып. 1. СПб.: Тип. Кумина, 1862. 39 с.

4. Грамота, данная князю Баюшу Разгильдееву да Ямашу мурзе, князь Мангушеву с товарищи. Арзамасские, 1916 – Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских // ред. С.Б. Веселовский. Кн. 1 (256). М., 1915 Арзамасские, 1916 Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей, российских / ред. С.Б. Веселовский. Кн. 1 (256). М., 1915. 3 с.

5. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 1. Саранск, 1940. 529 с.

6. *Загоскин Н.П.* Казанский край в Смутное время. Казань, 1891. 88 с.

7. История Мордовской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979. 62 с.

8. *Красовский В.Э.* Алатырская старина / В.Э. Красовский. Симбирск, 1899. 40 с.

9. *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–

1613 гг. 2-е изд. / П.Г. Любомиров. М.: Государственное соц.-эк. изд-во, 1939. 116 с.

10. Маржерет, Жак (XVI–XVII в.). Россия начала XVII в: Записки кап. Маржерета // сост. [и авт. введ. с. 5–42] Ю.А. Лимонов; Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР, 1982 (вып. дан. 1983). 255 с.

11. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. I. Архив князя В.И. Баюшева // Н.П. Загоскин. Казань, 1882. 578 с.

12. *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии: / Морохин А.В., Кузнецов А.А. М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. 160 с.

13. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 452 с.

14. Отписка Нижегородских воевод князя Александра Репнина и Андрея Алябьева Муромцам, о поражении Русских изменников под Нижним Новым-городом, Балахною, на Ворсме и под селом Павловым, с убеждением их принести Государю повинную. 1608 года, декабря 11 // Действия НГУАК. Т. XI. Памятники истории нижегородского движения в эпоху Смуты и земскаго ополчения 1611–1612 гг. В память 300-летия Нижегородского подвига. Нижний Новгород: Типо-лит. Акц. об-ва «Самообразование» [без г.]. 9 с.

15. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. II. 165 с.

16. *Пенской В.В.* Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. 649 с.

17. *Пенской В.В.* Сражение при Судбищах 3–4 июня 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 7 (62). 135 с.

18. *Пенской В.В.* Сражение при Молодях 28 июля 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. 236 с.<http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1> (23.08.2012)).

19. *Петров К.В.* Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. 210 с.

20. *Сенюткин С.Б.* История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): Монография. 2-е изд., доп. Москва–Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2009. 416 с.

21. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

22. *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.

V. A. Grigorkin, D.A. Trapeznikov

PRINCE BAYUSH'S CAMPAIGN AGAINST NOGAIS IN 1612

Annotation.1612 was a fateful year in the history of Russia. Western lands, and the capital itself were under the rule of The Commonwealth. The North-West with the old Russian lands of Veliky Novgorod were captured by Sweden. Cossack encampments, mercenary detachments, and bands of robbers roamed the country. But the most catastrophic situation was on the southern outskirts of Russia-on the border with the Wild field…

This article is about the events on one of the key areas of the Russian-steppe border, where the peoples of the Volga region were able to win over the nomads-the campaign of Murza Bayush Razgildeev against the Nogais.

Key words: Bays Urazgildeev, Nogai, Turmoil.

УДК 93(470.41)«18»

Н.А. Кореева

КУПЕЧЕСТВО КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты социально-экономического развития Казанской губернии накануне и во время Отечественной войны 1812 г., вклад купечества Казанской губернии в формирование военного ополчения. Сбор пожертвований был организован в Казанской татарской ратуше, под ведомством которой были купцы, проживавшие на территории Старой и Новой слобод Казани, Казанском магистрате и Городской шестигласной думе. В Казани работал Комитет пожертвований. Ежегодно казан-

ские купцы являлись активными участниками Макарьевской ярмарки, в ходе которой был организован сбор пожертвований на нужды ополчения.

Ключевые слова: Ополчение, Александр I, купцы, Макарьевская ярмарка, Комитет пожертвований, Казань, Отечественная война, татары.

Центральным событием первой четверти XIX в. являлась Отечественная война 1812 г. В отечественной историографии достаточно внимания уделяется собственно военной истории, но, к сожалению, мало работ, посвящённых социально-экономическому развитию страны и отдельных регионов в этот сложный для Российской империи период; практически не получила освещения тема взаимоотношений власти и общества, особенно в процессе сбора пожертвований со стороны населения на нужды войны[1]. В данной статье мы попытались раскрыть некоторые аспекты данных проблем, которые, разумеется, требуют дальнейшего исследования.

Экономическая ситуация в стране накануне войны была крайне напряженной, что негативно сказывалось на купечестве – основном агенте торгового капитала. В 1807 г. произошло увеличение минимума капитала, необходимого для вступления в гильдию, что привело к уменьшению числа купеческих капиталов[2]. В 1810 г.

---

[1] Отметим, что изучение экономической истории Казанской губернии в указанный период осложняется недостатком местных архивных материалов по исследуемой теме в связи с тем, что в 1815 г. в Казани произошел пожар, который истребил здания, занятые правительственными местами и канцеляриями, все дела и бумаги того времени, также и большую часть архивов, в том числе по событиям 1812 г.

В Казани сохранились журналы с протоколами ежедневных заседаний Казанской татарской ратуши за 1812 г., что позволило частично реконструировать события, связанные с началом войны, оценить вклад разных сословий (прежде всего купечества и мещанства) в обмундирование и снаряжение ополчения.

[2] Ежегодно лица, желавшие стать купцами, должны были записаться в одну из трёх гильдий, добровольно указывая свой капитал. Так, с 1807 г. владение капиталом от 8000 руб. и более давало право вступления в 3-ю гильдию, от 20000 руб. – во 2-ю, свыше 50000 руб. – в 1-ю [19, с. 344–358]. В Казани число татарских купеческих семейств в 1807 г. было 44, в 1812 г. – 29.

М.М. Сперанский, которому было поручено составить план финансовых преобразований, писал: «Положение наших финансов требует непременно новых и весьма нарочитых налогов» [4, с. 46]. 2 февраля 1810 г. был издан манифест «О мерах к уменьшению государственных долгов», который устанавливал ряд новых налогов на купцов: «сверх платимой ныне с купеческих капиталов подати, взимать по одному полупроценту с рубля, возложив на самые купеческие общества расположение сего сбора по соразмерности промыслов и капиталов каждого» [20, с. 58–59]. Сбор с гербовой бумаги, необходимой, в частности, для решения судебных дел, связанных с обязательственным правом, ведения купеческих и маклерских книг, удваивался и утраивался (в 1810 г. вместо 30 коп. за лист было предписано взимать 50 коп.). Увеличивалась стоимость бумаги, употреблявшейся для изготовления и выдачи внутренних паспортов. Это повышение налогов, предусмотренное на 1810 г., было сохранено и в 1811 г. 11 февраля 1812 г. был издан манифест «О преобразовании комиссии погашения долгов», согласно которому снова повышались цена гербовой бумаги и почтовые сборы, увеличивалась пошлина с паспортов. Отметим, что цены на купеческие свидетельства были подняты на 3 % [21, с. 181–193]. Сумма, которую купцы должны были ежегодно уплачивать в казну, в 1785 г. составляла 1 %, в 1797 г. – 1,25 %, в 1810 г. – 1,75%, а в 1812 г. – 4,75 % с объявленного капитала. Таким образом, цена свидетельства купца 1-й гильдии в 1810 г. составляла 875 руб., а в 1812 г. – 2375 руб., 2-й гильдии – увеличилась с 350 до 950 руб., 3-й гильдии – со 140 до 380 руб. Причину такого возвышения цен исследователи видят в обесценивании денег в данный период[3]. Царское правительство объясняло появление государственных долгов начиная с 1786 г. и связывало их с тем, что «восстали сильные войны», «Россия по своему положению не могла не принять в них участия», «наставшие войны представили необходимым распространить кредит банков в пособие чрезвычайным государственным нуждам» [20, с. 54].

[3] Континентальная блокада привела к резкому падению внешней торговли России. Франция не могла заместить Англию, закупавшую у России и металлы, и хлеб, и пеньку, и другие продукты. Сокращение торгового баланса привело к падению курса русского рубля [3, с. 8].

В мае 1812 г. казанский гражданский губернатор Б.А. Мансуров получил высочайшие рескрипты о формировании 12 пехотных полков, из которых один – 2-й Костромской – должен был получить снабжение от Казанской, Пермской и Оренбургской губерний. В Казанской городской думе 6 июня состоялось заседание купцов, мещан, цеховых для определения суммы сбора с каждого сословия. От татарских купцов были делегированы Ю. Шатунов и М. Мустафин, от мещан – Я. Давыдов и Ю. Галанский, от торговых татар – М. Салишев [5]. С купеческих капиталов, объявленных на 1812 г., планировалось взыскать по 1 % с рубля, а с мещан с каждой ревизской души по 2 руб., избрав для этого сбора людей, заслуживающих доверие общества, затем донести об этом в Городскую думу и «его превосходительству» [7, л. 184].

Как свидетельствуют архивные источники, 15 июня 1812 г., уже после вторжения армии Наполеона в пределы России, Б.А. Мансуров направил предложение Казанской татарской ратуше[4] о сборе с подведомственных ей купцов и мещан денег для снабжения «вновь формирующегося в городе Костроме 2-го пехотного полка обозом, подъёмными лошадьми и упряжью» [7, л. 184]. 17 июня состоялось собрание ратуши в присутствии бургомистра И. Измайлова, ратманов Х. Беляева, С. Губейдуллина, на котором для сбора денег был назначен выборный (гласный) от купцов 3-й гильдии купец М.Е. Нагаев, а от мещан – А. Абдуллин, для записи внесённых денег оформлены специальные книги. Сборщики были сопровождены приказом с «наистрожайшим им притом подтверждением, чтобы они сбор сей кончили с получения приказов с книгами не далее как в десять дней, и взысканные деньги к отсылке в думу представили бы в ратушу, если возможно поспешить» [7, л. 184]. К 3 июля «на устроение» пехотного полка было собрано 4100 руб. [5].

[4] Казанская татарская ратуша функционировала с 1781 по 1855 г. и представляла собой орган местного самоуправления мусульман, проживавших на территории Старой и Новой татарских слобод Казани. Ратуша занималась записью в купеческое и мещанское сословия, выдачей торговых свидетельств, сбором налогов. Часть татарских купцов и мещан были подведомственны Городовому магистрату, другая часть – Татарской ратуше.

Таким образом, на фоне общего повышения пошлин за паспорта и гербовую бумагу, цен на купеческие свидетельства появилась необходимость дополнительных сборов, связанных с военной ситуацией.

На следующий день после начала Отечественной войны был подписан именной императорский указ «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от Российских пределов» [22, с. 353–354]. Ключевой проблемой стало оснащение армии боеприпасами, продовольствием, одеждой, фуражом, лошадьми, повозками и прочим, что напрямую зависело от наличия финансирования.

6 июля 1812 г. был издан манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», содержавший призыв ко всем сословиям единодушно выступить против «всех вражеских замыслов и покушений» [23, с. 388], 18 июля – «О составлении временного внутреннего ополчения», предписывавший конкретные меры по организации территориальных военных ополчений, одно из которых называлось Поволжское и объединяло Казанскую, Нижегородскую, Пензенскую, Костромскую, Симбирскую и Вятскую губернии. Задачей этого военного ополчения было «приготовиться, расчислить и назначить людей, но до повеления не собирать их и не отрывать от сельских работ» [23, с. 397–398].

28 июля 1812 г. последовало донесение Б.А. Мансурова министру полиции А.Д. Балашеву о мероприятиях, проведённых в Казанской губернии по сбору ополчения. Среди основных мероприятий следует выделить следующие – отправление двух экземпляров манифеста к архиепископу Казанскому и Симбирскому Павлу и поручение перевести на татарский язык текста манифеста директору Казанской гимназии профессору И.Ф. Яковкину, «озабочиваясь, дабы все сословия, входящие в состав Казанской губернии, ясно могли разуметь силу слов и убеждений августейшего монарха» [12, с. 362]. Переведенный текст был напечатан в количестве 200 экземпляров и разослан по Казани и за её пределами. По мнению Мансурова, «Сие средство сделалось виною сильного впечатления на сердца сих иноверцев и открыло усерднейшее поревнование к пользам отечества» [12, с. 362]. Текст манифеста был разослан также в шестигласные думы и ратуши всех городов Казанской губернии. В донесении Мансуров отметил, что «к сожалению, все крупное купечество отправилось на Макарьевскую ярмарку». Это обстоятельство, по его

мнению, было одной из причин медленного сбора средств, нужно было дождаться возвращения купечества.

К началу XIX в. Макарьевская ярмарка, располагавшаяся на территории Нижегородской губернии, была самым крупным местом торга. Товарооборот ярмарки достигал 30 млн. руб. 25 июля 1812 г. в Макарьевском Желтоводском монастыре был заслушан императорский манифест «О воззвании всех сословий на защиту Отечества» и состоялся молебен о даровании победы над врагом.

В 1812 г. на ярмарке, как и в прежние годы, собралось множество купцов со всей России. Война повлияла на представительство торговцев из Казанской губернии. Так, в 1811 г. на ярмарку приехало 173 человека из Казанской губернии, а в 1812 г. – 51. В 1811 г. купцы из Казанской губернии занимали 256 лавок, в 1812 г. – только 78[5]. В начале августа 1812 г. купечество избрало старост Гостиного двора и предоставило списки в ярмарочную контору[6].

В Нижегородском архиве сохранилась «Книга конторы строения Макарьевского гостиного двора», которая была специально заведена для записи суммы, пожертвованной торговцами на ополчение 1812 г. Фонд канцелярии нижегородского губернатора также содержит сведения о пожертвованиях, но в списке жертвователей отсутствуют фамилии некоторых купцов Казанской губернии, зафиксированных «Книгой конторы». Архивные источники противоречивы

[5] Одной из причин этого может быть ухудшение условий торговли на ярмарке – с 1812 г. размер пошлины за торговые помещения зависел не от вида привозимых товаров, а от суммы «полавочного» сбора – взимался «15%-ный сбор с каждого рубля за ярманочные помещения». Этот сбор поступал непосредственно в ярмарочную контору для «улучшения водяных переправ». Стоимость аренды одной лавки составляла в Пушном ряду 55 руб., в Козловом – 35 руб., в Черевичном ряду – 45 руб., в овощном – 60 руб.

[6] Старосты избирались для того, чтобы иметь в ночное время «надзор», и сменялись по очереди. Казанские купцы в 1812 г. стали старостами Пушного ряда (М. Крашенинников), Овощного (Ф. Золотарёв), Большого Мыльного (Ю. Шатунов), Гуртового табачного (М. Каренин), казанские мещане – Татарского (М. Максютов), Рогожного (П. Реутов), Мехового (Н. Иванов) и Казанского козлового (с правой стороны казанский мещанин П. Рыжаков, с левой – казанский купеческий сын П. Котелов) рядов [28, л. 3–13 об.].

в определении сумм пожертвований и фамилий купечества, но по имеющимся данным удалось установить, что 1-й гильдии казанский купец Муса Измайлов Апанаев собрал по Татарскому и Мыльному ряду 5190 руб. и лично от себя пожертвовал в два этапа – сначала 500, затем ещё 20 руб.[7], через него деньги сдали 9 купцов из заштатного г. Арска Казанской губернии[8], 7 купцов из г. Казани[9], а также «казанский татарин» Х. Амиров (100 руб.), мамадышский купец М. Аблаков (25 руб.). Как видно из этих данных, сумма сбора была произвольной и зависела от воли самого жертвователя. Из 43 человек, торговавших в Татарском ряду, которые пожертвовали деньги, источник позволяет определить социальный статус и место проживания у 40 (среди них казанские, астраханские, ростовские, касимовские купцы и др.) [18, с. 69–71]. Казанский мещанин Б.И. Котелов совместно с родственниками пожертвовал 200 руб., кроме того, собрал от других 1314 руб. Деньги вносились 7, 8 и 10 августа 1812 г., в самый разгар Отечественной войны [29].

После получения пожертвований нижегородский вице-губернатор А.С. Крюков 3 сентября 1812 г. уведомил Нижегородский комитет пожертвований о сборе средств и предписал эти деньги «конторе строения Макарьевского гостиного двора и градским думам доставить немедленно в оный Комитет» [18, с. 73–74]. Комитет по сбору пожертвований начал свою работу 26 августа, работал

[7] В «Книге конторы строения Макарьевского гостиного двора» указана сумма, собранная по Татарскому и Мыльному ряду – 5690 руб. В «Списке торговцев Татарского ряда» фонда канцелярии нижегородского губернатора – 5245 руб., из которой вычли 500 руб., внесённых неким Г. Кушкаровым, «причисляя к тому и 20 руб., поступивших августа 10-го под № 63, на кои дана особая квитанция» (в «Книге конторы строения Макарьевского гостиного двора» под этим номером указан купец 1-й гильдии Муса Апанаев). В итоге сумма пожертвований составила 4745 руб. [18, с. 69–71].

[8] Самое крупное пожертвование в 400 руб. принадлежало арскому купцу Н. Баязитову, по 100 руб. пожертвовали 2-й гильдии купцы М.М. Валитов, М. Бурнаев, А. Бакиров, по 25 руб. – Х. Губаев, М. и С. Назировы, А.Х. Ибраев, М. Тагиров, 20 руб. – М. Назиров.

[9] Вклад купца 1-й гильдии М. Адамова составил 200 руб., 2-й гильдии Г. Муртазина и Г. Суюрова – 50 руб., М. Якупова – 25 руб., купца Х. Беляева (ратмана Казанской татарской ратуши) – 30 руб.

ежедневно с 8 утра до 12 ночи. Его члены были утверждены начальником ополчения третьего округа графом П.А. Толстым[10]. От купеческого общества в него был избран купец Костромин [13, с. 250]. Однако пожертвования стали поступать еще до открытия комитета. Всего за год – с сентября 1812 г. по сентябрь 1813 г. через комитет по пожертвованиям прошло в общей сложности 313 000 руб., либо 330 485 руб. (исследователи приводят разные данные) [13, с. 252].

Торговля на Макарьевской ярмарке в 1812 г. шла с переменным успехом, а на некоторые товары совсем не было спроса. Так, привезено было товаров на общую сумму 40 030 300 руб., продано – на 15 444 200 руб. (т.е. 38,5 %). В Мыльном ряду было товаров на сумму 352 000 руб., продано на 233 000 руб., т.е. 66 %. В Татарском ряду, в котором торговали бухарским пушным товаром, кумачом, китайкой, юфтью, было распродано всего 45 % товаров [26, с. 292–297]. После войны отмечалось существенное оживление: так, в 1814 г. было привезено товаров на сумму 44 093 400 руб., продано на 43 133 080 (т.е. 98 %) [26, с. 146–147]. Современники оценивали ситуацию на Макарьевской ярмарке 1812 г. как «полное затишье». Война привела к упадку торга и к остановке в пути караванов с железом[11].

[10] Комитет состоял из губернских предводителей дворянства, одного представителя от правительства, по одному от дворянского и купеческого сословий. Они были ответственны за сохранность пожертвований всем своим состоянием и не должны были отпускать никаких сумм без особого предписания командующего. При комитете пожертвований создавалось управление по делам продовольствия и фуража: несколько чиновников из каждой губернии должны были давать отчет комитету о пожертвованиях.

[11] Управляющий московской конторой, отправившийся на ярмарку, писал оттуда Демидову (владельцу уральских заводов) спустя полтора месяца после начала войны: «Я имел уже честь доложить вашему превосходительству от 16 числа сего июля, что при Макарьевской ярмонке торговые дела находются не в приятном положении, особенно в рассуждении продажи железа. К сожалению, и теперь то же повторяю, что здесь дела на продажу железа не только против прежнего не приняли нисколько лутшего виду, но даже, напротив того, час от часу приходят в худшее положение, ибо хотя небольшие требовании на покупку оного и есть, но цены на него до такой степени понизились, что доставленного сюда с заводов ваших продавать сообразно оным никак не можно... Едва ли не все количество [железа], сюда привезенное придется отправить с ярмонки непроданным в Москву и в Нижний» [16, с. 73].

Тем не менее ярмарка 1813 г. была частично подготовлена участниками ярмарки 1812 г. В 1812 г. на ярмарку следующего года было принято за аренду лавок 76 339 руб. 50 коп., а уже в 1813 г. собрано дополнительно 34 531 руб. 76 коп. [30, л. 23–24].

Когда основная часть торговцев вернулась с ярмарки, в Казанском городовом магистрате 21 августа 1812 г. состоялось заседание казанского купечества, приписанного к магистрату, основной повесткой дня было «пожертвование в пользу отечества противу врага, вторгшегося в пределы Российской империи». Купечество, приписанное к Казанской татарской ратуше, было приглашено на это заседание в лице «отряженных» депутатов А. Юнусова и М. Нагаева, а также главы обеих татарских слобод 1-й гильдии купца Ю. Китаева. По результатам заседания был вынесен общественный «приговор»: «внести с объявленного всем казанским купечеством на нынешний 1812 год капитала по 2 копейки с рубля, в том числе и с подведомых сей ратуше купцов всех трёх гильдий 8360 руб.» [7, л. 244]. Таким образом, купец 1-й гильдии должен был внести 1000 руб., 2-й гильдии – 400 руб., 3-й гильдии – 160 руб. пожертвований, независимо от полученного предпринимательского дохода.

23 августа состоялось заседание ратуши в присутствии бургомистра И. Измайлова, ратманов Х. Беляева, С. Губейдуллина. Ознакомившись с копией «приговора», постановили созвать купечество 26 августа через рассыльных. На этом заседании купечество, как записано в журнале ратуши, «единогласно и из доброй воли изъявляют на такое пожертвование особенное согласие их, сверх того предоставляют от лица каждого желающего от их избытков жертвовать особо и кроме предположенного предвышним правительством» [7, л. 247]. На следующий день был избран «в сборщики по добропорядочному поведению 2-й гильдии купец А. Заманов»[12]. Сборщи-

[12] Ахмет Заманов – сын купца Исая Аитовича Заманова, владельца деревянного мыловаренного «завода» в Старой татарской слободе, на котором в 1812 г. располагалось 5 котлов и работало 6 наёмных рабочих, в год производилось до 5000 пудов. Ахмет Заманов имел в Плетенях мыловаренный «завод», размещавшийся в каменном двухэтажном здании стоимостью 15 000 руб., где также производилось до 5000 пудов продукции, он являлся одним из самых крупных владельцев недвижимости на главном хлебном торге Казани. За активную предпринимательскую деятельность Ахмет был награжден несколькими медалями (в том числе малая похвальная медаль) [25, с. 18–19].

ку была выдана специальная книга для записи жертвуемых сумм и приказ «с тем, чтобы он сбор сей кончил елико можно в скорейшем времени и собранные деньги представил бы в ратушу, о чем к сведению и его превосходительству донесть рапортом» [7, л. 247]. Мещане ратуши в тот же день избрали для сбора денег мещанина Г. Нигаметуллина[13].

Как свидетельствуют архивные источники, сбор денег затянулся надолго. Казанский комитет пожертвований рассчитывал получить с купцов и мещан ратуши 8360 руб., а также деньги по свободной подписке, всего 8808 руб. 90 коп. и 5 октября распорядился доставить их [7, л. 285]. В ратуше по этому поводу 8 октября состоялось заседание, на котором было отмечено: «сборщику Заманову и Нигаметуллину особенно подтверждено, чтобы они порученный им сбор денег каждой с своего общества кончили не далее недельного срока, однако ж и доныне от них денег нисколько не представлено, и о причине долговременного невзыскания рапортов не подано». Далее следовало указание на возможные санкции: «что если и за сим они вскорости собранных денег в ратушу не представят и о причине долговременного невзыскания ко оправданию своему рапортов не подадут, то тогда уже за беспечность их в порученном деле поступлено с ними будет яко с неповинующимися начальству» [7, л. 285]. Купцам было предложено по желанию вносить деньги непосредственно в Комитет пожертвований.

[13] Решение о сборе денег с купцов и мещан было распространённой практикой, такое решение было принято в нескольких губерниях одновременно. 8 июня 1812 г. в Нижегородской городской думе гражданский губернатор А.С. Крюков предложил взимать с объявленных купцами капиталов с каждого рубля по 4 %, а с мещан и цеховых с каждой души по 1 руб. 60 коп. Всего планировалось собрать до 25 000 руб. В случае недостатка финансирования планировалось дополнить эту сумму через «градские общества», при излишке суммы – все вернуть в государственную казну [17, с. 6].

В дальнейшем сумма «принудительно-добровольных» пожертвований увеличилась – в июле 1812 г. А.С. Крюков предложил брать с каждого купца и мещанина по 3 руб. Деньги направлялись ярославскому гражданскому губернатору. Из суммы сбора взималась плата (0,5 %) на пересылку денег в Ярославль, курьерские посылки, за пересылку сумм из некоторых уездных городов в губернский город по почте [17, с. 17–35].

10 октября сборщик А. Заманов представил в ратушу рапорт и при нём деньги. Но собранная им сумма была существенно меньше запланированной – всего 328 руб.[14]. Заманов, судя по рапорту, «прилагал всемерное старание собирать деньги», но некоторые купцы жаловались ему на отсутствие в наличии денег, другие – на отсутствие продажи товаров (что, кстати, подтверждается всем ходом торговли на Макарьевской ярмарке), часть – на то, что их должники не возвращают им долги, и все купцы просили «ко исправлению их несколько времени отсрочки». Однако в ратуше отметили, что купцы 1-й гильдии Муртаза и Муса Адамовы, 2-й гильдии Муса Якупов, Якуп Габбасов и Юсуп Заманов всегда пребывают в городе, «есть люди достаточные и производящие торговлю на немалотысячную сумму»[15], из 3-й гильдии также некоторые купцы и мещане люди состоятельные, «которые без дальнего отягощения могут соответствовать положенной самими ими из доброй воли сборе денег, и особенно с мещан неощутительной»[16]. По этой причине ратуша отказала купцам в отсрочке и предписала как сборщикам, так и «повинным плательщикам» не допускать «чинить недельные отговорки под предлогом неимущества их и якобы нераспродажи товаров» [7, л. 287].

Подобная ситуация сложилась и у мещан. Г. Нигаметуллин представил всего 125 руб., собранных с 46 душ мещан. В его рапорте наряду с вышеперечисленными, указанными купечеством, была отмечена и такая причина медленного сбора денег, как отлучка некоторых мещан из города в другие места по торговым промыслам.

---

[14] Деньги сдали купцы 1-й гильдии Ю. Китаев, А. Юнусов – по 100 руб., 2-й гильдии – сам сборщик А. Заманов и Г. Суеров – по 40 руб., 3-й гильдии – Г. и С. Зайцевы, М. и Я. Мустафины – по 16 руб. [7, л. 287].

[15] Юсуп Заманов – сын Дауда Аитовича Заманова, двоюродного брата сборщика Ахмета Заманова, в 1812 г. Юсуп владел мыловаренным и свечным заводом, на котором производилось 300 пудов мыла и 2000 пудов сальных свечей.

[16] Отметим, что для определения тяжести дополнительных сборов с населения нужно учитывать цены на продукты питания и предметы повседневного обихода. Например, в 1812 г. стоимость одной пары башмаков в Казани по договору подряда составляла 2 руб. 71 коп. с четвертью, одной пары сапог – 5 руб. 43 коп. с четвертью [11, л. 3].

В частности, 20 душ мещан, подведомых Казанской татарской ратуше, проживали в д. Ура Царевококшайского уезда. С 10 душ причиталось 27 руб., которые были взысканы через Царевококшайский нижний земский суд, а с остальных 10 душ были потребованы в тот момент, когда они обратились в ратушу с просьбой выдать им паспорт на отлучку из города, что было одним из проявлений административного нажима.

Итак, к 10 октября для Комитета пожертвований было собрано 328 руб. от купцов, 125 руб. от мещан, и еще 32 руб. от двух членов ратуши [7, л. 287]. К 12 октября с 9 семейств купцов в общей сложности было собрано 384 руб. (в источнике на месте написанной суммы имеются подчистки). 15 октября данная сумма была отправлена в Комитет пожертвований, который выдавал в таких случаях соответствующую квитанцию или уведомление о принятии денег, был написан рапорт гражданскому губернатору [7, л. 290].

В течение 6 недель сборщики не смогли собрать деньги с 20 семейств купцов всех 3-х гильдий (67 % от общего количества семейств, приписанных к ратуше), и 61 души мещан (57 %). В денежном выражении на купцах оставалось недоимки 4520 руб., а на мещанах – 163 руб. Чтобы исправить ситуацию, ратуша предписала сборщикам составить реестр неплательщиков и представить его во 2-ю часть городской полиции. Полиция должна была «отрядить квартального офицера», чтобы убедить неплательщиков в том, что «приносимыя ими жертва не только послужит в пользу отечества и заменит нужду государственную, но и самих их обезопасит от нападающего врага» [7, л. 287]. Практика подключения полиции к сбору денег на нужды ополчения была достаточно распространенной и в других губерниях, и связано данное явление было как с пассивным сопротивлением купечества оказываемому на них давлению, так и объективными затруднениями в финансовой сфере[17]. Данный факт

[17] Показателен в этом плане пример старосты Нижнего Новгорода И. Пятова, который рапортовал городской думе о том, что некоторые из купцов не приходят к нему для того, чтобы внести деньги, и она постановила составить «регистр» о неплательщиках и отправить его в полицию, чтобы «людей ко взносу понудить», а старосте «предписать с тем, что он и с своею стороны приложил ко взысканию всевозможное старание, в противном случае нерадение его останется на его отчёте». После обращения в полицию староста взыскал с купцов 2031 руб. 51 коп. [17, с. 9–17].

частично подтверждает тезис советских историков о том, что при самодержавии не могла получить осуществления идея разграничения функций полиции и выборных органов городского управления, а засилье полиции было вполне объяснимо и закономерно, однако в советской исторической науке отмечали произвольное вмешательство полицейско-административных властей в дела выборного городского управления, а в описываемом нами случае мы наблюдаем целенаправленное привлечение ратушей полиции для сбора пожертвований [24, с. 304].

18 октября 1812 г. в Казанский комитет пожертвований поступило из ратуши 3965 руб. [7, л. 297]. После этого сбор денег в ратуше продолжился – 24 октября Заманов представил 148 руб., причем объяснил, что он с остальных неплатящих купцов «хотя всячески старался с пособием от 2-й части взыскивать пожертвуемые деньги, но из них некоторые отзываются своим неимуществом, а другие нераспродажею товаров»[18].

В журнале заседания ратуши упоминается такая мера воздействия, как «....неплательщикам делать личные побуждения и настайвания» [7, л. 295 об.].

В полицию вторично было отправлено сообщение, и 28 октября из неё в ратушу был доставлен купец 3-й гильдии М. Пономарев «за неплатеж им пожертвуемых денег 160 руб. по неимуществу его для личнаго с него оных денег взыскание» [7, л. 307 об.]. В ратуше было принято решение взять с купца письменные показания о том, по какой причине он «пришел в неимущество», «куда объявляемый им каждогодно по 3-й гильдии по совести осмитысячный капитал употребил, в торгопроизводстве ли оный у него обращается или совсем его не имеет, а если в торгах, то через продажу их непременно и в скором времени выручил бы положенные с семейства его на пожертвование деньги 160 руб. и внес бы их в ратушу, через что себя избавил бы от дальнейшаго по законам взыскания» [7, л. 307 об.].

После подобного разбирательства купцы стали более активно сдавать деньги на нужды ополчения. 6 ноября 1812 г. в Комитет пожертвований поступило из ратуши 1480 руб. [7, л. 319]. К 8 ноября 1812 г. купеческие долги перед Комитетом составили всего 310 руб.

[18] Некоторые купцы сдавали деньги поэтапно: 2-й гильдии Я. Габбасов (половинное количество 20 руб.), 3-й гильдии И. Субаев (8 руб.).

[7, л. 320]. 15 ноября в него поступило от купцов и мещан 837 руб. [7, л. 325]. 19 ноября в ратуше был зачитан указ из Губернского правления о том, что наказание для купцов-неплательщиков будет предусмотрено Губернским правлением.

Поиск должников, не сдавших деньги на ополчение, продолжался и в последующие годы, когда война официально закончилась. В Казанской шестигласной думе в июне 1813 г. (!) была заведена специальная «Книга на записку взносимых казанскими купцами следующих в пожертвование на внутреннее ополчение денег с объявленных ими в 1812 г. капиталов».

В июне 1813 г. деньги внесли казанские 3-й гильдии купцы Н. Алкеев, А.Н. Квасников и Г. Ибрагимов, купеческая вдова Х. Мухаметова от имени сына А. Якупова, бывший купец Г. Беляев (каждый по 160 руб.). Интересен факт сбора денег с бывшего купца 3-й гильдии М. Сапкулова, ставшего в 1813 г. казанским мещанином. В 1812 г. он был на Макарьевской ярмарке, брал кредиты, о чём свидетельствуют выданные им векселя, задолжал по 500 руб. арским купцам Н.Б. Усманову, Б.Т. Хозясеитову, но в 1813 г. кредиторы вынуждены были «протестовать» векселя у маклера, купец стал банкротом. За ним числился долг в 110 руб., которые он не сдал на ополчение, и с него они были взысканы уже в 1813 г. [8, л. 2, 248].

Всего в период 6 июня – 10 июля 1813 г. была собрана сумма 1070 руб. [9, л. 1]. 17 июля казанский купец А. Назиров сдал 160 руб. 31 июля в Комитет пожертвований было отправлено 2129 руб. [9, л. 2].

Деньги продолжали поступать и в последующие годы. Так, в феврале 1814 г. от казанского купца И.С. Апанаева была принята сумма 400 руб. 14 января 1815 г. от избранного сборщика по 2-й части города Казани купца И. Азметева было представлено с объявленных купцами капиталов 1060 руб. [9, л. 2 об.–3 об.].

В 1815 г. в Казанской городской шестигласной думе была составлена Ведомость о пожертвованиях казанских купцов. По «приговору» было положено собрать 74 680 руб., собрано 59 127 руб. (т.е. 79 %). Из этой суммы большая часть была собрана сборщиками (54 598 руб., или 92 %), остальная сумма – Городской думой (4529 руб., или 7,7 %), но в Комитет пожертвований была представлена не вся сумма, собранная Городской думой, в ней осталось 2400 руб. [14, с. 334].

Таким образом, несмотря на непростую экономическую ситуацию, отсутствие продаж на Макарьевской ярмарке, увеличение пошлин, купечество всё же старалось выполнить свой долг перед государством. Часть из них вносила пожертвования добровольно и в объёме, превышавшем требуемую сумму, других пришлось «понуждать».

Приведенные выше цифры о пожертвованиях казанских купцов несколько отличаются от тех, которые были опубликованы спустя 100 лет после окончания войны. В 1912 г. для подготовки юбилейной брошюры сотрудник Общества истории, археологии, этнографии В.Р. Апухтин предпринял попытку собрать архивный материал об участниках Казанского дворянского ополчения и представить полную картину формирования Казанской военной силы [1]. Ему удалось определить вклад каждого сословия и уезда Казанской губернии в победу над Наполеоновской армией из материалов, представленных Казанским гражданским губернатором, из которых видно, что казанское купечество пожертвовало 74 040, мещане – 10 000, приписавшиеся иногородние купцы, так называемые «гости» – 640, татарское общество – 8360 (что входит в противоречие с Ведомостью Казанской городской шестигласной думы), цехи – 2000 руб. Чебоксарское общество собрало 3000, козьмодемьянское – 2000, свияжское – 700, цивильское – 500, лаишевское – 500, ядринское – 1520 руб. [1, с. 39]. Дворянство Казанской губернии пожертвовало всего 58 000 руб., по мнению Апухтина, даже на 7250 руб. больше того, что с них требовалось.

Вклад купечества в Отечественную войну 1812 г. не ограничивался пожертвованиями. В 1812 г. в Казанской губернии продолжилась работа различных мануфактур, так называемых «заводов» и «фабрик», являвшихся поставщиками амуниции, обмундирования, боеприпасов и прочих необходимых предметов для нужд войны. Купцы заключали договора с казной, различными учреждениями на поставку продукции собственных мануфактур.

В 1812 г. в губернии насчитывалось 139 мануфактур (для сравнения: в Пензенской губернии – 61, в Симбирской – 63) [2, с. 111, 113–126, 221].

В 1812 г. Казанская губерния была лидером Среднего Поволжья по производству изделий из кожи (здесь располагалось 94 кожевен-

ных предприятия, в Пензенской – 28 и в Симбирской губернии – 39, всего по стране 1150), мыловаренной продукции (23 предприятия против 14-ти в Пензенской, 2-х – в Симбирской и 181 – по стране). В Казанской губернии располагалось 16 % всех предприятий страны по хлопчатобумажному производству и 33 % поташных мануфактур.

В 1812 г. из 93 частновладельческих предприятий Казанской губернии 49 принадлежало купцам (52 %), 44 – мещанам (47 %) [6, с. 74–76]. В 1812 г. у татарских владельцев в казанских слободах на 11 кожевенных предприятиях вырабатывалось 97 840 штук кожи. Всего в Казани в это время было 35 кожевенных заводов, с выработкой 153 313 штук кож [15, с. 284–290]. Самые крупные кожевенные предприятия татарского купечества вырабатывали в 1812 г. от 20 000 кож (мануфактуры М. Апанаева и Я. Габясова с контингентом работников от 26 до 61 соответственно), самое маленькое – 800 кож при 5 работниках (принадлежало купцу К. Бакееву в деревне Белый Ключ) [6, с. 74–76]. В деревне Новый Менгер Казанского уезда казанской купеческой жене З. Абдуловой принадлежал кожевенный завод, в 10 чанах которого вырабатывалось 3000 штук разных кож в год, работало 12 вольнонаёмных работников [27, с. 54]. Во время Отечественной войны 1812 г. увеличился спрос на юфть[19]. По этой причине казанские мануфактуры увеличили объёмы выработки.

В Казани в 1812–1813 гг. насчитывалось 2 суконные «фабрики» (в губернии в целом – 3) [10, л. 270]. В 1812 г. Государственным советом были утверждены цены на сукно и каразею для поставки в казну (от 1 руб. 35 коп. за аршин). Известно, что уже в 1810 г. Казанская губерния находилась в числе наиболее преуспевающих в производстве хлопчатобумажных тканей регионов страны наряду с Владимирской, Московской, Астраханской губерниями. В 1812 г. 9 предприятий выработали 514 000 аршин кумача (33,87 % от всероссийского производства) при 307 станах и 534 рабочих [6, с. 107–108].

Развитие промышленности Казанской губернии в рассматриваемый период оказало непосредственное влияние на снабжение

[19] Юфть употреблялась на обувь (в основном подошвы, а также в качестве материала для передней части обуви), конскую сбрую, на ножны к ножам и кинжалам, ремни для опоясывания, переплёты для книг, шорный товар (например, уздечки), мелкие изделия – чемоданы, дорожные мешки, сумки.

армии материальными средствами, позволило (пусть даже частично) удовлетворить потребности войск в обмундировании и снаряжении. Возможности экономики не позволяли решить все задачи снабжения армии, и это потребовало от государства привлечения дополнительных бюджетных средств, пожертвований со стороны населения, увеличения налогов. Купечество Казанской губернии (будучи освобожденным от рекрутской повинности) внесло свой посильный вклад в победу над наполеоновской Францией, оказывая материальную поддержку государству и участвуя в производстве необходимых вещей для ополчения.

Источники и литература

1. *Апухтин В.Р.* Казанское дворянское ополчение 1812–1813–1814 гг. М.: Типография В.И. Воронова, 1912. 68 с.

2. *Арсентьев В.М.* От протоиндустрии к фабрике: модели производственно-отраслевой специализации и механизм функционирования промышленности России в первой половине XIX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2004. 264 с.

3. *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М.: Московский рабочий, 1968. 80 с.

4. *Бычков Л.Н.* О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 43–58.

5. *Валиуллин И.* «На пожертвование в пользу Отечества» (Татарская община г. Казани в 1812 г.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. №1. URL:http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2009_1/02/01/(дата обращения 30.11.2019).

6. Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. / издание Военного министерства. СПб.: Типография военного министерства, 1814. 174 с.

7. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 22. Оп. 1. Д. 36.

8. ГА РТ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 22.

9. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 118.

10. ГА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 216.

11. ГА РТ. Ф. 977. Оп. 624. Д. 747.

12. Донесение казанского гражданского губернатора Б.А. Мансурова министру полиции А.Д. Балашеву о мероприятиях, проведенных в Казанской губернии по сбору ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов / под ред. д-ра ист. наук Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 362–363.

13. *Дроздов Ф.Б.* Нижегородское ополчение в заграничном походе 1813–1814 гг. // Э.Г. Эрстрём. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород / сост. Г.М. Коваленко и А.А. Кузнецов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 239–293.

14. История Казани в документах и материалах. XIX век. Книга III: Управление, бюджет, хозяйство / под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Главное архивное управление при КМ РТ, 2011. 820 с.

15. История Татарии в материалах и документах / Институт истории АН и ТатНИИ марксизма-ленинизма. М.: Соцэкгиз, 1937. 503 с.

16. *Кафенгауз Б.Б.* Война 1812 г. и ее влияние на социально-экономическую жизнь России (По материалам предприятий Н. Демидова) // Вопросы истории. 1962. № 7. С. 69–80.

17. Материалы по истории Нижегородского края в эпоху Отечественной войны 1812 г. Выпуск 1. Финансы / под ред. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Типо-лит. «Нижегородское печатное дело», 1916. 262 с.

18. Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сборник документов / сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. 360 с.

19. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 22. № 16187.

20. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31. № 24116.

21. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31. № 24992.

22. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 32. № 25141.

23. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 32. № 25176.

24. *Рындзюнский П.Г.* Правовые отношения в городах и их влияние на городское развитие и рост городского населения // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Сб. статей под ред. М.К. Рожковой. М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1959. С. 292–307.

25. *Свердлова Л.М.* Купечество Казани: дела и люди. Казань: Матбугат йорты, 1998. 168 с.

26. *Филатов Н.* Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. Н. Новгород: Издательство «Книги», 2003. 512 с.

27. *Хабибуллина А.М.* Положение женщины в татарском обществе в конце XVIII – первой половине XIX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Хабибуллина Алсу Мирзаяновна. Казань, 2011. 262 с.

28. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 489. Оп. 286. Д. 209.

29. ЦАНО. Ф. 489. Оп. 286. Д. 216.

30. ЦАНО. Ф. 489. Оп. 286. Д. 229.

N.A. Koreeva

MERCHANTS OF KAZAN PROVINCE AND PATRIOTIC WAR OF 1812

Abstract. The article deals with some aspects of the social-economical development of Kazan province on the eve and during the Patriotic War of 1812, the contribution of the merchants of Kazan province in the formation of the military militia. Donations were collected in Kazan Tatar City Hall under whose authority merchants living in Old Sloboda and New Sloboda of Kazan, Kazan Magistrate and City Six Voice Duma operated. Donation committee was in Kazan. Every year, Kazan merchants actively participated in the Makaryevskaya Fair during which donation for militia needs was organized.

Keywords: Militia, Alexander I, merchants, Makaryevskaya Fair, Donation Committee, Kazan, Patriotic War, Tatars.

УДК 94 (47).07+364.054

С.В. Першин, Б.А. Борисов

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ ИЛИ СУРОВОЕ НАКАЗАНИЕ? К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯНСТВОМ МОРДОВСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX В.

Аннотация. Целью статьи является комплексный анализ рекрутчины, выступавшей в имперский период отечественной истории в качестве эффективного средства комплектования армии и действенного инструмента социального контроля. На основании архивных материалов и опубликованных источников автором устанавливаются причины негативного отношения населения к выполнению воинской повинности, определяется влияние, оказываемое рекрутской повинностью на социально-экономическое развитие мордовского края.

Ключевые слова: дворянство, рекрутчина, крестьянство, крепостничество, правонарушение, семья.

В имперский период отечественной истории массовые наборы рекрутов в военные и предвоенные годы оказывали существенное воздействие на социально-демографическое развитие российской провинции. Плотно населенная, достаточно удобно расположенная с точки зрения подготовки воинских резервов, территория современной Мордовии в XVIII–XIX вв. стабильно поставляла новобранцев для вооруженных сил страны.

Цель данной статьи – комплексный анализ рекрутчины, выступавшей в имперский период в качестве эффективного средства комплектования российской армии и действенного инструмента социального контроля. Учитывая необходимость обработки значительного массива данных, основу которых составили первичные материалы переписей податного населения – «ревизские сказки», территориальные рамки исследования нами намеренно ограничены Алаторским и Ардатовским уездами Симбирской губернии (Атяшевский район Республики Мордовия).

В царской России рекрутчина являлась одной из наиболее тяжелых повинностей, возложенных на податные сословия. В этой связи законодательно были четко определены очередность поставки военнослужащих, а также категории населения, освобожденных от призыва. Равномерно распределяя новобранцев между семействами, власти учитывали то, что в условиях аграрного производства в случае лишения последнего работника крестьянский двор окажется неспособным в полном объеме выплачивать подати и выполнять надлежащие повинности; обнищавшие крестьяне должны были опекаться и поддерживаться общиной.

В соответствии с Рекрутским уставом (п. 92) место семьи в рекрутском списке определялось наличным числом работников. При желании семья могла заменить очередника кем-либо из родственников (п. 112).

Судя по данным переписей, к середине XIX столетия крестьяне начали сдавать вместо кровных родственников приемных детей: с 1834 по 1850 г. на исследуемой территории нами было обнаружено 5 таких случаев (до этого времени не встречалось ни одного).

Взамен очередника домохозяйство могло нанять новобранца из чужого семейства. Первый подобный случай был зафиксирован в 1836 г. в с. Баево [14, л. 146 об.]. Всего же наемников в селах атяшевского края в 1834–1850 гг. насчитывалось 11 чел., в 1851–1858 гг. – 11 чел.

Законодательство Российской империи предусматривало использование рекрутчины в качестве меры социального контроля и профилактики правонарушений. В соответствии с Положением Департамента уделов мирские общества могли крестьян, «не радеющих о сельском их домоводстве и неисправных в платежах податей, удельных оброков и других по званию их повинностей не по несчастию какому-либо, а по дурному, развратному поведению», посредством общественных приговоров отдавать в рекруты или отсылать на поселение. Право дворян удалять из своих имений крестьян и дворовых было прописано в Своде законов Российской империи [3].

На территории современного Атяшевского района РМ рекрутчина использовалась в качестве средства наказания в первую очередь крестьян, незаконно покинувших место жительства. Отданы в рекруты после поимки: Игнатьев Иван (с. Алашеевка) в 1774 г., Семен Данилов (с. Каменка) в 1796 г., Иван Александров (с. Троицкое) в 1840 г. [6, л. 172; 7, л. 22; 12, л. 140 об].

В 1842 г. С. Карпов из с. Большие Монадыши был отдан в рекруты за кражу леса [13, л. 33 об.]. Максим Петров из с. Малые Монадыши в 1847 г. за членовредительство был сослан в Сибирь с зачетом рекрута владельцу [16, л. 264 об.].

В результате судебных решений были «забриты лбы» А. Гордеева из с. Мордовские Дубровки (1835 г.) [20, л. 589 об.], Е. Дмитриева из с. Киржеманы (1836 г.) [15, л. 138 об.]. В 1854–55 г. на службу были отправлены братья Панфиловы из с. Большие Манадыши [18, л. 179 об.].

В дореформенный период помещики, по своему усмотрению определявшие кандидатуры военнослужащих, использовали рекрутчину в качестве средства воздействия на крепостных. Нередко принятые решения свидетельствуют о произволе, царившем в частновладельческой деревне.

Орловская помещица Тимашева отправила в рекрут Евлампия (в 1817 г.) и Степана (в 1831 г.) Ивановых. Показательно то, что на

иждивении последнего из братьев находилась малолетняя дочь [11, л. 112 об.].

После смерти в 1839 г. Захара Николаева (с. Вечерлей) госпожа Лужина «избавилась» от его сыновей, отправив в 1840 г. в армию Ефима Захарова и в 1847 г. Савелия Захарова. Судя по всему, таким образом ликвидировалась бесперспективная, с точки зрения вотчинного управления, либо неблагонадежная семья [16, л. 91 об].

Михайловский помещик после смерти главы семьи Ивана Иванова (1803 г.) начал сдавать в рекруты его сыновей (Ивана – в 1804 г., Федора – 1808 г., Осипа – в 1809 г.) [10, л. 132; 12, л. 140 об.].

Возвращаясь к анализу влияния рекрутчины на развитие мордовского края, отметим, что количество набираемых в разные годы рекрутов зависело от потребности армии в пополнении [8, л. 197; 1, л. 1].

С целью исследования характера и размеров рекрутчины нами были обработаны первичные материалы переписей податного населения, находящиеся на хранении в региональных архивах (Центральном государственном архиве Республики Мордовия, Государственном Историческом архиве Чувашской республики, Государственном архиве Ульяновской области). По нашим предварительным оценкам, сохранность материалов в разные годы составляла 60–70 %.

Как показали проведенные нами подсчеты, наибольшее количество рекрутов было поставлено из населенных пунктов современного Атяшевского района в предвоенные и военные годы: 1808 г. (99 чел.), 1809 г. (113 чел.), 1812 г. (243 чел.), 1813 г. (244 чел.), 1854 г. (132 чел.), 1855 г. (179 чел.).

Всего же из сел и деревень исследуемого района в 1761–1858 гг. на военную службу было призвано и переведено в подчинение военного ведомства 3701 чел. Учитывая то, что в означенный период со службы вернулось всего 101 чел., то убыль можно оценить в 3600 чел.

О влиянии рекрутских наборов на состояние населения писали еще современники исследуемых событий. По сведениям В.В. Трубникова, в период с 1834 по 1850-е гг. вследствие рекрутской повинности численность населения Ардатовского уезда Симбирской губернии снизилась на 5,2 % [5, с. 368].

Военный фактор не только определял статус рекрутируемых, но и влиял на положение в обществе и уровень благосостояния членов их семей. Материалы Ардатовского рекрутского присутствия сви-

детельствуют: большая часть мужчин до набора состояла в браке. В 1851–1855 гг. почти 2/3 местных рекрутов были женатыми (вдовыми) и лишь 1/3 – холостыми [5, с. 374].

В соответствии с действовавшим законодательством супруга и малолетние дети рекрута, будучи освобожденными от податей и приписанными к военному ведомству, могли следовать к месту службы главы семьи [2, с. 128]. Однако воспользоваться этим правом, как показывают материалы Ардатовского уездного казначейства, смогли немногие. В 1811–1816 гг. в подчинение военного ведомства перешло 11 чел., в 1816–1834 гг. – 5 чел., 1834–1850 гг. – 6 чел.

По мнению историка П.П. Щербинина, личная свобода жены военнослужащего была условной и редко позитивно влияла на ее дальнейшую судьбу: «…солдатка освобождалась не только от крепостной зависимости, но и от всякой возможной поддержки крестьянского или мещанского общества» [21, с. 34–35]. Известный российский ученый В.Э. Ден в XIX в. отметил, что солдатские жены и их дети – «…самые печальные фигуры среди различных элементов простого люда того времени» [2, с. 127].

Избежать зависимости от военного ведомства солдатским детям было практически невозможно – они числились прикрепленными к армии даже после выхода их отцов в отставку. В 1832 г. Симбирской казенной палате было предписано освобождать от податей и повинностей семейства детей отставных солдат («малолетков») в случае добровольного их поступления на военную службу. При этом оговаривалось, что уходивший в солдаты должен отслужить не менее 15 лет, за что две ревизские души освобождались на такой же срок от податей и денежных повинностей. В случае, если в армию уходили два добровольца из семейства «малолетка», то вся семья, независимо от числа ее членов, освобождалась от всех повинностей, за исключением земской. Указ 1832 г. предписывал всех малолеток, не воспользовавшихся представленной возможностью, причислять в разряд пахотных солдат [4, л. 99–102].

Таким образом, в имперский период истории России рекрутчина, являвшаяся одной из наиболее тяжких повинностей, оказывала существенное воздействие на социально-экономическое развитие мордовского края. Особенно обременял крестьянские хозяйства уход в армию мужчин, находившихся в расцвете своих сил

в периоды крупных военных кампаний – в первую очередь, Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–55 гг. Анализируя урон, нанесенный военной обязанностью социально-демографическому потенциалу мордовской глубинки, следует учитывать не только длительность срока службы, но и то, что основная масса демобилизовавшихся уже не возвращалась на свои прежние места жительства.

Источники и литература

1. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 534. Оп. 1. Д. 201. Л. 1.

2. *Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М.: Университетская тип., 1902. Т. 2. Ч. 2. 319 с.

3. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 21. Отд. 1. № 21718.

4. Российский государственный исторический архив. Ф. 515. Оп. 1. Д. 1475.

5. *Трубников В.В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорскаго Русскаго географического общества / под ред. В.П. Безобразова. СПб., 1858. Кн. 3. С. 368.

6. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее ЦГА РМ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 10.

7. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 11.

8. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 42.

9. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 55.

10. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 55 а.

11. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 90 б.

12. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 95 б.

13. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 96 г.

14. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 97 а.

15. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 97 в.

16. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 99 а.

17. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 99 в.

18. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 104.

19. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 115 а.

20. ЦГА РМ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 353.

21. *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.

S.V. Pershin, B.A. Borisov

SACRED DUTY OR SEVERE PUNISHMENT? ON THE ISSUE OF EXECUTION OF CONSCRIPTION THE PEASANTRY OF THE MORDOVIAN REGION IN the SECOND HALF of XVIII – MID XIX Century

Abstract. The purpose of the article is a comprehensive analysis of recruitment, acting in the Imperial period of national history as an effective means of recruitment of the army and an effective tool of social control. On the basis of archival materials and published sources, the author establishes the reasons for the negative attitude of the population to the performance of military service, determines the impact of conscription on the socio-economic development of the Mordovian region.

Keywords: nobility, recruiting, peasantry, serfdom, offense, family.

УДК 94:356.15(470.40/.43) «1812/1814»

Т.С. Сергеев

ОПОЛЧЕНЦЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ВОЕННЫХ КАМПАНИЯХ 1812–1814 ГОДОВ

Аннотация. В статье приводятся сведения о формировании отрядов народного ополчения из жителей Среднего Поволжья в 1812 г. и об их участии в боевых действиях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах русской армии в 1813–1814 гг.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., заграничные походы, армия, военный округ, народное ополчение, героизм, патриотизм.

В марте 2019 г. отмечалось одно из важных событий из военной истории России – 205-летие со дня вхождения русской армии в Париж, поставившей последнюю точку после ее многочисленных военных кампаний 1812–1814 гг. Победа русской армии над «великой» французской армией, возглавляемой Наполеоном Бонапартом,

была достигнута не только благодаря полководческому таланту М.И. Кутузова и его генералов, героизму регулярных войск, но и общенациональному подъему всех слоев населения, ярко проявившемуся в форме народного ополчения. Народное ополчение – это добровольные военные и военизированные формирования из лиц, не подлежащих первоначальному призыву по мобилизации, создававшиеся в помощь регулярной армии. Такие примеры в истории России имели место в 1612, 1812–1814, 1941–1945 гг. Участие ополченцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. особенно актуально в связи с приближающимся 75-летием Великой Победы над фашистской Германией. В данной статье речь идет об ополченцах Среднего Поволжья начала XIX в. Наше сообщение основано преимущественно на материалах сборника документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.» [6]. При этом мы учитывали то, что в данном издании преимущественно упоминаются боевые действия представленных к награждению офицеров ополчения. Но за их действиями и поступками стоят стойкость, верность, подлинные подвиги тысяч безвестных ополченцев, жертвовавших своей жизнью ради спасения Отечества. Им иногда «гуртом» выдавали в качестве благодарности по рублю, а чины и ордена доставлялись командирам-дворянам.

Вступая в войну с превосходящими силами наполеоновской армии, захватившей всю Европу, Россия могла рассчитывать только на собственные силы, на многочисленное население Российской империи. Хотя к началу военных действий русская армия насчитывала около 900 тыс. человек против французской армии, Россия первоначально смогла выставить против Наполеона только 210 тыс. воинов [3, с. 60]. Из-за острой нехватки резервов правительство Александра I обратилось к дворянам и другим сословиям с призывом о создании земского войска: «Мы уже взывали к первопрестольному граду нашему Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений» [4, с. 15].

Инициативу в организации ополчения император возлагал на дворянство и купечество. Основным источником для набора ополченцев должно было стать крепостное крестьянство. В Манифесте

от 18 июля 1812 г. про другие категории селян было указано: «Государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется временное внутреннее ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с ним набора рекрутов по установленным правилам» [4, с. 16]. Ратники-ополченцы выставлялись помещиками из крепостных крестьян 17–45 лет из расчета 4–5 человек от 100 ревизских душ. Позднее эти нормы были удвоены. В ополчение попадали также добровольцы из мещан, ремесленников, духовенства. Свияжский архимандрит Израиль прислал к начальнику Казанского ополчения 60 слушателей Казанской духовной академии, большинство из которых воевали в качестве урядников [4, с. 424].

Помещичьи крестьяне охотно шли в народное ополчение, надеясь после победоносной войны на освобождение от крепостной зависимости. Многие казенные крестьяне обращались к властям с просьбой зачислить их в «земское войско». Так, в прошении крестьянина с. Слизнева Арзамасского уезда Нижегородской губернии М. Афанасьева на имя начальника Нижегородского ополчения Г.А. Грузинскому заявлено: «По воззванию всемилостивейшего государя нашего к защите престола и отечества с истинным усердием по долгу сделанной мною присяги в верноподданничестве государю императору, жертвуя собою, и ваше сиятельство покорнейше прошу под свое начальство в военное ополчение принять и определить в конные казаки, для чего представлю и собственную мою лошадь…» [4, с. 367].

Расходы по вооружению и снабжению ополченцев падали на уездные губернские дворянские собрания из добровольных пожертвований (эта сумма в 1812–1814 гг. достигла 83 млн. руб.), а с марта 1813 г. – за счет казны. Офицерский состав набирался из добровольцев-дворян, уже отслуживших в регулярной армии. К обучению ополченцев привлекались унтер-офицеры и старослужащие [4, с. 268].

По Манифесту от 18 июля 1812 г. сбор ополчения ограничивался 16 центральными губерниями, разделенными на три округа. 1-й округ (командующий генерал Ф.В. Растопчин), в который вошли Московская, Владимирская, Рязанская, Калужская, Тверская, Тульская, Смоленская, Ярославская губернии, предназначался для обороны Москвы. 2-й округ (командующие М.И. Кутузов, с 27 августа – ге-

нерал П.И. Меллер-Закомельский, с 22 сентября – сенатор А.А. Бибиков), состоявший из ополченцев Новгородской и Петербургской губерний, прикрывал петербургское направление. 3-й округ (командующий генерал П.А. Толстой), куда входили Казанская, Нижегородская, Костромская, Симбирская, Пензенская, Вятская губернии, должен был составлять резерв, который был задуман с различными целями: задержать противника на случай его прорыва в глубь страны, участвовать в конвоировании пленных французов и отечественных «неблагонадежных», служить гарантом спокойствия внутри страны. В эти округа не вошли созданные позднее народные ополчения Тамбовской, Псковской, Киевской, Курской и других губерний.

Формирование ополченцев 1-го и 2-го округов происходило в августе-октябре 1912 г., 3-го округа – до января 1813 г. [4, с. 4]. В тех губерниях, которые представили основную массу ополченцев, проживало 6,7 млн. крестьян, из этого числа должны были набрать 203 тыс. ратников [4, с. 5]. Сравнительно меньшее число ополченцев из Казанской и Вятской губерний объяснялось тем, что в этих двух регионах преобладали казенные крестьяне (см. табл. 1), а ополченские полки этих губерний пришлось даже объединить.

Таблица 1

Число мужских крестьянских душ по губерниям 3-го округа, с которых набраны ополченцы (по состоянию на 19 сентября 1813 г.) [4, с. 33]

№	Губерния	Число душ, платящих подати	В т. ч. помещичьих крестьян
1	Казанская	468408	83929
2	Нижегородская	449871	319598
3	Пензенская	409042	232721
4	Костромская	421619	289425
5	Симбирская	462715	233842
6	Вятская	651064	14247

Осенью 1812 г. были сформированы Казанское и Симбирское ополчения. В г. Алатыре был организован 1-й пехотный полк Симбирского ополчения под командованием генерала-майора А.М. Обо-

ленского. В ноябре-декабре в Казани было сформировано ополчение в составе четырех батальонов пеших (2400 чел.) и двух сотен конных воинов. Одновременно шел процесс сбора пожертвований на нужды ополчений [2, с. 420].

Если крестьяне сразу откликнулись на всенародный призыв, рассчитывая заодно на облегчение своей участи, дворяне же, напротив, оказались тяжелы на подъем: боясь лишиться рабочей силы, они всячески затягивали сбор и материальное обеспечение ополченцев, уклонялись от службы в качестве предводителей ополченских полков и эскадронов. Дворяне с готовностью отдавали своих крестьян на службу в ополчение, считая это своей основной заслугой перед Родиной, но неохотно участвовали в комплектовании ополченцев за счет своих собственных средств. Многие из них даже не являлись на место службы. Тем не менее в целом большинство полков заимело опытных командиров, прослуживших много лет в полевой армии. В конечном итоге в 1-м округе оказалось 133 401, во 2-м – 26 370, в 3-м – 43 659 ополченцев. Из этих народных воинов было сформировано 74 пеших полка, 2 батальона, 9 бригад (28 дружин), 13 конных полков и 3 сотни [4, с. 5]. Отдельные ополченские полки из регулярной конницы создавались на Дону, в Башкирии, в Калмыкии. Это движение приобрело всенародный характер.

Патриотический подъем народа выражался в массовых пожертвованиях в пользу ополчений виде денег, продовольствия, лошадей и скота. Жители Симбирской губернии пожертвовали 1,3 млн. руб. Жители Казанской и Вятской губерний внесли 346 тыс. руб. [4, с. 424], в том числе чебоксарцы – 3000 руб., ядринцы – 1520 руб., цивиляне – 500 руб. Купечество Казанской губернии жертвовало 2 % с объявленных ими капиталов (до 80 тыс. руб.) [2, с. 420]. Горожане Казани оказали радушный прием 30 тыс. московских переселенцев, временно покинувших столицу [4, с. 424]. Нижегородское дворянство внесло деньгами и вещами на сумму 875 тыс. руб. [4, с. 421]. В то же время купечество наживалось на войне, превышая цены на товары.

При снабжении войск оружием у правительства были опасения социального характера, однако оно было вынуждено идти на это. Сравнительно лучше были обеспечены огнестрельным оружием ополченцы 2-го округа. В 3-й округ было привезено 20 тыс. ружей [4, с. 396]. Такое вооружение приближало ополченские полки к кадровым, хотя они внешне отличались от них: носили рубаху, шаровары, суконные

кафтаны, сапоги, фуражку [5, с. 270]. Однако лишь небольшая часть ратников была обеспечена ружьями, основная масса – пиками, саблями, топорами. Это вынуждало использовать их преимущественно в прифронтовой полосе для «зачистки» освобожденных населенных пунктов, охраны коммуникаций, конвойной службы, обслуживания госпиталей, подвоза продовольствия и фуража и т.д.

В ходе сбора ополчений случались и стычки социального характера. Восставшие ополченцы 3-го пехотного полка Пензенской губернии, дислоцированного в г. Инсар, 10 декабря 1812 г. отказались выступить без принятия присяги императору, полагая, что сбор ополчения был инициирован не императором, а местными дворянами [4, с. 377–378]. За дни беспорядков около 400 ратников разбежались. Через три дня ратники-бунтовщики были усмирены. В г. Саранске ропот ратников удалось погасить мирным путем [4, с. 378–379]. 15–23 декабря 1812 г. беспорядки имели место в г. Чембар. Зачинщики были отправлены на каторгу или на поселение [4, с. 384]. В рапорте князя Г.С. Голицына Александру I от 2 января 1813 г. причиной волнений названы слухи о скором роспуске ополчения, как это имело место в соседней Тамбовской губернии [4, с. 386]. Кстати, рескриптом Александра I от 2 марта 1813 г. наказания ратникам Пензенского ополчения были отменены [4, с. 396].

Впервые в истории военных кампаний М.И. Кутузов масштабно и удачно использовал народное ополчение в войне. Эти ратники показали свои боевые возможности уже под Смоленском и Бородино. Так, в Бородинском сражении 26 августа 1812 г., где столкнулись 133-тысячная французская и 154-тысячная русская армии, у Кутузова на 115 тыс. регулярных войск приходились 11 тыс. казаков и 28 тыс. ополченцев, то есть почти каждый четвертый был ополченцем, который сражался отчаянно, но явно уступал солдату регулярной армии. Соответственно потери среди них были колоссальные. Кстати, свою 19-тысячную гвардию Наполеон так и оставил в тот день в резерве [6, с. 44].

В боях участвовали 140 тыс. ополченцев, т.е. каждый второй, в основном в заграничных походах. Согласно рескрипту Александра I от 28 сентября 1812 г. начальником губернских ополчений 3-го округа оставался П.А. Толстой, губернскими командующими ополчений – выдвинутые дворянскими сословиями лица: в Нижегородской – действительный камергер кн. Грузинский, в Костром-

ской – генерал-лейтенант Бардаков, в Пензенской – генерал-майор Кишенский, в Симбирской – действительный статский советник кн. Тенишев, в Казанской и Вятской – генерал-майор Булыгин [4, с. 367]. Ополченцы Среднего Поволжья, оказавшиеся в 3-м округе, продвигались на запад разными маршрутами через Муром, Рязань, Орел, Глухов, Житомир, Новоград-Волынский, Овруч, Мозырь, в марте 1813 г. достигли Днепра [4, с. 387]. Нижегородское ополчение участвовало в сражениях под Дрезденом, Магдебургом, Гамбургом. Казанское ополчение через Волынскую губернию дошло до Герцогства Варшавского, Силезии, Богемии, Австрии и Саксонии [4, с. 423]. Ополченцы 3-го округа были включены в состав корпусов Маркова и Дохтурова резервной (названной польской) армии под предводительством генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена [4, с. 397]. 6 сентября 1813 г. ополчение вступило в Силезию. 31 октября в упорных боях был взят Дрезден, при котором под командованием генерала-майора Розена участвовали 7 полков Костромского и Симбирского ополчений, части Рязанского, 5-го полка Нижегородского и 5 башкирских полков [4, с. 398]. 3 ноября 1813 г. отличились ратники Пензенского конно-казачьего полка при штурме г. Магдебурга [4, с. 404]. При взятии крепости Глогау 29 марта 1814 г. боевую доблесть продемонстрировали ратники Костромского и Симбирского ополчений [4, с. 406]. После роспуска ополчений некоторые ополченцы добровольно вступали в регулярную русскую армию и дошли до Парижа. В битве под Дрезденом в составе Казанского ополчения приняли участие уроженцы Чувашии А. Иванов из д. Муратово, Е. Клементьев из д. Буртасы (ныне Урмарского района), П. Петров из д. Вторые Хормалы, В. Родионов из д. Байгильдино (Канашского района), М. Алексеев из д. Кармалы (Янтиковского района), С. Васильев из д. Починок Быбыть (Комсомольского района), И. Григорьев из д. Уты Камаево поле тож (Ибресинского района), С. Семенов из д. Тиуши (Цивильского района), В. Григорьев из д. Тяптяево (Ядринского района), С. Симонеов из д. Кожар-Яндоба (Вурнарского района) и др. Многие из них были награждены и повышены в чине [1].

После выполнения своей миссии народные ополчения были возвращены на родину. Нижегородцы вернулись в апреле 1815 г. [4, с. 421]. казанцы – в мае 1815 г. [4, с. 423]. Не попал домой каждый третий ополченец. Царское правительство обмануло их ожидания и мечты о воле, ограничившись выпуском памятной медали [4, с. 7].

Воины, отданные дворянством в состав ополчений, получили от своих помещиков полную амуницию, на три месяца провианта и по 5 руб. награждения [4, с. 423]. Так царское правительство оценило их вклад в победу над внешним врагом. Награды получили только офицеры и генералы. Тем не менее народы России сохранили о них добрую память как об истинных защитниках Отечества.

Источники и литература

1. *Григорьева Г.* Воевали чуваши во славу России // Советская Чувашия. 1996. 7 сентября.

2. *Григорьева Г.И.* Уроженцы Чувашии в войнах с наполеоновской Францией, Отечественной войне 1812 г. // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 419–420.

3. История России XIX – начала XX в.: учебник для исторических факультетов университетов / под ред. В.А. Федорова. М.: Изд-во ЗЕРЦАЛО, 1998. 752 с.

4. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: сб. документов / под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 549 с.

5. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 // БСЭ. 3-е изд. Т. 17. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1971. С. 270.

6. *Троицкий Н.А.* Россия в XIX веке. Курс лекций: учеб. пособие по спец. «История». М.: Высшая школа, 1999. 431 с.

T.S. Sergeev

THE MILITIA OF THE MIDDLE VOLGA IN THE MILITARY CAMPAIGNS OF THE 1812–1814 YEARS

Abstract. The article provides information about the formation of the ranks of the militia of the inhabitants of the middle Volga region in 1812 and their participation in the fighting of the Patriotic war of 1812 and foreign campaigns of the Russian army of 1812–1814.

Keywords: Patriotic war 1812, campaigns, army, military district, people's militia, heroism, patriotism.

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА

УДК 94

О.Е. Ащеулов

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГВАРДЕЙСКИХ МИНОМЕТНЫХ ЧАСТЕЙ РККА В 1941–1942 ГОДАХ И ИХ РОЛЬ В ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Аннотация: В статье на основе рассекреченных постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) СССР рассматривается краткая история формирования гвардейских минометных частей в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года по 28 декабря 1942 года. В статье автор также кратко анализирует роль гвардейских минометных частей в ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная Армия, «Катюша», гвардейские минометные части.

Одним из самых известных и популярных символов оружия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне являются реактивные системы залпового огня БМ-8 и БМ-13, получившие в народе ласковое прозвище «Катюша» и ставшие основным вооружением для гвардейских минометных частей (ГМЧ) в 1941–1945 годах. Обстановка повышенной секретности, в которой создавался новый тип оружия и формировался новый род войск, привела к тому, что реальная история советской реактивной артиллерии периода Второй мировой войны оказалась мало исследованной и мало

доступной для широкого читателя. В связи с этим в настоящей статье кратко рассматривается процесс формирования гвардейских минометных частей в период с 22 июня 1941 года до 29 апреля 1943 года, когда гвардейские минометные части организационно были подчинены командующему артиллерией Красной Армии. Кроме того, в статье также показывается роль ГМЧ в ходе боевых действий на примере оборонительного этапа Сталинградской битвы.

Началом формирования частей полевой реактивной артиллерии послужило постановление ЦК ВКП (б) от 21 июня 1941 года о развертывании серийного производства снарядов М-13, пусковых установок М-13 и начала формирования частей реактивной артиллерии. Первой отдельной батареей, получившей семь установок БМ-13, командовал капитан И.А. Флеров.

Успешные действия батарей реактивной артиллерии способствовали бурному росту этого молодого вида оружия. Уже 8 августа 1941 года по приказу Верховного главнокомандующего И.В. Сталина началось формирование первых восьми полков реактивной артиллерии, которое было закончено к 12 сентября того же года. Дополнительно к этим полкам до конца сентября был создан девятый по счету полк.

Элитность и значимость батарей дивизионов и полков реактивной артиллерии Красной Армии подчеркивалось тем обстоятельством, что сразу при формировании им присваивалось почетное звание гвардейских. По данной причине, а также в целях соблюдения секретности советская реактивная артиллерия и получила свое официальное название – «гвардейские минометные части» (ГМЧ). В массовом сознании за установками полевой реактивной артиллерии М-8 и М-13 закрепилось другое название – «Катюша».

Советское военное руководство по достоинству оценило все перспективы нового оружия. Уже 8 сентября 1941 года вышло постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 642 [1, л. 188–189], которое стало важной вехой в истории советской полевой реактивной артиллерии. Согласно данному постановлению, гвардейские минометные части были выделены из состава Главного артиллерийского управления. Одновременно с этим вводилась должность командующего гвардейскими минометными частями, который должен был подчиняться непосредственно Ставке Главно-

го Верховного Командования (СВГК) Советского Союза. Первым командующим гвардейскими минометными частями (ГМЧ) стал военинженер 1-го ранга В.В. Аборенков, бывший до этого заместителем начальника Главного артиллерийского управления. При командующем ГМЧ был сформирован штаб, главное управление вооружений минометных частей М-8 и М-13, а также оперативные группы на основных направлениях.

Основной тактической единицей гвардейских минометных частей стал гвардейский минометный полк. Организационно он состоял из трех дивизионов реактивных установок М-8 или М-13, зенитного дивизиона, а также подразделений обслуживания. Всего в полку числилось 1414 человек, 36 боевых машин, двенадцать 37-миллиметровых зенитных пушек, 9 зенитных пулеметов ДШК и 18 ручных пулеметов. Однако тяжелое положение на фронтах и снижение выпуска зенитных артиллерийских орудий привело к тому, что в 1941 году некоторые части реактивной артиллерии в реальности не имели зенитного артиллерийского дивизиона. Переход к штатной организации на базе полка обеспечило повышение плотности огня по сравнению со структурой на базе отдельных батарей или дивизионов. Залп одного полка реактивных установок М-13 состоял из 576, а полка реактивных установок М-8 из 1296 реактивных снарядов [1, л. 191–198].

Анализ постановлений Государственного Комитета Обороны позволяет сделать вывод о стремительном развитии гвардейских минометных частей. Приведем лишь несколько примеров. Постановлением ГКО № 1152 от 15 января 1942 года [2, л. 95–100] на командующего гвардейскими минометными частями возлагалось формирование в Москве 20 полков М-13 в период с 15 января по 5 марта 1942 года. Следует отметить, что данные полки формировались уже по новому штату, утвержденному Наркоматом обороны СССР 13 января 1942 года. 9 марта того же года вышло постановление ГКО № 1413, в котором В.В. Аборенкову приказывалось сформировать до 25 апреля 20 новых полков М-8 и М-13 [3, л. 1–14]. При этом вновь создаваемые полки оснащались установками реактивных снарядов, смонтированными на автомобилях иностранного производства «Форд Мармон» и «Остин». Постановление ГКО № 1713 от 8 мая 1942 года поручало В.В. Аборенкову в период

с 5 июня по 5 июля 1942 года сформировать дополнительно 15 гвардейских минометных полков и 15 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13 [6, л. 37–50].

Вскоре у «Катюши» объявился «младший брат». В мае 1942 года группа офицеров Главного управления вооружений разработала снаряд М-30, в котором к ракетному двигателю от М-13 присоединялась мощная надкалиберная головная часть, выполненная в форме эллипсоида, с максимальным диаметром 300 мм. После успешных полигонных испытаний 4 июня 1942 года Государственный Комитет Обороны издал постановление № 1867 о принятии на вооружение М-30 и начале его серийного производства [4, л. 89–91].

В течение июня и первой половины июля 1942 года было сформировано 20 отдельных гвардейских минометных дивизионов М-30. Каждый дивизион состоял из трех батарей, по 32 рамы в батарее. Дивизион М-30 (96 рам) в течение двух-пяти минут мог выпустить 384 снаряда при стрельбе на дальность 2600 м. Семь дивизионов М-30 в порядке опыта были объединены в два полка и направлены на Западный фронт. К середине августа 1942 года уже имелось более 70 дивизионов М-30, из них основная масса была сосредоточена в войсках Волховского, Калининского, Западного и Сталинградского фронтов.

Руководство СССР придавало формированию дивизионов М-30 очень важное значение. Об этом свидетельствуют следующие факты. Например, 27 июня 1942 года был издан приказ Ставки Верховного Главнокомандования (СВГК) 00132. Согласно данному документу, начальникам всех центральных управлений НКО приказывалось обеспечить вновь формируемые дивизионы М-30 кадрами, вооружением и автотранспортом вне всякой очереди. В этот же день 27 июня 1942 года вышло постановление ГКО № 1937, согласно которому для обеспечения формируемых 40 дивизионов М-30 Наркомвнешторг (Микоян) и Наркомсредмаш (Акопов) обязывались выдать ГМЧ в счет резерва СВГК 800 штук импортных автомашин в следующие сроки: к 28 июня 1942 г. – 300 автомашин, к 5 июля 1942 года – 300 автомашин [7, л. 84].

В общей сложности к концу 1942 года было сформировано более 90 дивизионов М-30.

В ноябре и декабре 1942 года из отдельных дивизионов М-30

непосредственно на фронтах были созданы тяжелые гвардейские минометные бригады. Всего в период с 19 ноября по 31 декабря 1942 года было создано 17 бригад полевой реактивной артиллерии, причем 8 бригад из этого количества вошли в состав тяжелых гвардейских минометных дивизий.

Согласно штату № 08/303 от 26 ноября 1942 года, тяжелая гвардейская минометная бригада состояла из шести отдельных дивизионов М-30, имела штаб, взвод технического обслуживания, отделение обслуживания и пункт медицинской помощи. На вооружении тяжелой гвардейской минометной бригады находилось 288 рам М-30.

Переход Красной Армии к наступательным операциям в конце 1942 года способствовал появлению новых крупных соединений в гвардейских минометных частях. Таким соединением стала тяжелая гвардейская минометная дивизия. Приказом НКО СССР № 00244 от 26 ноября 1942 года предписывалось сформировать и иметь в распоряжении Ставки 1, 2 и 3-ю тяжелые гвардейские минометные дивизии. Согласно данному приказу в состав тяжелой гвардейской минометной дивизии входили две бригады М-30 и 4 полка М-13. В общей сложности дивизия имела на вооружении 576 рам М-30 и 96 установок БМ-13 [10, л. 406–408].Таким образом, один залп дивизии состоял из 3840 снарядов общим весом в 230 тонн.

С 5 по 23 декабря 1942 года были сформированы 3 тяжелые гвардейские минометные дивизии. Дополнительно к 28 декабря 1942 года была образована четвертая тяжелая гвардейская минометная дивизия. Данные дивизии формировались в Москве. В 1943 году дополнительно были созданы 5-я, 6-я и 7-я тяжелая гвардейская минометная дивизии.

Теперь от краткой истории формирования гвардейских минометных частей перейдем к рассмотрению их роли в ходе боевых действий на примере оборонительного этапа Сталинградской битвы.

В отражении непрерывных атак противника на Сталинград весомый вклад внесли гвардейские минометные части. В общей сложности Сталинградский фронт на 18 июля 1942 года имел в своем распоряжении 9 полков и один отдельный дивизион реактивной артиллерии. В них насчитывалось 67 установок М-8 и 156 установок М-13 [5, л. 76].

Согласно справочнику «Боевой состав Советской Армии 1941–1945 гг.», по состоянию на 1 августа 1942 года Сталинградский фронт располагал 14 гвардейскими минометными полками и одним отдельным гвардейским минометным дивизионом реактивных установок.

Количество гвардейских минометных частей, участвовавших в боях за Сталинград, возрастало в ходе всего оборонительного этапа Сталинградской битвы. К 12 сентября 1942 года советские войска на сталинградском направлении располагали уже 27 полками и 3 отдельными дивизионами М-8 и М-13, а также 16 отдельными дивизионами М-30. Таким образом, всего на 12 сентября 1942 года войска сталинградского направления имели 98 дивизионов полевой реактивной артиллерии. Мощной группировкой реактивной артиллерии обладал образованный 1 октября 1942 года Донской фронт под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. На 1 октября 1942 года в его состав входили 15 гвардейских минометных полков и 2 отдельных гвардейских минометных дивизиона. В октябре 1942 года на сталинградское направление дополнительно прибыли с Западного фронта еще два отдельных гвардейских минометных дивизиона М-30, которые приняли участие в оборонительных боях за Сталинград. Гвардейские минометные части, прибывавшие на сталинградское направление в первой половине ноября 1942 года, поступали в распоряжение вновь сформированного в конце октября 1942 года Юго-Западного фронта.

В ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы для удобства управления были созданы две оперативные группы гвардейских минометных частей.

Участие реактивной артиллерии в обороне Сталинграда можно проследить на примере боевых действий 19-го гвардейского минометного полка под командованием полковника А.И. Ерохина.

Лично В.И. Чуйков в своих воспоминаниях писал, что «он никогда не забудет полк «Катюш» во главе с полковником Ерохиным» [12, с. 181].

В этом полку направляющие рамы (рельсы) для снарядов были смонтированы на гусеничной базе Т-60, которая давала установкам хорошую маневренность в любом месте и на любой местности. Боевые реактивные установки полка находились вместе

с передовыми подразделениями нашей пехоты и уничтожили большое число немецких и румынских солдат и офицеров. 26 июля на правом берегу Дона полк А.И. Ерохина участвовал в отражении наступления 51-го армейского корпуса фашистов. В начале августа данный полк вошел в южную оперативную группу войск. В первых числах сентября во время немецких танковых атак на р. Червленная в районе д. Цибенко полк опять на самом опасном месте дал залп из 82-миллиметровых «Катюш» по основным силам врага. Когда 62-я армия вела уличные бои с сентября до конца января 1943 года полк «катюш» полковника А.И. Ерохина постоянно получал боевые задачи командарма В.И. Чуйкова от командующего артиллерией армии генерала Н.М. Пожарского. Находясь в самом Сталинграде, выбрав позиции за крутым берегом Волги, этот полк был неуязвим от артиллерийского обстрела противника. Свои же боевые установки на гусеничном ходу Ерохин быстро выводил на огневые позиции, давал залп и с такой же быстротой снова уходил в укрытие. Поддерживая части 62-й армии Чуйкова при обороне Сталинграда, реактивные установки полка А.И. Ерохина производили 10–20 залпов в сутки. В качестве доказательства приведем отрывок из отчета о боевой деятельности 19-го гвардейского минометного полка в оборонительных боях Сталинградской битвы: «…4-го октября получено боевое распоряжение опергруппы ГМЧ Сталинградского фронта: полку в полном составе выйти из подчинения 64-й армии и войти в подчинение 62-й армии, сосредоточиться в районе завода «Красный октябрь» г. Сталинград. В обороне г. Сталинграда 112-й дивизион 19-го гвардейского минометного полка показал образцы борьбы с немецкими захватчиками, личный состав не щадя своей жизни и силы громил немецкие полчища – производил от 10 до 20 залпов в сутки, несмотря на усиленный минометно-артиллерийский огонь и бомбежку противника. Весь личный состав, находившийся на правом берегу реки Волга, за мужественную борьбу с врагом командующим 62-й армии генерал-лейтенантом В.И. Чуйковым награжден правительственными наградами, орденами и медалями...» [11, л. 234].

По подсчетам с советской стороны, за время оборонительных боев под Сталинградом вышеуказанным полком Ерохина было от-

бито свыше 40 атак, сожжено и подбито более 50 танков, уничтожено 160 автомашин и 14 минометных батарей, а также большое количество живой силы противника. Эти данные выглядят завышенными, но они дают представление о той напряженной работе, которая выпала на долю частей реактивной артиллерии Сталинградского фронта в оборонительных боях.

Активно действовали части реактивной артиллерии и на других фронтах в ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы. Согласно официальной статистике, в общей сложности за период оборонительных боев под Сталинградом гвардейскими минометными частями было произведено 45 полковых, 1400 дивизионных, 1120 батарейных залпов и сотни залпов отдельными боевыми машинами реактивной артиллерии. Всего по немецким войскам за оборонительный период Сталинградской битвы было выпущено свыше сотни тысяч реактивных снарядов. Боевая слава гвардейских минометных полков Н.В. Воробьева (4-й гмп), Л.З. Парновского (5-й гмп), Т.Ф. Черняка (18-й гмп) и А.И. Ерохина (19-й гмп) гремела на весь фронт.

Подведем краткие итоги.

Для первого периода Великой Отечественной войны характерной чертой стало бурное развитие реактивной артиллерии. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные. На 1 января 1942 года в фронтах и резерве Ставки Верховного Главнокомандования имелись: 31 отдельный дивизион М-8 и 43 отдельных дивизионов М-13, а также три полка реактивных установок М-8 и два полка реактивных установок М-13 (всего 87 дивизионов). По состоянию на 4 июля 1942 года Красная Армия располагала уже 23 отдельными дивизионами М-8, 19 отдельными дивизионами М-13 и 12 отдельными дивизионами М-30. Кроме того, к этому числу следует прибавить 10 отдельных полков М-8 и 44 отдельных полка М-13. Таким образом, всего на 1 июля 1942 года насчитывалось 216 дивизионов реактивной артиллерии.

К 19 ноября 1942 года в общей сложности на фронтах и в резерве СВГК было 365 дивизионов реактивной артиллерии. Из них 204 (56 %) составляли дивизионы М-13 и 76 (21 %) дивизионы М-8. На долю тяжелых реактивных установок М-30 приходилось 85 (23 %) дивизионов. При этом 186 дивизионов М-13, 57 дивизионов М-8

и 16 дивизионов М-30 организационно входили в состав полков, а остальные 106 дивизионов (30 %) были отдельными.

В ходе оборонительных боев под Сталинградом было задействовано почти втрое больше гвардейских минометных частей, чем их было в оборонительный период битвы под Москвой. В отличие от боев под Москвой, части реактивной артиллерии под Сталинградом обычно действовали в полном составе. Командиры гвардейских минометных полков имели возможность непрерывно руководить боевыми действиями дивизионов и использовали в полной мере их маневренные и огневые возможности. Дивизии, которые вели боевые действия на главных участках сталинградского направления, обычно усиливались одним-двумя гвардейскими минометными полками. Кроме того, командующий армией, в зависимости от обстановки, имел в своем резерве дивизион или полк реактивной артиллерии.

В заключение следует отметить, что «Катюши» успешно применялись до самого окончания Великой Отечественной войны, заслужив любовь и уважение советских солдат и офицеров – с одной стороны, страх и ненависть военнослужащих вермахта – с другой. Реактивная артиллерия за время Великой Отечественной войны прочно заняла свое место в составе Красной Армии и по праву стала одним из символов победы Советского Союза в Второй мировой войне.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 8.

2. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19.

3. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 24.

4. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38.

5. РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 26.

6. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 34.

7. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 40.

8. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 110.

9. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 111.

10. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 11. Д. 68.

11. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 12713. Оп. 1. Д. 10. Л. 234.

12. *Чуйков В.И.* Сражение века. М.: Советская Россия, 1975. 395 с.

O.E. Ashcheulov

THE HISTORY OF FORMATION OF THE GUARD MORTAR PIECES OF THE RED ARMY IN 1941–1942 AND THEIR ROLE IN THE DEFENSE STAGE OF THE STALINGRAD BATTLE

Abstract. On the basis of declassified decrees of the State Defense Committee (SDC) of the USSR, as well as materials from the Geprgy M. Malenkov «special folder» on the formation of the Red Army Field reactive artillery the author shows a brief history of the formation of the Guard mortar units in the period of the Great Patriotic War (June 22, 1941 – 28 December 1942). The author briefly analyzes the role of the Guard mortar units during the defensive phase of the Battle of Stalingrad.

Key words: Great Patriotic War, Red Army, «Katyusha», Guards mortar units.

УДК 271.2(09)(075.8)

Ю.В. Ерошкин

ДВИЖЕНИЕ «НЕПОМИНАЮЩИХ» НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена истории движения «непоминающих» на территории Марийского края. В ней говорится о причинах появления в стране данного церковного направления, приводятся краткие сведения по истории его на территории МАО-Марийской АССР в довоенное время, рассказывается об отношении «непоминающих» к Великой Отечественной войне. В публикации обосновывается мысль о том, что отказ части верующих воевать на фронтах и трудиться в тылу, связан со стремлением оставаться верными Христу в условиях попытки построения в СССР антихристианского общества и государства, которое по многим параметрам напоминало «непоминающим» правление Антихриста последних времен.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, движение «непоминающих», Декларация митрополита Сергия (Страгородского), Антихрист, тоталитарное государство.

Многолетние исследования истории Великой Отечественной войны и их трансляция в культуре породили немало мифов. Некоторые из них появились в советское время, некоторые являются «достижением» постсоветской историографии. Одним из распространенных в общественном сознании мифов постсоветского времени является точка зрения об отношении православных верующих к Великой Отечественной войне и участию в ней, когда считается, что в этом вопросе православные проявляли полное единодушие, считая дело защиты Отечества на фронте или труд в тылу своей прямой обязанностью.

Действительно, патриотическая позиция части верующих выявилась сразу с началом войны. 22 июня 1941 года стоявший во главе Русской Православной Церкви митрополит Сергий (Страгородский) обратился к пастве с посланием, в котором говорилось: «Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству. Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины» [12, с. 15]. 26 июня митрополит Сергий, совершая торжественный молебен о победе русского воинства в Богоявленском соборе Москвы, говорил: «Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной» [5, с. 119]. Послание владыки Сергия первых дней войны дошло и до приходов Марийского края, имеются сведения о распространении его, например, в Горномарийском, Еласовском, Юринском районах [8, л. 45]. Многие верующие и даже некоторые священнослужители из МАССР сражались на фронтах Великой Отечественной войны, работали на трудовом фронте. Церковь собира-

ла средства на военные нужды. Например, в открытых в 1944 году Воскресенском соборе Йошкар-Олы и храме Рождества Пресвятой Богородицы села Семеновка в том же году в фонд обороны страны и в помощь детям погибших было собрано около 14 тысяч рублей [11, с. 113].

В то же время позиция верующих по отношению к войне и участии в ней не была единодушной. Помимо находившихся под омофором митрополита Сергия в республике оставались последователи «непоминающих», многие из которых считали для себя невозможным помогать безбожной, антихристовой власти в ходе боевых действий и на трудовом фронте. Такое отношение к общественным явлениям, действиям советской власти, смущающим совесть верующих, проявлялась и в довоенное время, с конца 1920-х годов. Одной из насущных задач Русской Церкви того периода была легализация церковного управления. 18 мая 1927 года с разрешения руководства страны был образован Временный Патриарший Священный Синод, 25 мая на его первом заседании правящим архиереям предложили организовать при себе епархиальные советы и зарегистрировать их в органах власти. Однако такая легализация была достигнута путем компромисса, отражением которого стала так называемая Декларация митрополита Сергия (Страгородского) от 29 июля 1927 года, призывавшая верующих к лояльности по отношению к советской власти при отсутствии в тексте всякой критической оценки политики правительства по отношению к Церкви. Затем последовали еще более неоднозначные шаги: 15 февраля 1930 года в интервью за подписью митрополита Сергия для газет «Известия» и «Беднота» отрицался факт гонений на верующих в стране, в интервью иностранным корреспондентам от 18 февраля закрытие церквей объяснялось распространением атеизма. Уже с лета 1927 года началось вмешательство властей в кадровую политику Церкви, выразившееся в перемещении и удалении с кафедр неугодных советским органам архиереев. 21 октября того же года указом митрополита Сергия было отменено литургическое поминовение епархиальных архиереев, находившихся в заключении.

Такая политика компромиссов и уступок вызвала несогласие у целого ряда архипастырей и единомысленных с ними священнослужителей, монашествующих и мирян. При этом они прекрати-

ли поминовение за богослужениями митрополита Сергия (Страгородского), как Первоиерарха Русской Православной Церкви, в результате чего получили наименование «непоминающих». Среди центров распространения данного движения в СССР выделяются Кировская область, ЧАССР, ТАССР, пограничные с Марийским краем, что, безусловно, сказалось на распространении данного течения в МАО-МАССР. Наиболее активно «непоминающие» действовали на территории Горномарийского, Йошкар-Олинского, Новоторъяльского, Оршанского, Сернурского районов, городов Йошкар-Олы и Козьмодемьянска. К ноябрю 1929 года в МАО насчитывалось 9 так называемых викторовских приходов, в начале 1930-го – 8, в 1931-м – 6, в начале 1932-го – 4, в 1933–1937-м – 2 [10, с. 107]. Сокращение числа «непоминающих» было связано, прежде всего, с репрессивной политикой властей: в 1929–1934 годах было арестовано более 100 участников данного движения [10, с. 107], в 1936-м – 47 [10, с. 115]. Несмотря на репрессии, движение «непоминающих» на территории Марийского края сохранилось. В основном это были миряне, собиравшиеся для совместных молений по домам. В 1938 году более 350 человек по МАССР отказались принимать участие в выборах по религиозным убеждениям [10, с. 116], в 1939-м на выборах в местные советы отказалось от голосования 690 человек [6, л. 52]. В Пектубаевском районе, например, на выборы в Верховный совет СССР не явились 84 человека, в Верховные советы союзных и автономных республик – 44, в местные советы – 60 [7, л. 27].

К началу и в годы Великой Отечественной войны многие «непоминающие» по-прежнему проживали на территории северо-восточной части МАССР, часть военнообязанных при этом скрывалась в лесах, где организовывались тайные церкви и даже монастыри. Упоминаний о таковых на территории Марийского края не выявлено, но уроженцы земли марийской уходили в поселения на территории Кировской, Нижегородской областей, ЧАССР. Часть «непоминающих» покидали во время войны производство, колхозы, не имели постоянного места жительства, уклонялись от мобилизации в армию и на трудовой фронт, от уплаты налогов, оставляли части Красной армии, считая Отечественную войну не Отечественной, а войной за советскую антихристову власть против Бога [1, л. 225]. Но основным деланием верующих были труды на духовной ниве.

Они собирались по выходным и церковным праздникам, устраивали моления (при наличии священника совершалась Литургия), читали Евангелие, Псалтирь, акафисты, пели канты, по религиозным соображениям не отдавали своих детей в советскую школу, не участвовали в выборах и переписях населения [2, л. 50, 60, 86]. Широкой трансляции своих взглядов об отношении к войне вовне они не вели, все это происходило в рамках семейной жизни, или в кругу единомышленников. Никакой контрреволюционной деятельности в этом, как это пытались представить органы НКВД, не было, это была стратегия отделения, размежевания с миром антихриста [3, с. 91], не участия в делах его.

Для того чтобы более подробно оценить этот «антисоветский эсхатологизм», обратимся к пониманию Церковью личности Антихриста [4, с. 821]. Слово «антихрист» имеет двоякое значение. В общем смысле так называется всякий, кто не исповедует Господа Иисуса Христа, пришедшего во плоти. Но эти антихристы – только предшественники Антихриста в строгом смысле этого слова.

Антихрист – это описанный в христианской эсхатологии человек, противник Иисуса Христа, выдающий себя за Бога (2 Фес. 2, 4). Явится он непосредственно перед вторым пришествием Христовым, перед кончиной мира. Но так как никто кроме Бога Отца не знает, когда наступит эта кончина, то неизвестно также и время пришествия Антихриста.Таковое пришествие будет готовиться в течение долгого времени, подготовителями его станут люди особенно боговраждебные. Считается, что Антихрист будет обладать большими дарованиями. Сначала он покажет себя человеком добродетельным, кротким, человеколюбивым, и только после того, как привлечет к себе многих и усилится, обнаружит свою злобу во всей силе. Антихристу дана будет власть «над всяким коленом и народом, и языком, и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца» (Отк. 13, 7–8). С общественной точки зрения Антихрист – это всемирный властелин, всемирный тиран, власть свою он приобретет не только через победоносные завоевания, но и через обольщение людей коварством и чудесами. Отвергая и осмеивая истинного Бога, истребляя всякую религию, Антихрист себя одного объявит богом, потребует поклонения и служения себе. Тех, на кого не подействует

обольщение, он будет заставлять поклоняться себе всевозможными лишениями и гонениями, упорствующие и далее будут убиваемы (Отк. 13, 15). После сорока двухмесячного царствования Антихрист погибнет.

Прообразами Антихриста для населения нашей страны являлись В.И. Ленин и И.В. Сталин. Многие из особенностей социально-политической жизни СССР довоенного времени напоминают описания царства Антихриста последних времен. Это и стремление советского государства к победе коммунизма во всем мире (доктрина мировой революции), и ограничения в отношении лишенцев 1918–1936 годов (невозможность участвовать в кассах взаимопомощи, покупать товары в кооперативах, обучать детей бесплатно в государственных вузах и т.д.), и гонения на религию, и культ личности Сталина, который многими рассматривался как своего рода «пророк», а «мудрые высказывания» его абсолютизировались. В одном из писем вождю того периода значилось: «Когда вы взошли на трибуну, нас охватило мощное чувство радости … мы ближе прижались друг к другу и ощутили новый приток какой-то волшебной героической силы» [9, с. 62]. Подобие временам Антихриста создавал и тоталитарный характер советского государства, когда власть ставила целью осуществить идеологический, политический, экономический контроль над обществом.

Таким образом, христиане Советского Союза столкнулись в довоенное время с попыткой построения антихристианского государства и общества в одной отдельно взятой стране. Они оценили масштаб антихристианской направленности этой попытки по-разному. Вполне понятно, что «непоминающие» приняли предтечу за последнего Антихриста и в этом допустили ошибку, свидетельством чему является, пусть временное, изменение государственной политики в отношении Церкви в годы Великой Отечественной войны. Но не будем, говоря словами героя известного фильма, рубить с плеча, а попытаемся почувствовать высокую себестоимость этой ошибки, связанной со стремлением остаться верными Христу. Духовный опыт «непоминающих» первой половины XX века требует внимательного изучения и сохранения, будет полезен христианам последних времен, когда каждый из них должен будет встать на путь мученичества и исповедничества.

Источники и литература

1. Архив УФСБ по РМЭ. Д. 4295. Т. 3.
2. Архив УФСБ по РМЭ. Д. П-4950.
3. *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. 352 с.
4. *Беляев А.Д.* Антихрист / Православная богословская энциклопедия. Том 1. Петроград. Приложение к духовному журналу «Странник» за 1900 год.
5. *Ганичев В.* Они выиграли войну. А вы? Церковь против Гитлера // «Наш современник». 1995. № 5. С. 113–128.
6. ГА РМЭ. П. 1. Оп. 1. Д. 453.
7. ГА РМЭ. Р. 118. Оп. 1. Д. 28.
8. ГА РМЭ. Р. 118. Оп. 1. Д. 61.
9. *Майер Р.* О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм // «Отечественная история». 1993. № 3. С. 56–66.
10. *Попов Н.С.* Движение «непоминающих» или Истинно-православная церковь в Марийском крае // Марийский археографический вестник. 2011 (№ 21). С. 104–119.
11. *Попов Н.С.* Отношение населения Марийской АССР к религии и Церкви накануне и в годы Великой Отечественной войны // Марийский археографический вестник. 2012 (№ 22). С. 103–117.
12. Правда о религии в России. М., 1942. 456 с.

Y.V. Eroshkin

THE MOVEMENT OF THE «NONMEMORIAL» IN THE TERRITORY OF MARI REGION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The proposed article is devoted to the history of the «non-remembering» movement in the Mari Territory. It speaks about the reasons for the appearance of this church movement in the country, provides brief information on its history on the territory of the MAO-Mari ASSR in the pre-war era, talks about the attitude of the «nonremembers» to the Great Patriotic War. The publication substantiates the idea that the refusal of some believers to fight on the fronts and work in the rear is connected with the desire to remain faithful to Christ under the conditions of an attempt to build an anti-christian society and state in the USSR, which

in many ways resembled the «nonremembering» rule of the Antichrist in recent times.

Keywords: The Great Patriotic War, the movement of «nonremembers», the Declaration of Metropolitan Sergius (Stragorodsky), the Antichrist, a totalitarian state.

УДК 070.22 : 355 + 329 (47+57) КПСС + 94 (470) “1941/1945”

Р.Л. Исхаков

ДИВИЗИОННАЯ ПЕЧАТЬ В МЕХАНИЗМЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Партийно-политическая работа (ППР) – составная часть руководства КПСС Вооружёнными Силами; идеологическая и организаторская деятельность в массах военнослужащих по обеспечению и проведению в жизнь политики КПСС в армии и на флоте. Значительное место в механизме ППР в годы Великой Отечественной войны занимало партийное руководство военной печатью в целях формирования советской гражданско-патриотической идентичности.

Ключевые слова: дивизионная печать; партийно-политическая работа; военно-патриотическая идентификация.

Партийно-политическая работа рассматривалась в качестве теории и практики воспитания военнослужащих, организовывалась и проводилась как система мероприятий по реализации политики КПСС в Советской Армии и Военно-Морском Флоте [10]. По далеко неполным подсчетам С.И. Аралова, проведенным по каталогам Российской государственной библиотеки (РГБ), в советский период отечественной историографии было опубликовано более 4000 наименований работ [44]. Целесообразно выделить, во-первых, крупные обобщающие труды фундаментального характера [21, 27, 33, 35]; во-вторых, специальные монографические исследования [38, 25, 29, 34]; в-третьих, различные научные статьи [5, 18, 42]; в-четвертых,

защищенные диссертации [7, 15, 19, 20]. Исследователи Н.П. Попов и Н.А. Горохов показали, как в годы Великой Отечественной войны ЦК ВКП(б) развивал и направлял военную прессу, показали деятельность Главного Политического Управления (ГлавПУР) РККА и Главного политуправления ВМФ, политорганов фронтов и флотов по руководству печатью [36]. Однако предпринятый ими общий уровень и масштаб монографического исследования оставлял за скобкой опыт работы редакций войсковых и флотских газет по воспитанию у советских воинов мужества, стойкости и героизма при защите Родины.

Историографический анализ показал, что в 1990-е гг. (постсоветская историография) указанная выше тема ушла на периферию исследовательских интересов ученых. Но в начале XXI в. сформировалась устойчивая тенденция к повышению внимания к истории организации партийно-политической работы в Армии и на Флоте [9]. В современной научной литературе не было попыток дать определение или описание военно-патриотической идентичности в целом. Понимание важности духовного настроя воинов, чувства товарищества и патриотизма было присуще величайшим российским полководцам и находило выражение в руководящих документах армии, высказываниях и мемуарах таких выдающихся личностей, как Петр I, А.В. Суворов, П.А. Румянцев, Ф.Ф. Ушаков, М.И. Драгомиров, Г.К. Жуков и другие. Многие современные отечественные авторы не употребляют термин «военно-патриотическая идентичность», но анализируют отдельные его элементы: воспитание духовности, патриотизма и воинского долга, роль традиций и воинских ритуалов в жизни военнослужащих и т.п.

Вопросы советского государственно-гражданского патриотизма становятся актуальными на фоне массового коллаборационизма в годы войны [2, 11, 12, 13, 16, 26, 31, 37, 40, 41]. Историк С.И. Дробязко приводит данные о численности тюркских и кавказских народов, казаков в рядах германской армии в 1941–1945 гг.: «Казахи, узбеки, туркмены и другие народности Средней Азии – около 70 тыс., азербайджанцы – до 40 тыс., северокавказцы – до 30 тыс., грузины – 25 тыс., армяне – 20 тыс., волжские татары – 12,5 тыс., крымские татары – 10 тыс., калмыки – 7 тыс., казаки – 70 тыс.». По мнению историка, это составляло примерно четверть от общего числа

представителей народов СССР, служивших в вермахте, войсках СС и полиции (1,2 млн) [16, с. 4].

В германском Министерстве по делам оккупированных восточных территорий (Восточное министерство – *Р.И.*), кроме главных отделов «Политика», «Управление» и «Экономика», были и отделения «пресса», «культура», «молодежь» и «женщины» [13]. В Восточном министерстве непосредственное отношение к тюрко-мусульманским народам Поволжья, Средней Азии и Кавказа имело отделение «Кавказ» под руководством видного историка-тюрколога профессора Герхарда фон Менде [14]. В декабре 1941 г. по инициативе МИД были подготовлены «предварительные тезисы для ведения пропаганды среди татар». Особая роль принадлежала редакциям периодических изданий, в т.ч. на татарском языке. Это газета Волго-татарского легиона «*Idel-Ural*»; журналы «*Tatar әdәbijate*», «*Germanca-tatarcabelesmә*» и газеты Восточно-тюркского боевого соединения СС «*TЬrkbirligi*» («Idel-Ural»). С июля 1944 г. в Потсдаме издавалась новая газета Волго-татарского легиона «*За национальную свободу*» – специально для чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов[1]. Главным редактором был чуваш Ф. Пулод.

Крайне редко изучается повседневность как среда формирования военно-патриотической идентичности. Восполнить исследовательскую лакуну о роли освещения боевой повседневности в дивизионных газетах периода Великой Отечественной войны в формировании военно-патриотической идентичности призвано наше исследование, начало которому положено нами еще в 2005 году [23]. ВКП(б) разработала тогда конкретную программу мобилизации всех сил и средств советского народа на разгром немецко-фашистских захватчиков, на борьбу за свободу и независимость государства. Эта программа была сформулирована в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей. Все основные положения, содержащиеся в директиве от 29 июля 1941 г., ранее были изложены в выступлении Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.

[1] Ее две страницы содержали материалы на русском языке, на двух оставшихся публиковались статьи на других языках.

Указания Центрального Комитета партии нашли отражения в директивах Главного управления политической пропаганды РККА от 23 июня 1941 г. «О содержании фронтовой, армейской и дивизионной печати» и «О работе армейской, окружной и дивизионной печати в связи с призывом в армию» (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 155. Л. 187), а также в директиве Главного управления политической пропаганды ВМФ от 22 июня 1941 «Об организации партийно-политической работы на флоте в условиях войны». Все эти документы положили начало коренной перестройке всей советской военной прессы. В основном задачи, поставленные военным газетам в начале войны, сохранили свое значение до самого Дня Победы.

Накануне войны в Красной Армии и Военно-Морском Флоте выходили 4 центральные, 21 окружная и флотская, 22 армейские и флотильские газеты общим тиражом 1,84 млн. экз. Кроме того, выпускалось 589 газет соединений и военно-учебных заведений [6, с. 50]. Поэтому перестройка касалась не только изменения содержания газет, но и пересмотра штатов редакционно-издательского аппарата и создания новых типов периодических изданий. В интересах развития фронтовой прессы число центральных газет по решению ЦК партии уменьшено более чем вдвое: из 39 осталось лишь 18 [22, с. 413]. На основании постановления ЦК ВКП(б) от 28 июня 1941 г. о местных газетах и журналах (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1618. Л. 160) значительно уменьшилось число местных периодических изданий. Значительные изменения в численности печатных органов произошли после постановления ЦК ВКП(б) от 20 августа 1941 г. о сокращении потребления газетной бумаги (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1771. Л. 39), поскольку бумага была направлена на нужды фронта: так, в 1943 г. только для выпуска газет в Красной Армии требовалось каждый месяц 600 тонн бумаги (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 122. Л. 144).

Во время Великой Отечественной войны многие газеты и журналы перестают издаваться, у значительной части уменьшается формат, тираж. Так, если в Башкирской АССР до войны издавалось 133 газет и журналов, то в 1945 г. – 102 издания [4, с. 243]. В 1942 г. в стране насчитывалась 4561 газета, в то время как в предвоенный 1940 г.

издавалось 8806 газет; разовый тираж газет уменьшился с 38 млн. экз. до 18 млн. [22, с. 413]. В Башкирии в1942 г. выходило 85 газет.

Осуществляя перестройку советской военной печати, ВКП(б) исключительно большое значение придавала созданию и развитию газет фронтов, флотов, армий и флотилий, поскольку эти типы печатных органов занимали особое место в Действующей армии.

В Вооруженных Силах печаталось 1433 военных газет и журналов с разовым тиражом 8 млн. 500 тысяч экземпляров. В том числе издавалось около 1360 газет, 5 центральных («Красная звезда», «Красный флот», «Военное обучение», «Сталинский сокол», «Красный сокол»), 19 фронтовых, 124 армейских, 160 корпусных, 635 дивизионных, 149 – в ВМФ. К концу 1942 г. было создано более 600 дивизионных и бригадных газет.

Важным направлением было кадровое обеспечение газетно-журнального дела. С началом войны были мобилизованы в Красную Армию и Военно-Морской Флот многие писатели (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11314. Д. 4. Л. 194). Все они направлялись в газеты фронтов, флотов, армий и флотилий. Приказом ГУПП РККА № 0045 от 24 июня 1941 г. был призван из запаса в кадры Красной Армии 31 литератор – член Союза советских писателей. Они были назначены на должности в газеты Южного фронта («Героический штурм»), Киевского («Красная Армия»), Прибалтийского («За Родину») и Западного («Красноармейская Правда») особых военных округов, Ленинградского военного округа («На страже Родины»), 3–11-й («Боевое Знамя», «Часовой Родины», «Боевой поход», «Звезда Советов», «Ленинский путь», «Защитник Родины», «За Советскую Родину», «Знамя Советов»), 13-й («Сын Родины»), 14-й («Часовой Севера»), 18-й («Знамя Родины»), 19-й («К Победе»), 21–23-й («Боевой натиск», «Вперед за Родину», Знамя Победы»), 26–27-й («Советский патриот», «Боевой удар») армий. Большой отряд писателей вливался в ряды фронтовых корреспондентов центральной печати, Совинформбюро и ТАСС.

С февраля 1942 г. начинают выпускаться дивизионные газеты на национальных языках (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11314. Д. 7. Л. 115). На всех фронтах всего выпускалось 64 газеты на языках народов СССР [39, с. 172].

Д-р Арон Шнеер (р. 1951)[2] в главе «Евреи-военнослужащие в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» книги «Плен» собрал сведения о евреях-журналистах [43]. Всего за годы войны, по данным Центрального архива МО России, в рядах Красной Армии служило около 501 тыс. евреев [1, с. 449]. Таким образом, 16 % всего еврейского населения СССР (3 млн. 028), в границах на 1 сентября 1939 г., служили в армии [45]. Из них в боях участвовало 80 % [1, с. 466–477]. По данным Центрального архива МО, за годы войны погибло в боях, умерло от ран и болезней, пропало без вести 198 тыс. (39,6 % общего количества) евреев-военнослужащих. Для сравнения: общие безвозвратные потери Красной Армии составили за тот же период 25 % [28, с. 220–221].

Многие евреи-журналисты, ушедшие на фронт, стали политработниками, редакторами армейских и фронтовых газет. Редакторами фронтовых газет были: И.Л. Альтман (газета «*Уничтожим врага*» 5-й армии); Л.Г. Бомштейн («*Боевой путь*» 32-й армии); М.И. Гордон («*На страже Родины*» Ленинградского фронта); В.К. Запольский («*Доблесть*» 16-й воздушной армии); Б.Л. Зеликсон («*Боевое знамя*» 3-й армии); З.И. Ицков («*Сын Родины*» 13-й армии); Н.С. Кассин («*Вперед на врага*» Калининского фронта, «*Боевой удар*» 27-й армии); Г.И. Кац. («*В решающий бой*» 54-й армии); М.Б. Киперман («*За нашу Победу*» 1-й гвардейской армии); Д.А. Коган («*Краснофлотец*» Северного флота); Г.С. Куклис («*Красный боец*» 41-й армии); А.Т. Лаврович («*Северная вахта*» Беломорской флотилии); А.И. Лангфанг («*Пилот*» 1-й воздушной армии); Г.А. Лернер («*Сын Родины*» 39-й армии); И.Д. Лещинер («*За Родину*» 10-й армии); И.М. Пекельман, («*Боевой призыв*» 61-й армии); А.И. Рутман («*Сокол Родины*» 6-й воздушной армии); И.В. Шульман («*Воин*» 68-й армии); И.М. Шульман, («*Воин*» 57-й армии); М.М. Эрлих («*На врага*» 31-й армии) [17].

---

[2] Арон Шнеер – родился в 1951 г. в г. Лудза, Латвия. В 1975 г. окончил филологический факультет Даугавпилсского пединститута. В 1984 г. – исторический факультет Латвийского государственного университета в Риге. В Израиле с 1990 г., живет в Иерусалиме. С 1993 г. работает в Национальном Институте Памяти Жертв Нацизма и Героев Сопротивления «Яд ва-Ш». Автор нескольких книг о Второй мировой войне.

Многие журналисты уходят на фронт. Во фронтовых газетах, предназначенных для воинов татар и башкир, работают М. Карим, Г. Ахметшин, А. Бикчентаев, С. Мифтахов, Х. Карим, М. Хай, А. Валеев, Н. Каримов, С. Кулибай, Г. Амири, М. Харис, М. Абдуллин, Х. Кунакбаев и др. Широко известно имя советского татарского поэта, Героя Советского Союза Мусы Джалиля. В Великой Отечественной войне он принимал участие в составе красноармейской газеты 2-й Ударной армии «*Отвага*» [30, 32].

В это время в Башкирской кавалерийской дивизии выпускается газета «*Башкорт атлылары*» («Башкирские конники», редактор Али Карнай). Фронтовые газеты на языках народов СССР выпускались два раза в неделю в половину стандартного формата на четырех полосах. Их тиражи колебались от 5 тыс. до 8 тыс. экз.; потом стали устанавливаться в одних случаях из расчета одна газета на 5 человек, в других – одна газета на 10 человек.

В ряды Красной Армии после окончания педагогического института был призван и направлен в Муромское училище связи М.С. Каримов (народный поэт Башкортостана Мустай Карим. – *Р.И.*). В мае 1942 года в звании младшего лейтенанта направлен в 17-ю мотострелковую бригаду начальником связи артдивизиона. В августе 1942 года тяжело ранен, около полугода находился в госпиталях.

В журнале «Дружба народов» (2003, № 11) опубликованы главы из книги «Мгновения жизни» (перевод Ильгиза Каримова). В мемуарах есть глава «Военные журналисты». «Более полугода я лечился в госпиталях. <…> Когда рана затянулась, направили в Москву, в резерв ГлавПУРа. Оттуда – на Воронежский фронт, там должна была выходить газета на башкирском языке. Два журналиста, башкир и татарин, прибывшие задолго до меня, для выпуска газеты ничего не сделали, как говорится, и щетинкой не шевельнули. Получилось, что прибыл я на пустое место. Начал работать в русской газете этого же фронта «За честь Родины». В войска передового эшелона выезжал, статьи, очерки и даже новеллы писал. В одной части повстречался с земляком, чувашским поэтом Яковом Ухсаем».

После выздоровления вернулся на передовую в качестве корреспондента фронтовых газет. Мустай Карим был корреспондентом газет «За честь родины» (*Ватан намусы өчен*), «Советский воин»

(*Совет сугышчысы*) 3-го Украинского фронта на татарском языке. Здесь же – на Воронежском фронте – выходила татарская газета «Ватан намусы очон» («За честь Родины»), в редакции которой служили поэты Ахмет Ерикей, Гали Хужи и драматург Риза Ишмурат. Она выходила на семи языках. Кроме русского, еще на узбекском, татарском, казахском, армянском, молдавском и азербайджанском.

С 13 марта 1942 года начала выходить дивизионная газета 390-й стрелковой дивизии (СД) на армянском языке «*Айкакан снайпер*» (Армянский снайпер) под редакцией старшего политрука Гургена Нерсесовича Оганесяна (Гургена Овнана) [3, с. 104]. С 15 марта 1942 года стала выходить на армянском языке газета 408-й СД «*Айнун Айрениками*» (За Родину), редактором которой был назначен пропагандист ЦК КП(б) Армении, научный сотрудник Института истории Армянского филиала Академии наук СССР Аршавир Мнацаканович Акопян (в дальнейшем доктор исторических наук, профессор). 23 февраля 1942 года вышел первый номер дивизионной газеты 409-й СД «*Мартакан дрош*» (Боевое знамя) на армянском языке (редактор Арутюн Габриелович Мкртчян). Дивизионная газета 261-й СД «*Март айнун Айренки*» (В бой за Родину), редактором которой по рекомендации ЦК был назначен бывший редактор дивизионной газеты «*Айкакан снайпер*» Гургена Овнана. Армяне дали Советскому Союзу 148 генералов (8 генерал-полковников, 31 генерал-лейтенантов и 107 генерал-майоров), 4 маршала и 10 адмиралов, вице-адмиралов и контр-адмиралов. Всего за годы войны 106 этнических армян были удостоены звания Героя Советского Союза.

6 мая 1942 г. директивой начальника ГлавПУРККА при Военно-политическом училище в Иваново организуются временные курсы усовершенствования газетных работников. Курсы созывались дважды: с 25 мая по 20 сентября 1942 и с 10 ноября 1942 по 10 марта 1943 г. Окончили курсы в общей сложности 174 человека (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11296. Д. 391. Л. 47).

Военная печать периода Великой Отечественной войны формировала военно-патриотическую идентификацию красноармейцев и краснофлотцев.

В Военной доктрине Российской Федерации отражена приверженность России к использованию для защиты национальных интересов страны и интересов ее союзников военных мер только

после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера [8]. Характерной чертой и особенностью современных военных конфликтов, как это отмечено в Военной доктрине Российской Федерации, является комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций.

Важным инструментом ненасильственного характера выступает государственный патриотизм россиян. Первый Всероссийский гражданский Собор патриотов, который состоялся в ноябре 2013 года в Екатеринбурге, объединил ведущих государственных и политических деятелей России, руководителей министерств и ведомств, депутатов Государственной Думы, ученых, журналистов, представителей молодежных общественных объединений, патриотических клубов, которые совместно проведут работу по поиску основ консолидации России на базе патриотизма.

Основной идеей Собора являлась «идея патриотического воспитания молодежи, основанного на признании непрерывности и преемственности нашей истории, преодолении разрыва поколений в соборности, единении на основе общего чувства причастности к истории, настоящему и будущему великой страны». Разработана и принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (http://rospatriotcentr.ru/prog.html).

В качестве одной из форм государственного патриотизма выступает советский патриотизм, возникший путем целенаправленного идеологического формирования сверху и отразивший определенный интеграционный запрос общества, приобретая наднациональное значение с собственной спецификой. Военно-патриотическая идентичность – это осознание индивидом своей принадлежности к делу защиты свободы и независимости народа и Отечества, принятие социальных норм и образцов поведения, ценностей и образа жизни военнослужащих [24].

В целом патриотизм представляет собой форму этического и эстетического самоопределения личности в рамках духовного

опыта и национально-культурного единения народа, осваивающего самобытные формы его жизнедеятельности в границах единого государства. Государственно-гражданский патриотизм – любовь к государству, его символам – мифам, эпосу, гербу и флагу, национальной культуре, необходимость в котором возрастает в зависимости от того, насколько то или иное государство нуждается в легитимации.

Источники и литература

1. *Авербух С.Л.* Очерки еврейского героизма: В 3 т. Киев; Тель-Авив, Т. 3. Киев, 1997. С. 449.

2. *Андреев В*. Восточные добровольцы. Новые данные об участии советских народов в гитлеровских формированиях // Новая ежедневная газета. 1994. 6 декабря.

3. *Арутюнян К.А., Погосян Г.Р*. Вклад армянского народа в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945). Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА. С. 104.

4. Башкирия в Союзе Советских Социалистических Республик: стат. сб. Уфа: Статистика, 1972. С. 243.

5. *Бочкарев В*. Институт военных комиссаров Красной Армии // Военно-исторический журнал. 1978. № 4. С. 123–125.

6. Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., 1970. С. 50.

7. *Владимирцев В.С*. Партийно-политическая работа на Южном фронте в период разгрома Деникина (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. 334 с.

8. Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета, 2014, 30 декабря.

9. Военная история: / А.С. Киселев, Ю.Н. Арзамаскин, В.Б. Горячев и др. Под общ. ред. А.В. Маклачкова. М.: ВУ, 2016. 700 с.

10. Военный энциклопедический словарь. М. Большая Российская энциклопедия / Рипол Классик, 2001. Т. 2. С. 276–277.

11. Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 130–146.

12. *Гилязов И.А*. Восточные легионы. Тюрки в составе германского вермахта // Родина. 1999. № 7. С. 75–79.

13. *Гилязов И.А*. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха». Казань: Татарск. кн. изд-во, 2005. 383 с.

14. *Гилязов И.* Кто же он, профессор фон Менде? // Татарстан. 1996. № 7. С. 52–61.

15. *Доценко З.В.* Первый агитационно-инструкторский пароход ЦК РКП(б) и ВЦИК «Красная звезда» (июль – октябрь 1919 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1950. 362 с.

16. *Дробязко С.И.* Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М.: АСТ, 1999.

17. Евреи-военнослужащие в годы Великой Отечественной войны [электронный ресурс] URLhttp://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/glava3kr_ar[2].htm.

18. *Епишев А.* Политическим органам Советской Армии и Военно-Морского флота пятьдесят лет // Коммунист Вооруженных Сил. 1969. № 7. С. 3–24.

19. *Живилов В.М.* Военные комиссары – руководители и организаторы партийно-политической работы в Красной Армии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 222 с.

20. *Золотарев О.В.* Культурно-просветительная работа в Советских Вооруженных Силах: теория и практика (1918–1991 гг.): дис. ... докт. ист. наук. М.: ВПА, 1991. 512 с.

21. Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР : историко-теоретический очерк / П.Ф. Исаков [и др.]; под ред. А.А. Епишева. М.: Воениздат, 1983. 344 с.

22. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 413.

23. *Исхаков Р.Л.* Годы, отлитые в строки (Советская военная печать периода Великой Отечественной войны) // Сын Отечества – XXI. 2005. № 1. С. 87–91.

24. *Карлова Е.Н.* Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности у курсантов военного вуза: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2009. 202 с.

25. *Клочков В.А.* Красная Армия – школа коммунистического воспитания советских воинов. 1918–1941 гг. М., 1979. 229 с.

26. *Кудряшов С.В.* Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 84–98.

27. Культурно-просветительная работа в Вооруженных Силах СССР, 1918–1973 гг.: исторический очерк. М., 1974. 346 с.

28. *М. Штейнберг.* Евреи в войнах тысячелетий… С. 220–221.

29. *Мальцев Н.А*. Коммунистическая партия – организатор и руководитель военных советов Вооруженных Сил СССР. 1918–1941 гг. М., 1980. 251 с.

30. *Мустафин Р.А*. По следам оборванной песни. М.: Известия, 1974.

31. *Мустафин Р.А*. Что же двигало Джалилем? // Татарстан. 1993. № 12. С. 72–74.

32. *Мустафин Р.А*. «Идель-Урал»: Взгляд из Германии. Документы и комментарии // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995, май. С. 135–147.

33. *Нигмати Ш*. О Мусе Джалиле // Татарстан. 1993. № 12. С. 72–76.

34. Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР (1918–1973 гг.) : исторический очерк. М., 1974. 394 с.

35. *Петров Ю.П*. Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. Деятельность КПСС по созданию и укреплению политорганов, партийных и комсомольских организаций в Вооруженных Силах (1918–1961 гг.). М., 1964. 511 с.

36. Политорганы Советских Вооруженных Сил: историко-теоретический очерк / под ред. Г. Средина. М., 1984. 432 с.

37. *Попов Н.П., Горохов Н.А*. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1981. 416 с.

38. *Семиряга М.И*. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: Росспэн, 2000.

39. *Славин И*. Общие основания политической работы в Красной Армии. М.; Л., 1928. 124 с.

40. Советская военная печать. Исторический очерк. М., 1960. С. 172.

41. *Турдиев Ш*. Узбекистанские «невозвращенцы» // Звезда Востока. 1993. № 8. С. 106–146.

42. Туркестанские легионеры. О «свободном» казахстанском государстве мечтал еще Гитлер… // Военно-исторический журнал. 1995. № 2. С. 39–46.

43. *Уткин Б.П*. М.В. Фрунзе о партийно-политической работе в армии и на флоте // Военно-исторический журнал. 1985. № 10. С. 52–57.

44. [электронный ресурс] URLhttp://www.jewniverse.ru/RED/Shneyer/index.htm.

45. *Aralov S.I.*, 1989, Lenin vel nas k pobede: Vospominaniya. 2-ye izd. M.: Politizdat, 1989. 176 s. [Elektronnyy resurs] Voyennaya literatura [sayt] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/aralov_si/index.html.

46. *M. Altshuler*. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. The Centr for Researce of East European Jewry. Jerusalem, 1998, p. 221.

47. *Yitzhak Arad.* Soviet Jews in theWaragainst Nazi Germany.Yad Vashem studies XXIII. Jerusalem, 1993.

R.L. Iskhakov

DIVISION PRINTING IN THE MECHANISM OF PARTY-POLITICAL WORK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. Party-political work (PPW) is an integral part of the CPSU's leadership by Soviet Army; ideological and organizational activities in the masses of soldiers to ensure and implement the policy of the CPSU in the Army and Navy. A significant place in the mechanism of the PPW during the Great Patriotic war was occupied by the party leadership of the military press in order to form a military-Patriotic identity.

Key words: army division's papers; party-political work; military-patriotic identification.

УДК 94(470.345) «1941»

С.В. Кистанов

ЭВАКУАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ВОЙСК НКВД В МОРДОВСКУЮ АССР В 1941 Г.

Аннотация. В статье рассматривается качественный и количественный состав военнослужащих войск НКВД, эвакуированных в Мордовскую АССР в июле – октябре 1941 г. Подробно анализируются наиболее крупные группы эвакуированных: пограничников, политработников, служащих мотострелковых подразделений и авиаэскадрилий. Проводится исследование динамики эвакуации в МАССР, а также территориальной принадлежности военнослужащих по месту предшествующей службы в РСФСР и Союзных республиках СССР.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, НКВД, Красная Армия, пограничники, политработники.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – одновременно и великий подвиг, и великая трагедия советского народа. Катастрофическое начало войны в 1941 г. привело к необходимости

для советского руководства организовать широчайшую программу эвакуации промышленного потенциала и людских ресурсов из западных районов Советского Союза, прежде всего с территории Украинской, Белорусской, Молдавской и Прибалтийских республик. Уже 24 июня 1941 г. при Совете народных комиссаров СССР был создан Совет по эвакуации, который непосредственно отвечал за эвакуацию материальных и людских ресурсов из угрожаемых агрессором районов Советского Союза. Соответственно, в связи с тем, что территория Мордовской АССР не являлась зоной ведения боевых действий, она стала одним из регионов, куда направлялись эвакуированные.

Следует отметить, что в общероссийской и местной историографии вопросы эвакуации рассматриваются неравномерно. Преимущество отдается исследованиям по эвакуации объектов промышленности и сельского хозяйства, а также перестройке промышленного потенциала регионов в условиях военного времени [1; 3; 4]. Непосредственно же работ, посвященных исследованию эвакуации населения на микроуровне, практически нет. Социальные аспекты процесса эвакуации в профессиональном плане не рассматриваются. В исследованиях по истории милиции, производимых местными историками, это направление лишь обозначается, но предметно не исследуется [2].

Следует отметить, что в течение июля – октября 1941 г. в Мордовскую АССР прибыло 856 сотрудников органов и войск НКВД с семьями, т.е. 176 семей служащих войск НКВД. К большому сожалению, в источниках не содержится информация об эвакуированных сотрудниках НКВД в ноябре – декабре 1941 г. в Мордовскую АССР. Это объясняется тем, что списки эвакуированных на предмет их материального снабжения были запрошены из центральных структур задолго до конца календарного года. 1 декабря 1941 г. в Мордовский НКВД была прислана телеграмма, в которой в месячный срок требовалось предоставить списки сотрудников НКВД с семьями, находящихся на денежном довольствии по месту эвакуации [5, л. 4].

Большинство военнослужащих войск НКВД в МАССР в 1941 г. были эвакуированы из Украинской ССР – 49 семей и Литовской ССР – 36 семей, меньшее число прибыло из разных угол-

ков РСФСР – 33 и Белорусской ССР – 14. Девять военнослужащих прибыли из Латвийской ССР, восемь из Эстонской ССР, семь из Карело-Финской ССР, три из Молдавской ССР, по одному из Грузинской и Армянской ССР. Источники не позволяют территориально по месту службы соотнести 15 военнослужащих, прибывших в июле – ноябре 1941 г. [5, л. 70–77]. Однако следует отметить, что среди эвакуированных очень мало служивших в БССР, тогда как общая картина по эвакуированным сотрудникам органов внутренних дел и безопасности выводит служивших в БССР на второе место после УССР (247 и 144 человека соответственно).

Следует также отметить, что большинство военнослужащих войск НКВД прибыло в МАССР в июле 1941 г. – 100 семей (56,9 % от числа прибывших), в августе прибыло 30 семей (17 %), в сентябре – 34 (19,3 %) и в октябре – 12 семей (6,8 %) [5, л. 70–77].

Рассматривая данный процесс в срезе по Союзным республикам, мы получаем следующие результаты.

Таблица 1

Эвакуированные военнослужащие
войск НКВД в МАССР [5, л. 70–77]

№	Союзная республика	июль	август	сентябрь	октябрь	всего
1	Украинская ССР	24	8	9	8	49
2	Литовская ССР	35	-	1	-	36
3	РСФСР	5	11	14	3	33
4	Белорусская ССР	8	1	5	-	14
5	Латвийская ССР	8	1	-	-	9
6	Эстонская ССР	8	-	-	-	8
7	К-Ф ССР	3	1	3	-	7
8	Молдавская ССР	-	8	-	-	3
9	Грузинская ССР	-	-	1	-	1
10	Армянская ССР	-	-	1	-	1
11	Нет данных	5	4	4	1	14

Данные таблицы наглядно свидетельствуют о взаимосвязи процесса эвакуации с географией сражений Великой Отечественной войны. Территория Литовской ССР была захвачена немецкими войсками в первые дни войны – как следствие, максимальное количество эвакуированных из этой Союзной республики приходится как раз на июль 1941 г. (мы принимаем во внимание, что транспортировка предполагает определенное время). То же объяснение можно дать и по поводу эвакуированных с территории Украинской СССР и Белорусской ССР, среди которых было много пограничников и солдат железнодорожных войск. Также вполне объяснима эвакуация военнослужащих, несших службу в Молдавской ССР, где основные бои развернулись чуть позднее, чем в остальных западных республиках Советского Союза.

Следует отметить, что в числе эвакуированных в Мордовскую АССР военнослужащих войск НКВД мало представителей высшего командного звена. К подобной категории из 176 эвакуированных могут относиться только 18 человек. Среди них «верхний» эшелон составляют семеро эвакуированных. Первым по статусу идет Григорий Васильевич Уткин, военком, батальонный комиссар Перемышльского погранотряда. Он принимал участие в героической обороне города Перемышль, гарнизон которого совместно с пограничниками несколько дней сдерживал наступающие вражеские части. Уткин прибыл в МАССР в сентябре 1941 г. [5, л. 70]. В июле 1941 г. в МАССР был эвакуирован начальник химслужбы пограничных войск НКВД Яков Слободенюк, несший службу во Львове. В сентябре в эвакуацию прибыл член коллегии Военного трибунала войск НКВД в Харьковской области Петр Васильевич Белокур [5, л. 73].

Также в июле 1941 г. прибыл Борис Захарович Кузьмичев, командовавший погранзаставой «Волчек» в БССР, а в сентябре – Николай Филиппович Пелиней из Батуми. Следует отметить начальника войск НКВД по охране железнодорожных сооружений в Гомеле Михаила Сергеевича Покровского и начальника особого отдела штаба 7-й отдельной бригады войск НКВД БССР Петра Яковлевича Внуковского. Кроме них, среди эвакуированных в МАССР находились шесть начальников гарнизонов, начальник контрольно-про-

пускного пункта, трое руководителей отделов уровня штабов полка, а также старший следователь 3-й отдельной армии (г. Вильнюс).

Наибольшее число эвакуированных в МАССР в 1941 г. составили пограничники – 51 семья. Отметим, что 22 военнослужащих с семьями прибыли в июле 1941 г., 10 – в августе, 18 – в сентябре и один – в октябре. Для эвакуированных пограничников нельзя дать абсолютное объяснение динамики их перемещения, так как нельзя заявлять, что все пограничники прибыли в эвакуацию сразу же после завершения пограничного сражения в июне – июле 1941 г. Напротив, многие пограничники продолжили сражаться с неприятелем в составе сводных частей Красной Армии и в дальнейшем. Можно лишь отметить, что все 8 эвакуированных пограничников, служивших в Прибалтийских республиках, прибыли в МАССР в июле 1941 г., из 13 пограничников, служивших на территории УССР, семь прибыли в июле, двое в августе, четверо – в сентябре. Среди пограничников, несших службу на территории БССР, один прибыл в эвакуацию в июле, один – в августе, а четверо – в сентябре.

Стоит упомянуть, что среди эвакуированных пограничников было семь политработников. К высшему эшелону политработников относится лишь один человек – батальонный комиссар Уткин, остальные являются политработниками среднего звена. Из них упомянем троих – старшего политрука 88-го пограничного отряда (г. Шепетовка, УССР) В.А. Пономарева, старшего политрука штаба погранотряда им. Микояна (Ереван, АрмССР) П.И. Филатова и уполномоченного Особого отдела пограничных войск НКВД (г. Каунас, ЛитССР) Д.Н. Минеева.

Также следует отметить, что в эвакуацию в МАССР прибывали не только офицеры, но и обычный рядовой или даже вспомогательный персонал: делопроизводитель штаба погранвойск Черноморского округа А.Г. Подвалов, военврач 3-го ранга окружного лазарета пограничных войск НКВД (г. Гродно, БССР) В.А. Захаров, воентехник 2-го ранга, механик 2-го балтийского отряда пограничных судов А.Г. Фадеев и др.

Кроме пограничников в МАССР были эвакуированы и военнослужащие железнодорожных войск, авиационных частей, конвойных и мотострелковых войск НКВД.

Так, в июле 1941 г. в Мордовскую АССР прибыли военнослужащие 11-й авиаэскадрильи НКВД, базировавшейся на острове Эзель в городе Курессааре в количестве 8 человек. Летчики этой авиачасти проявили доблесть при защите Советской Прибалтики, бомбили переправы через Западную Двину, а экипаж П. Любчича повторил подвиг Н. Гастелло. Среди эвакуированных в МАССР находились начальник штаба эскадрильи старший лейтенант В.И. Абрамкин, заместители командира авиаэскадрильи старшие лейтенанты П.В. Самохин и В.П. Старостин, а также начальник службы связи авиаэскадрильи Т.Г. Гриценко и заведующий технической частью эскадрильи Н.П. Лабутин [5, л. 72]. Мы можем сказать, что в эвакуации оказались члены штаба, которые в полном составе могли составить ядро формирующегося нового авиационного соединения Красной Армии.

В июле – сентябре были эвакуированы 9 военнослужащих железнодорожных войск НКВД. Среди них трое командиров гарнизонов войск по охране железных дорог: из Белостока – И.Г. Белоглазов, Кобрина – В.Г. Фофанов и Гомеля – М.С. Покровский (все трое – БССР), начальник гарнизона 83-го железнодорожного полка, базирующегося в Латвии, Г.С. Ланаев и заместитель начальника Особого отдела 25-й отдельной железнодорожной бригады НКВД А.А. Кочупалов (Киевская область, УССР). Кроме них, из Новгорода был эвакуирован командир роты 51-го полка НКВД по охране железнодорожных сооружений И.И. Бутин, а трое прибыли с Дальнего Востока: П.П. Тремасов и В.В. Андреев из 71-го железнодорожного полка НКВД г. Хабаровска и начальник боепитания 117-го полка НКВД по охране железнодорожных сооружений М.И. Морозов из г. Ворошилова (Уссурийска) [5, л. 72–73].

Также были эвакуированы 9 военнослужащих конвойных войск: по четыре из УССР и ЛитССР и один из БССР. Принадлежность к конкретной войсковой части отсутствует только у одного военнослужащего – ветфельдшера Ф.А. Коврижных (указано лишь, что он служил в Вильнюсе). Эвакуированные из УССР К.И. Басанец и И.Н. Голубев ранее служили в 229-м конвойном полку в Львове, П.А. Потапов в 233-м полку во Львове, а Я.В. Фомкин проходил

службу в 154-м конвойном батальоне в г. Черновцы. Все трое военнослужащих, эвакуированных из Литовской ССР (А.Т. Антошкин, Д.Д. Душенко и Д.Н. Петриков), служили в 251-м конвойном полку в г. Каунас. Наконец, Н.П. Шпилев ранее служил в 60-м конвойном полку в Бресте [5, л. 74].

В июле 1941 г. в Мордовскую АССР были эвакуированы 19 военнослужащих 1-го мотострелкового полка НКВД, размещенного ранее в г. Каунасе. Полк принимал участие в боевых действиях с первого дня войны, уже 25 июня в районе Утяны подбил 8 танков противника. Были также эвакуированы начальник полковой школы В.Я. Калягин, начальник химслужбы полка А.Е. Рожков, начальник инженерной службы полка С.Н. Азаров, командир роты Н.А. Галясный и 5 командиров взводов. Вместе с ними прибыли два политрука – В.В. Данилин и Г.Г. Тупикин [5, л. 75–76]. И вновь мы можем констатировать, что сохраненные кадры полка должны были стать неким костяком для формирования нового структурного подразделения Красной Армии.

Следует отметить, что в 1941 г. в эвакуацию прибыли 24 комиссара и политработника войск НКВД. Почти половина из них (11 человек) ранее служили в войсках НКВД, расположенных на территории УССР, четверо в ЛитССР, по двое в БССР и других областях РСФСР, по одному в МолдССР и АрмССР. Территориальная принадлежность троих, к сожалению, не определяется. 14 из них прибыли в июле 1941 г., 4 – в августе, 5 – в сентябре и 1 – в октябре. Среди прибывших лишь Г.В. Уткина мы можем отнести к политработникам высшего звена, остальные представлены должностями политруков отдельных подразделений НКВД.

Таким образом, Мордовская АССР стала временным домом для 176 военнослужащих войск НКВД, каждый из которых вывез в эвакуацию членов своей семьи. Необходимо отметить, что эвакуированные относились к разнообразным подразделениям войск НКВД, от пограничников до конвойных, часть к вспомогательному персоналу войск НКВД. Большинство эвакуированных представляли собой ценные кадры, которые вновь зачислялись в новые создаваемые подразделения не только войск НКВД, но и Красной Армии. Сле-

довательно, Мордовская АССР в 1941 г. стала местом сохранения офицерских и специальных кадров армии, которые в дальнейшем примут участие в боевых действиях Великой Отечественной войны и внесут свой вклад в нашу Великую Победу!

Источники и литература

1. *Бирюкова С.Б.* Проблемы эвакуации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Мордовия, Чувашии, Марий Эл): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саранск, 1996. 22 с.

2. *Кечайкина Е.М.* Милиция Мордовии в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. 179 с.

3. Очерки истории Мордовской организации КПСС. 2-е изд. перераб. и доп. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1979. 710 с.

4. *Попков Т.В.* Все – для фронта, все – для Победы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982. 116 с

5. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-526. Оп. 2. Д. 36.

S.V. Kistanov

EVACUATION OF PEOPLE'S COMMISSARIAT OF INTERNAL AFFAIRS TROOPSTO THE MORDOVIAN ASSR IN 1941

Abstract. The article considers the qualitative and quantitative composition of the people's Commissariat of internal affairs troops evacuated to The Mordovian ASSR in July-October 1941. the largest groups of evacuees are analyzed in Detail: border guards, political workers, employees of motorized rifle units and air squadrons. The study of the dynamics of evacuation in the MASSR, as well as the territorial affiliation of servicemen at the place of previous service in the RSFSR and the Union republics of the USSR.

Keywords: Great Patriotic war, evacuation, people's Commissariat of internal affairs, Red army, border guards, political workers.

УДК 94(100)

А.Н. Кудрявцев

ПРИЗЫВ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРАТОРСКУЮ АРМИЮ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.

Аннотация. В публикации представлены принципы призыва на срочную военную службу накануне Первой мировой войны. Для сравнения приведены данные по мобилизации и призыву в первые месяцы войны. На ряде статистических данных показана актуальность темы как для профессиональных историков, так и для широкой аудитории, интересующейся историей края.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., Российская императорская армия, призыв на военную службу, мобилизация, Козьмодемьянский и Царевококшайский уезды Казанской губернии.

Война – сложное общественно-политическое явление, вызывающее изменения во всех сферах жизни общества – от экономики до духовной жизни. Механизм перехода общества от мирного состояния к войне чрезвычайно труден, а для успешного ведения военных действий необходимы огромные экономические, социальные, политические, дипломатические возможности и средства не только накануне войны, но и во время её ведения. Мобилизация вооружённых сил является составной частью общей мобилизации и заключается в планомерном переводе войск и сил флота на организацию и состав военного времени. Первая мировая война стала суровой проверкой эффективности сложившейся в России системы комплектования вооруженных сил и подготовки резервов, предназначенных для пополнения действующей армии в военное время.

Уставом 1874 года «О всеобщей воинской повинности» служба в вооруженных силах России была общеобязательной и всесословной. Призыву подлежали молодые люди, которым исполнился 21 год. В мирное время, призываясь на службу, они поступали

в постоянные войска, состоявшие из армии, флота и казачьих войск. По Уставу срок действительной службы равнялся для сухопутных войск шести годам, для флота – семи годам. После прохождения действительной службы рядовые, называвшиеся «нижними чинами», зачислялись в запас. Срок пребывания в запасе составлял: для сухопутных войск – 9 лет, для военно-морского флота – 3 года. По окончании срока пребывания в запасе, они зачислялись в Государственное ополчение, в котором состояли до сорокалетнего возраста [14, с. 4–7].

Поступление на военную службу из числа внесенных в списки призывников, которых, как правило, было больше требуемого количества, определялось по жребию. Призывники, не принятые в мирное время на действительную военную службу, при призыве зачислялись ратниками в Государственное ополчение, которое подразделялось на два разряда. Первый предназначался для укомплектования вооруженных сил и ополченческих частей в военное время. Ратники 2-го разряда изначально были предназначены для укомплектования в военное время тыловых и охранных частей, однако условия войны вынудили пополнять ими и фронтовые части, в особенности после «Великого отступления» русской армии летом 1915 г.

Призыв ратников ополчения 1-го разряда производился после исчерпания лиц всех возрастов, прослуживших в мирное время в войсках, а призыв ратников 2-го разряда производился только после использования почти всех возрастных классов ополчения 1-го разряда. Основу же, например, германского военного законодательства, в противоположность русскому, составлял возрастной принцип. Все освобождённые от действительной службы в мирное время зачислялись в эрзац-резерв. С объявлением войны чины эрзац-резерва, не достигшие 28-летнего возраста, призывались наравне со своими служившими сверстниками, то есть все освобождения и льготы мирного времени теряли своё значение и всё население уравнивалось в своих обязанностях по защите Отечества. Отсрочки от призыва предоставлялись по показаниям здоровья, для устройства имущественных дел (до двух лет) и для завершения учебы в высших учебных заведениях. Существовали льготы по семейному положению трех разрядов [14, с. 7–10].

Полное освобождение от воинской службы предоставлялось всему «инородческому населению», т.е. нерусским коренным жителям Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей, а также всех губерний и областей Западной и Восточной Сибири [14, с. 15, 27]. От воинской повинности было освобождено и население Финляндии. В общей сложности это составляло 10 % населения страны [2, с. 17].

По данным Л.Г. Бескровного, в 1914 г. из 178,4 млн. жителей Российской империи могли быть призваны на военную службу около 20 млн. чел [1, с. 10]. По количеству солдат на тысячу жителей Россия стояла на одном уровне с Австро-Венгрией, уступая Франции, Италии и Германии. По абсолютной численности обученных резервов Россия занимала первое место в мире, но отрыв от главного соперника – Германии – был не столь значительным (5,6 млн. чел. против 4,9 млн. чел.). По соотношению числа находящегося в запасе к численности населения Российская империя имела показатели в 2–3 раза меньше, чем другие сухопутные европейские державы [10, с. 105].

Опыт русско-японской войны показал быстрое исчерпание военно-обученного запаса. В целях увеличения его численности, в первую очередь, следовало сократить сроки действительной службы, чтобы пропустить через вооруженные силы возможно большее количество людей. Законом от 26 апреля 1906 г. «О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте» в сухопутных войсках действительная служба уменьшалась до трех лет. Уволенный с военной службы солдат 15 лет находился в запасе (семь лет в запасе 1-го разряда и восемь лет – 2-го разряда). Во флоте действительная служба определялась в пять лет. И еще 5 лет отслуживший матрос находился в запасе (три года в запасе 1-го разряда и два года – 2-го разряда) [8, с. 505–507].

Согласно положениям Закона от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности», дело организации призывов и мобилизации в вооруженные силы было возложено на Управление по делам о воинской повинности при Министерстве внутренних дел. К обязанностям этого Управления относилось наблюдение за деятельностью местных по воинской повинности установлений,

производство дел по призыву населения к отбыванию воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности, принятие подготовительных мер к мобилизации армии и образованию Государственного ополчения.

В каждой губернии (области) создавались губернские (областные) по воинской повинности присутствия под председательством губернатора (начальника области). В состав присутствия также входили вице-губернатор (помощник начальника области), предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, прокурор окружного суда и один генерал, рекомендованный командующим военным округом. В каждом уезде действовало Уездное по воинской повинности присутствие под председательством местного предводителя дворянства в составе уездного воинского начальника, уездного исправника и члена земской управы [9, с. 813–817].

Если говорить о численности призываемых на действительную срочную службу из конкретных уездов, то приведем в пример Козьмодемьянский и Царевококшайский уезды Казанской губернии, тем более численность их населения близка друг к другу и по переписи населения 1897 года составляла, округляя до целых тысяч, 111 и 114 соответственно [11, с. 1]. Так, сохранившиеся приемные росписи призывников Козьмодемьянского уезда за 3 предвоенных года дают цифру в год в среднем 450 человек [4]. Книги приказов Царевококшайского уездного воинского начальника дают приблизительно ту же самую численность призванных, направляемых по воинским частям [6]. К сожалению, на настоящий момент по данным уездам не выявлен весь комплекс источников, позволяющий для каждого уезда точно определить, кто именно из призванных в какую именно воинскую часть был призван. Если росписи призывников содержат подробную информацию о призываемом (место рождения, точная дата рождения, рост, вес, пометки о семейном статусе, образовании), то в книге приказов даны фамилии, имена, отчества снимаемых с чайного и продуктового довольствия управления уездного воинского начальника и отправляемых по частям. Соответственно, на настоящий момент по Козьмодемьянскому уезду известно, кто призван и откуда он происходит, но неизвестно куда именно отправлен; по Царевококшайскому уезду – обратная ситуация. При этом

стоит иметь в виду, что незначительный процент к началу Первой мировой войны по различным болезням выбыл из строя.

Для сравнения с мобилизационными мероприятиями Первой мировой войны представим некоторую статистику по первым ее месяцам. Европейским правительствам было сообщено, что Россия вынуждена объявить с 16 июля мобилизацию ряда округов. Губернские власти уже были озабочены вызовом и размещением запасных нижних чинов. Началом полной (общей) мобилизации вооруженных сил России стало 18 июля 1914 г.

Наиболее полное представление о движении запасных сил в уездах дает книга приказов Царевококшайского уездного воинского начальника. Ввиду того, что приказы оформлялись ночью, объявлено о мобилизации было только на следующий день: «сегодня ожидалось на довольствии согласно расчета явки 940 нижних чинов и завтра ожидается 160, а всего 1100 чел.» [7, л. 115]. Первые мобилизованные из запаса стали поступать в Царевококшайск 19 числа. Причем к концу дня вместо ожидаемых 1100 человек было зачислено из города Царевококшайска – 22, Вараксинской волости – 347, Арбанской – 263, Петриковской – 308, Ронгинской – 133, Большешигаковской – 97, всего – 1170 нижних чинов [7, л. 115об], при том что к указанному сроку опоздали и явились 20-го 8 человек из Петриковской волости и 10 – из Ронгинской. Того же числа явились 250 человек из Сотнурской волости и 241 – из Себеусадской.

22 июля в 8 часов утра поступила телеграмма о новой волне мобилизации – о призыве в течение 2-х суток всех проходивших службу ратников ополчения 1-го разряда и поставке лошадей с упряжью. Наибольшее число мобилизованных находилось на довольствии 22 июля, когда 21 числа подошли 978 человек из отдаленных волостей: 308 – из Моркинской, 247 – Кулле-Киминской, 256 – Шиньшинской и 167 – Кшкловской, и к ним так же добавились 509 опоздавших, прибывших 22-го. Со всеми вычетами небольших партий получивших назначение и отправленных по местам дислокации 21 и 22 июля к вечеру на сборном пункте находился 1931 мобилизованный из запаса солдат [7, л. 120–124 об.].

Таким образом, по мобилизации запасных на фронт было отправлено из Царевококшайского уезда 2529 человек запасных. Отчетная

ведомость Козьмодемьянского уездного воинского начальника для Козьмодемьянского уездного съезда дает цифру мобилизованных из запаса в 3269 человек [5, л. 3–108].

20 сентября 1914 г. от командующего Казанским военным округом последовал приказ о новом призыве: «Для пополнения запасных батальонов и некоторых частей государственного ополчения до полного штата призвать ратников ополчения I разряда, не проходивших ряды войск, срока службы 1908–1913 гг. (1886–1891 гг. рождения)». С этой мобилизацией из Царевококшайского уезда было призвано к 27 сентября 504 чел., из которых 165 были распущены по домам, как призванные сверх расписания. Оставшиеся были направлены в 165-й пехотный запасной батальон в г. Сенгилей Симбирской губернии [7, л. 176–184 об.].

Наряду с мобилизацией запасных и ратников ополчения началась подготовка к призыву в армию новобранцев. Уже 31 июля 1914 г. началась подготовка к призыву в армию новобранцев 1914 года призыва. Начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба в секретном циркуляре проинформировал своих подчиненных о необходимости «с 1-го октября ускоренным порядком провести очередной призыв новобранцев, руководствуясь назначением их в запасные части по территориальной системе», что позволило бы «влить их в запасные части к 20-му октября». Ответственные за проведение мобилизации на местах этим циркуляром ориентировались на возможность возникновения ситуации, когда придется «подготовить к 1 февраля – 1 марта призыв новобранцев срока 1915 года» [3, с. 30]. В соответствии с этим призывом из Царевококшайского уезда было отправлено по воинским частям больше чем обычно, а именно 534 новобранца 1893 года рождения [7, л. 200–224 об.].

С самого начала войны служащим Уездных по воинской повинности присутствий приходилось быстро реагировать на изменения в законодательстве, которые преследовали цель уменьшить круг претендующих на разного рода отсрочки и увеличить число мобилизуемых в армию. 1 сентября 1914 г. император Николай II на основании статьи 87 «Свода основных государственных законов» утвердил положение Совета министров «О временном изменении некоторых постановлений Устава о воинской повинности». Эти из-

менения были весьма существенными. Отменялась жеребьевка и к освидетельствованию о годности к армейской службе привлекались все лица, внесенные в общие призывные списки «в последовательном порядке номеров сих списков, а не жребия». Изменялись и сроки призыва граждан, которые должны были явиться на призывные пункты «в декабрьский 1914 г. приемный период, а также перешедших призывной возраст и подлежащих явке в июньский период 1915 г.». Этих лиц приказывалось принять в общий призыв новобранцев 1914 г. Отсрочка могла быть дана только в связи с необходимостью сдачи выпускных экзаменов в учебных заведениях [12]. Ограничение льгот и прав на отсрочку позволило значительно увеличить число призванных в армию. Если в 1912 г. в России было призвано в войска чуть более 425 тыс. новобранцев, то в 1914 г. их было уже 700 тыс. чел. [13, с. 17].

В целом, на региональном уровне в вопросе призыва и мобилизации накануне и в годы Первой мировой войны еще много аспектов, ждущих своих исследователей. Актуальными остаются вопросы корреляции плотности населения, процента призванных и мобилизованных рабочих рук с ухудшением жизни в годы войны, отражение военных действий и связанных с ними потерь на демографическом состоянии Российской империи в целом и локальных территорий в частности. Остро стоит вопрос масштаба и соотношения безвозвратных потерь среди мужского населения регионов в годы Первой мировой войны. В значительной мере, разрешение данных вопросов невозможно без первичных статистических материалов, поэтому документы, характеризующие призывные и мобилизационные процессы, дающие конкретные статистические данные, представляют большую ценность для исследователей.

Источники и литература

1. *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. 240 с.

2. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. 440 с.

3. *Горелов Ю.П., Гусева О.В., Еремин И.А., Ростов Н.Д.* Западная Сибирь в мировых войнах XX века. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. Барнаул, 2014. 283 с.

4. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 5. Оп. 1. Д. 305, 313, 319, 320.

5. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1539, 233 л.

6. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 79. Оп. 1. Д. 93, 104, 116.

7. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 79. Оп. 1. Д. 124, 263 л.

8. Закон от 26 апреля 1906 г. «О сокращении срока действительной службы в сухопутных войсках и во флоте» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 26. Огд. 1. № 27855. СПб., 1909. С. 505–507.

9. Закон от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. Огд. 1. № 37417. Птг., 1915. С. 806–828.

10. *Игнатьев А.В.* Россия и происхождение Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 92–105.

11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XIV. Казанская губерния. СПб., 1904. 283 с.

12. Правительственный вестник. 1914. 4 окт.

13. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 103 с.

14. Устав о воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Огд. 1. № 52983. СПб., 1876. с. 2–29.

A.N. Kudryavtsev

CALLING FOR A REAL MILITARY SERVICE TO THE RUSSIAN EMPIRE ARMY ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR 1914–1918

Abstract. In this publication gives are review of the principles of conscription for military service on the eve of the World War I. For example author considers mobilization and conscription in the first months of the war. Conscription and mobilization statistics show the relevance of this theme for professional historians and a wide audience, interested in the history of the region.

Keywords: World War I, Russisan Imperial army, conscription for military service, mobilization, Kozmodemyansk and Tzarevokokshaisk uezds of Kazan province.

УДК 94 (4)

В.И. Левин

ИЗ ИСТОРИИ ВХОЖДЕНИЯ СССР ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Аннотация. Представлен анализ исторических уроков дипломатических отношений Германии и Советского Союза, которые предшествовали Второй мировой войне. Исследована тематика противостояния и сотрудничества Германии и СССР в сфере международной политики, в частности пакт Молотова – Риббентропа. Изложена альтернативная версия урока (лекции) по курсу «История России», посвященная теме «Оценка внешней политики СССР накануне Второй мировой войны». В статье приведены исторические факты, которые не фигурируют в официальных учебниках российской истории. Статья адресована преподавателям истории школ и вузов, а также всем читателям, которых интересуют не исторические мифы, а подлинная суть исторических событий.

Ключевые слова: пакт Молотова – Риббентропа, Великая Отечественная война, Вторая мировая война.

Введение

В исторической науке есть немало «трудных» вопросов, по которым специалистам десятилетиями не удается прийти к согласию и которые раскалывают общество. В новой истории России наиболее «трудным вопросом», видимо, является вопрос о причинах начала Второй мировой и Великой Отечественной войн. И даже сегодня, когда с начала Второй мировой войны прошло уже 80 лет, мы еще далеки от того, чтобы дать полный и устраивающий всех ответ на вопрос.

Традиционный официальный ответ всем хорошо известен [1, 2]: пакт Риббентропа – Молотова был нужен, он позволил Советскому Союзу оттянуть начало войны и дать возможность стране лучше подготовиться к ней. Этот ответ сохранился до настоящего времени и фигурирует в новейших «единых учебниках истории» [3–5]. Однако такой ответ давно не может удовлетворить читателя из-за своей

нелогичности. Ибо, во-первых, в сентябре 1939 г. Германия была абсолютно не готова к войне против СССР и потому необходимости оттянуть начало войны ни у кого не было. Во-вторых, отсрочить войну, чтобы подготовиться к ней, имеет смысл лишь в том случае, если подготовиться к ней лучше, чем твой противник. Однако всем хорошо известно, что 22 июня 1941 г. Советский Союз оказался значительно хуже подготовленным к войне по сравнению с Германией. Именно этим объясняются катастрофические поражения Красной Армии в течение 1941 г. Возникает вопрос: зачем же был нужен «пакт Риббентроп – Молотов» и нужен ли был он вообще? Излагаемый ниже материал призван помочь читателю дать свой собственный ответ на этот вопрос. При подготовке статьи использованы публикации автора [6–9].

Ретроспектива предшествующих войне событий

78 лет назад, 22 июня 1941 г., фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Она была частью Второй мировой войны, начавшейся двумя годами ранее, 1 сентября 1939 г., нападением фашистской Германии на Польшу. Вторая мировая война была кровопролитнейшей из войн – она унесла жизни 55 млн. человек, из которых 27 млн. выпало на долю Советского Союза. Мировое сообщество сделало свои выводы из этой войны. Об этом свидетельствуют решения Нюрнбергского трибунала, создание ООН и других влиятельных международных организаций, построение многополярного мира и системы коллективной безопасности. Россия аналогично должна сделать выводы из своей части Второй мировой войны. И надо иметь в виду не только Великую Отечественную войну, но и предшествующие исторические события, которые привели к ней.

В 1919 г. между державами-победительницами – США, Великобританией, Францией, Италией, Японией – и побежденной Германией был подписан Версальский мирный договор, ознаменовавший окончание Первой мировой войны. По этому договору часть германских земель отошли к Франции, Бельгии, Польше и Чехословакии. Все колонии Германии были отобраны и поделены между победителями. Германия признала полную независимость Австрии, Чехословакии и Польши. Кроме этого, Германию обязали ограничить свои вооруженные силы 100-тысячной сухопутной армией и отменить обяза-

тельную военную службу. На Германию также наложили огромные контрибуции в пользу держав-победительниц. Все это привело к краху национальной экономики и изоляции страны от мирового сообщества. Население страны воспринимало произошедшее как акт национального унижения. В сходном положении оказалась в этот период и Советская Россия. После окончания в 1920 г. Гражданской войны страна лежала в развалинах. Ждать помощи было неоткуда: США, Великобритания, Франция и другие западные страны не признавали Советскую Россию. Более того, они требовали, чтобы советское правительство признало все долги царского и временного правительства и возвратило всем владельцам национализированные у них предприятия или возместило их стоимость. При этих условиях две страны – Германия и Россия – «нашли» друг друга и в 1922 г. заключили взаимовыгодный Рапальский договор. Согласно этому договору, обе страны возобновляли дипломатические отношения, начинали активное экономическое сотрудничество, с взаимными правами наибольшего благоприятствования, и взаимно отказывались от возмещения расходов и убытков, произошедших в период Первой мировой войны. Более того, Германия отказалась от претензий на возмещение собственности, национализированной Советским правительством. Главной выгодой, извлеченной Советской Россией из Рапальского договора, был прорыв международной изоляции России и демонстрация мировому сообществу пути, на котором можно построить взаимовыгодное сотрудничество с нашей страной. Главной же выгодой, полученной Германией от этого договора, помимо экономических, стала возможность готовить свои высшие военные кадры в советских военных училищах и академиях – в обход запретов Версальского договора. Так, в 1920-е – начале 1930-х гг. в нашей стране было подготовлено множество высших офицеров Германской армии. В частности, в Липецком летном училище прошел подготовку Герман Геринг, будущий командующий Люфтваффе гитлеровской Германии, самолеты которого уже 22 июня 1941 г. бомбили Брест, Минск, Киев, Одессу. А в Казанском танковом училище прошел подготовку Гейнц Гудериан, будущий командующий танковой армией вермахта, дошедший со своими танками в октябре 1941 г. до стен Москвы. В наших военных училищах, как видим, совсем неплохо учили!

В преддверии войны

После прихода к власти в Германии Гитлера в 1933 г. мир стал быстро приближаться к новой войне. В этих условиях европейские страны, стремясь обеспечить свою безопасность, заключили множество двусторонних пактов о ненападении со своими соседями. Пытался заключить ряд таких договоров и Советский Союз. Однако почти все эти попытки закончились безрезультатно из-за резких разногласий с партнерами: Англией, Францией и Польшей. В этот момент опять самым подходящим для СССР партнером оказалась Германия. Обе страны были в это время уже совершенно другими, чем в 1922 г., когда подписывали Рапальский договор, чтобы просто выжить. Теперь у обеих стран были амбициозные планы, которые – так получилось – хорошо стыковались друг с другом. Фашистская Германия готовилась к войне за мировое господство, имея при этом сравнительно небольшие вооруженные силы. Поэтому ей было крайне необходимо нейтрализовать сильнейшую военную страну в Европе – Советский Союз, чтобы она не вмешивалась в эту кампанию и не мешала Германии завоевывать европейские державы поодиночке, одну за другой. Советский Союз, в свою очередь, был крайне заинтересован в том, чтобы, используя ситуацию начавшегося в Европе передела (присоединение к Германии Рейнской области в 1937 г., Австрии в марте 1938 г., Судет в сентябре 1938 г., Чехословакии в марте 1939 г.), вернуть себе бывшие территории Российской империи, укрепившись в качестве мировой державы. Первой благоприятную ситуацию распознала Германия, которая летом 1939 г. обратилась к Советскому Союзу с предложением заключить договор о ненападении. Переговоры по дипломатическим каналам прошли успешно и завершились уже в августе. Для подписания итоговых документов в Москву 23 августа 1939 г. прилетел министр иностранных дел фашистской Германии Иоахим фон Риббентроп. На аэродроме в Москве ему устроили торжественную встречу на высшем уровне, в присутствии председателя Советского правительства и министра иностранных дел В.М. Молотова и других высших руководителей страны в протокольной одежде. Риббентроп был в коричневом, по фашистской моде, кожаном пальто, с традиционным черным цилиндром. Красный Молотов и коричневый

Риббентроп обменивались приветствиями и пожимали друг другу руки. Последующие переговоры прошли в тот же день в Кремле и завершились поздно ночью. В переговорах участвовали И.В. Сталин, В.М. Молотов, М.И. Калинин, другие высшие руководители Советского Союза, от Германии – И. Риббентроп и сопровождавшие его лица, в т.ч. посол Германии в СССР граф Шуленбург. В процессе переговоров уточнялись пункты итогового документа, подготовленного заранее. Однако самые большие эмоции вызвало уточнение пунктов секретного приложения к итоговому документу, в котором определялись зоны территориальных интересов договаривающихся сторон. Сталин то и дело предлагал передать в зону советских интересов очередную территорию, отдававшуюся первоначально Германии. В ответ Риббентроп, который не был уполномочен решать такие вопросы, шел в соседнюю комнату, в которой заранее была установлена прямая телефонная связь «Кремль – Рейхсканцелярия», и докладывал о предложении Гитлеру. И тот немедленно соглашался! Наконец, после очередного предложения Сталина Гитлер разозлился, прервал доклад Риббентропа и прокричал ему: «Соглашайтесь на все и обещайте им все, что они хотят!», после чего бросил трубку. Уже тогда ничего из обещанного он не собирался выполнять. К утру все документы были согласованы, отпечатаны и подписаны – со стороны Советского Союза В.М. Молотовым, со стороны Германии И. Риббентропом.

Этот согласованный и подписанный в результате переговоров документ назывался «Договор о ненападении между СССР и Германией», однако в мире со временем он утвердился под названием «Пакт Риббентроп – Молотов». Пакт содержал обычные для подобных документов обязательства стран не нападать друг на друга, оказывать содействие стране, подвергшейся нападению и т.д. Но в нем отсутствовал пункт, обязательный для всех нормальных договоров о ненападении: право каждой стороны выйти из договора и начать военные действия против другой стороны, если она совершит агрессию против какой-либо из стран, не участвующих в этом пакте. Отсутствие такого пункта тогда полностью исключило Советский Союз из числа игроков, оказывающих влияние на европейскую политику. Гитлер добился тогда своей цели – путь к началу и успешной реализации Второй мировой войны был для него открыт. По воспоми-

наниям его биографа, получив известие из Москвы о подписании советско-германского пакта о ненападении, Гитлер пустился в пляс, приговаривая: «Теперь весь мир у моих ног!». Остановить Гитлера с этой минуты было уже невозможно. Дата начала войны была лишь вопросом дней. Ясен был и общий план этой войны: сначала – захват Германией еще оставшихся свободными европейских стран, а в конце, когда вся Европа будет уже завоевана, а германская армия будет полностью отмобилизована и наберется военного опыта, – нападение на СССР. В процессе последующего развития сотрудничества с Германией Советский Союз получал свою часть новых территорий в Европе. Точная граница, разделявшая «зоны интересов» СССР и фашистской Германии, была тогда прочерчена на карте, входившей в состав «Секретного протокола» – специального приложения к «Пакту Риббентропа – Молотова». Согласно этому протоколу, в «зону интересов» Советского Союза входили Бессарабия, Буковина, Восточная Польша (так называемая ЗападнаяУкраина и Западная Белоруссия), прибалтийские республики Литва, Латвия и Эстония, часть Финляндии, а в «зону интересов» Германии – остальная, подавляющая часть Европы.

Начало войны

Мировая война началась через неделю после подписания «Пакта Риббентропа – Молотова» и через день после его утверждения Верховным Советом Советского Союза, 1 сентября 1939 г., нападением Германии на Польшу. Сначала боевые действия носили формально характер войны между фашистской Германией и Советским Союзом, с одной стороны, и Польшей, с другой стороны. Но уже 3 сентября, когда Англия объявила войну Германии, война превратилась в мировую. Поляки, истекая кровью, отчаянно сопротивлялись, защищая родину, но силы были неравны, а исход войны предрешен. Советский Союз почему-то считал, что сия чаша минет его, и аккуратно поддерживал действия Германии в рамках заключенного пакта. 1 сентября Председатель правительства СССР Молотов удовлетворил просьбу командующего Люфтваффе Германии по использованию радиопередатчика в Минске для наведения немецких бомбардировщиков на цели в Польше. Советская пресса развернула массированную пропагандистскую кампанию по дискредитации польского государства, которое якобы даже вовсе «не имело

права на существование». Вместе с тем СССР, опасаясь негативной реакции в Европе, задерживал действия по присоединению польских территорий, отведенных ему пактом. Лишь 17 сентября 1939 г., когда выяснилось, что из-за быстрого движения немецких войск можно остаться без этих территорий, Советский Союз ввел свои войска в Польшу, официально объяснив это необходимостью «взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии». Немцы, будучи партнерами СССР по «Пакту», возмутились: «От кого вы собираетесь защищать население отведенных вам территорий?». И уже на следующий день – 18 сентября 1941 г. – в газете «Правда» появилось официальное советско-германское заявление о том, что «ввод Красной Армии на территорию Польши является частью совместного советско-германского плана по наведению порядка на территориях бывшего польского государства». И все стало на свои места.

28 сентября 1939 г. немецкие войска захватили Варшаву, и на этом военные действия закончились. Советский министр иностранных дел В.М. Молотов поздравил своего германского коллегу И. Риббентропа с победой. В Бресте, который еще в начале кампании захватили немцы, состоялся совместный советско-германский «парад победителей». Этим парадом командовали немецкий генерал Г. Гудериан и советский комбриг С. Кривошей. После этого германские войска ушли из Бреста и всех других польских городов, которые в соответствии с «секретным протоколом» к «Пакту Молотова – Риббентропа» относились к «зоне интересов СССР».

Верность Советского Союза положениям «Пакта Риббентропа – Молотова», огромная экономическая помощь фашистскому режиму (последний поезд с грузами руды, стратегических материалов и продовольствия проследовал через станцию Брест в направлении Германии примерно в 3.00 утра 22 июня 1941 г.) не помогли. И в 4.00 утра 22 июня 1941 г. случилось то, что должно было случиться: нападение Германии на Советский Союз, война, 27 млн. погибших, разоренная страна.

Заключение

Так может быть, Советский Союз должен был проводить иную политику, чтобы избежать войны? Возможность такой политики существовала. Предположим, что, прежде чем заключать пакт

о ненападении с гитлеровской Германией, СССР внимательно проанализировал внешнюю политику Германии хотя бы за два последних года. Он бы ясно увидел, что за столь короткое время Германия ухитрилась четыре раза нарушить заключенные ею договоры. В 1937 г., в нарушение Версальского договора, она захватила Рейнскую область, принадлежавшую Франции; в марте 1938 г. аннексировала целую страну – Австрию; в сентябре, нарушив Версальский договор, захватила Судеты, принадлежавшие Чехословакии; а в марте 1939 г. – и всю Чехословакию. Кроме того, познакомившись с содержанием телефонных разговоров Риббентропа с Гитлером, происходивших в процессе переговоров в Москве (эти разговоры, безусловно, прослушивались), грамотные члены советского руководства должны были прийти к однозначному выводу, что Гитлер, легко раздавая чужие территории, и на этот раз не собирается выполнять взятые на себя обязательства. Из всего этого однозначно следовало, что Германия в 1939 г. представляла собой абсолютно недоговороспособное государство, с которым нельзя было заключать никаких соглашений! Почему же, несмотря ни на что, СССР в 1939 г. пошел на это соглашение, дав Германии карт-бланш на начало войны? Ответ кажется очевидным. Во-первых, все решения в нашей стране принимались одним человеком – Сталиным. Мнения остальных, более компетентных членов руководства, не принимались во внимание. Во-вторых, будучи прагматичным политиком, Сталин как человек имел idéefix – вернуть стране бывшие территории Российской империи, утерянные после Октябрьской революции 1917 г. Другой человек – Гитлер, несравненно более искушенный политик, умело это использовал. Важно еще понимать, что и Сталин, и Гитлер строили амбициозные экспансионистские планы и это сближало обоих руководителей.

Здесь необходимо отметить, что летом 1939 г. в Советском Союзе был вполне компетентный политик, который хорошо разбирался в тогдашней политике и понимал, что с фашистской Германией нельзя было заключать никаких соглашений. Этим человеком был министр иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов. Если бы тогда Сталин последовал советам этого человека, весьма вероятно, что ни Второй мировой войны, ни Великой Отечественной войны и связанных с ними огромных потерь не было бы. Однако Сталин

предпочел следовать своей интуиции и советам из Германии. Литвинов был снят с поста министра и направлен послом Советского Союза в США, откуда тот уже не мог оказывать никакого влияния на советскую внешнюю политику, в частности на сближение страны с фашистской Германией. Но странам не прощаются плохо усвоенные уроки истории, особенно страшные уроки. А этот урок так и не был понят Россией и лично Сталиным. По словам Светланы Аллилуевой, Сталин, отмечая как-то День Победы в Великой Отечественной войне, в сердцах сказал: «А жаль, что так получилось, вместе с Германией мы были бы непобедимы!».

Источники и литература

1. *Данилов А.А.* История России. XX век. М.: Просвещение, 1995.

2. История отечества. XX век. М.: Дрофа, 1995.

3. *Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Токарева А.Я., Семененко И.С., Хаустов В.Н., Хлевнюк О.В., Шестаков В.А.* История России. 10 класс. В 2 частях. М.: Просвещение, 2016.

4. *Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н.* История России: начало XX – начало XXI вв. М.: Дрофа, 2016.

5. *Изюмский А.Б., Галий И.П.* Плюсы и минусы «единого учебника» по истории // Almamater (Вестник высшей школы). 2016. № 10. С. 101–107.

6. *Левин В.И.* Пакт «Риббентроп – Молотов» // Уроки истории. Великая Отечественная и II Мировая война. История России и мира 20–21 веков. Материалы III Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2009.

7. *Левин В.И.* Можно ли было избежать II Мировой войны // Уроки истории.Великая Отечественная и II Мировая война. История России и мира 20–21 вв. Материалы III Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2009.

8. *Левин В.И.* История вступления Советского Союза во II Мировую войну // Война. Народ. Победа. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во Приволжского Дома знаний, 2010.

9. *Левин В.И.* Преподавание истории. Вступление СССР во II Мировую войну // Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве. Сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Пенза: Изд-во Приволжского Дома знаний, 2010.

V.I. Levin

FROM HISTORY OF ENTRANCE OF USSR INTO WORLD WAR II

Abstract. The analysis of historical lessons of diplomatic relations between Germany and the USSR preceding the Second World War is presented. The subject of confrontation and cooperation between Germany and the USSR in field of international politics, in particular the Molotov-Ribbentrop Pact, is investigated. An alternative version of lesson (lecture) of school or university course «History of Russia», devoted to topic «Assessment of the USSR's foreign policy on the eve of World War II», is presented. Article presents historical facts that do not appear in official textbooks of Russian history. The article is addressed to teachers of the history of schools and universities, as well as to all readers who are not interested in historical myths, but in the real essence of historical events.

Keywords: Second World War, Molotov-Ribbentrop Pact, Great Patriotic War.

УДК 61-061-054.73

С.В. Маркова

ЭВАКУАЦИЯ ВОРОНЕЖСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В УЛЬЯНОВСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье раскрыта история эвакуации Воронежского медицинского института в годы Великой Отечественной войны в Ульяновск. Два года, с 1942 по 1944 год, в условиях эвакуации Воронежский институт учил и выпускал врачей для фронта и тыла, преподаватели стали врачами консультантами госпиталей Ульяновска, не останавливалась научная работа. Студенты становились медицинскими сестрами, донорами крови, помогали фронту и городу.

Ключевые слова: Воронежский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны, история высшего медицинского образования, Воронежский государственный медицинский университет.

Воронежский медицинский институт (сейчас Воронежский медицинский университет им. Н.Н. Бурденко) в годы Великой Отечественной войны два года работал в эвакуации в г. Ульяновске. 1942–1944 гг. – были самыми трудными для вуза. Ульяновск и ульяновцы навсегда остались в летописи современного Воронежского медицинского университета им. Н.Н. Бурденко.

Перед самой войной в 1940 г. в Воронежском медицинском институте обучалось 2506 студентов, профессорско-преподавательский состав насчитывал 249 человек, на 44 кафедрах преподавали 34 доктора наук и 80 кандидатов медицинских наук, ассистентов и преподавателей [18, с. 38].

С началом Великой Отечественной войны перед высшей медицинской школой страны были поставлены задачи на «ускоренную подготовку специалистов» [13, с. 4–7]. Фронт потребовал подготовки медицинских работников различных специальностей, прежде всего хирургов, эпидемиологов, санитарных врачей.

Осенью 1941 г. Орел и Курск были оккупированы немецкими войсками. Начались бомбежки Воронежа. Воронежский медицинский институт получил приказ эвакуироваться в Красноярск. Подготовка к эвакуации заняла почти два месяца и завершилась в декабре 1941 г. Не доезжая г. Уфы, эшелон был задержан, и 24 декабря 1941 г. директор института Е. Ковалев получил распоряжение от Наркомата здравоохранения вернуться назад в Воронеж в связи с улучшением положения на фронте.

Не успел вуз наладить занятия со студентами в Воронеже как началось летнее наступление 1942 г. немецко-фашистских войск на Сталинград и Кавказ. Северный фланг для наступающих армий противника пришелся на Воронеж. Летом 1942 г. на территории Воронежа и области начались бои советских войск с гитлеровцами. В эти дни об организованной эвакуации Воронежского медицинского института, его оборудования, библиотеки не могло быть и речи, немецкие войска уже перешли Дон. Часть сотрудников института выехали из Воронежа последними эшелонами с ранеными, большая часть преподавателей и студентов пешком уходили из горящего города на восток и дальше в товарных вагонах до города эвакуации. Эвакуироваться институту было назначено в Красноярск, но до Красноярска эшелон Воронежского медицинского института так

и не доехал. Директором Воронежского мединститута в те годы был Ефим Никифорович Ковалев (1903–1992). Эшелон со студентами и преподавателями летом 1942 г. проезжал через Куйбышевскую область. Делегация Воронежского мединститута обратилась к руководству Куйбышева с просьбой не отправлять вуз в глубокий тыл, а оставить коллектив института ближе к фронту, где больше всего была нужна медицинская помощь раненым [11]. В эти дни правобережная часть Воронежа была уже оккупирована немецкими войсками, а под Сталинградом разворачивались действия величайшего сражения Великой Отечественной войны. Первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) Владимир Дмитриевич Никитин еще недавно возглавлял Воронежскую область. Но город Куйбышев уже был переполнен эвакуированными предприятиями, крупными учреждениями культуры, дипломатическими представительствами. Поэтому местом для размещения эвакуированного Воронежского мединститута был определен г. Ульяновск Куйбышевской области [16, с. 82–84].

Организация работы высшего учебного заведения на новом месте и в мирные годы очень сложная задача. Ульяновск принял беженцев из многих западных городов страны. В городе располагались госпитали и другие эвакуированные учреждения и предприятия.

А Воронежскому мединституту нужно было учить студентов, размещать теоретические и клинические кафедры в больницах и госпиталях Ульяновска. Для размещения теоретических кафедр институт получил два здания на высоком берегу Волги: одно из них здание художественного и краеведческого музея и второе здание – ветеринарного техникума. 1 октября 1942 г. эвакуированный в Ульяновск Воронежский мединститут начал занятия. Всего удалось собрать 580 студентов. К концу года количество студентов увеличилось до 755, были сформированы 33 кафедры. Недостаток преподавателей удалось частично устранить за счет переброски преподавателей с других кафедр, а также приглашением на работу ульяновцев.

К числу проблем обучения прибавилось отсутствие учебников. К счастью, книгами поделились библиотеки 2-го Ленинградского, Казанского, Куйбышевского и Саратовского мединститутов [1]. Книжный фонд пополнился на 10 000 книг. Но и при такой помощи по многим предметам учебников не хватало.

В первые месяцы пребывания в Ульяновске большинство студентов и 100 человек профессорско-преподавательского состава не имели жилья. Преподаватели, их семьи, студенты первоначально временно расположились в здании фельдшерско-акушерской школы. Занимали классные комнаты, спали на учебных столах, кипяток брали в соседнем эвакогоспитале. К зиме студенты с большими трудностями были размещены в общежитиях. Преподаватели подселены в квартиры ульяновцев или получили места в общежитиях, некоторые оставались жить при госпиталях и больницах.

Выделенные для занятий здания отапливались плохо, чернила за ночь замерзали, в некоторых аудиториях при чтении лекций изо рта лекторов шел пар, у студентов мерзли руки и ноги. Печки дымили и плохо нагревались: дрова сырые. Студенты и студентки, во главе с профессорами и ассистентами, разгрузили плот с дровами, но вывести их так и не удалось. Весь транспорт института – две старые лошади, едва передвигающие копыта. Студенты зимой по бревну стали выносить дрова на крутой волжский берег. «За несколько километров, на крутизну – горькое топливо. Потом начинается распиловка, потом колка дров» [17, с. 290, 298].

Фронтовое поколение студентов-медиков справлялось со всеми тяготами военного времени. За осень и зиму 1942 г. студентами были разгружены дрова в плотах – около 900 куб. м, распилено и доставлено в институт 50 % дров силами студентов [2].

Все профессора, студенты и сотрудники Воронежского медицинского института осуществляли помощь в госпиталях – лечебную, медицинскую. Кроме того, студенты организовывали там вечера самодеятельности для раненых, стирали белье, телогрейки. Для фронта шили ватники и рукавицы, собирали скудные подарки фронтовикам. За помощь студентов ВГМИ по ремонту военного оборудования на складе НКО в Ульяновске командование склада выразило вузу благодарность [3]. Трудовые работы – погрузка и разгрузка, уборка снега, территорий становились частью жизни. Студенты 1-го и 2-го курсов работали на очистке железнодорожных путей от снега. Очень ярко описывает это время Г. Сталинская: «Нам выдали короткие ватники, белые тонкие чулки, зеленые брезентовые туфли, и в этой экипировке мы долгими часами чистили от снега рельсы, разгружали вагоны, выносили из санпоездов раненых, грузили для

госпиталей дрова. Трудовые работы дни и ночи, частые дежурства сутками в госпиталях, сдача крови для раненых. А ведь мы голодали – 400 граммов хлеба да один раз в день похлебка из зеленых помидоров. Голодные обмороки, трофические язвы, алиментарная дистрофия… Учились без учебников, в ледяных классах, согревая на груди под ватником чернильницу-непроливайку, писали на газетах между строк» [14, с. 34].

Своего более или менее нормального транспорта у института не было, потому доставка овощей из дальних районов Ульяновской области, к которым был прикреплен вуз, была сорвана. Овощи, если их удавалось привезти, плохо сохранялись. Весной 1943 г. профессор Ткачев записал в дневнике: «Алиментарная дистрофия заметна у всех, за немногим исключением» [17, с. 306]. Часть преподавательского состава и студенты после спешной эвакуации остались без зимней одежды. Наиболее нуждающиеся к зиме стали получать одежду по разнарядке: валенки, зимние пальто, ботинки, ватные куртки и брюки.

Но вуз продолжал подготовку врачей. Несмотря на то, что «сессия проходила почти без освещения, студентам не было места для подготовки к экзаменам», а учиться приходилось в 2 смены, итоги зимней сессии 1942/43 гг. оказались вполне удовлетворительны. Посещаемость лекций составляла в первые месяцы 1942/43 уч. г. 85–90 %, пропуски по неуважительным причинам – 5–8 % [4].

Клинические кафедры, на которых старшекурсники получают специальные медицинские знания, расположились в госпиталях и больницах. Кафедра общей хирургии размещалась на базе хирургического отделения на 50 коек одной из ульяновских больниц. Под руководством профессора М.П. Соколовского изучались вопросы лечения огнестрельных ранений, спонтанной гангрены, пластических операций при травме и другие вопросы [12, с. 238]. Кафедра госпитальной хирургии расположилась в одном из госпиталей НКО (№ 1646). Сотрудники кафедры одновременно работали в госпитале, где осуществлялась специализированная помощь бойцам с черепно-мозговыми ранениями[15]. Кафедра в составе 4-х человек: профессора А.Г. Русанова, доцента, ведущего хирурга госпиталя Н.Н. Булгакова и двух ассистентов, продолжила обучение студентов. Чтение лекций по госпитальной хирургической клинике началось 14 января 1943 г., студентов на 5 курсе было 12 групп – 150 че-

ловек. Первоначально лекции проводились в областной больнице, а потом из-за холода пришлось перенести лекции в полуподвальное помещение на 1-м этаже госпиталя. Практически занятия велись на материале госпиталя в течение всего 1-го семестра [10].

Кафедра нервных болезней расположилась на базе неврологического отделения Ульяновской больницы, которое насчитывало 20 коек и вскоре было увеличено до 40. На кафедре работали заведующий кафедрой профессор Н.М. Иценко, доцент Е.Н. Ковалев и ассистент. В 1942/1943 гг. на кафедре обучалось 120 студентов в 11 группах. Научная деятельность кафедры, несмотря на малочисленность, не прекращалась. Исследования были связаны с проблемами военного времени: клиника и лечение травматических поражений головного мозга и периферических нервов, последствий эпидемий. Сотрудники кафедры проводили консультации в 5 госпиталях.

Кафедрой кожных и венерических болезней на базе межрайбольницы был организован стационар на 65 коек. Ушли на фронт большая часть сотрудников кафедры. Всю научно-педагогическую и лечебную работу в эвакуации вели заведующий кафедрой А.К. Якубсон и ассистент. С момента эвакуации кафедры профессор А.К. Якубсон работал одновременно консультантом ряда эвакогоспиталей Ульяновска.

Во втором семестре 1942/1943 гг. удалось организовать занятия по стоматологии в госпитале № 1846 и поликлинические занятия, которые проходили в колхозной амбулатории. В Ульяновске кафедра педиатрии лечебного факультета и кафедра факультетской и пропедевтической педиатрии были объединены в одну, которую возглавил профессор Е.А. Нейц. Кафедра педиатрии размещалась на базе хорошо оборудованной городской детской больницы.

Весной 1943 г. коллективу Воронежского мединститута была выдана картошка для посадки. Для работы в поле были сформированы студенческие бригады по 20 человек. Каждый сотрудник получил по 13 кг картофеля и землю для индивидуальной посадки на берегу реки Свияги. Для большинства преподавателей это был первый крестьянский опыт, но огороды были посажены и спасли от голода многие семьи. Весной и осенью 1943 г. студентами было обработано не менее 50 га земли и собран урожай для студенческой столовой. На прополку и покосы для лошадей всегда выделялось необходимое число студентов и преподавателей инсти-

тута. Большую помощь институту оказывал начальник военного танкового училища, эвакуированного в Ульяновск генерал-майор В.Н. Кашуба, выделяя по возможности институту машины, трактор, лошадей.

В период эвакуации в Ульяновске ВГМИ в мае 1943 г. принял 500 студентов на 1 курс [9, с. 247]. И это несмотря на то, что не хватало мест в общежитиях, у многих студентов были проблемы с обувью и одеждой. Даже посещение бани не всегда представлялось возможным, при их полной загрузке студенты могли попасть туда только 1 раз в месяц [5]. Но вуз продолжал работу, фронту и стране необходимы были врачи.

Весенняя сессия 1942/1943 уч. г. была проведена со следующими результатами: всего студентов – 755, явилось на экзамены – 754, отчислено – 21 человек.

В условиях войны и эвакуации студенческая жизнь продолжалась не только в учебе и труде, но и организации различных вечеров и концертов. За 1942–1943 гг. студентами проведено 10 различных концертов и вечеров художественной самодеятельности.

Воронежский медицинский институт в эвакуации не приостановил научной работы. В октябре 1942 г., сразу после приезда в Ульяновск, была проведена первая научная сессия на тему: «Лечение ран и борьба с инфекциями», на которой было заслушано 26 докладов. Профессорами и заведующими кафедрами были организованы ряд научных обществ: глазных врачей, хирургов, терапевтов, педиатров, инфекционистов и др. [6]. В начале января 1943 г. был составлен план научно-исследовательской работы ВГМИ на год. В план были включены 93 темы, в том числе 5 диссертаций. 14 и 15 мая 1943 г. ВГМИ провел первую студенческую научную конференцию. Проводились конференции по вопросам лечения ран, инфекций, осложнений и другим актуальным вопросам военного времени. Самая большая конференция состоялась летом 1943 г., когда Воронежский медицинский институт отмечал свое 25-летие. Часть докладов была посвящена ранениям и их лечению, часть – изучению т.н. «септической ангины», которая эпидемией захватила Ульяновскую область [12].

Кроме лечебной, научной, учебной деятельности вузу летом 1943 г. необходимо было заботиться о предстоящей зиме. Студенческими бригадами было заготовлено в лесу 5500 куб. м дров, из

которых 3500 пошли на нужды города, 2000 куб. м институту, причем доставка дров шла также силами студентов. «Очень тяжелыми для нас, городских девушек, были дровозаготовки. Лесосеку отвели нам за селом Мочилки, там в болотах мочили прутья для плетения корзин. Тучами звенели комары и росли огромные неохватные осины, которые никак не спиливались тупыми пилами. А норма была 4 кубометра на пилу в день на двух студенток» [14, с. 33].

В октябре 1943 г. в Ульяновском драматическом театре состоялся торжественный выпуск 179 врачей. Большинство выпускников были направлены на работу в Воронежскую область, 49 человек – в Красную Армию, 20 врачей оставлены в распоряжении Ульяновского облздравотдела [7].

По поручению Наркомздрава РСФСР ВГМИ было поручено обследование санитарного состояния Ульяновска. Все студенты 4 курса привлекались к обязательному участию в противоэпидемиологических мероприятиях без отрыва от занятий. «Зимой день короткий. К пяти часам начинает темнеть. Путешествие по очагам, например, сыпного тифа в городе – достаточно тяжелая сама по себе обязанность. Студенты относятся к ней с неудовольствием», – запишет в своем военном дневнике профессор Ткачев. Но работа была выполнена. Организованные в группы студенты начали проводить санитарно-просветительскую работу среди населения в связи с наличием угрозы эпидемии сыпного тифа. За успешную работу в противоэпидемиологических мероприятиях ВГМИ была объявлена благодарность Наркомздрава.

В современное время трудно представить, но при всех сложностях учебной, трудовой, лечебной работы обязательно присутствовала и военная подготовка, и спортивные соревнования и политическое образование. На военной кафедре студенты сдавали обязательные военные нормы: гранатометание, изучение ручного пулемета, снайперская подготовка, работа групп самозащиты. ОСОВИАХИМ организовал большой лыжный кросс по Ульяновску, в нем приняли участие 500 студентов ВГМИ. К обязательной политической работе относились политбеседы, читки газет и изучение докладов Сталина, политинформации, политкружки, семинары для агитаторов, политические конференции и т.п.

25 января 1943 г. Воронеж был освобожден от врага. В соответствии с распоряжением СНК СССР от 21 июня 1944 г. Воронежский

медицинский институт был реэвакуирован из Ульяновска в Воронеж. «Ульяновцы» – гордо называли себя выпускники и студенты, возвратившись в Воронеж. Как вспоминала впоследствии одна из студенток Галина Сталинская: «Ульяновск… Он навсегда остался символом военных лишений: холода, голода, нечеловеческих усилий на трудовом фронте – лесозаготовок, погрузки бревен и эшелонов. А главное – тревожного ожидания вестей с фронта, вестей о потерянных близких. Сталинград совсем близко, там не прекращаются тяжкие бои, раненых под обстрелами, под бомбежками доставляют в госпитали Ульяновска. Измученные студентки дежурят, помогая всем, чем могут, часто сдавали кровь, чтобы спасти» [8].

Но период эвакуации в Ульяновск стал и самыми значимыми в военной истории вуза. Патриотизм был неотъемлемым качеством, обыденным составляющим для того времени. Воронежский государственный медицинский институт продолжил обучение, выпускал дипломированных врачей, принимал новых студентов. Не прекращалась научная и лечебная работа преподавателей. Все они стали консультантами военных госпиталей и больниц. Эвакуация стала проверкой на прочность коллектива вуза, моральных качеств студентов и преподавателей.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее ГАОПИВО). Ф. 404. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.

2. Там же.

3. *Кретова Ольга.* Комсомольцы мединститута // Ульяновская правда. 1943. 5 сентяб. С. 2.

4. ГАОПИВО. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1. Л.10 об.

5. Там же. Д. 6. Л. 33.

6. Там же. Д. 9. Л. 6.

7. Там же. Л. 5.

8. *Дегтярев А.М., Чабан С.Я., Коротких Г.Л.* Созвучие поколений. Воронеж, 2011. 188 с.

9. *Ерегина Н.Т.* Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль: ИПК «Индиго», 2010. 640 с.

10. *Есауленко И.Э., Белозеров Г.М., Глухов А.А.* Воронежская городская больница им. К.В. Федяевского. Клиника общей хирургии: История становления. Факты. События. Люди. Воронеж: ВГУ, 2006. 322 с.

11. *Ковалев Е.Н.* О работе мединститута [Электронный ресурс] // URL: https://www.docme.ru (дата обращения 15.09.2019).

12. *Маркова С.В., Золоедов В.И.* К истории изучения «септической ангины»: вклад ученых Воронежского медицинского института // Гематология и трансфузиология. 2015. Т. 60. №1. С. 41–42; *Маркова С.В.* Болезни голода и войны / Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2016. № 63. С. 156–162.

13. *Митерев Г.А.* Все на службу фронту // Советская медицина. 1941. № 13–14. Ради жизни на земле / сост.: А.С. Фаустов, Г.Л. Коротких, Л.И. Астапова, Л.И. Фомичева. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. 40 с.

15. *Русанов А.Г.* История возникновения кафедры и последующие годы. Рукопись. Воронеж, 1948 // Музей истории ВГМУ им. Н.Н. Бурденко. Инв. № 787. 18 л.

16. См.: Решение бюро Куйбышевского ОК ВКП (б) о размещении Воронежского медицинского института в г. Ульяновске от 30.07.1942; Постановление Куйбышевского ОК ВКП(б) и облисполкома о создании необходимых условий для работы Воронежского медицинского института в г. Ульяновске от 22.08.1942 г. // Широков Г.А., Кабытов П.С. Война. Власть. Наука. 1941–1945. Сб. документов и материалов. Самара: Самарский университет, 2005. 496 с.

17. *Ткачев Т.Я.* Мир и войны. Воронеж: б.и., 2005 (ФГУП ИПФ Воронеж). 393 с.

18. *Фурменко И.П.* Воронежский государственный медицинский институт. Воронеж, 1976. 226 с.

S.V. Markova

EVACUATION OF VORONEZH MEDICAL INSTITUTE TO ULYANOVSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The article reveals the history of the evacuation of the Voronezh medical Institute during the great Patriotic war to Ulyanovsk. Two years c1942 to 1944 in terms of evacuation of the Voronezh Institute taught and produced doctors for the front and the rear, the teachers became doctors consultants hospital in Ulyanovsk, did not stop scientific work. Students became nurses, blood donors, helped the front and the city.

Keywords: Voronezh medical Institute during the great Patriotic war, history of higher medical education, Voronezh state medical University.

УДК 94(47).084.8

Н.В. Митюков, А.Н. Лошкарев, С.Л. Баутина

ИЖЕВСКИЕ И ВОТКИНСКИЕ ПАРОХОДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. На основе сравнения промфинпланов и статистических отчетов довоенного и послевоенного времени производится реконструкция флотов хозяйств Ижевского и Воткинского прудов: Ижевского и Воткинского лесопунктов, заводов № 71 и 74. Показано, что в целом судовой состав остался прежним, что может свидетельствовать о важном хозяйственном значении данных флотов, из-за чего они не подлежали мобилизации. Кроме того, хозяйства имели значительную часть устаревших судов, построенных на рубеже веков, что делало их мобилизацию довольно сомнительной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Удмуртия, речной транспорт, Ижевский пруд, Воткинский пруд.

Введение

Ижевские и Воткинские заводы сыграли значительную роль в деле обеспечения Советской армии самым современным оружием. Однако в военной истории этих заводов имеется существенная лакуна – исследователи обходят полным молчанием флотилии хозяйств этих прудов.

В период индустриализации в СССР первоочередное внимание уделялось развитию автомобильного, железнодорожного и авиационного транспорта. Поэтому если в 1920-х гг. перед речниками стояла задача восстановления выведенных в отстой в период гражданской войны пароходов, то поступление новых судов началось лишь в середине 1930-х гг. К сожалению, нарастающие темпы строительства речных судов прервала Великая Отечественная война, так что по настоящему массовое техническое перевооружение речных линий состоялось лишь в послевоенное время.

Хозяйства замкнутых акваторий в этом процессе стоят особняком. Заведенная еще с дореволюционных времен практика предполагала, что все суда подлежат страхованию на случай возможного

несчастия, для чего они в обязательном порядке вносились в речные регистры. А поскольку регистры довольно часто переиздавались, по записям в них можно достаточно легко восстановить эволюцию судового состава того или иного хозяйства. Однако для замкнутых акваторий, каковым являлись Ижевский и Воткинский пруды, страхование теряло смысл, поскольку обычно все плавсредства на них принадлежали одному хозяину. В связи с этим в регистрах (как дореволюционных, так и уже советских довоенных) отсутствует какая-либо информация о таковых судах.

Заводская делопроизводственная документация обычно не дает возможность прояснить судовой состав. В отличие, например, от железнодорожного транспорта, располагавшегося прямо на заводской территории, водный транспорт жил по своему особому распорядку, вмешательство в который сухопутных служб обычно ничего хорошего не приносило. Хотя, например, пароходы Ижевских заводов организационно и входили в транспортный цех, но по факту представляли свое обособленное подразделение, с только ему характерной особенностью работы (например, межсезонным ремонтом, обычным увольнением личного состава между навигациями и повторным его набором в апреле-мае, круглосуточной работой в период навигации и др.).

В связи с этим информация о заводских плавсредствах представляет собой зачастую совершенно не связанный между собой набор фактов, и потому задача в подобного рода исследованиях обычно состоит в разработке теорий, позволяющий взаимно увязать всю имеющуюся фактологию.

Источниковая база

Поскольку традиционная для данного типа исследований источниковая база решить заявленную задачу не может, в качестве основных источников выступили такие специфические документы, как статистические отчеты и промфинпланы. Сведенные воедино за несколько лет они дают возможность не только восстановить судовой состав, но и проследить его эволюцию. А поскольку платы и отчеты военного периода отсутствуют, для выявления роли речного транспорта Ижевского и Воткинского прудов можно сравнить информацию об его довоенном и послевоенном составе.

Заводы № 71 и № 74

Хотя разделение единого завода на заводы № 71 (ныне Ижсталь) и № 74 (ныне Ижмаш) произошло в 1939 г., формально уже раньше они имели свои обособленные хозяйства.

В составе железнодорожного цеха (который перешел заводу № 71) на начало и конец войны числится единственный пароход «Свобода» (120 л.с.) [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 951. Л. 45], использовавшийся для пассажирских перевозок по пруду.

Судя по промфинплану пока еще единого Ижевского завода, на 1936 г. транспортный цех, который потом перешел заводу № 74, имел в своем составе следующие катера: «Темп», «Буффало», «Эпрон» и «Беспощадный» [1, Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 98. Л. 57]. В промфинплане 1937 г. в заводской флотилии осталось три катера: «Темп», «Буффало» и «Эпрон» [1, Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 136. Л. 20]. На начало войны в промфинплане 1941 г. назван лишь катер «Буффало» и упоминаются два моториста для других лодок, что может служить доказательством, что заводская флотилия осталась прежней [1, Ф. Р-543. Оп. 18. Д. 358. Л. 15].

О послевоенном составе флота завода № 74 можно получить представление из статистического отчета 1949 г. [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 7]. В соответствии с ним на Ижевском пруду числятся катера «Кировец» (75 л.с.), «Эпрон» (50 л.с.) и неназванный полуглиссер (63 л.с.). Еще два катера находятся на Каме: «Стальной» (50 л.с.) и «Планета» (90 л.с.). В пояснительной записке указано, что в этом году списан катер «Эпрон» и построена «Планета». Имеется еще статотчет 1947 г., но там катера не названы, однако сопоставляя данные по суммарной мощности, получается, что числились те же четыре катера, что и в отчете 1949 г.: «Кировец», «Эпрон», «Стальной» и полуглиссер [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 951. Л. 46].

Таким образом, получается, что войну пережил лишь «Эпрон», а два катера («Темп» и «Буффало») в конце войны заменены тремя («Кировец», «Стальной» и полуглиссер).

Хозяйства Минлеспрома

На 1947 г. в составе хозяйств, подчиненных Минлеспрому, числится следующий флот. Селычкинский леспромхоз треста «Ижлес» – один буксирный пароход с машинной мощностью 115 л.с.

(имеется в виду пароход «Красный сплавщик») [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 951. Л. 42]. По министерству лесной промышленности Удмуртской АССР числятся два грузопассажирских парохода мощностью 90 л.с., два буксирных катера в 106 л.с. При этом указано, что три судна находятся в Воткинском мехлесопункте, а один в Дулесовском [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 951. Л. 43].

Расшифровка этих судов становится ясной при рассмотрении отчета 1949 г., когда суда «Воткинсклеса» и «Ижлеса» вошли в объединенный флот «Удмуртлеса». К нему имеется пояснительная записка, показывающая калькуляцию, откуда взялись суммарные цифры [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 11]. Там указаны: «Красный сплавщик» (115 л.с.), «Азин» (48 л.с.), «Октябрь» (28 л.с.), два катера (по ним отмечена непонятная фраза «*на Каме Сарап.*» – на Каме в Сарапуле? Имея в виду упомянутый выше Дулесовский участок?) в 92 л.с. – в сумме 283 л.с. К ним добавляется полученный в этом году новый катер с машинной мощностью 75 л.с. [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 1568. Л. 8].

Таким образом, в 1947 г. «Воткинсклес» располагал двумя возможными последовательностями мощностей машин катеров: 28 + 62; 48 + 58 или 48 + 42; 28 + 78, чтобы в сумме вышло 90 и 106 л.с. Причем в 1949 г. два неназванных катера имеют в сумме мощность 92 л.с. Однако по отчету 1947 г. они в сумме должны были иметь 90+106 – (48 + 28) = 120 л.с., поэтому получается, что вероятно, один или оба из них были списаны и заменены новыми.

Предвоенный отчет 1940 г. «Воткинсклеса» указывает, что на Воткинском пруду имеется флотилия из двух пароходов с суммарной мощностью 72 л.с. [1, Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 153. Л. 5], так что выходит, неназванный катер отчета 1947 г. также работает на Каме.

Однако имеется Промфинплан Воткинского мехлесопункта на 1941 г. [2, Ф. 154. Оп. 1. Д. 6. Л. 36]. В соответствии с ним на этот год запланировано использование в навигации колесного парохода «Азин» (48 л.с.), винтового парохода «Октябрь» (28 л.с.) и газогенераторного катера «Пятилетка» (60 л.с.). Из документов можно понять, что катер будет использоваться для буксировки на Воткинском пруду. Можно предположить, что в 1941 г. его планировалось туда доставить, но из-за начавшейся войны эта операция не состоялась. Тогда получается, что единственный катер Дулесовского участка

также имел мощность около 60 л.с. (вариант с 58 и 62 л.с. из приведенных выше расчетов).

Выводы

Анализ промфинпланов и статистических отчетов довоенного и послевоенного периода показывают, что во время войны флоты хозяйств Ижевского и Воткинского прудов не менялись. Суда Минлеспрома и завода № 71 остаются те же самые, что и до войны, флот завода № 74 численно остался тем же, но качественно обновился (один катер тот же, два – другие). Таким образом, суда не были мобилизованы и использовались всю войну по своему первому предназначению.

Указанное обстоятельство может свидетельствовать о следующем:

1. Хозяйства Ижевского и Воткинского прудов решали важные хозяйственные задачи и потому получили соответствующую «бронь».

2. Суда указанных прудов в основном были устаревшими и не представляли особой ценности для военных, учитывая также и затраты, необходимые для доставки их с прудов на Каму. Так, пароход «Азин» построили еще в XIX веке, «Свободу» в 1902 г., «Октябрь» – 1905 г.

Источники и литература

1. Центральный государственный архив Удмуртской республики.
2. Управление по делам архивов администрации г. Воткинска.

N.W. Mitiukov, A.N. Loshkarev, S.L. Bautina

IZHEVSK'SANDVOTKINSK'SSTEAMERS DURING GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. Based on a comparison of industrial financial plans and statistical reports of the pre-war and post-war period, the fleets of the farms of Izhevsk and Votkinsk ponds are reconstructed: Izhevsk and Votkinsk logging stations, Plants № 71 and № 74. It is shown that, on the

whole, the ship's composition remains the same, which may indicate the important economic importance of these fleets, because of which they were not subject to mobilization. In addition, farms had a significant part of outdated ships built at the turn of the century, which made their mobilization rather dubious.

Keywords: Great Patriotic war, Udmurtia, river transport, Izhevsk pond, Votkinsk pond.

УДК 94.87

М.В. Оськин

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАГОТОВКИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: РАЗВЕРСТКА И СНАБЖЕНИЕ

Аннотация. Хлебные регионы Поволжья в годы Первой мировой войны работали на снабжение фронта и Центральной России, поставляя хлеб по нарядам Министерства земледелия. Постепенное снижение производства и государственных запасов зерна побудили государственную власть к централизации продовольственного дела в империи. Решающим этапом в этом процессе, неудача которого стала важным фактором Февральской революции, явилась хлебная разверстка зимы 1917 г. Объективная нехватка запасов хлеба и недостаточно энергичная работа продовольственного аппарата на местах не позволила Поволжью в достаточной степени обеспечить хлебом армию и тыловые регионы.

Ключевые слова: снабжение, хлебная разверстка, Министерство земледелия, заготовки продовольствия.

В период Первой мировой войны Поволжье служило одной из основных житниц Центральной России, снабжая хлебом потребляющие регионы центра империи, так как богатые хлебом южные и юго-западные губернии чем дальше, тем больше переходили на нужды действующей армии. Большую часть товарной хлебной продукции давала Самарская губерния – более 65 млн. пуд избытков, но и другие поволжские регионы имели избытки хлебов. Из одной

лишь Уфимской губернии накануне войны ежегодно вывозилось в промышленные и северные губернии России около 35 млн. пуд хлеба, и до 13 млн. пуд шло на экспорт [8, с. 84].

Затягивание военных действий, увеличение военных поставок, падение производства, нехватка рабочих рук и прочие негативные факторы, привнесенные войной в российское сельское хозяйство, постепенно истощали продовольственный ресурс страны, что вынуждало центральную власть (и прежде всего – отвечавшее за продовольственное дело Министерство земледелия) переходить к экономии, регулированию рынка, централизованному перераспределению продуктов питания. Важным звеном в цепи государственного влияния и давления на сельскохозяйственный сектор стала хлебная разверстка зимы 1917 г., относительная неудача которой существенным образом повлияла на развитие событий Февральской революции.

Справедливо, что в самом Поволжье, где потребляющие регионы соседствовали с производящими, «продовольственный вопрос не был в числе первых в формировании нервической обстановки. Сельское население (а это абсолютно большая часть населения) само снабжало себя продовольствием… В городах непереносимых трудностей в снабжении простонародным продовольствием также не было» [6, с. 338–339]. Тем не менее проявления процесса продовольственного кризиса, надвигавшегося на страну, и в волжских губерниях стали уже не просто выходить на поверхность общественно-экономической жизни, но формировать зарождавшуюся кризисную ситуацию, верхом чего в военный период станет неурожай 1917 г.

Первым фактором проявления кризисных явлений стала ценовая государственная политика, которая своей несогласованностью неумолимо вела к нарастанию дефицита и, как следствие, к падению рыночного предложения хлеба его производителями и держателями. Например, телеграмма из самой хлебной поволжской губернии – Самарской, в Особое Совещание по продовольственному делу, 8 октября 1916 г. сообщала, что «продовольственное дело в Поволжье с каждым днем ухудшается, подвозов зерна нет, мельницы останавливаются. В работе уполномоченных Министерства земледелия нет согласованности: несмотря на объявленные твердые цены, в Саратове, Сызрани, Симбирске, Казани мука до сих пор

продается по повышенным вольным ценам. Новые твердые цены на муку действуют только в Самаре. На попытке самарского уполномоченного В.Н. Башкирова создать в губернии сеть закупочных организаций ставится непреодолимое препятствие: объявление о повышении твердых цен в смежной Оренбургской губернии против установленных на секции съезда уполномоченных на 34 коп. за пуд против самарских цен на 20 коп., что делает закупку зерна в Самарской губернии невозможной и повлечет неминуемую остановку мельниц, производящих ежедневно до 100 тыс. пуд муки» [2, ф. 1807, оп. 1, д. 295, л. 52–53].

Вторым фактором стало резкое увеличение продовольственных закупок для нужд фронта. Падение государственных хлебных запасов вынудило Министерство земледелия осенью 1916 г. повысить требования на военные закупки, что, в свою очередь, вызвало к жизни местническую реквизиционную политику. Нарушая финансовые операции предыдущего времени, местные уполномоченные, в стремлении выполнить указания Центра, приступили к широкой реквизиции продовольствия, невзирая на его принадлежность. Так, летом 1916 г. Казань купила в Сибири 15 тыс. пудов крупчатки. Однако, несмотря на то что транзитные продукты по закону реквизиции не подлежали, пермский уполномоченный, воспользовавшись закрытием навигации и временным отсутствием вагонов, реквизировал эту муку для своих нужд. То есть во имя выполнения Пермской губернией государственного задания закупки хлеба для действующей армии и потребляющих губерний. 9 января 1917 г. казанцы запросили Пермь о передаче им муки, но получили ответ, что «зерна нет, и мука будет отправлена, если положение улучшится» [8, ф. 369, оп. 12, д. 17, л. 2]. Разумеется, такого улучшения следовало ожидать не ранее нового урожая. Подобная взаимная реквизиционная политика, нарушая теперь уже не только экономические связи между регионами (это явление проявилось еще в 1915 г.), но и соседские закупочно-финансовые операции, неизбежно вела к разрыву единого хозяйственного организма страны.

Наконец, местные уполномоченные должны были выбирать между выполнением заданий на закупки для фронта и нуждами собственного населения. Здесь нарушение хотя бы одного «кирпичика» единого продовольственного здания могло повлечь за собой после-

довательное невыполнение обязательств рядом губерний в больших хозяйственных районах и на стыках между ними. Например, 4 января 1917 г. нижегородский уполномоченный сообщил московскому окружному интенданту, что во Владимирский и Нижегородский военные магазины-склады должен поступить хлеб по интендантским нарядам из Тамбовской и Самарской губерний. Однако, «принимая во внимание данные мне большие наряды продовольствия населения, боюсь за своевременное обеспечение мукой магазинов, если тамбовский и самарский уполномоченные задержатся с отправкой муки». Уполномоченный просил Самару ускорить высылку муки по декабрьским нарядам [8, ф. 1607, оп. 4, д. 21, л. 18]. Иными словами, не получив хлеб из Тамбова и Самары, нижегородский уполномоченный Сироткин должен был питать гарнизоны за счет населения. Это влекло за собой передачу населению уже закупленных для фронта хлебных запасов.

Недополучив хлеба, фронтовые интенданты приступали к реквизициям в прифронтовой зоне. Если учесть, что Нижегородская губерния входила в Московский военный округ, а Самарская – в Казанский, то ситуация еще более усложнялась, ибо гарнизонам Казанского военного округа также требовался хлеб и самарский уполномоченный должен был отдавать приоритет последним. Именно для Нижнего Новгорода ситуация закончилась тем, что 9 февраля 1917 г. губернатор А.Ф. Гирс запрашивал Министерство продовольствия о разрешении взять хлеб из хлебозапасных магазинов в счет разверстки в связи с угрозой голода при отсутствии каких-либо иных запасов. МВД согласилось на эту меру при условии согласия крестьянских обществ [2, ф. 6831, оп. 1, д. 101, л. 185, 188].

Нижегородская губерния была не единственной, что просила использовать зерно хлебозапасных магазинов. В поволжских регионах о том же 24 ноября 1916 г. просил симбирский уполномоченный Беляков, настаивавший на передачу ему ½ запасов ржи – «считаю эту меру могущей мне дать в настоящий критический момент около миллиона пудов, необходимо для немедленного размола и отправки в армию». Министерство согласилось на получение 710 651 пуда из 2 789 915 [2, ф. 6831, оп. 1, д. 101, л. 64].

Вдобавок, в тылу не удалось в полной мере компенсировать нехватку основных продуктов питания второстепенной продукцией.

Например, вместо отправляемого на фронт сала и сливочного масла, предоставить тылу растительное масло; вместо мяса – рыбу и яйца, овощи – вместо белковых продуктов и проч. Осенью 1916 г., в связи с увеличением численности действующей армии и нарастанием недостатка товарной продовольственной продукции, по интендантским требованиям стала закупаться широкая номенклатура продуктов питания. В частности, до весны 1916 г. яйца закупались «лишь сравнительно в небольших количествах для пасхального довольствия войск». С апреля Министерство земледелия перешло к массовым закупкам яиц, дабы «яйцами заменить частично мясное довольствие, как фронтовых, так и тыловых частей». Наиболее интенсивно в заготовке яиц работали Казанская, Пермская, Тамбовская, Воронежская, Симбирская и Саратовская губернии. Всего в 1916 г. было заготовлено около 1000 вагонов яиц, а в 1917 предполагалась закупка сразу 12 тыс. вагонов, в том числе 5 тыс. – для армии [2, ф. 1783, оп. 2, д. 206, л. 28].

Интересно, что летом 1916 г., в связи с ограничением продажи мяса, встала проблема потребления редких в питании видов этого продукта, связанная с национально-религиозным фактором. Так, казанский губернатор П.М. Боярский в телеграмме в МВД от 4 августа 1916 г. указывал, что вводивший мясопустные дни закон 30 июня «не предусматривает конины». В итоге, казанские татары якобы оказываются в привилегированном положении в сравнении с русскими и к тому же, как следствие, ввиду мясопустных дней, дабы заполнить нехватку, «убой лошадей, которые необходимы для армии и населения, возрастет до небывалых размеров». Боярский просил распространить запрет и на конину. О том же сообщал и уфимский губернатор П.П. Башилов. Однако 24 августа Особое Совещание по продовольственному делу ответило, что «воспрещение убоя лошадей, как не предусмотренное законом 30 июня о мясопустных днях, может быть осуществлено лишь в законодательном порядке» [2, ф. 6831, оп. 1, д. 44, л. 36, 52, 85], чего так и не произошло.

Мясная продукция оказалась наиболее далекой от возможной компенсации другими продуктами. До 1916 г. овощи для фронта закупались в ограниченном объеме, поступая в войска в виде сухих смесей борща, супа и щей. Теперь закупке подлежали не только про-

тивоцинготные средства, как лук и чеснок, но и сырая капуста, морковь и картофель [2, ф. 1797, оп. 1, д. 561, л. 59]. Если в 1914–1915 операционном году овощи заготавливались в восьми центральных губерниях, то с конца 1915 г. подключились еще 11, в том числе Казанская, Саратовская, Уфимская [2, ф. 1783, оп. 1, д. 24, л. 185]. А на 1917 г. военное интендантство дало задание заготавливать неограниченное количество овощей [2, ф. 1783, оп. 2, д. 605, л. 104об.]. Не получилось заменить мясо и рыбой Волги и Каспийского моря. Если в 1915–1916 гг. закупки рыбы для армии проводились эпизодически, отдельными партиями, то на 4-й операционный год Каспийско-Волжский район должен был дать 7150 тыс. пуд рыбы [3, ф. 1408, оп. 2, д. 33, л. 213], что, по сути, переводило население на питание преимущественно растительной пищей.

Главнейшим продовольственным мероприятием накануне Февральской революции стала хлебная разверстка, проводимая министерством А.А. Риттиха. Согласно планам, Среднее Поволжье обязывалось поставить около 160 млн. пудов из предполагавшихся по всей стране Министерством земледелия 772,1 млн. (в тыс. пуд) [5, № 1 (30), с. 14]:

Губерния	Рожь	Пшеница	Овес	Просо	Гречиха	Итого
Казанская	20 843	-	7 272	-	-	28 115
Уфимская	23 432	-	16 676	-	3 000	43 108
Оренбургская	-	12 047	6 928	-	-	18 975
Симбирская	5 937	-	2 000	830	-	8 767
Самарская	12 233	18 349	-	-	-	30 582
Саратовская	26 807	3 779	-	-	-	30 586

В регионах по-разному подошли к решению поставленной задачи. Так, в Саратовской губернии местное Совещание по продовольственному делу исключило из наряда уже закупленные до 1 декабря 7 млн. пуд местным уполномоченным и 2 млн. пуд торговцами. Уездные земства к 6 февраля разверстали только 6989 тыс. пуд ржи и совсем не приступали к разверстке пшеницы. Следовательно, губерния фактически проваливала задание. В Симбирской губернии к 6 февраля уездные земства разверстали весь наряд, но и только. В свою очередь, самарский уполномоченный Башкиров 14 декабря

1916 г. сообщил, что надеется закупить этот хлеб, «не прибегая к разверстке». До 22 января он закупил до 22 млн. пуд, в том числе уже было им принято не менее 16 млн. пуд [2, ф. 579, оп. 1, д. 2288, л. 21, 25, 45]. Иными словами, Самарская губерния еще до революции заготовила не менее ½ наряда в связи с тем, что отказалась от разверстки как от единственного механизма получения хлеба. Схожим образом действовал, к примеру, окружной уполномоченный в юго-западных губерниях С. Н. Гербель, что позволило ему накормить только что созданный Румынский фронт, румынских беженцев и выполнить часть заданий для снабжения внутренних потребляющих регионов Центральной России.

Разумеется, препятствиями на пути разверстки вставали разные явления. На областном совещании уполномоченных в Самаре 28 января 1917 г. под председательством самого Риттиха уфимский уполномоченный доложил, что по мере перемещения разверстки в деревню, она понижается: в волостях на 3 %, в селах – на 28 %; саратовский – что железные дороги не справятся с вывозом наряда; оренбургский – что наблюдается спекуляция туркестанскими представителями, так как в Туркестанском крае неурожай [1, 1917, № 1–2, с. 57] и проч.

Заинтересованные в продаже хлеба, а не в его разверстке крестьяне шли навстречу уполномоченным, в то же время настаивая на тщательной фиксации хлеба, дабы не подпасть под разверстку уже после продажи продукции уполномоченному. В частности, 24 февраля Башкиров телеграфировал в Министерство земледелия, что «запрета вывоза зерновых хлебов из Самарской губернии мною не устанавливалось, но сельские и волостные власти губернии, озабоченные выполнением поставки хлеба, причитающегося с них по разверстке, считают весь свободный хлеб реквизированным и поэтому препятствуют вывозу его из губернии, так как вывозимый из губернии хлеб не поступает на учет» [2, ф. 6831, оп. 1, д. 38, л. 45].

Соответственно, Центр предложил Самаре и новые задания, видя локальный успех в самом сердце Поволжья. Несколько ранее, 5 февраля 1917 г. из Министерства Башкирову сообщили, что из Самарской губернии уже решено отправить первым рейсом 2,5 млн. пудов пшеницы особого назначения (в Архангельск для союзников) из Самарской губернии водой до Вятки или Котельнича, и столь-

ко же до Ярославля. Министерство просило «подготовить соответствующие караваны и загрузить указанным количеством пшеницы россыпью». Уже в конце апреля из Самары телеграфировали, что более 700 тыс. пуд пшеницы отправлено на Вятку и Котельнич, а более ранняя «погрузка задержана несвоевременной подачей баржей» [2, ф. 6831, оп. 1, д. 53, л. 3, 10].

Инициатива и правильный подход в Самаре[1] позволяли лишь выправить объективную нехватку хлеба как такового вообще – в реальности губернии так и не удалось полностью выполнить задание на разверстку, и проблема здесь отнюдь не в революции. Дело в том, что наряды на разверстку давались Министерством исходя из неверных цифр якобы существовавших в деревне запасов прошлых лет. Эти цифры были получены арифметическим путем как учет недопоставок по импорту – по расчетам Риттиха этот хлеб должен был оставаться у крестьян. Однако Министерством земледелия не был учтен важнейший фактор – рост потребления в деревне в 1914–1915 гг., что отмечалось современниками и чиновниками различных уровней. Ведь рост потребления каждого крестьянина в среднем всего на 2–3 пуда в год для многомиллионной страны означал увеличение общего годового потребления на ½ млрд. пудов.

Об этом факторе на чрезвычайном собрании членов Всероссийской сельскохозяйственной палаты 28 ноября – 1 декабря 1916 г. заявил представитель казанского земства князь А.А. Кропоткин: прилив денег в деревню увеличил потребление крестьян, и если допустить, что половина населения стала потреблять хлеба лишь на ¼ фунта (100 граммов) в день, то в год это составит 228 млн. пуд [4, 1916, № 51–52, с. 1085]. Соответственно, сведения о запасах в Казанской губернии представители Министерства земледелия определили в 30 млн. пуд, а данные государственной статистики показывают всего 4 млн. Поэтому Казанское земство понизило разверстку с 28 до 9 млн. пудов, рассчитывая весной взять еще максимум

---

[1] К 1 февраля 1917 г. в Саратовской губернии видимые (торговые) запасы хлеба были даже выше, нежели в Самарской – 5 468 850 пуд против 4 189 936 (8. ф. 499, оп. 3, д.1393в, л.160), что и позволяет подчеркнуть важность организационного фактора, работы аппарата конкретного местного уполномоченного.

4 млн. пудов. Граф Толстой добавил к выступлению Кропоткина, что твердые цены 1916 г. были установлены ниже себестоимости. Посему разверстка – это фактически повинность, а для повинности необходимы два условия: справедливость и посильность [1, 1917, № 3–5, с. 27]. То есть сведения Центра оказались завышены минимум в 2,2 раза, что делало выполнение разверстки по всей стране объективно невыполнимым.

Наличие хлеба в поволжских регионах вообще позволяет говорить о ситуации как о сравнительно устойчивой – например, в Уфимской губернии – «положение с продовольствием в Уфе и губернии к началу 1917 г. было сложным, но никак не критическим. Из сельской местности и уездных центров вообще информации о каких-либо затруднениях почти не поступало…. Ситуация на местном продовольственном рынке к февралю 1917 г. оставалась сложной, но стабильной. Экономическую катастрофу в 1917 г. породило свержение самодержавия» [7, с. 16–17]. Однако выполнить задание по разверстке, то есть снабжение хлебом фронта и потребляющих губерний Центральной России, Поволжье в целом не смогло. А отсутствие запасов означало, что в случае неурожая регион также столкнется с продовольственным кризисом, подобно потребляющим губерниям Центральной России, как и произошло в 1917 г.

Источники и литература

1. Вестник Всероссийской сельскохозяйственной палаты.

2. Государственный архив Российской Федерации.

3. Государственный архив Тверской области.

4. Известия Министерства земледелия.

5. Известия Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу.

6. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Самара, 2013.

7. *Роднов М.И.* Уфимская губерния накануне революции: к вопросу о предпосылках // 1917 год в судьбах народов России. Уфа, 2017. Т. 1. 487 с.

8. Российский государственный военно-исторический архив.

9. *Рязанский И.В.* Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны (Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.

M.V. Os'kin

FOODPROCUREMENTINTHE MIDDLE VOLGA REGION ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION: RAZVERSTKA AND SUPPLY

Abstract:grain regions of the Volga region during the First World War worked to supply the front and Central Russia, supplying bread on the orders of the Ministry of agriculture. The gradual decline in production and state reserves of grain prompted the state authorities to centralize the food business in the Empire. The decisive stage in this process, the failure of which was an important factor in the February revolution, was the grain opening of the winter of 1917. The objective shortage of grain supplies and insufficiently energetic work of the food apparatus in the field, did not allow the Volga region to provide the army and rear regions with bread to the required extent.

Keywords:supply, grain distribution, Ministry of agriculture, food procurement.

УДК 94(470.42)

Е.А. Рогашова

ТРУДНОСТИ ВОЕННЫХ ЛЕТ И ПОПЫТКИ ИХ РЕШЕНИЯ НОВОЙ ВЛАСТЬЮ: К ПРОБЛЕМЕ СМЕНЫ СТАТУСА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943 ГОДУ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы, которые встали перед административным аппаратом новообразованной Ульяновской области в 1943 году. Это были проблемы кадровые, административные, системные. Новая власть должна была не только решать поставленные перед ней задачи военного времени, но и с нуля выстраивать аппарат управления, связи региональные и с центральным аппаратом. Также она должна была решать социальные проблемы Ульяновской области.

Ключевые слова: административная реформа, Ульяновская область, Великая Отечественная война, социальная история.

В 1943 году в рамках второго этапа административно-территориальной реформы (1943–1954) СССР на карте появилась Ульяновская область (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 года). В состав нового территориального образования вошли города и районы Куйбышевской (24 района) и Пензенской (2 района) областей.

Реформа была призвана решить несколько задач. Во-первых, благодаря разукрупнению отдельных областей, повышалась эффективность управления территориями (в 1943–1944 годах на карте СССР, помимо Ульяновской области, появилось 12 новых областей).

Во-вторых, в рамках реформы проходила ликвидация тех национальных автономий, которые были признаны нелояльными, что сопровождалось депортацией народов в новые регионы проживания (в 1943–1944 годах было ликвидировано 3 автономии).

И, в-третьих, уже, что касается Ульяновской области, во время войны в Ульяновск (который тогда был небольшим областным городом, преимущественно сельскохозяйственной специализации) были эвакуированы стратегические предприятия – изменение экономического положения территории неизбежно должно было быть отражено и в её новом статусе.

Таким образом, когда Куйбышевский обком ВКП(б) подал 1 июля 1942 года в ЦК партии записку «О разукрупнении Куйбышевской области», она сразу пошла в работу. Тем не менее потребовалось полгода, чтобы сформировать сбалансированную территорию будущей Ульяновской области.

Следовало также сформировать новый региональный аппарат управления – было образовано бюро Ульяновского областного комитета ВКП(б). Управленческая элита Ульяновской области формировалась из двух групп.

Первая группа – московская, в которую входил первый секретарь обкома ВКП(б) И.Н. Терентьев, председатель облисполкома К.В. Киселев и др. О своём назначении они узнали в разное время, примерно с середины декабря 1942 года до 10 января 1943 года. Как позднее вспоминал Терентьев И.Н.: «на второй день после образования области мы собрались… и, определив каждому, что надо сделать в Москве до отъезда, решили в ближайшие дни выехать к месту нового назначения. Все присутствующие… хорошо понимали, какая ответственность лежит на каждом» [18, с. 170].

Вторая группа управленческой элиты сосредоточилась в Куйбышеве, во главе со вторым секретарем Ульяновского обкома ВКП(б) И.Т. Зотовым. Именно он сумел своевременно предупредить районные структуры ВКП(б) и исполнительной власти о создании нового региона [18, с. 81].

Реальной автономии местного самоуправления в СССР не было. Местные органы власти являлись не более чем частью единого вертикально интегрированного партийно-государственного механизма. Между партийными органами, хозяйственными чиновниками, директорами предприятий на местном уровне существовали неформальные отношения клиентелистского типа, борьба за власть и ресурсы. Вместе с тем в масштабах СССР в целом роль местной политики была невелика, и говорить о местной автономии в политическом отношении можно только как о латентной и потенциальной. То есть взаимодействие вновь образованного субъекта РСФСР выстраивалось главным образом по вертикали (об этом говорит также тот факт, что в первую очередь регион запустил телефонную правительственную связь с Москвой, уже в 1944 году [14], а внутри областная связь не была реализована даже в 1953 году), но и горизонтальные ресурсы следовало перераспределить. Проблемы в этом направлении не были неожиданными для управленцев тех лет.

Об этом же говорит в своих воспоминаниях И.Н. Терентьев: «На первых порах перед нами встали три основные задачи: во-первых, разместить в переполненном городе областные организации, во-вторых, укомплектовать штаты, в-третьих, установить связи с центральными органами и местными организациями» [18, с. 171]

Что касается решения первой задачи, следует учитывать, что в 1943 году в Ульяновске располагалось большое количество эвакуированных предприятий и учреждений. И, несмотря на то, что с этого года начинается частичная реэвакуация, в городе нет свободных площадей. 29 января 1943 года И.Н. Терентьев докладывал в Москву: «Все здания города, пригодные для размещения областных учреждений, заняты Военведом, Управлением союзных наркоматов… госпиталями НКО и НКЗ, а гражданские учреждения размещены в непригодных для этого городских зданиях» [1].

Надо отметить, что на протяжении целого года были огромные проблемы с размещением отделов. Также, пользуясь случаем, уже

существующие структуры начинают требовать улучшения своего снабжения. Например, Горком получил новые площади для своего парткабинета. Причем до образования области парткабинет располагался в двух небольших комнатах, а теперь у него 11 комнат, в том числе лекционный зал на 300 мест, библиотека, военный кабинет, читальный зал и другие. И это повлекло за собой ещё две статьи расходов. Во-первых, эти помещения необходимо обставить (а в рамках советской системы снабжения организаций не достаточно было просто выделить средства, нужно было ещё и встроиться в систему государственного плана и распределения, что в условиях войны отягощалось дополнительными сложностями). Во-вторых, требуется расширение кадров не только для работы, но и для обслуживания.

В качестве примера можно привести данные из следующей сметы от 1943 года (на более чем 100 тыс. рублей) [4]. Смета включала в себя 300 стульев, 10 портретов, 10 шкафов, 200 м ковровой дорожки, 2 патефона и многое другое. Закладывалось даже художественное оформление помещения, изготовление барельефов, скульптур и т.п. Расширение требовало и дополнительного введения шести ставок: завхоза, сторожа, гардеробщика и др.

С момента образования области было создано 64 структуры. Можно представить насколько возросли расходы государства по содержанию настолько расширившегося аппарата. На протяжении 1943–1944 годов Ульяновская область постоянно запрашивает ЦК ВКП(б) о дополнительном финансировании вводимых штатных единиц.

Огромная текучка была основной характеристикой административного аппарата Ульяновской области. В 1943 году покинули свои должности по разным причинам более 60 секретарей райкомов ВКП(б) [19, с. 413].

Поэтому на первое место выходит подготовка и переподготовка кадров. Содержание типичных дел, которые выносятся на Обком в момент создания Ульяновской области, говорят о серьезной проблеме в кадровом составе управленцев региона [См. подробнее: ГАНИ УО, ф. 8, Оп. 1]. Речь идет о низком качестве людей во власти (особенно на низовых должностях) и в плане образования, и по моральным нормам.

Курсы повышения квалификации образовывались повсеместно [19, с. 413], но работали крайне неэффективно. Как отмечается в документах, занятия проводились формально, не проверялись результаты, «воспитательная работа в районе [Богдашкинском] поставлена слабо… партийные собрания готовятся плохо и… проходят на низком политическом уровне, а в некоторых партийных организациях не собираются от 3 до 6 месяцев [Тимерсянская МТС]» [3]. Что касается аморального поведения коммунистов на управленческих должностях, то основной проблемой было пьянство. Например, на одном из заседаний Обкома в 1943 году было принято решение: «Снять т. Жандарова Николая Александровича с работы секретаря Тагайского райкома ВКП(б) по кадрам за появление на бюро Райкома в пьяном виде» [2]. И, к сожалению, это типичная формулировка тех лет. Коррупция тоже присутствовала. И зачастую эти два фактора соединялись воедино. «В районе [Астрадамовском] имели место частые случаи коллективной пьянки», в которой участвовали первый и второй секретари райкома, секретарь по кадрам и председатель райисполкома, для организации и проведения которой также были взяты в двух колхозах и сельпо продукты. «Руководящие работники района занимались поборничеством в колхозах» [16]. Подобная низовая коррупция в органах власти Ульяновской области была типичной в годы Великой Отечественной войны.

Для рассмотрения личных дел коммунистов при Обкоме Ульяновской области была создана Партколлегия, в составе пяти ответственных и одного технического специалиста. Также было принято постановление, что исключить из партии на райкоме или обкоме можно только в личном присутствии коммуниста. Это добавило проблем – например, в 1944 году было достаточно много резолюций о том, что коммунисты не являются на собрания, следовательно, работа проваливается. Очень много типовых решений Обкома звучит так: «Освободить от работы… в связи с арестом» [См. подробнее: ГАНИ УО, ф. 8, оп. 1].

Итак, кадров не хватает – и количественно (многие коммунисты были мобилизованы или ушли на фронт добровольно), и качественно (в партию принимали новых членов, а когда они «не соответствовали званию коммунист», их приходилось исключать). Например, типичной формулировкой была следующая: «снять, как не справившегося» [См. подробнее: ГАНИ УО, ф. 8, оп. 1].

И вот здесь следует отметить, что в данном явлении очень большую роль играют сами административные структуры – дело в том, что отказаться от назначения было практически невозможно. И отказ нес за собой огромные негативные последствия для рядового коммуниста, выдвинутого на руководящую должность. Например, хотелось бы привести фрагмент решения по апелляции, которую в июле 1943 года подал в Обком ВКП(б) М.И. Морозов на то, что Богдашкинский РК ВКП(б) объявил ему выговор с занесением в учётную карточку из-за того, что он отказался стать председателем колхоза. В протоколе заседания значится следующее: «Установлено. Морозов, по мотивам неопытности и боязни не справиться с работой, отказался пойти на работу председателя колхоза «Большевик», несмотря на то, что до этого продолжительное время работал бригадиром и счетоводом колхоза. В просьбе Морозову отказать. Считать решение […] правильным» [5].

Те же проблемы затрагивали уровень простых рядовых коммунистов. За партийной дисциплиной строго следили. Из партии могли исключить за утерю партийного билета, за «непартийное поведение» (пьянство, хулиганство, неуплату членских взносов, не участие в партийных собраниях и отлынивание от партийных поучений), а также за признание виновным в совершенном преступлении. Например: «Павлушин И.К., член ВКП(б), русский, рабочий, образование низшее… за дезертирство с фронта Отечественной войны предан суду Военного трибунала. Исключить Павлушина И.К. из рядов ВКП(б) как дезертира […] Русаков В.М., член ВКП(б), образование низшее [мастер в цехе № 9 завода им. Володарского]… с ноября 1939 года не платит членские партийные взносы и не принимает участия в партийной жизни. Исключить Русакова В.М. из членов ВКП(б), как случайно попавшего в партию» [См. подробнее: ГАНИ УО, ф. 8, оп. 1].

Тем не менее следует признать, что исход разбирательства по делу «провинившегося» партийца не был предрешен изначально: «Ульянова П.Г., член ВКП(б), крестьянка, образование низшее [колхозница в колхозе имени Сталина Вырыпаевского сельсовета]… исключена из рядов ВКП(б) [решением Вешкаймского райкома] за невыполнение партпоручений, перерасход хлеба и недостачу цыплят на птицеферме… отдана под суд. Установлено: Ульянова не может

заниматься тяжелым физическим трудом, на что имеет врачебные документы, а партпоручения ей давались, связанные с физическим трудом, однако она не отказалась их выполнить, но при выполнении заболела и слегла в больницу. Факты перерасхода хлеба и недостачи цыплят на птицеферме не установлены. По обвинению в невыработке минимума трудодней судом оправдана. Решение… отменить и восстановить т.Ульянову П.Г. членом ВКП(б)» [6].

Даже в самые страшные военные годы люди оставались людьми, а на рассмотрении Партийной комиссии попадали и откровенно комичные дела: «Решение бюро Сенгилеевского РК ВКП(б) от 23 апреля 1943 года об исключении из рядов ВКП(б) Рассадина П.Е. члена ВКП(б), преподавателя неполной средней школы в с. Тушне и секретаря первичной парторганизации колхоза имени Куйбышева. Установлено: Рассадин совместно с председателем Тушнинского сельсовета и председателем колхоза имени Куйбышева решили напугать гражданку Горшкову, когда она совершала религиозный обряд – молилась, они утащили у неё овцу и спрятали. Бюро райкома ВКП(б) расценило это как хулиганство и исключило Рассадина из рядов ВКП(б). Рассадин признает свою вину, раскаивается и просит оставить его в рядах партии» [8].

Ульяновский Обком ВКП(б) отменил решение нижестоящего бюро и ограничился выговором.

Также Терентьев И.Н. отмечает, что наибольшие проблемы касались перераспределения ресурсов.

Во-первых, административные проблемы зачастую в СССР имели экономические последствия и наоборот. Особенности централизованной плановой экономики, как уже отмечалось выше, предполагали, что для решения некоторых задач простого переброса ресурсов в рамках региона требовалось привлечение сторонних согласований с Москвой.

Во-вторых, снабжение новой области было по-прежнему завязано на Куйбышев. То есть ресурсы для Ульяновска поступали на склады и базы в Куйбышеве, и только потом двигались далее к месту назначения. И, как видно из тех же постоянных жалоб в ЦК ВКП(б), доходили или с огромным опозданием, или не в полном объеме.

В-третьих, получив «в наследство» территории, новая область получила и все скопившиеся за предыдущие годы расхождения меж-

ду официальной отчетностью, идущей в Москву, и реальным положением дел. Так, в 1943 году за областью числилось 687 тракторов, которые на самом деле представляли из себя лишь остовы. Однако за областью они числились и вносились в план пахоты. Ульяновский обком ВКП(б) несколько раз посылал на имя Г.М. Маленкова запрос о списании с баланса МТС тракторов, комбайнов, молотилок и др. сельскохозяйственной техники, не подлежащей восстановлению [18, с. 82]. Благодаря деятельности И.Н. Терентьева с области также списали задолженность прошлых лет по картофелю и овощам, мясу и молоку [17, с. 11].

Хотя, следует отметить, что проблемы с невыполнением планов были связаны не только с неверными основаниями их построения, но и имели под собой банальные кражи (хищения) урожая. Например, примечательным в данном плане является секретный протокол № 32 заседания бюро Ульяновского обкома ВКП(б) от 14–15 мая 1943 г. о борьбе с расхищениями колхозной собственности [19, с. 413].

Таким образом, выполнение поставленных перед Ульяновской областью задач постоянно замедлялось разными объективными причинами. К 1944 году «область получила вполне опытных подготовленных работников… постепенно были установлены деловые связи с Наркоматами СССР, РСФСР, Центральными ведомствами», – отмечал в своих воспоминаниях И.Н. Терентьев [18, с. 171]. Но в том же году после освобождения западных областей СССР начался отзыв эвакуированных работников. Одним из первых в освобождённые земли Белоруссии выехал председатель Ульяновского облисполкома К.В. Киселев. Нехватка квалифицированных работников в регионе заставит Ульяновский Обком и Облисполком инициировать летом 1945 года отзыв работников, которые ещё не успели демобилизоваться, на места. За подписью первого секретаря Обкома в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова и в Политуправление Советских войск в Германии пошли телеграммы с просьбами об откомандировании бывших партийных и советских работников в распоряжение Ульяновского обкома ВКП(б) [15].

Не следует забывать и о том, что решение повседневных проблем людей тоже ложилось на плечи нового руководства [17, с. 11–12].

Великая Отечественная война шла уже два года: люди, с одной стороны, вполне адаптировались (если допустимо использовать этот термин) к стрессовой ситуации, а с другой – устали от продолжавших накапливаться проблем, постоянно ухудшающихся условий жизни. Например, на фабрике им. Степана Разина Майнского района весной 1943 года были вскрыты случаи употребления рабочими в пищу мяса павших лошадей [13]. Было предпринято серьезное расследование, но данная ситуация сложилась вследствие целого ряда проблем, которые надо было решать, а не только минимизировать последствия. На заводе им. Володарского в конце лета из-за некачественных продуктов заболели 45 рабочих и членов их семей [11]. Причем руководство области отлично понимало, что надо делать. Но ресурсов не было. Вынесенная на заседании Обкома ВКП(б) Ульяновской области от 27.09.1943 (протокол № 54) резолюция гласила: «Предложить мясокомбинату… в течении IV квартала 1943 года и I квартала 1944 года построить холодильник». Как отмечалось в том же протоколе: «Городская санитарная инспекция смирилась с фактами антисанитарного состояния на пищевых предприятиях в торговой сети, столовых, кухнях и не принимает мер к устранению недостатков» [ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 89, л. 3 об.–5 об.].

Проблемы с материально-бытовым положением рабочих были на всех предприятиях Ульяновской области. Даже на автозаводе им. Сталина [11]. А при строительстве Кременковского завода массовым явлением стали прогулы рабочих. С ноября 1942 по апрель 1943 года на предприятии было зафиксировано 1125 прогулов. Привлечено к ответственности 122 человека, осуждено – 37. Но в докладе Ульяновскому Обкому отмечалось, что «большинство прогулов администрация считает уважительным». Невыход связан с отсутствием обуви, одежды, еды, очень плохими бытовыми условиями (рабочие живут в землянках, в которых грязно и протекают крыши во время дождя), а также отвратительным поведением руководства, которое «на глазах рабочих» выносит из столовой еду [7].

Осень 1943 года началась с систематических перебоев в снабжении населения города Ульяновска хлебом. За 9 дней сентября население недополучило 133 тонны хлеба [9]. А уже к декабрю 1943 года были уменьшены на 200 г в день нормы выдачи хлеба (например, для работающих мужчин паёк уменьшился до 600 г).

Это решение было принято правительством, поэтому единственное, что оставалось областным органам власти – это «широкое разъяснение» для населения причин этого постановления. Ситуацию под своим контролем держал ЦК ВКП(б), отлично понимая, что массовые бунты в условиях войны – это неизбежное закручивание гаек, а значит ещё больший рост народного недовольства. Поэтому все высказывания жителей области (и в поддержку, и против данной ситуации) собирались, рассматривались и докладывались в Москву. Интересно, что, тем не менее, согласно отчету, в целом спокойно оценивали ухудшающуюся ситуацию коммунисты, а протестовали и были недовольны только беспартийные. Заботило людей и то, что нормы уменьшили даже для детей!

Следует отметить, что руководители новообразованной области старались хоть как-то смягчить сложившуюся ситуацию. Но на решение центральных властей накладывались и региональные проблемы, а именно систематическое «недоотоваривание» области куйбышевскими базами. За III квартал 1943 года: масла растительного поставили всего 22 % от положенного, табачных изделий – 48,4 %, мыла хозяйственного – 49,2 %. «Прошу вас поставить вопрос перед наркоматом пищевой промышленности о воздействии на куйбышевские базы промышленности или закрепить другие базы», – пишет заместитель заведующего отделом торговли и общепита Фролов [12].

Проблемы были и в системе медицинского обслуживания. Так, в Канадейском эвакогоспитале № 2906 осенью 1943 года «не имелось ни одного врача установленного профиля, вместо 12 врачей по штату имеется 4, нет ведущего хирурга, и не оборудованы кабинеты… не налажено нормальное питание раненых». Схожие трудности испытывала и областная клиническая больница. Все это серьезно влияло на общую эпидемиологическую обстановку в области. В 1943 году были вспышки сыпного и брюшного тифа в Сенгилеевском районе [10].

В таких трудных условиях у людей просто опускались руки. И они принимали неверные страшные решения. Последней каплей могло стать всё, что угодно. Так, 26 июля 1943 года Обкому ВКП(б) докладывалось о причинах самоубийства работницы цеха № 21 «жены фронтовика, двухсотницы», которую заместитель начальни-

ка цеха грубо притащил в комендатуру, приказал выгнать из цеха, кричал на нее и угрожал перевести в уборщицы. На следующий день женщина повесилась. И это был не единичный случай [11].

Таким образом, весь спектр проблем, которые встали перед новообразованной областью, можно условно поделить на несколько больших групп: проблемы административные (качество кадров, нехватка кадров, увеличение административного аппарата); проблемы управленческие (взаимодействие с Центром, с другими регионами, районные связи внутри Ульяновской области); проблемы социальные (задачи военного времени, стоящие перед населением региона, качество и трудности жизни населения); проблемы экономические (выполнение планов по поставке ресурсов на фронт, участие в распределении ресурсов в рамках существующей экономической системы, снабжение местного населения и обеспечение его жизнедеятельности).

И, к сожалению, по большинству направлений в 1943 году руководство Ульяновской области не столько повышало эффективность своей работы и взаимодействия структур, сколько старалось минимизировать негативные последствия.

Источники и литература

1. Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф. 8. Оп.1. Д. 1а. Л. 2.
2. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 14. Л. 35–37.
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 49. Л. 20об.
5. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 59. Л. 20.
6. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 60. Л. 12.
7. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 62. Л. 2–2об.
8. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 80. Л. 2об.
9. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 83. Л. 6об.
10. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 106. Л. 8
11. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 140. Л. 84, 91, 103–103об., 109об.–110.
12. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 141. Л. 68.
13. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 198. Л. 18.
14. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.
15. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 127. Л. 69.
16. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 3. Д. 145. Л. 66.

17. За ними стояла область… / сост. Р.В. Ильязова. Ульяновск, 2019. 64 с.
18. *Забалухина Н.В., Пашкин А.Г.* Симбирский – Ульяновский край в новейшей истории России. 1917–1991 гг. Люди. События. Факты. Ульяновск, 2012. 200 с.
19. *Румянцев П.А.* Особенности проведения кадровой работы партийными организациями в годы Великой Отечественной войны (на примере Ульяновской области) // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 2(23). С. 411–414.

E.A. Rogashova

DIFFICULTIES OF MILITARY YEARS AND ATTEMPTS TO RESOLVE THEM BY THE NEW GOVERNMENT: TO THE PROBLEM OF CHANGE OF THE STATUS OF THE ULYANOVSK REGION IN 1943

Abstract. The article considers some problems that arose before the administrative apparatus of the newly formed Ulyanovsk region in 1943. These were problems of personnel, administrative and system problems. The new government was supposed not only to solve the tasks assigned to it by wartime, but also from scratch to build the apparatus of management, regional and central communications. It was also supposed to solve the social problems of the Ulyanovsk region.

Keywords: administrative reform, Ulyanovsk region, the World War II, social history

УДК 94(47).084.6:356.15

С.К. Саркисов

О ФОРМИРОВАНИИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ЛЫЖНОГО БАТАЛЬОНА НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТСКОЙ АССР В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.

Аннотация. В статье излагаются исторические предпосылки создания добровольческих лыжных подразделений в Красной Армии в период Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Рассма-

тривается процесс формирования 105-го лыжного батальона из добровольцев Удмуртской АССР. Исследование выполнено на основе архивных источников, как опубликованных ранее, так и впервые введенных в научный оборот. Посвящается 80-летию начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

Ключевые слова: Советско-финляндская война 1939–1940 гг., Зимняя война, Красная Армия, РККА, лыжный батальон, добровольцы, Удмуртская АССР.

30 ноября 1939 г. началась Советско-финляндская «Зимняя» война. Боевые действия, хотя и без образования сплошной линии фронта, развернулись по всему периметру границы Советского Союза и Финляндии.

Основной удар Красная Армия наносила на Карельском перешейке между Балтийским морем и Ладожским озером, силами 7-й, а впоследствии и 13-й армий. На данном участке фронта находилась укрепленная оборонительная полоса из долговременных огневых сооружений и инженерных заграждений – так называемая «Линия Маннергейма», а также достаточно крупные силы прикрытия финнов. После неудачной попытки прорвать укрепления с ходу, предпринятой в декабре 1939 г., боевые действия на данном участке приняли позиционный характер. Красная Армия начала ряд мероприятий для методичного взламывания «Линии Маннергейма».

Иная ситуация складывалась на восточной границе Финляндии, севернее Ладоги, где наступали 8-я, 9-я и 14-я советские армии. Плотность войск здесь была намного ниже, чем на Карельском перешейке, поэтому сплошной линии фронта не существовало. Лесисто-болотистая местность и крайне малочисленная дорожная сеть во многом определили особенности действий сторон. Советские войска вынуждены были проводить автономные, разнонаправленные наступательные операции, без флангового взаимодействия соединений. Продвижение в глубь территории Финляндии велось вдоль грунтовых дорог, по которым могло осуществляться снабжение. При этом советские дивизии, оснащенные большим количество техники, были в значительной степени лишены свободы маневра. Этим активно пользовалась противостоящая им финская сторона.

3 января 1940 г. уполномоченный Народного комиссариата обороны (НКО) в 9-й армии Никишев докладывал наркому обороны К.Е. Ворошилову: «Наши части по своей организации и насыщенности техникой, особенно артиллерией и обозом, не приспособлены к маневру и действиям на этом театре, они тяжеловесны и зачастую прикованы к технике, которая следует только по дороге. Кроме того, части действиям в особых условиях не обучены – леса боятся и на лыжах не ходят. Это слабое место белофинны нащупали и, используя свое преимущество в маневре, подвижности [за счет использования лыжников. – *С.С.*], знании местности и помощи населения, последовательно нападают на отдельные колонны и отдельные группы. Так, потрепав 163 сд [стрелковую дивизию. – *С.С.*], сейчас готовят то же с 44 сд и т.д. Если наши войска переходят к обороне, белофинны, оставив небольшую сковывающую группу, остальные силы (до 2 батальонов) бросают на фланг и в тыл наших частей, где отыскав разрывы, занимают их, делают завалы и стремятся нанести огнем поражение, особенно конскому составу и обозу» [1, с. 254].

Действуя главным образом на счет высокой мобильности, хорошего знания местности и выучки, финские лыжники выходили на коммуникации советских соединений, отрезали их от снабжения, блокировали эвакуацию раненых, больных и обмороженных красноармейцев. Таким образом, в декабре 1939 г. – январе 1940 г. финнам удалось частично или полностью окружить и нанести тяжелые потери войскам 18-й, 168-й сд и 34-й легкотанковой бригаде 8-й армии, 44-й, 54-й и 163-й сд 9-й армии [1, с. 9].

В качестве одного из основных способов противодействия тактике финнов в упомянутом выше докладе предлагалось: «Пехоту и артиллерию поставить на лыжи… На ближайшую операцию в полку иметь особо облегченный лыжный батальон, а в батальоне роту как маневровое средство и ударную группу. Обучить войска технике передвижения и действиям на лыжах и специфическим элементам тактики… обходу флангов и окружению противника, а также преследованию» [1, с. 256]. Необходимо отметить, что широкое применение лыж предписывалось действовавшим на тот момент Полевым уставом РККА 1936 г., целая глава которого была посвящена особенностям ведения боевых действий зимой» [2, с. 165–170]. Однако на практике многие пункты устава не выполнялись. В докладной

записке наркому обороны К.Е. Ворошилову от 31 декабря 1939 г. командир одного из стрелковых полков 8-й армии полковник Раевский писал: «Удивительно мне слышать, что наши войска несут огромные потери и не имеют никакого успеха из-за того, что не умеют ходить на лыжах и не обучены лыжному делу. Как же это так случилось, почему же кто-то не выполнял Ваши неоднократные приказы о лыжной подготовке и почему же в войсках не выполняли требования ПУ-36 – глава десятая? Ведь в этой главе десятки раз и без конца напоминается о применении лыж. Почему же в войсках северных округов не овладели лыжным делом, когда им на все 100 процентов положено было выполнять требования ПУ-36 и других Ваших приказов? И почему же кто-то не подумал о заблаговременном завозе сюда лыж…» [1, с. 233].

Таким образом, не будет большим преувеличением сказать, что в начале Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. боеспособные лыжные части в Красной Армии отсутствовали, в то время как необходимость в них была высокой. Исправить ситуацию требовалось в кратчайшие сроки. Простейший способ – выдача лыж в обычные стрелковые части – в данном случае не годился, поскольку в Красной Армии применялся экстерриториальный принцип комплектования. Войсковых частей, составленных из уроженцев определенных (например, северных) областей страны, не существовало. В одной части могли служить как сибиряки и уральцы, так и жители южных, малоснежных регионов Советского Союза – Украины, Закавказья, Средней Азии, мало знакомых с ходьбой на лыжах. Впрочем, немало таких бойцов было и среди уроженцев северных и центральных областей СССР.

В подобных условиях советское руководство пошло на экстраординарные меры. В конце декабря 1939 г. началось формирование лыжных эскадронов и добровольческих лыжных батальонов. Первые создавались на основе приказа Ставки Главного Командования № 0672 от 24.12.1939 из военнослужащих кавалерийских частей Киевского и Белорусского особых военных округов, хорошо владевших лыжами. Организационно лыжные эскадроны представляли из себя небольшие подразделения, штатной численностью 98 человек, вооруженных преимущественно автоматическим оружием [1, с. 237–238].

Одновременно в центральных и северных военных округах началось формирование лыжных батальонов на добровольной основе [3, с. 549]. На территории Удмуртской АССР было создано одно такое подразделение – 105-й отдельный лыжный батальон [4].

Батальон состоял из трех стрелковых рот (каждая из которых была усилена отделением сапёров), пулеметной роты и взвода связи [5, л. 73]. Старший и средний командный состав батальона был назначен из кадровых военных, а младший командный и рядовой состав набирался из числа добровольцев.

7 января 1940 г. телефонограммой Военного совета Уральского военного округа № 392/41 Удмуртскому обкому ВКП(б) и Военному комиссариату УАССР было дано распоряжение о начале набора добровольцев. Сделать все предстояло в кратчайшие сроки – уже к 18 января планировалось завершить вербовку добровольцев, а 25 января отправить батальон с территории Удмуртской АССР [5, л. 73]. Сразу по получении распоряжения военный отдел Удмуртского обкома ВКП(б) по телефону начал инструктаж райкомов партии. На следующий день из Военного комиссариата УАССР в городские и районные военкоматы были направлены телеграммы с указаниями об особенностях набора добровольцев в лыжный батальон. В них значилось: «…организуйте вербовку добровольцев лыжников из младшего начальствующего и рядового состава запаса, служивших в РККА или прошедших учебные сборы не менее трех месяцев, обязательно умеющих ходить на лыжах… Всю работу по набору добровольцев проводить в тесной увязке с партийно-комсомольскими, профсоюзными организациями без всякого шума и опубликования об этом в печати. Рекомендуется метод отбора: райвоенкоматы намечают [кандидатов в добровольцы. – *С.С.*], райкомы партии, комсомола путем персонального вызова вербуют. При наборе обязательно проверить умение ходить на лыжах, привлекая для проверки физкультурные организации. Всех отобранных тщательно проверить с контрольными органами, неустойчивых не принимать… Отбор закончить к утру 18 января, всех пропустить через медкомиссию… Очень желательно, чтобы добровольцы шли со своими лыжами, их стоимость будет оплачена» [6, л. 12].

Однако на практике все происходило не столь гладко. Во многих районах Удмуртской АССР были допущены серьезные просчеты

при вербовке добровольцев. Нередко вербовщики, умышленно или нет, не доносили точную информацию до кандидатов о порядке и принципах вступления в лыжные батальоны. Например, в Каракулинском районе военнообязанным не разъяснили о ***добровольном*** принципе набора в батальон, не требовали от них и каких-либо заявлений. Прибывшие на формирование в г. Ижевск «добровольцы», считали себя мобилизованными в Красную Армию [5, л. 87, 88]. Команда добровольцев из Сюмсинского района полагала, что они прибыли на лыжные соревнования к 22-й годовщине РККА. Об этом шла речь при наборе, тогда как про направление добровольцев на фронт вербовщик не упомянул, ограничившись ***намеками*** о напряженном международном положении. В заявлениях о зачислении в лыжный батальон, которые добровольцы только подписали (видимо, не прочитав) значилось: «желаю вступить в РККА», «хочу защищать социалистическую Родину» и далее в том же духе. На вопрос, почему так получилось, Сюмсинский райвоенком ответил, что, получив указания, организовать набор добровольцев без шума, решил провести его под видом подготовки празднования очередной годовщины Красной Армии [5, л. 79, 86]. Схожие ситуации, отмечены еще в шести районах Удмуртской АССР. В результате многие из неверно проинформированных «добровольцев» отказались от зачисления в лыжный батальон [5, л. 76]. Были и напротив честные (даже, излишне честные) вербовщики. На вопрос кандидатов на зачисление в батальон о том, на какой срок они будут призваны, инструктор военного отдела Вавожского райкома ВКП(б) Валов отвечал: «Война без жертв не бывает. Может быть, некоторые товарищи совершенно не вернутся, может быть, вернутся орденоносцы-герои, но сказать точно, что вернутся через два-три месяца или через год, нельзя» [5, л. 38 об.]. В своей докладной он писал, что «... при вербовке я не гонялся за количеством и всех предупреждал, чтобы данный товарищ крепче подумал, что он едет не в гости, а защищать наше социалистическое отечество» [5, л. 38 об.].

Другим недостатком при вербовке стало некачественное медицинское освидетельствование добровольцев районными медицинскими комиссиями. Это также послужило причиной отсева значительного числа завербованных военнообязанных. В телеграмме Военного комиссариата УАССР № 369 от 21.01.1940 районным воен-

коматам указывалось: «Призванные добровольцы многие оказались больными трахомой, туберкулезом, сифилисом…» [7, л. 52]. Эту же проблему в своей докладной записке отмечал и инструктор военного отдела Удмуртского обкома ВКП(б) И.М. Галасеев: «…из Понинского и Карсовайского районов до десятка человек военнообязанных оказались больными трахомой. Из Старо-Зятцинского района направили даже больных грыжей. Вообще, в результате медицинской комиссии над прибывшими, выявилось много больных трахомой и венерическими болезнями (особенно гонореей)» [5, л. 82].

Значительное внимание при отборе добровольцев уделялось политико-моральным критериям. Вступление в добровольческий батальон рассматривалось партийным и военным руководством Удмуртской АССР как почетное и ответственное дело. Поэтому вербовщики должны были в первую очередь агитировать записываться добровольцами коммунистов и комсомольцев. Неохотно принимали военнообязанных из семей, подвергшихся раскулачиванию, летунов, прогульщиков и др. Отсеивали по политико-моральным соображениям судимых, а также тех лиц, чьи близкие родственники участвовали в Гражданской войне на стороне белых. Вместе с тем в отдельных районах к проверке кандидатов отнеслись невнимательно. Например, в Сюмсинском районе завербовали добровольцем гражданина Солодянкина, находившегося под следствием. За день до отправления команды в г. Ижевск он был осужден народным судом и таким образом выбыл из числа добровольцев [5, л. 78]. В Дебесском районе добровольцем записался гражданин Лекомцев. При проверке по прибытию в г. Ижевск выяснилось, что он являлся осужденным, сбежавшим из места заключения (!) [5, л. 89].

Имели место случаи, когда сами добровольцы пытались изменить свое первоначальное решение и отказаться от зачисления в лыжный батальон. С момента подписания заявления до отправки проходило несколько дней. За это время у людей была возможность обдумать свой выбор. В результате некоторые отказывались от поданных ими заявлений, трезво оценив уровень своей боевой и физической подготовки. Другие меняли решение по семейным обстоятельствам, в том числе вследствие прямого влияния членов семьи. Например, отказавшийся от поданного заявления житель Киясовского района П.К. Макаров «…был согласен идти добровольцем

в Красную Армию, но когда пришел домой и сказал жене, последняя заплакала и начала говорить что этого не нужно, начала меня уговаривать, чтобы я не ходил добровольцем в Красную Армию» [5, л. 54]. Отдельные граждане проявляли и банальное малодушие. Поскольку отказаться от собственноручно подписанного заявления без веских причин было сложно, фиксировались случаи симуляции и самооговора (для отвода по политико-моральным причинам) [5, л. 81, 90].

Структуру набора добровольцев, в связи с отсутствием данных по республике в целом, можно проанализировать на основе отчета Ижевского городского военкомата от 15 февраля 1940 г. Согласно данному документу всего по г. Ижевску планировалось завербовать 15 младших командиров и 70 рядовых, более трети из которых должны были составлять пехотинцы – стрелки (военно-учетная специальность № 1). Фактически же по г. Ижевску было набрано и успешно прошли комиссию 123 добровольца, из которых 27 человек младшего командного и 96 рядового состава. При этом добровольцы имели весьма разнообразные военно-учетные специальности, относящиеся в том числе и к военнослужащим тылового обеспечения. Шесть человек вообще не были обучены военному делу (возможно, проходили подготовку по линии Осоавиахима). Партийная прослойка составляла почти половину команды Ижевских добровольцев: 12 членов и 17 кандидатов в члены ВКП(б), 30 комсомольцев [6, л. 54–55]. В ходе прохождения комиссии было отсеяно 114 добровольцев из г. Ижевска, иными словами, в лыжный батальон был принят только каждый второй из подавших заявление. Причины отсева выглядели следующим образом: по болезни – 11 человек, с недостаточной военной подготовкой – 28, недостаточной лыжной подготовкой – 9, по политико-моральным соображениям – 11, по разным причинам – 55 человек [6, л. 54–55]. В последнюю категорию включены граждане, получившие отвод со стороны Военкомата УАССР, не подходящие по возрасту, а также отказавшиеся от поданных заявлений.

Необходимо отметить, что высокий процент отсева добровольцев не был характерен только для Удмуртской АССР. О возможных затруднениях при вербовке добровольцев, еще в самом начале – 7 января 1940 г. военкома УАССР предупреждал начальник штаба

Уральского военного округа. При этом он ссылался на опыт других регионов округа, приступивших к формированию аналогичных добровольческих лыжных батальонов несколькими днями ранее, чем Удмуртская АССР [5, л. 74].

Высокий процент отсева добровольцев вызвал необходимость донабора желающих вступить в лыжный батальон. Это заняло дополнительное время, которое ранее планировалось отвести проведению учебных стрельб [5, л. 73, 91].

24 и 25 января в г. Глазов, где завершалось формирование батальона, прибыли последние команды добровольцев. 26 января, с опозданием на один день против изначальных планов, 105-й отдельный добровольческий легколыжный батальон убыл по Пермской железной дороге в направлении границы с Финляндией [5, л. 82].

Отправка батальона в целом прошла благополучно. Определенная проблема возникла лишь из-за родственников некоторых добровольцев. Инструктор военного отдела обкома ВКП(б) Галасеев писал об этом: «На каждого призванного из этих районов приехали по 4–5 человек сопровождающих, которые крайне мешали работе комиссии и создали свои поведением в Глазове такое впечатление, что у нас чуть ли не проходит всеобщая мобилизация» [5, л. 83].

С 3 февраля, на протяжении примерно одной недели, 105-й отдельный лыжный батальон совместно с несколькими другими лыжными батальонами из Уральского военного округа находился в г. Череповце Вологодской области, где, по-видимому, проходило краткосрочное обучение добровольцев-лыжников [1, с. 242].

По прибытии к советско-финляндской границе 105-й отдельный добровольческий легколыжный батальон был включен в состав 15-й армии. Эта армия была сформирована на основании приказа Ставки Главного Военного Совета № 01663 от 11 февраля 1940 г. из Южной группы войск 8-й армии и действовала вдоль северного побережья Ладожского озера [1, с. 244].

В полном составе 105-му отдельному легколыжному батальону так и не довелось принять участие в боевых действиях. На основании приказа Ставки Главного Военного Совета № 01625 от 10 февраля 1940 г. для советской группы войск, развернутой севернее Ладоги, предусматривалось переформирование всех лыжных батальонов в более компактные и мобильные лыжные эскадроны. Лыжные

эскадроны имели численность в 150 человек и предназначались для разведки, рейдов и диверсионных действий по ближайшим тылам противника, охраны флангов и коммуникаций советских частей. Каждому стрелковому полку планировалось придать по три лыжных эскадрона [1, с. 244, 245]. 105-й отдельный добровольческий легколыжный батальон был разделен на пять лыжных эскадронов (127-й, 128-й, 129-й, 130-й и 131-й). [4]. К сожалению, сведений о боевом пути лыжных эскадронов, сформированных из добровольцев-лыжников с территории Удмуртской АССР, автору найти не удалось.

Вскоре после заключения перемирия с Финляндией началась демобилизация добровольцев. После двухмесячной службы они возвращались домой.

Период пребывания добровольцев-лыжников на военной службе оплачивался. Согласно постановлению СНК СССР № 2 от 2 января 1940 г. за добровольцами – рабочим и служащими – сохранялась их средняя заработная плата, а добровольцам колхозникам начислялось среднее количество трудодней [8, л. 25]. Данные суммы выплачивались семьям добровольцев. Своевременному произведению положенных выплат уделялось большое внимание со стороны партийных органов. Имевшие место единичные задержки или невыплаты заработка оперативно решались путем выезда на места заведующих военными отделами райкомов ВКП(б) [9, с. 1–13]. Семьям добровольцев, находившихся в тяжелом материальном положении, оказывалась дополнительная помощь в денежной или натуральной форме.

Таким образом, за счет вербовки добровольцев руководством Советского Союза в целом и Удмуртской АССР в частности в условиях Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. была оперативно и относительно успешно решена задача по созданию боевых подразделений лыжников. Приобретенный при этом ценный опыт, как боевого применения лыжных подразделений, так и их формирования и укомплектования личным составом, был использован (хотя и не в полной мере) в предстоящей Великой Отечественной войне. В её зимних боях советские лыжники подтвердили свои высокие боевые качества.

Источники и литература

1. Тайны и уроки Зимней войны. 1939–1940 / ред.-сост. Н.Л. Волковский. СПб: Издательство Полигон, 2000. 544 с.

2. Временный полевой устав РККА. (ПУ 36). М.: Государственное военное издательство НКО СССР, 1937. 216 с.

3. Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 2 / сост. П.В. Петров, В.Н. Степаков. СПб.: издательство «Полигон», 2003. 638 с.

4. Лыжные батальоны и эскадроны РККА, находившиеся в действующей армии в период Финской кампании 1939–1940 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rkka.ru/handbook/data/ski-bat.htm (дата обращения: 06.09.2019).

5. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф.16. Оп. 1. Д. 3174.

6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-742. Оп. 1. Д. 36.

7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-742. Оп. 1. Д. 26а.

8. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3172.

9. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3177.

S.K. Sarkisov

ON THE FORMATION OF A VOLUNTEER SKI BATTALION IN UDMURTIA DURING THE SOVIET-FINNISH WAR OF 1939–1940

Abstract. The article gives the historical background to the creation of volunteer ski units in the Red Army during the Soviet-Finnish War of 1939–1940. The process of forming the 105th light-ski battalion from volunteers of the Udmurt Republic is considered.The research was carried out on the basis of archival sources, both previously published and first introduced into scientific circulation.Dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the Soviet-Finnish «Winter»War of 1939–1940.

Keywords: Soviet-Finnish War of 1939–1940, Winter War, Red Army, ski battalion, volunteers, Udmurt Republic.

УДК 94(47).084.8

А.Н. Сергеева

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА НАРКОМАТА ВООРУЖЕНИЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается повседневная жизнь сотрудников Государственного оптического института Наркомата вооружения СССР (ГОИ), эвакуированного из г. Ленинграда в г. Йошкар-Олу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Архивные документы позволяют выявить малоизученные факты, свидетельствующие об организации приема и размещения ученых-физиков и квалифицированных специалистов института, снабжении их продовольствием.

Ключевые слова: эвакуация, Государственный оптический институт, Ленинград, Йошкар-Ола, СНК Марийской АССР, Марийский обком ВКП(б), Наркомат вооружения СССР, повседневная жизнь, архивный документ.

С самого начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Советском Союзе наблюдалась масштабная операция по эвакуации промышленных предприятий, которые незамедлительно быстро должны были перебазироваться в глубокий тыл и продолжать выпускать на новом месте все необходимое фронту. В глубоком тылу в первую очередь возводили цеха, налаживали производство, а лишь после этого начинали думать об устройстве быта прибывших эвакуированных граждан. В каких экстремальных условиях войны находился человек, можно проследить по архивным документам на примере Государственного оптического института Наркомата вооружения СССР (ГОИ), сотрудники которого были эвакуированы из г. Ленинграда в г. Йошкар-Олу в начале августа 1941 г.

В качестве источника информации были использованы докладные записки, сообщения, просьбы Марийского областного комитета

ВКП(б) в Центральный комитет ВКП(б) и Совнарком СССР по организационно-партийной и хозяйственной работе. Кроме того, ценнейший фактический материал сосредоточен в переписке Государственного оптического института с Марийским обкомом ВКП(б) о размещении и производственной деятельности данного института. Не столь многочисленные документальные источники позволяют охарактеризовать малоизученные факты, связанные с повседневной жизнью сотрудников Ленинградского оптического института Наркомата вооружения СССР.

Первые месяцы (с июня по август 1941 г.) после начала Великой Отечественной войны оказались чрезвычайно тяжелыми как для государственных и партийных органов власти, так и для каждого советского гражданина, которому нужно было перестраивать свой жизненный уклад в соответствии с военным временем. В первые дни войны Центральный комитет партии и советское правительство определили порядок и организацию эвакуации крупных людских и материальных ресурсов из прифронтовой полосы на восток страны. Для этого создавались специальные органы. 24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации. 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». В автономных республиках создавались специальные органы по эвакуации. 18 июля 1941 г. СНК Марийской АССР подписал постановление о создании Переселенческого отдела, необходимого для учета эвакуированного населения [9, л. 134]. В свою очередь, СНК Марийской АССР регулярно представлял в Переселенческое Управление при СНК СССР списки эвакуированных граждан, размещенных на территории Марийской АССР. По данным Совнаркома Марийской АССР, на 29 июля 1941 г. в республику прибыло 15 582 человека [8, л. 212]. Сроки эвакуации были предельно сжаты. Например, к концу августа 1941 г. из г. Ленинграда в тыл были отправлены около 100 крупных предприятий, вывезены более 600 тысяч человек [13, с. 466]. В условиях приближения немецких войск к северной столице и угрозы ее полного окружения возникала необходимость массовой эвакуации в первую очередь квалифицированных рабочих, инженеров и служащих, промышленного оборудования, технической документации научно-исследовательских институтов и кон-

структорских бюро, от которых в значительной мере зависела оснащенность вооруженных сил Советского Союза новейшей военной техникой.

Для встречи гражданского населения на Йошкар-Олинской железнодорожной станции открывались эвакуационные пункты (эвакопункты). В работе эвакопунктов г. Йошкар-Олы было занято «600 человек, из которых только 356 человек занимались встречей и размещением прибывшего населения на железнодорожной станции» [5, л. 48]. На сотрудников эвакопунктов возлагались немаловажные обязанности: провести прием и регистрацию прибывшего населения, оказать медико-санитарную помощь, обеспечить горячим питанием через сеть столовых и буфетов Йошкар-Олинского треста общественного питания.

По месту прибытия эвакуированному населению предоставлялись все пригодные для проживания помещения. Йошкаролинцы безропотно делились своей жилплощадью, многих подселяли к семьям. Однако даже при массовом уплотнении местного населения жилья по-прежнему не хватало. Важно отметить, что средняя норма жилплощади для прибывших квалифицированных специалистов, рабочих и служащих Государственного оптического института Наркомата вооружения СССР составляла около 3 квадратных метров на одного человека, а во многих случаях и того меньше. Нередко в комнату общей площадью в 30–35 квадратных метров заселялось по 15–17 человек [4, л. 8]. В начале августа 1941 г. в столицу Марийской АССР прибыло 566 сотрудников Государственного оптического института, в числе которых значились 160 научных работников, 113 инженеров и техников, 182 рабочих, 49 служащих и 62 работника из числа младшего обслуживающего персонала. Следует отметить, что среди научных сотрудников были «4 академика, 2 члена-корреспондента Академии наук СССР, 20 докторов наук и 31 кандидат наук» [3, л. 7]. И все же, невзирая на сложности военного времени, 15 августа 1941 г. партийно-государственное руководство республики в лице председателя СНК Марийской АССР Я.И. Абрамова и секретаря Марийского обкома ВКП(б) В.М. Кушнарева направило письмо председателю СНК РСФСР И.С. Хохлову с просьбой об увеличении финансирования по жилищно-коммунальному строительству по следующей причине: «В городе Йошкар-Оле в августе месяце размещена военно-воздушная академия, ГОИ Наркомата

обороны, ОКБ-43 Наркомата обороны… Все это увеличивает число жителей в городе Йошкар-Оле больше чем на 10 тыс. человек. Предоставить квартиры всем этим очень ценным работникам хотя бы 2 или 1 приличную комнату мы не имеем возможности. Кроме того, существующая городская баня далеко не обеспечивает потребности города даже без вышеуказанного увеличения жителей… Достройка новой бани и 16-квартирного дома будет закончена не позднее 15-го сентября и за счет этого в основном будет решен вопрос с удовлетворением потребности населения города баней и ликвидирована опасность распространения эпидемических заболеваний» [1, л. 15–16]. Во избежание опасности распространения эпидемических и желудочно-кишечных заболеваний необходимо было начать строительство насосной станции, очистных сооружений и расширение канализационной системы – на все это вновь требовались денежные средства. В связи с этим 30 августа 1941 г. СНК Марийской АССР и Марийский обком ВКП(б) обратились с письмом к заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому с очередной просьбой выделить денежные ассигнования на возведение необходимых объектов городского коммунального хозяйства. В условиях военного времени система городских коммунальных служб требовала модернизации, поскольку многие предприятия оборонной промышленности производили выбросы производственных отходов в реку М. Кокшага.

Работа Государственного оптического института была тесно связана с производственной деятельностью одного из предприятий оборонной промышленности – завода № 297 Наркомата вооружения СССР. Основными направлениями научной деятельности института являлись: изготовление военных оптических приборов для авиации, артиллерии, Военно-морского флота, разработка новых фотоматериалов и методов аэрофотосъемки [2, л. 141]. В составе оптического института для изготовления новых образцов оптических приборов были созданы экспериментальные мастерские, к работе в которых привлекалось местное население. Несмотря на большое количество прибывших квалифицированных специалистов оптического института, рабочих рук на производстве по-прежнему не хватало. В связи с этим организовывалось индивидуальное ученичество по разным квалификациям со вчерашними школьниками г. Йошкар-Олы, которых удалось в крайне сжатые сроки подготовить до уровня рабочего

средней квалификации. Ярким примером может служить характеристика на М.Д. Яковлеву от 7 мая 1943 г., которая «окончив 8 классов средней школы, поступила в 1942 г. в ГОИ ученицей на гальванический участок экспериментальных мастерских. Она быстро освоила практику, проработав курс гальвомеханика. В настоящее время работает совершенно самостоятельно с полным знанием дела и большим интересом к нему, часто оставаясь старшим по смене» [7, л. 8]. Необходимо отметить, что новые кадры квалифицированных рабочих готовились прямо у станка при помощи опытных рабочих, техников и инженеров оптического института. В свою очередь, военное производство в области оптических приборов требовало квалифицированных специалистов, для подготовки которых необходимо было создавать учебные заведения. К сентябрю 1944 г. в г. Йошкар-Оле был организован Марийский оптико-механический техникум, на первый курс которого поступило 120 человек [11, л. 163].

В первые месяцы войны каждый из тружеников тыла, независимо – рабочий или академик, испытывал немалые сложности в продовольствии, так как в условиях войны произошли огромные изменения в распределении продовольственных ресурсов. В начале сентября 1941 г. СНК Марийской АССР, учитывая ходатайство Государственного оптического института, постановил о передаче столовой № 5 Йошкар-Олинского городского треста общественного питания в распоряжение Ленинградского оптического института [10, л. 13], где научные сотрудники института должны были получать горячее питание. В первое время качество обедов в столовой было скудное, меню однообразное, а с середины 1942 г. научный состав института уже имел возможность получать в столовой улучшенное питание, которое выдавалось по особым карточкам. В основном столовая снабжалась сельскохозяйственными продуктами, которые заготавливались сотрудниками института в Новоторъяльском, Оршанском, Сернурском районах республики. Зачастую при предприятиях и учреждениях организовывались подсобные хозяйства, количество которых значительно возрастало с 1943 г. Об этом факте свидетельствует информационная записка секретаря Марийского обкома ВКП(б) Г.И. Кондратьева в Центральный комитет ВКП(б), составленная 10 июня 1943 г., из которой следует, что «ГОИ (Государственный оптический институт) вместо 56 га по плану освоил

под посев площадь в 77 га, увеличив ее против 1942 г. почти вдвое. Ферма крупного рогатого скота при подсобном хозяйстве с 23-х голов возросла до 40 голов. Поголовье свинофермы возросло на 35 голов. Вновь создана овцеводческая ферма с поголовьем в 18 шт. овец» [6, л. 112об.]. При обстоятельствах военного времени подсобное хозяйство являлось важным источником обеспечения научных сотрудников, инженеров, техников, служащих и рабочих института овощами и мясом.

Несмотря на законы военного времени, сотрудники института создавали научные работы в области физико-математических и технических наук, которые были применимы в оборонной промышленности. Безусловно, показательным примером героического интеллектуального труда являются выдающиеся изобретения по физической оптике научного руководителя Государственного оптического института Наркомата вооружения СССР Сергея Ивановича Вавилова. 22 марта 1943 г. СНК СССР присудил видному ученому Сталинскую премию второй степени [14, с. 57]. К завершению войны, 23 марта 1945 г. вышло распоряжение Государственного Комитета Обороны СССР, согласно которому в апреле 1945 г. 950 сотрудников и 650 членов их семей Государственного ордена Ленина оптического института Наркомата вооружения СССР должны были реэвакуироваться из г. Йошкар-Олы в г. Ленинград [12, л. 26].

Таким образом, вопреки трудностям военного времени научные работы академиков, профессоров, ученых-физиков Государственного оптического института в немалой степени способствовали тому, чтобы боевая техника и личный состав Красной Армии снабжались первоклассными оптическими приборами – стереотрубами, дальномерами, биноклями, объективами для аэрофотосъемки. Это было время высокого подъема творческой мысли ученых, конструкторов, инженеров и рабочих. Все новейшие научные достижения и технические изобретения Государственного оптического института были бы невозможны без подлинного героизма людей, которые не жалели сил, часто жили впроголодь, но проявляли исключительную стойкость и упорство в выполнении поставленных задач по разработке и выпуску новых видов вооружения, которые требовались фронту во имя достижения общей Победы.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее ГА РМЭ). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 29.
2. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 41.
3. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 43.
4. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 43.
5. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 128.
6. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 409.
7. ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 498.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 3. Д. 93.
9. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 47.
10. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 51.
11. ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 218.
12. Российский государственный архив социально-политический истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 383.
13. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Основные события войны. Том 1. М., 2011.
14. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1943. № 4. Ст. 73. Из фонда научно-справочной библиотеки ГАРМЭ.

A.N. Sergeeva

DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF MARI EL ABOUT THE DAILY LIFE OF EMPLOYEES OF THE STATE OPTICAL INSTITUTE OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF ARMS OF THE USSRDURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Abstract. This article discusses the daily life of employees of the State Optical Institute of the People's Commissariat of Arms of the USSR evacuated from Leningrad to Yoshkar-Olu, Mari Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945. Archival documents make it possible to identify insufficiently explored facts that testify to the organization of the reception and placement of physicists and qualified specialists of the institute, and their food supply.

Keywords: evacuation, State Optical Institute, Leningrad, Yoshkar-Ola, Council of the Peoples Commissars of the Mari ASSR, Mari Regional Committee of C.P.S.U.(B.), People's Commissariat of Arms of the USSR, everyday life, archive document.

УДК 344

И.В. Упоров

НАКАЗАНИЕ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматриваются особенности назначения и исполнения в СССР уголовного наказания в виде лишения свободы в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что уголовные репрессии в целом были усилены – согласно действующему тогда уголовному законодательству. Помимо этого, чрезвычайные условия военного времени продиктовали власти необходимость установления особого наказания для «немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников», в отношении которых с апреля 1943 г. могли назначаться «каторжные работы» с отбыванием в специальных отделениях ИТЛ. В целом более жесткие условия содержания в местах лишения свободы определялись для лиц, совершивших преступления против государства. В данной статье автор использовал ряд своих суждений, опубликованных ранее.

Ключевые слова: военное время, лишение свободы, наказание, государство, закон, пенитенциарная политика, каторжные работы.

Начало военных действий в 1941 г. означало усиление уголовной ответственности за ряд общественно опасных действий, что было вполне объяснимым и соответствовало уголовно-правовой политике всех стран того времени, при этом в сферу соответствующего законодательного регулирования входили в основном вопросы, так или иначе связанные с ведением СССР военных действий. При этом, как правило, применялось уголовное наказание в виде лишения свободы (в связи с чем именно вид наказания является предметом нашего исследования). Так, согласно ст. 59-6 УК РСФСР (действовавшего в годы войны), «отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (в частности, военно-автотранспортной, военно-конской, воен-

но-повозочной и военно-судовой)» [1] были наказуемы «лишением свободы на срок не ниже шести месяцев, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества» [1]. Уголовное наказание значительно усиливалось за совершение в военное время воинских преступлений. Например, согласно ст. 193-2 УК РСФСР «неисполнение отданного в порядке службы приказания карается лишением свободы на срок до пяти лет … то же преступление, совершенное в военное время, карается лишением свободы на срок не ниже пяти лет, а при наличии отягчающих обстоятельств – высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией имущества … то же преступление, совершенное в боевой обстановке, карается высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией имущества» [1].

Другая специфика института уголовной репрессии в военное время заключалась в том, что в данной сфере было издано сравнительно немного законодательных актов, но при этом одновременно издавалось намного больше подзаконных актов, имевших, как правило, гриф секретности. Кроме этого, в пенитенциарной политике появилась такая составляющая, как применение мер государственного принуждения к членам семей осужденных к расстрелу за государственные преступления (в том числе осужденных заочно).

Так, совершенно секретным постановлением Государственного Комитета Обороны № 1926сс от 24 июня 1942 г. аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок 5 лет подлежали совершеннолетние члены семьи осужденного безотносительно к тому, какое отношение они имели к деянию, т.е. чисто по формальному признаку, и на такое решения военный фактор имел непосредственное значение [2, с. 376–377]. При этом «политические» преступники содержались в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях) совместно (зачастую в одних бараках) с так называемыми «бытовиками» (осужденными за общеуголовные преступления – убийства, хищения, причинение вреда здоровью и т.д.), и между ними складывались весьма напряженные, конфликтные отношения («бытовики» считали «политических» предателями Родины), подробно описанные, в частности, в работах А.И. Солженицына («Архипелаг ГУЛА», В.Т. Шаламова («Колымские рассказы») и др. И в целом, нужно

заметить, что наказание в виде лишения свободы в военное время подвергалось наибольшим изменениям в отношении лиц, совершивших преступления против государства, в связи с чем данной категории осужденных мы уделяем наибольшее внимание.

В контексте рассматриваемой проблематики важным представляется принятый 22 апреля 1943 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ» [3]. В соответствии с этим указом срок каторжных работ составлял от 15 до 20 лет. Заключенные длительное время не имели права переписки и свиданий. Они привлекались, как правило, к физически тяжелому труду, чаще всего в отдаленных района. Впервые после падения Российский империи в реализации наказания в виде лишения свободы на официальном уровне был реанимирован термин «каторжные работы». В литературе отмечается, что «усилиями НКВД СССР были созданы каторжные отделения в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях. К июлю 1944 г. в них содержалось 5,2 тыс. заключенных, к сентябрю 1947 г. – 6 тыс.» [4, с. 691].

Данный вид уголовного наказания в виде лишения свободы (каторжные работы) формально действовал до 1953 г., и он, конечно же, выпадал из сложившейся к тому временив СССР системы ИТЛ. Само появление данного закона обуславливалось исключительными обстоятельствами (ведение военных действий). При этом можно, очевидно, констатировать, что факт учреждения каторжных работ показывает определенную преемственность развития института наказания в виде лишения свободы в нашей стране.

Пенитенциарная политика советского государства военного времени характеризуется также следующим отношением уголовно-исполнительных органов к лицам, содержащимся в тюрьмах, при эвакуации после начала военных действий в 1941 г. Во многих случаях находящиеся в тюрьмах заключенные при отсутствии возможности их надлежащей эвакуации (под конвоем) просто расстреливались. Так, в рапорте замначальника Тюремного управления НКВД БССР лейтенанта госбезопасности Опалева от 3 сентября 1941 г. указывается, что «начальник тюрьмы г. Глубокое Приемышев, доведя заключенных поляков до леса, расстрелял до 600 человек» [5, л. 14]. Такое решение стало предметом разбирательства по возбужденному

в связи с этим уголовному делу, однако действия указанного должного лица в той обстановке, которая сложилась, не были признаны преступными [5, л. 15]. В этой связи некоторыми исследователями ставился вопрос об ответственности за эти расстрелы тех, кто отдавал соответствующие приказы, а также тех, кто непосредственно исполнял такого рода приказы [6, с. 27]. На наш взгляд, таким образом вопрос об *юридической* ответственности не может быть поставлен, поскольку тех должностных лиц уже нет в живых; нужно также иметь в виду, что соответствующие решения следственных органов о правомерности действий начальника тюрьмы не отменены. Что касается *политической* ответственности, то, очевидно, ее должны нести руководители соответствующего уровня (от министерств и выше), а не работники уголовно-исполнительных органов. В целом же за период войны были эвакуированы 27 ИТЛ, 210 ИТК с общим числом заключенных около 750 тысяч человек [7, л. 8].

Если иметь в виду состояние всей уголовно-исполнительной системы, то к началу Великой Отечественной войны в нее включались «53 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 172 контрагентские колонии и 50 колоний для несовершеннолетних преступников, где содержалось около двух миллионов заключенных» [8, с. 29]. Во многих подразделениях ГУЛАГа условия отбывания наказания были очень плохими. Так, в 1941 г. в Ураллаге умерло 1510 человек, в Сызранском особлагпункте – 1039 человек. В целом по ГУЛАГу за 1941 г. умерло 100 997 заключенных, в 1942 г. – 248 877, в 1943 г. – 166 967, в 1944 г. – 60 948, в 1945 г. – 43 848 заключенных [9, с. 23]. Вместе с тем архивные материалы свидетельствуют о том, что при необходимости, ради выполнения производственных заданий, государство создавало для заключенных улучшенные условия, которые в некоторых случаях противоречили режимным требованиям. Так, в приказе по НКВД от 30 декабря 1943 г., помимо чисто производственных вопросов, указывалось на то, чтобы «разрешить Печорлагу производить в порядке поощрения за наличный расчет спирта заключенным, занятым на снеговодоборьбе и других важных работах, связанных с эксплуатацией ж.-д. транспорта» [10, с. 162].

Следует заметить, что значительную часть содержащихся в местах лишения свободы составляли бывшие советские военноплен-

ные, а также пленные из армий противников, и в первую очередь фашистской Германии. Длительное время эта тема была закрытой для исследователей, и лишь с начала 1990-х гг. по данной проблематике стали появляться работы (труды В.Б. Конасова, А.С. Смыкалина, С.И. Кузьмина, Р.М. Гилязутдинова и др.). Условия содержания военнопленных некоторым образом отличались от условий содержания лиц, направленных в места лишения свободы по приговору суда. Однако правовой статус военнопленных был принципиально иным, чем правовой статус осужденных (и прежде всего здесь следует выделить то обстоятельство, что нахождение военнопленных в местах лишения свободы юридически не составляло уголовного наказания до их осуждения, а суду, как известно, были преданы далеко не все военнопленные). Так, в постановлении № 6884с Государственного Комитета Обороны от 4 ноября 1944 г. указывалось: «разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших в спецлагеря НКВД СССР из Финляндии и 4 ноября из Англии, по окончании их проверки передавать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГа НКВД СССР» [11, л. 225]. Аналогично обстояло дело и с военнопленными других государств, и прежде всего Германии. Так, в директиве Народного комиссара внутренних дел генерального комиссара госбезопасности от 2 июля 1945 г. указывалось на неудовлетворительное состояние с трудоиспользованием военнопленных, соответственно предписывалось «принуждать каждого военнопленного к выполнению государственных норм выработки … считать трудовое использование военнопленных и возмещение государству расходов на их содержание важнейшей задачей» [12, л. 14].

Позже в развитие этой директивы было разработано специальное Положение о трудовом использовании военнопленных, объявленное приказом НКВД СССР от 22 сентября 1945 г., где указывалось, в частности, что «трудовое использование военнопленных осуществляется … исходя из потребности промышленности и строительства СССР и задачи ликвидации ущерба, причиненного войной … Военнопленных, злостно уклоняющихся от работы, надлежит передавать суду военного трибунала» [12, л. 25]. Советское

государство достаточно активно использовало также в качестве дешевой рабочей силы интернированных немцев, содержащихся в лагерях. Так, 25 декабря 1945 г. было издано постановление ГКО «О трудовом использовании интернированных немцев», при этом речь шла о более чем ста тысячах человек [13, с. 115]. При этом содержать их полагалось как и в ИТЛ НКВД [13, с. 115]. Фактически, таким образом, эти люди отбывали лишение свободы (в дальнейшем под давлением большинство военнопленных были возвращены на родину в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г.).

В связи с военным положением в годы войны все категории заключенных рассматривались как представляющие повышенную опасность, и потому в ИТЛ и ИТК устанавливался один вид режима – строгий. В 1942 г. была издана «Инструкция о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время». Этот документ «наделял оперативно-служебные наряды охраны правом применять в ряде случаев оружие без предупреждения (при побеге заключенных и их преследовании, при нападении на администрацию или конвой). При открытом, злостном сопротивлении заключенных, если это грозило серьезными последствиями, охрана лагеря имела право применять оружие после двукратного предупреждения» [14, с. 47]. Как видно, полномочия лагерной охраны были значительными. Вместе с тем успехи Красной Армии на фронтах определенным образом изменяли и ситуацию в местах лишения свободы. Так, указанная инструкция была отменена. Заключенным увеличивались нормы питания, повышалось денежное вознаграждение за выполняемую работу, органы прокуратуры стали жестче требовать с руководителей уголовно-исполнительных учреждений исполнения законодательных и ведомственных норм, регулирующих условия содержания осужденных в местах лишения свободы. В целом условия отбывания наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления против государства, в военное время были более суровыми, чем в отношении остальных заключенных; вместе с тем использовались в качестве дешевой рабочей силы так же, как и осужденные за негосударственные преступления. Особенностью являлись скорее не материальные условия содержания «политических» преступников в ИТЛ, а сложные морально-психологические отно-

шения, которые складывались у них как с заключенными-«уголовниками», так и администрацией ИТЛ.

Источники и литература

1. Уголовный кодекс РСФСР (официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов). М.: Гос. из-во «Советское законодательство», 1935. 169 с.

2. *Романовская В.Б.* Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века. Дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 1997. 432 с.

3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.04.1943 г. № 39 «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. С. 66–67.

4. *Земсков В.* ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6–7. С. 53–74.

5. ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д.22. Л.14–15.

6. *Гурьянов А., Кокурин А.* Эвакуация тюрем // Карта. 1994. № 6. С. 22–29.

7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д.28–29. Л.8.

8. *Кузьмин С., Гилязутдинов Р.* ГУЛАГ в годы войны // Преступление и наказание. 1998. № 5. С. 28–31.

9. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 19–25.

10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 143. Л. 162.

11. РГАСПИ Ф. 644. Оп. 1. Д. 330. Л. 225–226.

12. Специальный архивный фонд ИЦ ГУ МВД РФ по Краснодарскому краю. Д. 19. Л. 4–5.

13. *Полян П.М.* Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 110–121.

14. *Кузьмин С.И., Дорофеев Н.К.* Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны // Закон и армия. 2005. № 6. С. 46–51.

I.V. Uporov

UNISHMENT OF DETENTION IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: CRIMINAL EXECUTIVE ASPECT

Abstract. The features of the appointment and execution in the USSR of a criminal punishment in the form of imprisonment during the Great Patriotic War are considered. It is noted that criminal repression as a whole was intensified – in accordance with the then applicable criminal law. In addition, the extreme wartime conditions dictated to the authorities the need for special punishment for «Nazi villains guilty of murders and tortures of the Soviet civilian population and captured Red Army men, for spies, traitors from among Soviet citizens and for them accomplices», in relation to whom from April 1943 «hard labor» could be assigned with serving in special ITL departments. In general, more stringent conditions of detention in prisons were determined for persons who committed crimes against the state. In this article, the author used a number of his judgments published earlier.

Key words: wartime, imprisonment, punishment, state, law, prison policy, hard labor.

ЧЕЛОВЕК И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

УДК 373.5:271.21(470.343)

И.В. Алметева

ЗЕМСКАЯ ШКОЛА МАРИЙСКОГО КРАЯ В 1914–1917 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается исторический опыт развития земских школ в Марийском крае в 1914–1917 гг. Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие образования в России. В этот период сократилось финансирование учебных заведений, количество вновь открываемых школ, многие учителя были вызваны на военную службу, ощущалась нехватка кандидатов и заместителей. Несмотря на это, земства Марийского края давали возможность крестьянским детям на родном языке по месту своего жительства получить начальное светское образование.

Ключевые слова: народное образование, земская школа, учителя, учащиеся, Марийский край.

В начале XX в. светский характер начального школьного образования имел определяющее значение и в развитии народной системы образования Марийского края. Наиболее быстрыми темпами росла численность земских школ. Одной из важнейших просветительских задач конца XIX − начала XX в., которую всецело отстаивали земства, стало введение всеобщего обучения. Впервые вопрос об этом был выдвинут земствами еще в начале 70-х гг. XIX в., и тогда же под влиянием земских ходатайств заинтересовалось им и Министерство народного просвещения. В начале XX в. вопрос о всеобщем обучении был поставлен уже самим правительством. 3 мая 1908 г.

был принят закон «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды начального образования». Сельским начальным школам и училищам стали отводить участки земли от казны, безвозмездно отпускали казенный лес. Государство помогало земским органам в школьном строительстве.

К 1908 г. во многих губерниях и уездах были составлены планы введения всеобщего обучения, и с этого времени планомерно, с субсидиями от казны начиналось его введение. С 1908 г. всеобщее обучение стали внедрять в 122 уездных земствах, куда входил и Козьмодемьянский уезд. Вышеперечисленные меры способствовали бурному развитию сети светских школ в нашем регионе. С 1906 по 1917 г. было открыто самое большое количество училищ за все время существования земств Марийского края: в Козьмодемьянском уезде – 75, Царевококшайском – 33, Уржумском – 117. В Яранском уезде в 1910 г. было открыто 35 училищ, в 1913–1914 гг. – 22, поэтому можно предположить, что училищ было открыто не меньше, а даже, может быть, больше, чем в Уржумском уезде [1, с. 54, 58].

Первая мировая война нарушила многие планы и внесла значительные коррективы в дело народного образования. В десятилетний срок большинство земств намеревались ввести всеобщее народное обучение. Однако к 1917 г. земствам не удалось завершить эту программу всеобщего обучения в основном по двум причинам. Во-первых, мощным тормозом был недостаток финансирования. С 1908 г. казана стала субсидировать земства, однако суммы были недостаточны, сократилось количество вновь создаваемых учебных заведений. Так, в промежуток с 1914 по 1917 г. в Козьмодемьянском, Царевококшайском, Уржумском уездах было открыто всего 32 земских училища. Во-вторых, вплоть до февраля 1917 г. земству мешали законодательные ограничения, в то время как многие земские деятели считали, что «осуществление всех земских принципов народной школы и организации всеобщего обучения неосуществимы без полной передачи всего дела начального народного образования в общественные земские руки» [2, с. 397].

Служба учителя начального училища освобождала его от фактического исполнения обязательной воинской повинности. Учите-

ля призывного возраста на основании п. 3 ст. 63 устава о воинской повинности освобождались от действительной службы в мирное время, зачислялись в запас армии на 18 лет. Во время военных действий их призвали на действительную службу. В годы Первой мировой войны многие учителя Марийского края были вызваны на военную службу. Например, в Козьмодемьянском уезде 48 учителей ушли на действительную военную службу. По ст. 32 устава о воинской повинности «чины запаса, призванные на действительную военную службу», сохраняли за все время пребывания их в войсках, вне зависимости от того, «находятся они в строевых частях или военно-учебных заведениях, приготовляющих офицеров в ускоренный срок», должность, содержание и квартиры. Поставленные вместо них преподаватели считались «временно исполняющими обязанность учителя». Возвращавшиеся из военных служб учителя заступали на свои учительские места. Лица, их замещавшие, приобретшие педагогический опыт, считались «ближайшими кандидатами на открывающиеся вакансии и вновь учреждаемые учительские должности». Вернувшимся с военной службы учителям предоставляли отпуск до двух недель, раненым и больным − от двух до двух с половиной месяцев [4, л. 26; 7, л. 16; 3, л. 55–55об].

В годы войны все более ощущалась нехватка даже «кандидатов» и «заместителей». Поэтому в двухкомплектных земских училищах вынужден был вести занятия всего один преподаватель. Временами из-за болезни учителей занятия вообще не проводились. В этом отношении характерна ситуация в Козьмодемьянском уезде, где к 1916−1917 уч. г. вакантными оставались 12 преподавательских должностей. Земства вынуждены были в некоторых случаях брать на работу лиц, не имеющих свидетельства на учительское звание. Ситуация была очень сложной. В этой связи весьма примечательным представляется то, что министр народного просвещения А.А. Мануйлов 24 марта 1917 г. в срочном порядке обращается к начальникам всех учебных заведений Казанского округа с предложением беспрепятственно принимать в учебные заведения, в случае возбуждения соответствующих ходатайств, бывших учащих, которые «понесли наказание по политическим и религиозным делам, как в административном, так и в судебном порядке». С этого времени

при приеме на работу у преподавателей не требовали предоставления сведений о политической благонадежности и не делали никаких запросов по этому вопросу [1, с. 161–162].

Получившие ранение воины могли, получив соответствующую подготовку поступить на работу в школу. Так, 16 июня 1916 г. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев подписал положения «О порядке предоставления увечным воинам возможность к занятию учительских должностей в начальных училищах» [7, л. 186–186 об].

По этому документу лица, имевшие свидетельства об окончании учебного заведения не ниже двухклассного училища МНП, принимались на педагогические курсы (двух-, трехлетние) без экзамена, не имевшие таких свидетельств, обязаны были выдержать испытание. Они обязаны были предоставить медицинское свидетельство о том, что их физические недостатки не будут препятствовать прохождению учительской должности. Поступившим на курсы нетрудоспособным воинам выдавались пособия в размере «сообразно местным условиям».

В период военного времени учителя и учительницы начальных училищ Марийского края производили ежемесячные отчисления из своих жалований в фонд Красного креста. Исходя из своих возможностей они выражали согласие на удерживание из заработной платы от 1 до 7 % уездным управам с сентября 1914 г. Кроме этого учителя организовали сбор пожертвований. Преподаватели и учащиеся, а также их родители отправляли в действующую армию кисеты с табаком и бумагой, холсты, шерсть, носки, перчатки, рубашки, кальсоны, «ватные холщовые жилеты с рукавами» и т.п., учащиеся собирали деньги [6, л. 16–221].

В Козьмодемьянском уезде 15 ноября 1916 г. в земском лазарете № 1, располагавшемся в д. Рутке, были организованы занятия по обучению грамоте находящихся на излечении «эвакуированных нижних чинов», который функционировал в течение зимы. Учительницы выразили согласие взять на себя их обучение бесплатно. При этом обучение чтению приняла на себя учительница Козьмодемьянского приходского училища А.Н. Пиндикова (3 урока в неделю), уроки по арифметике – учительница Козьмодемьянского женского училища Ю.Д. Дездирева (3 урока в неделю), уроки пись-

ма – учительница Юркинского училища Е.П. Тронина (3 урока в неделю), уроки по родиноведению – учительница Козьмодемьянского женского училища А.П. Образцова (3 урока в неделю). На занятия были отведены дневные часы: первый урок шел с 10 до 11 часов, второй – с 13 до 14 часов каждый день, кроме воскресения. По четвергам и воскресениям между 5 и 7 часами вечера в лазарете проходили чтения с фонарем. К началу занятий в лазарете № 1 Козьмодемьянского уезда числилось больных и раненых воинов 41 человек, из них грамотные составляли 26, неграмотные – 15 человек. Учительницы обучали как грамотных, так и неграмотных воинов [8, л. 54–54 об., 73 об.].

1 сентября 1916 г. было открыто Ардинское училище для беженцев Ардинской волости Козьмодемьянского уезда. В данной школе учился 31 человек. К преподаванию «привлечена учительница-беженка Убродовического начального училища Холмской губернии Павла Ивановна Василевская за счет содержания, получаемого ею по Убродовическому училищу» [5, л. 10 об.].

Существенные изменения в системе образования в стране, в том числе и в Марийском крае, произошли в феврале 1917 г. В ведение земств было передано заведование школьным делом не только по хозяйственным, но и учебным вопросам. Земства, города и общественные учреждения 8 мая 1917 г. получили право открывать учебные заведения всех типов для совместного обучения. Была проведена перестройка управления местных учреждений Министерства просвещения – упразднялись городские, уездные и губернские училищные советы, их функции передавались земским управам и городским думам. По постановлению Временного правительства от 20 июня 1917 г. «Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» все церковно-приходские школы, в том числе Марийского края, были переведены в ведение уездных земств.

Первая мировая война стала переломным моментом в жизни многих стран и народов. События 1914–1918 гг. оказали огромное влияние на все сферы жизни Российского государства. В годы войны значительные трудности испытывало образование в России,

в том числе и в Марийском крае. Несмотря на это, введение и распространение сети земских школ стало настоящим прорывом в деле светского школьного строительства в Марийском крае. Впервые была создана подлинно народная школа для всех сословных групп населения края. В многонациональных уездах крестьянские дети на родном языке по месту своего жительства имели реальную возможность получить начальное светское образование.

Источники и литература

1. *Алметева И.В.* История начального школьного образования в Марийском крае во второй половине XIX − начале XX вв. Йошкар-Ола, 2006.

2. *Веселовский Б.Б.* Всеобщее обучение и земство // Юбилейный земский сборник / под ред. Б.Б. Веселовского и З.Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 397.

3. Государственный архив Республики Марий Эл (далее ГАРМЭ). Ф. 49. Оп. 1. Д. 1746. Л. 55–55 об.

4. ГАРМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 26. Л. 10.

5. ГАРМЭ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 1667. Л. 10 об.

6. ГАРМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 152. Л. 16–221; Д.171. Л. 5, 20.

7. ГАРМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 158. Л. 186–186 об.

8. ГАРМЭ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 173. Л. 73 об.

I.V. Almeteva

ZEMSKAYA SCHOOL OF MARI REGION IN 1914–1917

Abstract: The article discusses the historical experience of the development of zemstvo schools of the Mari Territory in 1914-1917. The First World War had a huge impact on the development of Russian education. During this period, funding for educational institutions decreased, the number of newly opened schools, many teachers were called up for military service, there was a shortage of candidates and deputies. Despite this, the Zemstvos of the Mari Territory made it possible for peasant children in their native language at their place of residence to receive primary secular education.

Keywords: public education, zemstvo school, teachers, students, Mari Territory.

УДК:94(47).083

А.В. Ануфриев, Д.В. Козлов

В ДАЛЕКОМ СИБИРСКОМ ПЛЕНУ (ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЧЕТВЕРНОГО СОЮЗА В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ СТАНИЦЫ СРЕТЕНСКОЙ)*

Аннотация: статья посвящена размещению, бытовым условиям и медицинскому обслуживанию военнопленных Четверного союза в концентрационном лагере в станице Сретенской Забайкальского казачьего войска в 1914–1920 гг., вводит в научный оборот неопубликованные источники центральных и местных архивов.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, военнопленные, война, воспоминания, станица, Сретенск, эпидемия.

Первая мировая война явилась в мировой истории событием огромной важности. Война длилась более 4 лет и вовлекла в конфликт 38 государств, где проживало свыше 1,5 млрд. человек, в этом конфликте погибло около 10 млн. человек, более 20 млн. были ранены и контужены, либо попали в плен.

Власти воюющих государств впервые в истории столкнулись с феноменом массового плена, и данная проблема требовала своего решения. Эти события стали своего рода проверкой для международного и национального законодательства как о методах ведения войны в целом, так и статусе военнопленных в частности.

Военное министерство старалось максимально изолировать военнопленных на территории военных городков, регулярные части из которых были отправлены на фронт. Первоначально, во избежание побегов, предлагалось размещать военнопленных в пределах за 100 верстовой полосой от границ. Однако из-за наплыва пленных, к чему явно было не готово военное ведомство, принимается

* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-59-23007»

решение провести ревизию свободных помещений, в которых можно разместить военнопленных. К поиску свободных помещений подключилось и МВД, министр внутренних дел распоряжением от 22.08.1914 г. предписывает местным властям подготовить места для размещения раненых воинов российской императорской армии, находящихся на излечении, и военнопленных.

На территории Забайкальской области крупные лагеря военнопленных располагались под г. Верхнеудинск (Берёзовка), в г. Чита (пос. Песчанка и Антипиха), ст. Сретенской, г. Нерчинске и г. Троицкосавске и Кяхте, ст. Даурия, Баргузине, Мысовой, Могоче, Акше. Основной проблемой размещения военнопленных стал вопрос о помещениях для их проживания, поэтому большинство лагерей в Восточной Сибири находилось на территории военных гарнизонов – так, в ст. Сретенской пленные были размещены в казармах 19-го Сибирского стрелкового полка, а в Берёзовке (под г. Верхнеудинском) в казармах 18-го Сибирского стрелкового полка.

В Сретенске часть военнопленных была размещена в летних казармах Переселенческого пункта, абсолютно не приспособленных для зимнего проживания, что вызвало эпидемию инфекционных заболеваний. Для размещения пленных использовались даже дома терпимости. В качестве возможного места размещения военнопленных были предложены переселенческие пункты, прежде всего властей интересовал пункт переселенцев на ст. Сретенской (интерес представлял крайний пункт Транссибирской магистрали). Пункт располагался на левом берегу р. Шилка, в непосредственной близости от железнодорожной станции. Начавшись в 1893 г. с одного временного барака, он превратился в самый крупный транзитный пункт на пути к Дальнему Востоку.

Вот как описывал состояние пункта в 1909 г. представитель Всероссийского съезда старообрядцев В.Е. Мельников: «В переселенческом пункте имеется 18 бараков, из которых – три теплые, приспособленные для зимнего времени. Бараки эти, по словам переселенческого чиновника, могут вместить до 5 тысяч переселенцев. Кроме бараков на пункте имеются 5 кухонь (4 летних и одна зимняя), столовая, баня, прачечная, больница, два здания для заразных больных, аптека … и другие строения». Более грустную картину давал в своем выступлении депутат Государственной думы А.А. Волошников

в своем выступлении на заседании 16 марта 1910 г. «Осматривая больничное отделения, я не нашел изолированного помещения для заразных больных. Нет отдельного барака для тифозных больных… Дезинфекционная камера представляет собой что-то ужасное, вроде пародии» [цит. по 1, с. 33–35]. Немудрено, что первые инфекционные заболевания в Сретенском лагере для военнопленных начались именно в этих казармах.

Вообще следует отметить, что именно Сретенский лагерь военнопленных стал сразу абсолютно нетипичным – быстро исчерпав возможности размещения военнопленных в гарнизоне (где ранее квартировал один из сибирских стрелковых полков), было принято решение разместить военнопленных в бараках переселенческого пункта, а затем и в самой станице. Сложилась парадоксальная ситуация, когда количество военнопленных намного (почти в 2 раза) превышало численность населения станицы.

Местная администрация разделила все пригодные для размещения военнопленных здания на 4 категории:

1. Все свободные казенные общественные здания (к весне 1915 г. полностью заполнены военнопленными).

2. Помещения клубов, общественных собраний, кинематографов, синагог, мечетей (из 6 занято 2).

3. Заведения торговли и промышленности.

4. Учебные заведения.

Дошло до анекдотов, когда 23.04.1915 г. на полном серьезе «для расквартирования военнопленных предлагалось закрыть 7 домов терпимости, разместив там 800 человек». Ровно через месяц 28.05.1915 г. в Сретенск прибыла очередная партия солдат австро-венгерской армии в составе 3271 человека [ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 18. Л. 88–101]. Были озвучены предложения разместить военнопленных в пустующих сборочных корпусах Балтийского завода в Кокуе; чудом отстоял свои помещения филиал Русско-Азиатского банка, где предлагалось разместить 150 военнопленных; удалось отстоять и единственный в станице театральный зал при гостинице Штейна как «единственное приспособленное для театральных постановок помещение». Для размещения дополнительных партий военнопленных предлагалось построить двухъярусные нары в переселенческом пункте, чтобы разместить 4800 военнопленных.

Просьбы атамана станицы, больше не отправлять военнопленных в Сретенск, разбивались о железную аргументацию наказного атамана Забайкальского казачьего войска, что это «обычное желание избавиться от лишней обузы, хлопот и ответственности» [ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 18. Л. 39].

Необходимо отметить, что на территории Забайкалья в отношении военнопленных возникло настоящее «двоевластие», фактически военнопленные курировались МВД и военным ведомством, однако г. Нерчинск и ст. Сретенская входили в состав Забайкальского казачьего войска, что приводило к достаточно жестким столкновениям интересов. Так, при очередной ревизии домовладений в Сретенске атаман станицы был не извещен и пожаловался на это исполняющему обязанности наказного атамана Забайкальского казачьего войска, который в своем письме в МВД потребовал «в будущем всю переписку, имеющую то или иное отношение к казачьему населению, направлять не минуя наказного атамана, который должен быть осведомлен обо всем, что делается в войске» [ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 19. Л. 189].

Всего в 19 частных домах помещалась 4 рота военнопленных Сретенского гарнизона – 1666 человек. Иногда из-за неготовности принять военнопленных их партии просто «зависали». Так, 18 марта 1916 г. начальник сретенского гарнизона сообщал, что размещение военнопленных в станции Сретенской было вызвано теснотой вследствие перегруженности помещений военного городка и переселенческого пункта.

Чудовищные условия содержания порождали антисанитарию и, как следствие – инфекционные заболевания. Так при обследовании 11.01.1916 г. санитарного состояния отмечались следующие недостатки: бывший иллюзион – «отсутствие кадок для воды, не оббиты двери, нет дверных тамбуров, в плохом состоянии отхожее место», дом станичного правления – «нет отопления кухни», дом Лукина (1) – необходимо перестроить печи, дом Лукина (2) – «военнопленных необходимо вывести вовсе».

Отмечалось, что в здании станичного правления на 200 военнопленных приходится 100 квадратных саженей (т.е. 0,5 на человека). Все заканчивалось жёстким требованием к станичному атаману –

«устранить дефекты», но что он мог сделать? Констатировать, что «указанные недостатки устранены. Мусор и другие нечистоты регулярно убираются». На содержание домов для военнопленных за ноябрь 1915 – февраль 1916 г. станичное правление израсходовало свыше 3 тыс. рублей казачьих денег, только 2 марта 1916 г. Забайкальское областное правления ассигновало Сретенску 4670 рублей на содержание военнопленных [ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 19. Л. 6–74].

Скученность и антисанитария привели к вспышке брюшного тифа, которая началась в декабре 1915 г., первые случаи заболевания были зафиксированы среди военнопленных, размещенных в частных домах купца Андроверова, Добисова (из 113 заболело 2), Михайлова, Сафьянникова (из 114 заболели 27, умерло 2), Сапожникова (из 64 заболело 2). Начальник гарнизона тут же телеграфировал военному губернатору Забайкальской области: «Среди военнопленных быстро развивается брюшной тиф… большая опасность угрожает пленным и населению станицы». Эпидемия была остановлена в начале февраля 1916 г., в своем рапорте старший врач 719-й Уфимской дружины ополчения (охранявшей лагерь) сообщал: «Случаев смерти от сыпного тифа в ст. Сретенской не было, т.к. все заболевшие немедленно отправлялись в околоток или приемный покой». Однако все усилия покончить со скученностью и антисанитарией успех не принесли, в своем докладе «О санитарном состоянии военнопленных в ст. Сретенской» старший бригадный врач 1-й Сибирской запасной бригады Баранников, измученный результатами неисполнения его предписаний, горько констатировал: «Считаю бесполезным свои санитарные осмотры помещений, а равно бесполезной борьбу с эпидемиями в станице». Кроме того, военный врач 3-го отдела Забайкальского казачьего войска, опасаясь перехода заболеваний на жителей станицы, требовал ввести фактический карантин с 11.12.1915 г.: «Ввиду грозного распространения эпидемии среди военнопленных и возможного переноса в наши станицы, предлагаю:

1. Дворы, где выявлены признаки заболевания, выделить черными полотнищами.

2. Запретить военнопленным свободно ходить по станице.

3. Закрыть все постоялые дворы, где квартируют военнопленные» [РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 205. Л. 26–26 об.].

Большое внимание уделялось дезинфекции мест размещения

военнопленных, так, 31.12.1915 г. из Читы в Сретенск было отправлено 35 пудов карболки, 60 пудов зеленого мыла, пуд формалина и пуд параформа. Но, по мнению старшего бригадного Дубровина, это было мало – требовалось «спешно купить 50 простыней, термометры, 100 пудов карболки, 150 пудов зеленого мыла, 16 пудов едкого натра, 30 пудов хлорки, 300 пудов негашеной извести».

Хоронить пленных предполагалось отдельно в братской могиле [РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 153. Л. 22–25].

Требовали врачи привести в порядок и гарнизонную баню, которая представляла, судя по отчету, убогое зрелище. Судя по протоколу бригадного врача от 25.11.1915 г., в помещении бани стояла температура не выше 16–17 градусов, отсутствовало часть стекол, в громадные щели задувало холодом. В раздевалках намерз лёд и стояла температура около 0 градусов. Подводя итог, врач констатировал – «в таком виде баня непригодна для мытья», и требовал скорейшего ремонта. Стоит отметить, что часть стекол отсутствовала в других помещениях, в том числе и спальных. Правда возникает закономерный вопрос, кто же разбил эти стекла? Аналогичны и протоколы осмотра иных помещений лагеря, так, в бараке № 17 было разбито 50 окон и отсутствовала часть вторых рам, в корпусе № 1 были неисправны 2 двери и было разбито 25 окон [РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 153. Л. 51–51 об.].

Чудовищные условия размещения и просьбы местных властей привели к «разгрузке» гарнизона, так 13 марта 1916 г. из частных домов Сретенска 1500 военнопленных были перемещены в лагерь на ст. Иннокентьевской (Иркутск). Максимальное число военнопленных, зафиксированное в 1916 г. в Сретенском гарнизоне – 12 678 офицера и нижних чина [ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 19. Л. 100].

Откуда же появились чудовищные описание эпидемии? Можно назвать абсолютно конкретные воспоминания представительницы Красного КрестаЭльзы Брендстрем, изданные в Берлине в 1917 г. под названием «Среди военнопленных в России и Сибири в 1914–1920 гг.». История самой Эльзы заслуживает отдельного рассмотрения. Она родилась 26 марта 1888 г. в Санкт-Петербурге в семье кадрового офицера шведской армии Эдварда Брендстрёма, который был военным атташе Швеции при императорском дворе России, а затем стал полномочным послом. После начала войны Эльза

получает удостоверение сестры милосердия с правом ношения формы сестры. Шведское общество устроило в Петрограде лазарет для раненых русских солдат, где Эльза около года работала в качестве медсестры. Затем Эльза устроилась на работу в Шведский Красный Крест, который курировал оказание помощи раненым и пленным австро-венгерской и немецкой армии. Уже 22 октября 1915 г. Эльза Брендстрём отправилась с первым транспортом военнопленных в Сибирь.

Общая канва сюжета об эпидемии в Сретенском лагере выглядит так: «В Сретенске, маленьком городке с населением в семь тысяч человек, осенью 1915 года разразилась эпидемия тифа. Там в двух больших бараках было размещено 11 тысяч военнопленных. Узнав об этом, Эльза Брендстрем и Этель фон Хейденстам в Рождество 1915 года прибыли в Сретенск. Русские посты, чтобы не заразиться, отошли от лагеря на несколько сот метров. Поэтому обе сестры без труда попали в лагерь. Что они увидели, Эльза Брендстрем описывала позднее так: пол был усеян людьми, одни полуголые, другие в униформе и обуви; стояло несколько железных кроватей без матрацев или соломенных тюфяков, на кроватях лежало по двое больных и часто под ними еще по два. Во всем помещении не было ни одного одеяла или подушки, тут и там вместо подушек под головами лежали полена, не хватало воды, чтобы попить, не то чтобы стирать и варить. Здоровенного роста врач со слезами на глазах разводил руками, как без медикаментов, кроватей, посуды что-то можно было здесь предпринимать. Воду доставляли в ведрах из ближайшей речки. Пленные при этом часто обмораживали конечности, которые затем приходилось ампутировать. Сестры после посещения лагеря направились к коменданту лагеря и потребовали, чтобы он следовал с ними в лагерь. Они от имени Красного Креста настояли, чтобы комендант посетил подведомственный ему лагерь. Побывав в одном из бараков, он от ужаса сравнил его с адом, и что он себе подобного представить не мог. Тотчас он дал сестрам полную свободу действий. Из привезенного материала на сорокаградусном морозе вне бараков шились мешки для соломы, больных изолировали, отмыли, продезинфицировали, одели в чистое, и уложили на соломенные мешки, каждому выдали по подушке и два одеяла. Спустя два месяца эпидемия в Сретенске была затушена. В Сретенске им

помогло то, что они имели деньги и там они израсходовали 30 тысяч рублей, оснастив полностью больницу на 550 коек, четырех лошадей, которые стали принадлежать только военнопленным и с ними стали привозить воду, емкости для воды, сани, посуду» [цит. по 2, с. 70–80].

Чтения этого отрывка приводит в ужас. Но попробуем разобраться. Итак, количество военнопленных в 2 бараках 11 000 человек. Но, из описания размещения военнопленных следует, что более 5 тысяч из них находятся в кирпичных казармах гарнизона, около 2–2,5 тыс. в конфискованных общественных и частных зданиях в самой станице, остается не более 4–5 тыс. военнопленных в бараках переселенческого пункта, две из которых с момента постройки были предназначены для зимнего проживания, в них имелись печи, и русские крестьяне-переселенцы не жалуясь, спокойно зимовали там до открытия навигации по рекам Шилка и Амур. Отсутствие постельного белья, с этим можно согласиться, но его не было и у солдат большинства стрелковых полков русской императорской армии, постельное белье было только у кавалеристских полков, да и то за счет экономии фуражных денег. Вопрос о водоснабжении, описание которого вызывает дрожь, но стоит отметит, что река Шилка протекает примерно в 500 метрах от казарм, доставка воды в холода, конечно, проблема, но отнюдь не катастрофа. Еще ближе, в 400 метрах водоразборная колонка железнодорожной станции и куб с горячей водой.

Чуть позже прямо в помещении переселенческого пункта было установлено 14 пятнадцативедерных медных котла для вываривания белья и одежды, 2 дезинфекционных аппарата «Гелиос» и кипятильники «Боре». Чуть позже была сформирована новая команда водовозов, для которой выделено 14 лошадей. Сомневаюсь, что хозяйственной команде военнопленных, в сопровождении конвоя, пройти 400 метров составляет чудовищную проблему.

Вопрос о том, что конвоиры бросили военнопленных также опровергается архивными источниками, командование наоборот требовало не закрывать казармы на карантин и перебросить еще 2 роты дружины из Нерчинска ибо «людей едва хватает на 2 смены, в случае карантина роты не хватает и этого. Кроме того, следует увеличить число постов, что позволит реально охранять военнопленных» [РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 153. Л. 16].

Вопрос о медицинской помощи, конечно, сложен, но после эпидемии, которая была купирована силами русских военных врачей, в Сретенске вместо медицинского околотка был развернут полномасштабный госпиталь. Стоит отметить, что в описании Переселенческого пункта (1909 г.) имеется указание на имеющийся медицинский пункт и 2 барака для больных, при чем один для заразных. Большая часть военнопленных из бараков после карантина была перемещена в другие лагеря либо в сретенский гарнизон. Так, в отчете о размещении военнопленных на 25.12.1915 г. комендант сретенского гарнизона сообщал, что в офицерском флигеле № 9 находилось 400 человек, бараке-столовой № 3 – 500 человек, в бараке № 53 – 150 человек, бараке офицерского собрания – 400 человек, бараке № 33 – 180 военнопленных, бараке № 35 – 120 военнопленных и бараке № 44 – 150 человек. По мнению коменданта, перевод большей части военнопленных с переселенческого пункта возможен, но только после окончания эпидемии.

Переполнение Сретенского лагеря военнопленных было объяснимо – станция Сретенск (станица Сретенская), являлась крайней станцией Транссибирской магистрали, ветка Сретенск (условно) – Хабаровск только начала строиться. Загнав военнопленных в Сретенский тупик, военные власти просто не просчитали возможности казарменного фонда городка, за что и поплатились мощнейшей эпидемией, которую активно обсуждали не только немецкие и австрийские газеты и журналы, но и СМИ нейтральных государств. Возможен и еще один вариант – власть думала о возможности активного использования военнопленных на строительстве Амурской железной дороги с размещением небольшими партиями на отдельных станциях. Впоследствии так и произошло, но в ограниченном масштабе.

К сожалению, сводных данных о заболеваемости и смертности в лагерях, расположенных на территории Восточной Сибири, нет. Мы располагаем разрозненными данными по отдельным лагерям военнопленных Иркутского военного округа.

К сожалению, полных данных по самому проблемному Сретенскому лагерю выявить не удалось. Однако есть данные по заболеваемости и смертности по 1915 и 1917 гг. Особенно интересны данные именно по 1915 г., когда и произошла печально известная эпидемия тифа. Согласно данным коменданта гарнизона на 31.12.1915 г.,

к фактическому окончанию эпидемии всего числилось 1144 военнопленных, заболевших тифом. Самый большой процент дает пункт размещения в переселенческом городке (2 рота военнопленных) – 892 заболевших, далее идет военный гарнизон – 164 заболевших, и менее всего заболевших – 88 было в частных и общественных зданиях. Из них умерло 253 военнопленных, т.е. процент смертности составил 22 %, что опровергает сообщения о поголовном вымирании лагеря. Который, к слову, в этот момент насчитывал более 10 тыс. человек. [РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 153. Л. 25].

Всего смертность среди военнопленных Четверного союза в России за годы войны составила порядка 4 % от их общей численности, что в данных условиях было вполне приемлемо и сопоставимо со смертностью русских военнопленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии.

После ликвидации эпидемии и рассредоточения военнопленных смертность пришла в норму, так за июль – ноябрь 1917 г. в Сретенском лагере было зафиксировано 4 смерти, из них 2 от туберкулеза. Интересно отметить, что в отличии от 1915 г. трупы умерших обязательно вскрывались и к документам прилагался протокол вскрытия с указанием причин смерти военнопленного. Для недопущения мародерства расписывалось, в чем военнопленный был похоронен. Так, в свидетельстве о захоронении военнопленного Этель Франца указывалось, что израсходовано при погребении – 1 мундир, 1 шаровары и пара белья. Остальные вещи – шинель, туфли французские, фуфайка и жилет были сданы на склад [РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 205. Л. 1–15].

Медицинская помощь военнопленным могла оказываться и в гражданской больнице. Так, в документах Нерчинского лагеря военнопленных за 1916 г. в приказе по конвойной команде № 177 от 26 июля 1916 г. сообщалось, что «умершего в Нерчинской городской больнице 24-го июля с.г. от гнойного плеврита военнопленного Австрийской армии немца Грации Ференц исключить из списков военнопленных Нерчинского гарнизона и внести в список умерших». Но там же есть и данные об отправке пленных в военные госпиталя. Так в приказе № 178 от 27 июля 1916 г. сообщается: «Отправленных сего числа в станицу Сретенск в 176-й сводный эвакуационный госпиталь на испытание сомнительных инвалидов военнопленных нижних чинов Германской армии немца Верхольд Роберт и Австрийской армии

немца Хезельбах Роберт, Юраске Алойс, Транслер Генрих и венгра Андель Франц» [ГАИО. Ф-600. Оп. 1. Д. 1033. Л. 28, 29].

Следовательно, если подводить предварительные итоги, следует отметить, что основная вспышка эпидемических заболеваний в лагерях для военнопленных произошла на рубеже 1914–1915 гг., связана она была с массовым перемещением пленных на территорию Сибири. Этапирование происходило не организованно, система оказания медицинской помощи не была отлажена, да и система размещения давала сбои. Поэтому единичные случаи заболеваний (прежде всего тифа) военнопленных превращались в массовые эпидемии с высокой смертностью.

К сожалению, в фондах ГАИО отложилось минимум документов о бытовой жизни пленных в послереволюционный период. Но подобные документы сохранились в фондах ГАЗК (Ф. 364. Оп. 2. Д. 2), где содержится приказ временно исполняющего обязанности начальника Сретенского гарнизона полковника Ходачинского, который после посещения лагеря военнопленных отмечал: «По списку военнопленных состоит на довольствии 656, на довольствии 163, помещение, занимаемое военнопленными – бывшая столовая 16-го Сибирского полка, большое, и военнопленные размещены в нем свободно, само помещение, как не приспособленное для этой цели, не соответствует своему назначению.

Вид у военнопленных здоровый, за исключения признанных комиссией инвалидами. Само помещение содержится чисто и опрятно… Матрацы имеются не у всех, а также у многих военнопленных имеется по одной смене белья. Баней пользуются военнопленные каждую субботу и мыльным довольствием удовлетворены. Кухня содержится чисто, продукты хранятся опрятно. На обед был приготовлен постный суп – очень вкусный…каша тоже хороша, хлеб хорошего качества. Амбулатория военнопленных обслуживается военнопленным врачом Секе Винер. В общем, содержание военнопленных удовлетворительное». Завершался приказ указанием прапорщику Лахтину (заведующему военнопленными) устранить указанные недостатки [ГАЗК. Ф. 364. Оп. 2. Д. 2].

После событий октября 1917 г. и особенно после подписания Брестского мирного договора Советское правительство гарантировало возвращение военнопленных четверного союза на родину.

Однако начавшаяся гражданская война фактически отрезала сибирским военнопленным западный путь эвакуации. Военнопленные приняли активное участие в гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. Во многом их политические предпочтения складывались под влиянием пребывания в плену и отношения к распаду Австро-Венгерской и Германской империй. Хотя были и исключения, так, в рядах красных воевал чех Я. Гашек, а у атамана Семенова в особом Маньчжурском отряде служил капитан турецкой армии Эль Кадири, а самую страшную даурскую гауптвахту возглавлял подполковник австрийской армии Лауренц.

Окончательно вопрос о депортации военнопленных с востока страны был решён в 1920 г. В начале мая главнокомандующий, атаман Забайкальского казачьего войска Г. Семёнов подписал соглашение о репатриации бывших военнопленных граждан Австро-Венгрии, Германии и Турции на родину через Владивосток.

В июне 1920 г. Президиум Народного собрания ДВР принял окончательное постановление о ликвидации лагерей «бывших военнопленных империалистической войны» и объявил их «свободными гражданами Дальневосточной республики». Аналогичный процесс произошёл и в «белом» Приморье, где осенью 1920 г. сборные пункты военнопленных были ликвидированы и военнопленным предложили покинуть их территорию. И в «красной» Сибири, и в «белом» Приморье бывшие военнопленные стали обузой для властей. Их судьбой не интересовался никто, кроме представительства Красного Креста. Последние военнопленные при помощи иностранных консульств покинули Россию в 1921 г.

Источники и литература

ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 18.
ГАЗК. Ф-56. Оп. 10. Д. 19.
ГАЗК. Ф-364. Оп. 2. Д. 2.
ГАИО. Ф-600. Оп. 1. Д. 1033.
РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 153
РГВИА. Ф-1529. Оп. 1. Д. 20.5
1. *Чащин А.* Сретенск. Страницы прошлого: Казачество. Купечество. Военнопленные. Денежные знаки. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 256 с.

2. *Шлейхер И.И.* Военнопленные Первой мировой войны: проблемы пленения, транспортировки и содержания в сибирских лагерях // Из прошлого Сибири. Вып. 4. Ч. 1. Новосибирск, 2001. С. 54–97.

A.V. Anufriev, D.V. Kozlov

IN THE FAR SIBERIAN CAPTURE (POWERS OF THE FOURTH UNION IN THE CONCENTRATION CAMP OF THE SREETENSKAYA)

Abstract: the article is devoted to accommodation and living conditions and medical care of prisoners of war of the Quadruple Alliance in the concentration camp in the village of Sretenskaya of the TRANS-Baikal Cossack army in 1914–1920 and introduces unpublished sources of Central and local archives into scientific circulation.

Keywords: Austria–Hungary, prisoners of war, war, memories, stanitsa, Sretensk, epidemic.

УДК 94(47).084.8

В.А. Гижов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНЫХ САРАТОВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь ученых Саратова в годы Великой Отечественной войны. Анализируются различные аспекты жизнедеятельности профессорско-преподавательского состава в военное время: учебный процесс, научная, общественная деятельности, бытовая сфера и др. Делается вывод о том, что в условиях военного времени деятельность ученых Саратова носила разносторонний характер и была подчинена нуждам фронта и тыла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратов, профессорско-преподавательский состав, высшие учебные заведения, деятельность.

Тематика, связанная с Великой Отечественной войной, по-прежнему является одной из самых популярных в отечественной историографии. Одним из современных направлений в изучении данной проблематики является социальная история войны. Этому аспекту традиционно уделялось значительно меньше внимания, чем, например, сюжетам, связанным с военными действиями, экономическому и политическому развитию страны в этот период, поэтому обращение исследователей к истории повседневности объяснимо. В данной статье автор сконцентрирует свое внимание на повседневной жизни ученых в военные годы, причем сделает это в региональном разрезе, на примере Саратова.

К июню 1941 года в Саратове насчитывалось 13 высших учебных заведений: университет им. Н. Г. Чернышевского, юридический институт им. Д.И. Курского, институт механизации сельского хозяйства им. М.И. Калинина, автодорожный институт им. В.М. Молотова, медицинский, плановый, кредитно-экономический, сельскохозяйственный, педагогический, зоотехнический ветеринарный институты, институт усовершенствования учителей, учительский институт иностранных языков, консерватория им. Л.В. Собинова [3, д. 4, л. 13].

Начало войны ознаменовалось патриотическими митингами, на которых сотрудники вузов выступили с призывами записываться добровольцами на фронт, отказа от отпусков, готовности принять участие в уборочной сельскохозяйственной компании [7, с. 67].

Вузовские работники Саратова, как и все остальное население города, стали в ряды защитников Родины. Многие из них добровольно, не дожидаясь повесток военкоматов, пришли на призывные пункты и влились в ряды вооруженных сил.

В течение первого года число штатных преподавателей в вузах Саратова сократилось. Если в сентябре 1940 года профессорско-преподавательский состав составлял в вузах города 1212 человек, то к первому семестру 1943 года он сократился до 797 человек [2, д. 4361, л. 70]. Нехватку преподавательского состава вузы решали стандартными путями – привлечением совместителей, либо дополнительной нагрузкой штатных кадров. Недостатком было также временное прекращение приема в аспирантуру, что затрудняло пополнение вузовского персонала молодыми кадрами.

Очень сложная проблема возникла с помещениями, как для учебы, так и для жилья. Практически все вузы, в силу чрезвычайных обстоятельств, были лишены своих зданий, либо стеснены другими, как учебными учреждениями, госпиталями, заводами, так и организациями иного профиля.

Учеба в дни войны была весьма трудным делом. Особенно тяжело было в первые два года войны. Зима 1941/42 гг. была очень суровая, морозы доходили до 40 градусов. Тыловое положение Саратова, куда хлынули эвакуированные потоки, привело к возникновению сложностей с жильем: нехватка общежитий заставляла вузовский персонал ютиться по углам, на частных квартирах, пригородных дачах, что естественно затрудняло своевременное прибытие к месту учебы, работы [4, с. 84].

Помимо недостатка в помещениях и даже при их наличии существовали бытовые проблемы: перебои с отопительными системами, водопроводом, канализацией, электроэнергией. Часто приходилось работать в плохо оборудованных и промерзших помещениях, в валенках, верхней одежде при керосиновом освещении, да и то керосин нужно было экономить. Рабочий день, например, Саратовского университета составлял 8–10 часов, хотя температура помещения опускалась до минус 10 градусов [4, с. 84].

В годы войны ощущался недостаток в питании (после введения карточной системы дневная норма хлеба для преподавателей была определена в 500 г. Кроме этого, профессорско-преподавательскому составу иногда выдавался небольшой паек мясных продуктов, табачных изделий). Некоторые вузы частично решали проблему неудовлетворительного питания путем ведения подсобных хозяйств. Особенно неплохо это было поставлено в сельскохозяйственных вузах. За счет продуктов, собранных со своих подсобных хозяйств, в столовых аграрных вузов было организовано 2–3-разовое питание, в то время как в остальных вузах Саратова практиковалось одноразовое питание [6].

Учебный процесс в 1943–1945 гг. не отличался кардинально от учебного процесса первых двух лет войны. Хотя, безусловно, появилась некая определенность: были упорядочены учебные планы с четкими графиками их выполнения, существовало постоянное расписание учебного года, сроков экзаменационной сессии, защиты

дипломов, каникул. Важной составной частью учебного процесса была производственная практика, которая стала регулярным явлением. К сожалению, существовавшая проблема нехватки помещений сводила на нет все эти позитивные сдвиги – занятия в некоторых вузах по-прежнему проводились в коридорах, временно оборудованных столами, скамьями и учебными досками, а иной раз даже на лестничных площадках, которым был придан вид, отчасти напоминающий аудиторию. Но, пожалуй, еще больше затрудняло учебный процесс то, что занятия проводились в кабинетах и лабораториях, что нередко приводило к исчезновению лабораторного оборудования, книг, так как факты воровства встречались нередко [5, с. 47].

Как для первых лет войны, так и для последних нередкими были ситуации, когда экзаменационные сессии проходили с нарушениями: отсутствие расписания сессии; большой процент неявки студентов на экзамены; сдача экзаменов проходила по добровольной записи студентов, которые сами планировали очередность зачетов, экзаменов; практику получила пересдача экзаменов несколько раз, назначаемая самим преподавателем и т.д. [1, д. 51, л. 35 об., 236].

Несмотря на принимаемые Саратовскими вузами меры для увеличения числа преподавателей, численность профессорско-преподавательского состава в вузах росла крайне медленно и так и не достигла довоенного уровня, что, впрочем, вполне объяснимо, учитывая мобилизационные процессы и людские потери военного времени. По данным на март 1945 г., 142 научных работника Саратовских вузов находились в рядах РККА [2, д. 4360, л. 17–22]. В итоге по данным на 1 апреля 1945 г., в 12 вузах Саратова работало 799 человек, в том числе 91 профессор, 255 доцентов, 120 старших преподавателей, 333 преподавателей и ассистентов. 37 % из них имели ученую степень [5, с. 47].

В условиях войны одна из первоочередных задач ученых заключалась в пересмотре в минимальные сроки научно-исследовательских планов применительно к нуждам фронта и практическое внедрение научных разработок.

Уже в первые недели войны в работе большинства кафедр вузов Саратова происходят изменения, вызванные начавшейся войной. На первое место выходят темы оборонного и народно-хозяйственного значения. Главными задачами становятся: совершенствование воен-

ной техники и создание новых средств борьбы с врагом; научная помощь промышленности в освоении и совершенствовании военного производства; мобилизация сырьевых ресурсов страны; замена дефицитных материалов местным сырьем и др. [2, д. 2625, л. 42–43].

В своей научной деятельности в годы войны кафедры Саратовского университета установили связь с десятками заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов, оборонных учреждений. В университет стали поступать многочисленные заявки от предприятий и военных организаций на решение срочных задач для нужды фронта. Подобная система взаимосвязей и различных учреждений действовала в Саратове на протяжении войны.

С первых же дней Великой Отечественной войны тематика кафедр Саратовского медицинского института была подчинена потребностям военного времени. Исследования военных лет были посвящены лечению переломов, острым нефритам, язвенной болезни, столбняку, теме проникающего ранения грудной клетки, огнестрельным остеомелитам, дизентерии, кишечным инфекциям, реампутации, проблемам восстановительной хирургии [11, с. 71]. Многие сотрудники медицинского института в годы войны стали работниками госпиталей, при этом научно-исследовательская деятельность ученых не прерывалась, а часто теоретические прогнозы удачно осуществлялись на практике.

Сельское хозяйство в годы войны испытывало серьезные трудности, связанные с целым комплексом причин: потеря территорий, сокращение производства сельхозтехники, людских ресурсов, чрезмерная нагрузка на восточные регионы по снабжению хлебом и продовольствием. В этих условиях значение Саратовской области по производству хлеба и сельскохозяйственного сырья возрастает (учитывая потерю Украины, Северного Кавказа, зону боевых действий на Дону). Задача ученых-аграриев заключалась в оказании помощи сельскому хозяйству как теоретической, так и практической.

В учебно-производственных мастерских института механизации сельского хозяйства был организован ремонт тягачей и тракторов для воинских частей. В межзаводской лаборатории ученые института производили испытания и доработку боеприпасов, изготовляемых на саратовских предприятиях [8, с. 161]. Связь с производством была действительно обширной, один только перечень предприятий,

с которыми сотрудничал институт, доходил до ста наименований, в их числе были оборонные заводы Саратова, Куйбышева, Астрахани, Сталинграда, Тамбова [1, д. 51, л. 192об, 193, 193об, 195].

Создание популярных военно-патриотических и военно-исторических работ, способных обосновать и донести до масс идею справедливости борьбы и самой войны против фашизма, веру в неизбежный крах фашизма, скорую победу, несмотря на трагические события начала войны, – такой круг задач был поставлен перед работниками гуманитарной направленности [2, д. 2774, л. 17].

Научная и учебная деятельность Саратовских вузов в годы войны сочеталась с разными мероприятиями общественно-политического характера.

До начала учебных занятий в 1941 году студенты и преподаватели вузов Саратовской области были мобилизованы на выполнение разного рода трудовых работ. Свыше 13 тыс. студентов и преподавателей Саратовских вузов в период лета – осени 1941 года работали на уборке урожая в колхозах и совхозах области [2, д. 2625, л. 41]. Совмещение учебы с работой на производстве в годы войны было достаточно широким явлением. Все вышеизложенное при всех плюсах имело оборотную сторону, а именно – нарушение, а порой и срыв учебного процесса (как впрочем это и произошло в 1941 году, когда учиться начали на три месяца позже обычного).

Широкую известность в годы войны получило всенародное движение за создание фонда обороны СССР. В этом движении активное участие приняли и коллективы высших учебных заведений. Иногда трудно, а порой и невозможно установить имена и фамилии людей, сдававших деньги, драгоценные вещи, металлы, так как многие из них не пожелали себя называть, предпочитая оставаться анонимными.

Уже к началу сентября 1941 года от работников Саратовского университета поступило в фонд обороны 4 тыс. рублей наличными и облигациями на 28 тыс. рублей. Коллектив сельскохозяйственного института собрал 105 тыс. рублей, на которые был приобретен самолет «СХИ», который был вручен бывшей студентке этого вуза капитану И. Дрягиной [2, д. 3120, л. 60]. Помимо этого, в бюджет государства отчислялись средства – компенсации за неиспользованный отпуск. К марту 1943 года сотрудники Саратовского педагоги-

ческого института собрали 200 тыс. рублей, а на общем собрании института было принято решение об отчислении одного процента с заработанной платы ежемесячно до конца войны.

Саратовский медицинский институт одним из первых поддержал инициативу местного обкома партии, возглавившего патриотическое движение жителей области за создание формы обороны, и развернул движение по сбору средств на строительство санитарных самолетов. Профессорско-преподавательский состав, рабочие и служащие мединститута внесли в государственный банк на строительство санитарных самолетов 227 879 руб. В ответ в институт пришло благодарственное письмо от И.В. Сталина [9].

Коллективы Саратовских вузов также приняли участие в сборе и отправки вещей на фронт. Так, к примеру, работники зоотехнического ветеринарного института соорудили 9 вагонов на сумму 56 тыс. рублей. Коллективы университета, медицинского, юридического, сельскохозяйственного институтов организовывали сборы вещей для отправки на фронт, причем это были не только теплые вещи (тулупы, полушубки, валенки, шапки, ватные костюмы), но и различные пищевые продукты, такие как: табак, белье, музыкальные инструменты, канцелярские принадлежности [1, д. 51, л. 149, 153].

Война оставляла немного времени на отдых, но все же то немногочисленное свободное время, которое появлялось у студентов и преподавателей, использовалось на далекие от учебы и работы мероприятия. В архивных материалах нами был обнаружен план городских мероприятий по проведению зимних каникул студентов 1944 года. Вот перечень некоторых программ: концерт в большом зале консерватории русской классической музыки, танцы, игры, городской студенческий праздник в доме Красной Армии, просмотр спектакля «Бесприданница» в театре им. К. Маркса, различные концерты [1, д. 51, л. 104]. Все эти веселые мероприятия проходили в основном во время каникул, да и то на завершающем этапе войны. Правда, нередкими были явления, когда вузы сами организовывали во время семестра культпоходы в театры и кино, устраивали вечера, концерты на уровне одного или нескольких вузов.

Таким образом, можно констатировать, что профессорско-преподавательский состав Саратовской высшей школы в годы Великой

Отечественной войны, несмотря на сложности, связанные с военной эпохой, сыграл активную роль в повседневной жизни региона. Сферы, в которых были задействованы ученые, были разнообразными: учебный процесс, научная деятельность, помощь сельскому хозяйству при уборке урожая; участие в сооружении оборонительных рубежей; субботники; помощь фронту в виде сдачи денег, отправке различных вещей в фонд обороны СССР; шефская помощь госпиталям; участие в донорском движении; огромная роль в культурной и спортивной жизни города и т.д.

Источники и литература

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 30. Оп. 1.

2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 16.

3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2052. Оп. 13.

4. *Гижов В.А., Гижов А.А.* Перестройка учебного процесса в вузах Саратова в 1941–1942 гг. // Социально-культурные аспекты взаимодействия личности и общества в современном мире. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2013. Вып. 9. С. 79–85.

5. *Гижов В.А.* Учебный процесс в Саратовских вузах в 1943–1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9 (47). Ч. 1. Тамбов, 2014. С. 46–48.

6. *Ищенко Ю.В.* Учеба в тылу // Вавиловец. № 3(142). 2012. С. 9.

7. *Капичников А.И.* Саратовский юридический институт в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания. Сборник научных статей. Актубинский региональный государственный университет им. К. Жубанова; ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова». Актобе, 2016. С. 45–49.

8. *Ножкина И.А., Шлыкова О.В., Шмыгина О.Н.* Саратовский институт механизации сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (78). Тамбов, 2017. С. 160–163.

9. *Пшеничникова Г.Н.* Вклад преподавателей и сотрудников Саратовского медицинского института в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны // Известия медицинского института. 2005. № 4. http://www.sgmu.ru/news/paper/2005/04/art05.html

10. Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова: 100 лет на благо России. Саратов, 2013. 488 с.

11. *Судоргин Н.С.* Формирование и функционирование системы госпитального лечения в годы Великой Отечественной войны / на материалах партийных и государственных структур и общественных организаций областей Нижнего Поволжья. Дисс. канд. ист. наук. Саратов, 1993.

V.A. Gizhov

THE DAILY LIFE OF SCIENTISTS OF SARATOV IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The article discusses the daily life of scientists of Saratov during the Great Patriotic War. Various aspects of the life of the faculty in wartime are analyzed: the educational process, scientific, social activities, the domestic sphere, etc. It is concluded that, despite the difficulties associated with the military era, city scientists played an active role in the daily life of Saratov.

Keywords: Great Patriotic War, Saratov, faculty, higher educational institutions, activities.

УДК 629.5Крылов(470.344)”1939/1945”

В.С. Григорьев

НАУЧНАЯ И СОЦИАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА А.Н. КРЫЛОВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Впервые обобщены материалы о вкладе уроженца Чувашского края, академика-кораблестроителя Алексея Николаевича Крылова в научную разработку инженерно-технических и теоретических проблем строительства и модернизации советского флота, поддержание патриотического духа советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; кораблестроение; советский патриотизм; А.Н. Крылов.

Уроженец Чувашского края, академик-кораблестроитель А.Н. Крылов ещё в феврале 1939 г. публично выразил свою серьёзную озабоченность тем, что в мире сложилось очень напряженное международное положение и Советскому Союзу приходится много внимания и сил затрачивать на «укрепление своей оборонной мощи» [9; 6, с. 438]. Он с одобрением воспринял меры правительства по строительству современного военно-морского флота. «Ни у кого не может возникнуть сомнения, – заявил 75-летний академик, – что это будет исполнено в небывало короткий срок, подобно тому, как уже исполнены другие гигантские сооружения. Эта уверенность вливает в каждого работника желание с большим рвением работать на благо своей родины» [6, с. 438; 9].

Свой вклад в укрепление обороноспособности А.Н. Крылов вносил посредством интенсификации научно-исследовательских разработок, активным участием в общественной работе и пропаганде инновационных методов, в деятельности ученых и производственных коллективов. А.Н. Крылов создал современную теорию корабля применительно к судам с механическим двигателем, металлическим, в том числе и бронированным корпусом, и она вобрала в себя многие направления теоретических и прикладных изысканий. «Теория Крылова», как её назвали зарубежные корабелы, обеспечивала надлежащую постройку кораблей благодаря решению математическими методами любых практических задач, связанных с кораблестроением и чрезвычайными событиями, возникавшими в непредсказуемых потоках воды и воздуха. Он разработал общую теорию качки корабля на волнении, предложил для гашения опасной для судна качки использовать усовершенствованные «успокоительные цистерны»и другие стабилизаторы, устраняющие колебания, в т.ч. гироскопы – приборы с быстро вращающимся телом, стабильная ось вращения которого позволяла успокаивать качку и сохранять постоянное положение корабля. Издание работ Крылова по гироскопии в 1930-х гг. было признано целой эпохой в развитии этой науки, а самого автора назвали основоположником теории гироскопии. Обобщающим трудом по теории качки стала фундаментальная книга Алексея Николаевича «Качка корабля», вышедшая в 1938 г., а серия его работ о качке корабля заняла весь XI том «Собрания трудов академика А.Н. Крылова» [5]. Попутно с разработкой теоретических вопросов по качке корабля академику удалось

создать прибор, корректирующий влияние качания судна на меткость артиллерийской стрельбы. Всего Крыловым было изобретено более 30 уникальных приборов и механизмов, связанных с теорией корабля. Создав учение демпфирования (умирения) качки, академик в 30–40-х гг. разработал формулу поведения корабля при боковой качке, предложил использовать в решении проблем боковой качки «метод последовательных приближений, который ранее применялся главным образом в астрономии для расчета звездных орбит» [3]. Учитывая оригинальный вклад в разработку множества инженерно-технических проблем в корабельном деле, в феврале 1942 г. А.Н. Крылов был избран почетным членом Английского общества кораблестроительных инженеров.

В мире высоко было оценено также изобретение российским ученым таблиц остойчивости, с помощью которых можно было сохранять плавучесть судна путем устройства в нем «сообщающихся сосудов» – трюмных отсеков, в определенном порядке заполняемых водой при получении пробоины [2, с. 50–52]. Возвращаясь к исследованиям, начатым еще в период обучения в Морской академии и работы в Компасной мастерской Главного гидрографического управления, А.Н. Крылов в советское время разработал обобщающую теорию магнитных компасов и гирокомпасов. В 1938–1940 гг. были выпущены отдельные его труды по теории девиации (искажения показаний) магнитного компаса, учению о гироскопических компасах, теории влияния качки корабля на показания компаса [7]. В первой части второго тома Собрания трудов А.Н. Крылова, изданной в 1943 г., был опубликован ряд его работ серии «Компасное дело», а через три года вышла вторая часть этого тома под названием «Земной магнетизм и компасное дело». Всего по проблемам девиации компаса академик написал более 50 работ, в том числе три – «Основания теории девиации компаса», «Возмущения показаний компаса, происходящие от качки корабля на волнении» и «О теории гирокомпаса» – 13 марта 1941 г. были отмечены Сталинской (Государственной) премией первой степени. Награда стала признанием выдающегося, практически востребованного вклада научных разработок Алексея Николаевича в современное техническое оснащение кораблей советского флота.

А.Н. Крылов первым в мире разработал теорию вибрации морских судов, направленную на сохранение жизнеспособности корабля, естественно подвергающегося вибрационным толчкам от

собственного двигателя и других механизмов. В изданной в 1936 г. курсе лекций Крылова «Вибрация судов», признанной учеными как «новая, совершенно оригинальная работа» [11, с. 464], описана теория «упругих колебаний применительно к исследованию вибрации корпуса корабля, механизмов и оборудования на нем, в том числе крутильных колебаний гребных валов» [4]. Обобщающей книгой по этой тематике стал десятый том Собрания трудов академика «Вибрация судов», вышедший в 1948 г.

В связи с фундаментальным характером и практикоориентированностью исследований книги Алексея Николаевича переиздавались многократно, особенно в первые советские пятилетки, когда развернулся бум открытия новых вузов по самым разнообразным техническим, естественнонаучным специальностям, которые были широко востребованы в условиях невиданного рывка в экономическом развитии страны. Тем самым становились широко популярными даже теоретические труды А.Н. Крылова. Его коллег удивляли оригинальные методики быстрого решения сложных технических задач, встречающихся в механике, производственной сфере, например, связанных с колебаниями механических систем и напряжениями, вызываемыми динамической нагрузкой в упругой системе. Своими расчетами ученый помогал не только корабелам, но и строителям мостов, конструкторам машинных двигателей, артиллеристам, авиаторам и т.д. Более двух десятков научных работ Крылова посвящены теории артиллерии, они написаны на основе математических расчетов и апробированы в самых суровых условиях, в том числе в Северном море. Он разрабатывал не только вопросы кораблестроения, но и научные проблемы воздухоплавания: опубликовал очерк «Одна из главных причин гибели дирижаблей» [6, с. 369–372]; составил и прочитал для слушателей Военно-воздушной академии курс лекций о техническом применении теории гироскопов [8] и т.д.

Избранные, наиболее выдающиеся исследования ученого опубликованы в изданном Академией наук СССР в 1936–1956 гг. «Собрании трудов академика А.Н. Крылова» в 12 томах, состоящих из 18 книг и включающих в свой состав 135 научных публикаций и докладов [10]. Важные результаты его научных изысканий изложены в 326 книгах и статьях разных изданий по теории корабля, математике, строительной механике, проблемам непотопляемости корабля, вибрации и килевой качке судов, теории компасов и гирокомпасов,

механике, астрономии, воздухоплаванию, баллистике, артиллерии, истории науки и техники, педагогике и др. Как отмечает его ученик, инженер-контр-адмирал, профессор А.И. Балкашин, «две трети этих работ выполнены ученым при Советской власти, когда талант Алексея Николаевича развернулся во всей своей силе» [1]. Всего же, с учетом энциклопедических статей, важных научных отчетов, обстоятельных рецензий и неопубликованных рукописей, в наследии Алексея Николаевича насчитывается более 500 работ.

Исключительно актуальны и поучительны сегодня как научно-техническая деятельность академика Крылова, так и его социокультурные уроки и опыт общественной работы. Если в предреволюционные годы Алексей Николаевич на своем жизненном опыте убедился в необходимости изменения жизнеустройства российского государства, то в советский период он поддерживал общественные устои СССР. В социально-просветительском плане характерна его статья «Алексей Стаханов», написанная осенью 1944 г. и рассматривающая стахановское движение не только как высокопроизводительный труд миллионов рабочих, но и как форму общественных отношений в советском государстве [6, с. 429–430]. А.Н. Крылов подчеркивает, что в стахановском движении, зародившемся еще в 1935 г., проявилось духовно-патриотическое единение работников многих отраслей народного хозяйства с советским руководством, организующим народ к созидательному труду во имя развития станы, а в годы Великой Отечественной войны – еще и ради победы над фашистской Германией. В качестве контраста академик приводит описание полугодовой забастовки рабочих английских кораблестроительных заводов, свидетелем которой был он сам, и называет это «борьбой между хозяевами и рабочими» [6, с. 429]. В числе требований забастовщиков было запрещение сверхнормативной выработки продукции и недопущение работы на двух или нескольких станках. Конечно же, для рабочих Великобритании, обогащавшейся за счет ограбления колониальных стран, общая территория которых превышала собственные земли метрополии в 109 раз, и имевшей возможность решать внутренние социальные проблемы за счет беспощадной эксплуатации зависимых народов, вовсе необязательно было надрываться на нескольких станках и повышать нормы выработки. Трудящимся же советской страны, получившей от монархистских и либеральных компрадоров дотла разрушенное хозяйство вместо экономики, приходилось не щадя себя вызволять Отчизну на путь эконо-

мического процветания, цивилизованности и социально-культурных преобразований. Им удалось буквально за 2 десятилетия преумножить экономический потенциал страны в десятки раз и вывести свою Родину на передовые рубежи развития – на первое место в Европе и второе – в мире (после США). Академик Крылов имел все основания гордиться такой страной и даже ее политическим устройством: в своих публикациях он подчеркивал значимость плана электрификации страны (ГОЭЛРО), сам деятельно участвовал в совершенствовании производительных сил страны, составлении программы разработки залежей железных руд в районе Курской магнитной аномалии, изучении других природных ресурсов России.

Крылов А.Н. служил своему Отечеству не только на официальных, «хлебных» должностях, но и в общественной жизни, содействуя развитию гражданского общества. В разные годы в течение весьма продолжительного времени он состоял членом ученых советов восьми научных учреждений, работал почти в десяти самых разных общественных комиссиях в стенах Академии наук. В 1932 г. Крылов принял участие в создании и налаживании деятельности ВНИТОСС – Всесоюзного научного инженерно-технического общества судоходства и судостроения, был первым председателем его правления. Наследнику этой организации – «Российскому научно-техническому обществу судостроителей» – присвоено почетное имя академика А.Н. Крылова. На втором съезде этого сообщества, в мае 1940 г. его вновь избирают председателем правления ВНИТОСС, утверждают в числе почетных членов Общества и награждают Почетной грамотой Всесоюзного общественного объединения. Вскоре его утвердили еще и редактором журнала «Судостроение». В 1941 г. он был включен в состав Технического совета при Наркомате судостроительной промышленности СССР (НКСП), в ноябре того же года стал штатным экспертом технического совещания Центрального НИИ НКСП. Крылов оказывал постоянную консультативную помощь учреждениям Военно-Морского Флота СССР (ВМФ), работал в академической комиссии по научно-техническим вопросам ВМФ. В 1944 г. его включили в состав военно-морской экспертной комиссии при Совнаркоме Союза ССР.

Многим в стране были памятны остроумные, мудрые доклады А.Н. Крылова на научных конференциях, митингах, в военных и гражданских учебных заведениях, на заводах, праздничных и скорб-

ных мероприятиях. Очень ценны были его устные и газетно-журнальные выступления и практическая деятельность в годы Великой Отечественной войны. Они имели исключительно важное значение в поддержании в советских людях военно-патриотического, победного духа и мобилизации их на боевые и трудовые подвиги. Так, в очерке «Многострадальный Севастополь» от 15 апреля 1944 г. академик акцентирует внимание на упорном сопротивлении советских людей и доблестной обороне города от немецко-фашистских войск, выражает надежду на успех единого порыва наших войск и народа, рассчитывая на сплочение всех сил в деле освобождения и восстановления Севастополя – жемчужины морской славы Родины. Алексей Николаевич и сам на деле демонстрировал собственный пример стойкости, неустанной деятельности ради победы над врагом. Примечательно его выступление о самоотверженном участии советских женщин в великой войне против фашизма, за человеческое достоинство: «Россия ведет теперь небывалую войну. Что же мы видим? Десятки миллионов женщин заменили мужчин на полях и лугах, на фабриках и заводах, в рудниках и шахтах. В лазаретах и госпиталях как врачи и хирурги, как сестры и санитарки, как учительницы, как профессора и как академики, наконец, в армии как бойцы, как командиры, как летчики, как партизаны […] героизм женщин показывает, что у них есть такая же любовь к родине, такая же храбрость, такая же стойкость, такая же настойчивость, как у мужчин […] в этом и проявляется душа [6, с. 432].

Доблестный ветеран науки, образования и Военно-Морского флота СССР, академик Крылов всю свою жизнь без остатка посвятил науке, трудам и заботам о родном Отечестве и народе. 26 октября 1945 года Алексей Николаевич ушел из жизни.

Таким образом, уроженец Чувашского края, гениальный ученый-кораблестроитель А.Н. Крылов, не поддавшийся в период Гражданской войны антисоветской пропаганде и саботажничеству, демонстрировал пример патриотизма, активного участия в возрождении страны и ее военно-морских сил, внес огромный вклад в укрепление обороноспособности и защиту Родины в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. *Балкашин А.И.* Выдающийся ученый и кораблестроитель А.Н. Кры-

лов. [Электронный ресурс]. URL: https://flot.com/history/b-krylov.htm (дата обращения: 01.09.2019).

2. *Варганов Ю.В.* А.А. Крылов – ученый, педагог, инженер, общественный деятель. СПб.: Морской Вестник, 2006. 215 с.

3. Изобретения России: Теория качки корабля. [Электронный ресурс]. URL: http://rus-eng.org/invention/Teoriya%20kachki%20korablya.htm (дата обращения: 01.09.2019).

4. *Крылов А.Н.* Вибрация судов: Учебник для судостроительных ВТУЗов и кораблестроительных специальностей индустриальных ВТУЗов. Л.-М.: ОНТИ НКТП СССР, 1936. 441 с.

5. *Крылов А.Н.* Качка корабля // Собрание трудов академика А.Н. Крылова. В 12 т. Том XI. М.-Л.: Академия наук СССР, 1951. 469 с.

6. *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. Изд. 9, перераб. и доп. СПб.: Политехника, 2003. 509 с.

7. *Крылов А.Н.* Основания теории девиации компаса. М.: Академия наук СССР, 1940. 77 с.

8. *Крылов А.Н., Крутков Ю.А.* Общая теория гироскопов и некоторых их технических применений. М.: Академия наук СССР, 1932. 400 с.

9. *Крылов А.Н.* Рассказ о моей жизни // Красный флот. 1939. 16 февраля. № 23.

10. Собрание трудов академика А.Н. Крылова. В 12 т. М.-Л.: Академия наук СССР, 1936–1956.

11. Судостроение. 1936. № 6. 466 с.

V.S. Grigoriev

SCIENTIFIC AND SOCIAL-EDUCATIONAL ACTIVITY OF ACADEMICIAN A.N. KRYLOVA ON THE EVE AND IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. For the first time, materials on the contribution of a native of the Chuvash Territory, academician-shipbuilder Alexei Nikolayevich Krylov to the scientific development of engineering, technical and theoretical problems of the construction and modernization of the Soviet fleet, and the maintenance of the patriotic spirit of the Soviet people during the Great Patriotic War were summarized.

Key words: the Great Patriotic War; shipbuilding; soviet patriotism; A.N. Krylov.

УДК 94.084.8

Н.А. Сергеев

КУЛЬТУРНО-МАССОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СРЕДЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РККА ЛЕНИНГРАДСКОГО И ВОЛХОВСКОГО ФРОНТОВ В 1941–1943 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена основным аспектам ведения культурно-массовых мероприятий среди военнослужащих РККА Ленинградского и Волховского фронтов в 1941–1943 гг. Дана характеристика основным направлениям агитационных и культурных мероприятий, проходивших на фронтах, по воспоминаниям ветеранов тех событий.

Ключевые слова: культурно-массовые мероприятия, красноармейцы, агитация, быт, военнослужащие.

Осенью 1941 года на северо-западном направлении советско-немецкого театра военных действий фронт стабилизировался. Разграничительная линия между противниками установилась по линии река Волхов – южный берег Ладожского озера – река Нева – пригород Ленинграда – берег Финского залива.

Время относительного затишья сменялось наступлениями и контратаками советских или немецких войск. С 1941 по 1943 год Красная Армия провела несколько операций, целью которых был прорыв блокады Ленинграда: 1-й, 2-й, 3-й Синявинские наступательные операции, Тихвинская оборонительная и наступательные операции, Любаньская операция и т.д.

Но, как известно, бой – это скоротечное действие, во время которого солдат выкладывается на максимум своих возможностей. И поэтому хотелось бы подчеркнуть, что жизнь рядового бойца армии состоит не только из ведения боевых действий, но в первую очередь из быта, в повседневных заботах. Для психологической разгрузки в среде военнослужащих РККА часто проходили культурно-массовые мероприятия.

Итак, по воспоминаниям ветеранов, воевавших на Ленинградском и Волховском фронтах, выделяются несколько видов мероприятий:

• Агитационные собрания: перед боем, по случаю знаменательной даты, в случае каких-либо экстраординарных случаев (зачитывание приказов, например, широко известного приказа № 227, в случае выявления нарушений и прочее).

• Приезд на передовую так называемых представителей шефских организаций (в первую очередь с различных заводов, фабрик или просто тыловых районов). Либо распределение между бойцами подарков от тех же шефских организации.

• Военнослужащие также собирались тогда, когда приезжали артисты, музыканты.

• Проводились различные специализированные конференции, собрания и т.д.

• Нередко подразделения собирались в одном месте, на открытой площадке, когда проводились награждения. И обязательным был сбор военнослужащих во время награждения подразделения гвардейским знаменем. Данные мероприятия должны были мотивировать бойцов к более решительным действиям во время ведения боевых действий.

• Следует здесь же отметить, что целые подразделения (обычно батальон или полк) собирались и выстраивались в случае показательной казни военнослужащих, в чем-либо провинившихся – не подчинение приказу командира, дезертирство, воровство, и самое тяжкое и самое распространенное – это преднамеренное членовредительство. Если в первых случаях в большинстве отделывались тюремным заключением или пребыванием в штрафных частях, то преднамеренное членовредительство (в первую очередь – самострелы) каралось только высшей мерой наказания – расстрел. Показательная казнь тоже являлась своего рода агитацией. Этим добивались того, чтобы военнослужащие не покидали поля боя, даже в критической ситуации.

Чаще всего о тех или иных агитационных мероприятиях упоминают в своих воспоминаниях только те ветераны, кто был непосредственно занят их организацией: политработники, командиры среднего и высокого ранга, фотокорреспонденты, газетные работники и другие. Либо те ветераны, которые успели записать свои мысли на свежую память: во время войны, либо несколько лет спустя после окончания.

Большинство ветеранов на уровне красноармеец-сержант-лейтенант крайне редко упоминают о мероприятиях культурно-массового характера. По большей части военнослужащие данной категории описывают в своих воспоминаниях бытовые и боевые эпизоды из жизни солдата, связанного в первую очередь с самим автором.

Политработникам и командирам предписывалось проводить ежедневные агитационные беседы на политические, повседневные темы, а также, учитывая воспоминания ветеранов, можно сказать, что агитационная работа проводилась не часто, но регулярно. Чаще всего это происходило перед каким-либо ответственным заданием или перед боем. Старший батальонный комиссар В.В. Якушев вспоминал: «Перед боем начальник политотдела старший батальонный комиссар т. Лебедев провел индивидуальные беседы с экипажами 1-го танкового батальона» [1, с. 361].

В различных беседах задачей командиров было разъяснение политической ситуации в том свете, которое было необходимо для того, чтобы боец сражался. То есть обличалась ложь противника на повседневных примерах, показывалась их негативная сущность, например, убийство советских раненых бойцов с медицинскими работниками, геноцида мирных граждан и т.д.

Командир роты лыжников 11-й стрелковой дивизии Николенко вспоминал: «…Обезумевшие от страха немцы, силами до двух батальонов, отступая от Погостья, выбили нас с высоты… Наши тяжелораненые товарищи остались в землянках… мы собрались с силами и предприняли атаку. Вместе с наступающими частями нашей дивизии мы вновь заняли высоту… Около трех часов она была в руках немцев. За это время они сожгли наших товарищей… Мы стояли и смотрели на бывших своих товарищей. Они лежали обуглившиеся. На некоторых еще дымилась одежда. Пальцы, нет, остатки пальцев, были согнуты… Мы стояли и смотрели на них. Их было около 30 человек, переживших с нами 20 тяжелых дней. Яростную ненависть к врагу чувствовал каждый из стоявших над телом сожженных. Сжимая в руке оружие, мы поклялись: «Отомстим». Подходили и подходили бойцы: пехотинцы, танкисты…» [1, с.181].

«Поспешно отступая, немцы, как мы поняли, оставляли на пути нашей армии трупы, чтобы устрашить нас.

Стихийно возник митинг. Здесь я впервые во всей полноте по-

нял и ощутил свою миссию политрука. Она рождалась как протест против этой дикой расправы над безоружными пленными» [2, с. 36].

Так же в задачу политработников и командиров входило выявление в ходе беседы проблем рядовых бойцов, с тем чтобы в дальнейшем помочь их решить. Сюда входили проблемы следующего порядка – бытовые (проблемы с жильем, питанием, одеждой и пр.), семейные (т.е. проблема оставшейся семьи в тылу), боевые (помочь бойцу не струсить во время боя, мотивация на бой) и пр. Посылали родственникам особо отличившихся бойцов благодарственные письма, что также мотивировало военнослужащих и их родных.

Командир 11-й стрелковой дивизии В.А. Вербжицкий вспоминал о своих минометчиках: «В один из вечеров почтальон принес в дом Шумовых письмо. Почерк незнакомый. Быстро разорвав конверт, Никита Федорович схватил за плечи почтальона: «Читай, скорее читай». Тот читал: «Поздравляю вас с наградой, полученной братьями Шумовыми за стойкость и мужество, проявленные в боях за славный город Ленинград. Все они получили медали «За отвагу». Шумовский минометный расчет у нас самый образцовый. Братья Шумовы стали коммунистами. Число истребленных фрицев скоро до четырехсот догонят. Командир батареи старший лейтенант Ф. Цывликов» [1, с. 185].

Но выполнение этого мероприятия в целом исходило от компетентности и желания командного состава. В большинстве случаев командиры выполняли только непосредственно боевые обязанности – подготовка и руководство боем. Политработники также не все добросовестно выполняли свои непосредственные обязанности. Но проверить данные на эту тему на сегодняшний день крайне затруднительно, в связи с тем что прошло много времени (больше семидесяти лет). Кроме того, такие мероприятия не протоколировались.

Знаменательным днем в жизни бойцов был день, когда приезжали представители шефских организаций или приходили из тыла посылки. По приезду шефских представителей большинство бойцов получали различные полезные подарки: носки, платочки, варежки, кисеты и многое другое. Часто вместе с подарками в некоторых случаях присылали поздравительные письма, суть которых, по большей части, сводились к пожеланиям скорее завершить войну и вернуться с победой домой, к своим семьям.

При встрече с шефами проходили митинги, концерты, выступления, во время которых бойцы мотивировались к скорейшему разгрому противника.

Секретарь редакции газеты 198-й стрелковой дивизии писал в своих воспоминаниях: «В первых числах февраля в дивизию прибыла делегация трудящихся Дальнего Востока – шахтеров треста «Артемуголь». Она привезла бойцам и командирам подарки. Теплые письма от дальневосточников.

Встреча воинов дивизии с дальневосточниками сразу же вылилась в волнующую демонстрацию единства фронта и тыла» [1, с. 308].

В такие моменты военнослужащие соприкасались с частичкой мирной жизни, вспоминали своих родных и близких, оставшихся дома. Такие мероприятия давали возможность бойцам физически и психологически, в первую очередь, разгрузиться.

Такой вид досуга также приводил к мотивации бойцов для скорейшей победы над врагом, потому что бойцы соприкасались с мирной жизнью, во-первых. Во-вторых, в выступлениях представителей шефских организаций говорилось и о трудности работы в тылу, где работали жены и дети бойцов РККА. Через это военнослужащие ощущали всю тяжесть положения в стране. Что опять же, как уже неоднократно говорилось выше, мотивировало красноармейцев и командиров к более решительным действиям на поле боя.

Иногда на фронт приезжали концертные бригады. Их количество варьировалось от одного до нескольких десятков человек. Вид их деятельности был огромен: от исполнения на музыкальном инструменте различных композиций, до целых сценических представлений. Чаще всего, конечно же, это было исполнение различных популярных, патриотических песен, которые в сочетании с танцами были мощнейшим фактором психологической разгрузки. В такие моменты у военнослужащих происходила разрядка, потому что чувство опасности отходило на второй план, у человека спадала напряженность. Люди на некоторое время забывали о смертельной опасности, что было каждодневным на фронте.

«Кончался май. А в частях по-прежнему вели оборонительные бои. В таких условиях к нам нередко наезжали делегации из Ленинграда и области, а также артисты: и целыми бригадами, и малыми

группами в два-три человека. И все равно на их концерты собирались все, кто мог.

Как-то я, находясь в одном из полков по заданию редакции, тоже присутствовал на одном из таких концертов. Тогда к воинам прибыли двое – старичок скрипач, которого звали Максимом Петровичем и молодая девушка Зоя» [1, с. 315].

Импровизированные концерты и выступления могли организовываться в воинских подразделениях и стихийно. Так как многие бойцы в мирное время занимались какой-либо деятельностью: играли на различных инструментах, хорошо декламировали стихотворения различных поэтов или свои собственные, имели природный хорошо поставленный голос и слух, то есть умели хорошо петь, многие парни умели танцевать различные народные танцы.

Кроме того, у некоторых военнослужащих от природы был талант что-либо хорошо рассказывать, либо воспроизвести когда-то услышанное-прочитанное. Такие личности своим рассказом помогали перенестись в довоенное прошлое, либо в сказочный, приключенческий книжный мир. В эти моменты бойцы отрешались от происходящей действительности, что опять же помогало им психологически разгрузиться и отдохнуть.

Еще одна особенность Рабоче-крестьянской Красной Армии в том, что огромную роль играли партийные люди. То есть люди, вступившие в партию или являющиеся комсомольцами. Такие личности, по большей части, были наглядными примерами образцового военнослужащего. Нередко они являлись добровольцами для выполнения самых опасных операций. Конечно же, многим хотелось быть на них похожими. И надо отметить, что авторитет ВКП(б) в среде военнослужащих, за редким исключением, был большим. Не зря же люди подавали заявления о приеме в партию в огромном количестве. А слова: «В случае смерти прошу считать меня коммунистом» – были не голословными. Это указывало на то, что агитационная работа по партийным вопросам шла в среде военнослужащих активно. Люди, связанные непосредственно с этой работой, вспоминали: «Многие при вступлении в партию в своих заявлениях писали: «Если убьют, прошу считать меня коммунистом». Иногда и так было: отдельные бойцы и командиры попадали под обстрел или бомбежку и погибали. Например, рядовой Мельников, москвич,

оформлял свое личное дело на прием в партию, а рядом разорвалась мина, которая для него оказалась роковой… он был принят в партию посмертно» [2, с. 309].

«В обстановке обороны мы еще сумели подготовить и провести вручение партбилетов и правительственных наград бойцам и командирам, отличившимся в Синявинской операции» [2, с. 310].

Культмассовые мероприятия с началом войны в красноармейской среде не завершились. Какой бы ни была тяжелой ситуация на фронте, командиры, политработники, мирные граждане, артисты, сами бойцы всегда искали возможность устроить какое-нибудь мероприятие. Каждую минуту отдыха бойцы РККА должны были не забывать, что они находятся на войне, но в то же время отдыхать душой.

Источники и литература

1. Погостье. Жаркая зима 1941/42 годов.: Сборник воспоминаний ветеранов 54-й армии / сост. Иванова И.А. СПб.: Контраст, 2016.

2. Синявинские высоты. Осенние бои 1941–1942 годов: Сборник воспоминаний участников синявинских сражений / сост. Иванова И.А. СПб.: ИПК «Вести», 2012.

N.A. Sergeev

CULTURAL EVENTS AMONG THE RED ARMY SOLDIERS OF THE LENINGRAD AND VOLKHOV FRONTS IN 1941–1943

Abstract. The article focuses on the main aspects of conducting cultural events among the soldiers of the red army Leningrad and Volkhov fronts v 1941–1943 characterized the main directions of propaganda and cultural activities took place to be in the front according to the memoirs of veterans of those events.

Keyword: cultural events, the red army, propaganda, life, soldiers.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КУЛЬТУРЕ, ИСКУССТВЕ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

УДК 329.7:353.233.11(470.344)+394.46:94(470) «1941/1945»

О.В. Андреев, С.Н. Кодыбайкин, М.А. Широкова

ВКЛАД ПОИСКОВОГО ДВИЖЕНИЯ ЧУВАШИИ В СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

Аннотация. В статье анализируются основные этапы становления и развития поискового движения в СССР, Российской Федерации и Чувашии; дается характеристика процесса формирования правовой базы, важнейших нормативно-правовых актов, отмечается их роль в активизации и повышении эффективности поисковой деятельности, которая в настоящее время приобрела системный характер. Дана оценка деятельности тех, кто стоял у истоков поискового движения в Чувашии: в 1960-е годы – фронтовик В.М. Бурмистров; в 1980-е и в настоящее время – Е.Г. Шумилов, возглавивший региональное отделение «Поисковое движение России» по Чувашской Республике; в Чувашском госуниверситете имени И.Н. Ульянова в 1990 г. – доцент Б.В. Каховский. Приведены сведения, характеризующие направления и формы, масштабы и результаты работы поисковых отрядов Чувашской Республики в современных условиях.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-49-210004.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сохранение памяти, поисковое движение, правовая база увековечения памяти, мемориальные объекты, интерактивная карта, военно-патриотическое воспитание.

В деле сохранения памяти о Великой Отечественной войне значительное содействие оказывает поисковое движение, официально оформившееся в 1988 г. В соответствии с совместным постановлением Коллегии Министерства обороны СССР и Бюро ЦК ВЛКСМ от 19 октября 1988 г. стали проводиться ежегодные вахты Памяти [1, с. 179]. Общесоюзное поисковое движение в августе 1991 г. было юридически оформлено в самостоятельную организацию: в Министерстве юстиции СССР была зарегистрирована Ассоциация поисковых объединений «Народная память о защитниках Отечества (АсПО)». Но распад СССР и изменившаяся политическая обстановка в стране разрушили единство поисковых организаций и объединений.

Новый этап в истории поискового движения начался в 1993 г., что было связано с формированием правовой базы увековечения памяти. В результате поисковая работа вновь получила законодательную основу, признание и поддержку государства, стала более организованной. Ассоциация, пройдя процедуру переоформления в декабре 1995 г., получила название «Союз поисковых отрядов России». В настоящее время поисковое движение России включает 5 межрегиональных, 50 республиканских, краевых и областных объединений – всего более 600 поисковых отрядов общей численностью более 40 тысяч человек.

Таким образом, деятельность поискового движения в целом, участие поисковых отрядов в регионах страны в увековечении памяти о погибших при защите Отечества приобрела системный характер благодаря принятию целого перечня правовых актов, прежде всего: Закона Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», Указа Президента России В.В. Путина от 22 января

2006 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» и др. Из перечисленных правовых документов принципиальное значение имел Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества». В преамбуле подчеркнуто, что уважительное отношение к памяти погибших при защите Отечества или его интересов является священным долгом всех граждан. Закон определил перечень категорий, подлежавших увековечению памяти; формы увековечения; виды воинских захоронений, мероприятия и порядок захоронения (перезахоронения) погибших; государственный учет, содержание и благоустройство, обеспечение сохранности, восстановление воинских захоронений; организация и проведение поисковой работы; полномочия, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по увековечению памяти погибших воинов; финансовое и материально-техническое обеспечение процесса увековечения памяти погибших; ответственность за нарушение данного Закона [3].

Значительным подспорьем поисковому движению стала Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» (постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122). В настоящее время реализуется Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [2].

У истоков поискового движения стояли ветераны Великой Отечественной войны. В истории поискового движения Чувашии особое место занимает фронтовик Владимир Михайлович Бурмистров (1924–2010). Он ещё с 1960-х гг. являлся активным поисковиком, создавая и способствуя созданию поисковых отрядов в различных учебных заведениях: «Гренада» (Урмарская средняя школа), «Орлёнок» (ГПТУ № 8 г. Чебоксары), «Гвардеец» (СОШ № 36). В.М. Бурмистров проделал огромную работу не только по выявлению наших земляков – героев Великой Отечественной войны, но и других защитников Отечества, начиная ещё со времен наполеоновских войн.

В Чувашии еще в 1970-е гг. стали создаваться при школах краеведческие клубы, члены которых выезжали на места боев. Примером такого объединения служит литературно-краеведческий клуб «Красная гвоздика» при Батыревской средней школе № 1 Батырев-

ского района Чувашии под руководством Викторовой Валентины Васильевны. Члены названного объединения выезжали в Ленинградскую область. В то время работа литературно-краеведческого клуба не включала в себя розыск и перезахоронение советских солдат, что отличало ее от деятельности современных поисковых отрядов.

В 1983 г. в г. Чебоксары было создано поисковое объединение «Алые маки», инициированное и возглавленное Евгением Георгиевичем Шумиловым, ставшим впоследствии руководителем регионального отделения «Поисковое движение России» по Чувашской Республике. Оно было сформировано из учащихся школ № 40, 41, 55 г. Чебоксары. Поисковый отряд «Алые маки» практиковал проведение домовых вечеров боевой и трудовой славы жителей конкретных домов, занимался популяризацией знаний о Великой Отечественной войне, организацией и проведением лагерей на Сурском рубеже, походов по местам боевой славы (например, 139-й стрелковой дивизии) и экспедиций «Вахт памяти».

В 1990 г. в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова был организован студенческий поисковый отряд. Инициатором его создания был преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории, кандидат исторических наук Борис Васильевич Каховский. Первый выезд отряда в поисковую экспедицию состоялся весной 1990 г. в окрестности г. Вязьмы Смоленской области. После этого были ещё две поездки: в Ленинградскую и Калужскую области.

Затем последовал долгий перерыв в деятельности поискового движения, что было связано с глубоким системным кризисом российского общества и государства. Только на рубеже XX–XXI вв. началось возрождение благородного дела: в 1999 г. в г. Чебоксары создан поисковый отряд «Искатель», в 2000 г. при Толиковской СОШ – отряд «Толиковская СОШ» (Чебоксарский район), в 2002 г. – отряд при МБОУ УДОД ЦРТДиЮ г. Новочебоксарска; 2005 г. – поисковый отряд ВПК им. М. Шуйцева МБОУ «Большесундырская СОШ» (Моргаушский район Чувашской Республики), в 2008 г. – поисковая организация «Набат» при МБОУ СОШ № 57 г. Чебоксары.

Усилия по сохранению традиционных, возрождению испытанных и созданию новых форм увековечивания Великой Победы

и в Чувашии дали свои результаты. Так, в 2013 г. в Чувашском госуниверситете имени И.Н. Ульянова было возрождено поисковое движение, организационной формой которого стал поисковый отряд «Георгиевская лента» на историко-географическом факультете [1, с. 223; 6]. Инициатором воссоздания этого патриотического движения стало руководство историко-географического факультета, нашедшее полное понимание и поддержку со стороны руководства университета. Будучи ещё студентом исторического факультета, ректор А.Ю. Александров принимал участие в поисковом движении в 1990 г. Возрождение движения совпало с организацией Общероссийского общественного движения по увековечению памяти о погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», членом которого стал также и отряд Чувашского госуниверситета. Впервые отряд отправился на «Вахту памяти» в августе 2013 г. В 2014 г. отряд приобрёл современное название – «Георгиевская лента». С начала основания отрядом руководит доцент историко-географического факультета С.Н. Кодыбайкин. Отряд принимал участие в раскопках в местах боевых действий на территории Смоленской (2013), Калужской (2014), Тверской (2015, 2016, 2018), Мурманской (2017) и Ленинградской (2019) областей, в Севастополе (2016, 2017, 2018, 2019). Важное значение имело сотрудничество поискового отряда и чувашского регионального отделения Русского географического общества под руководством Д.В. Алексеева в исследовании Казанского оборонительного рубежа в мае 2017 г. Находки поискового отряда в местах боевых действий стали основой созданного музея истории Великой Отечественной войны, который, как и музей боевой и трудовой славы ЧГУ имени И.Н. Ульянова, в настоящее время представляет собой образовательное, научно-исследовательское, культурно-просветительное учреждение и центр увековечения памяти о Великой Отечественной войне и военно-патриотического воспитания студенческой молодёжи. В нём проводятся учебные занятия, научные конференции, уроки мужества и патриотизма, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и Вооружённых сил, участниками локальных военных конфликтов; мероприятия, посвящённые Дню защитника Отечества, Дню Победы в Великой Отечественной войне и разгрому милитаристской Японии.

Со второй декады первого столетия XXI в. поисковое движение Чувашии приобрело более организованный характер. Существенный вклад в сохранение памяти о погибших в Великой Отечественной войне вносят и другие поисковые отряды Чувашии, имеющие большой опыт работы, входящие в состав Чувашского регионального отделения ООД «Поисковое движение России»: «Память» (ЧГПУ им. И.Я. Яковлева), «Патриот» (УФССП России по Чувашской Республике), поисковый клуб «Набат» (МБОУ «СОШ № 57» г. Чебоксары), поисковый клуб «Атал» (МАОУ «Гимназия № 5» г. Чебоксары), Чувашская республиканская общественная организация «Поисковый отряд «Веда». Большую активность в поисковом движении Чувашии проявлял поисковый отряд «Память», созданный при ЧГПУ им. И.Я. Яковлева в 2007 г. и впервые выехавший на раскопки в Смоленскую область. В разные годы отрядом руководили Б.В. Каховский, Д.А. Захаров, С.Д. Казаков. В настоящее время отряд возглавляет Н.С. Мясников. Поисковые работы проводились в Калужской и в основном в Ленинградской области. На апрель 2019 г. в Чувашской Республике зарегистрированы 39 поисковых отрядов, большинство из которых – школьные. Активистами поисковых отрядов обнаружено немало неучтенных воинских захоронений. Например, 15 октября 2016 г. активисты поискового отряда «Веда» на кладбище д. Полевые Яуши Комсомольского района Чувашии выявили стелу, не учтенную в реестре района и в ОБД «Мемориал», с надписями о погибших в 1943 г. младшем сержанте И.И. Ильине и красноармейце С.И. Михайлове.

Поисковая и воспитательно-патриотическая работа отрядов продолжается в музейной деятельности. Наиболее крупные экспозиции представлены в музеях, организованных при ЧГУ им. И.Н. Ульянова (2013) и ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (2018). Заметное место о поисковых изысканиях уделяется на страницах газеты «Советская Чувашия», где новые статьи, основанные на архивных документах, публикуются в рубрике «Будем помнить» (ведущий рубрики – Е.Г. Шумилов).

Шумилов Е.Г. (председатель совета Чувашского регионального отделения ООД «Поисковое движение России», руководитель Чувашской Республиканской общественной организации «Поисковое объединение «Алые маки») проводит большую и плодотворную

работу по увековечению памяти уроженцев Чувашии – участников Великой Отечественной войны. Он также хорошо известен как автор большого количества исследовательских работ (например, об уроженце Канашского района, одном из последних защитников Брестской крепости сержанте-артиллеристе Константине Радикове) и как ведущий рубрики «Календарь Победы» в газете «Советская Чувашия» (с 2019 г.).

Работа по созданию интерактивной карты мемориальных памятников и воинских захоронений Чувашской Республики стала новой формой увековечения памяти, в которой непосредственное участие приняли поисковики Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова. Инициатором стал ректор университета А.Ю. Александров, выступивший 16 октября 2018 г. с таким предложением на первом заседании Координационного совета при Главе Чувашской Республики по патриотическому воспитанию граждан, созданного Указом Главы Чувашии М.В. Игнатьева от 4 июня 2018 г. [1, с. 187–188; 5]. Для выполнения проекта «Создание и поддержка интерактивной карты мемориальных памятников и воинских захоронений Чувашской Республики, посвященных памяти воинов Великой Отечественной войны» была образована рабочая группа в составе преподавателей и сотрудников историко-географического факультета: О.Н. Широков, М.Ю. Харитонов, О.В. Андреев, С.Н. Кодыбайкин, Е.Н. Житова, Е.В. Ткаченко, студентов: Т.А. Волкова, Д.С. Харитонов, А.Б. Матросов, И.А. Пивоваров. Единая интерактивная карта, размещенная в открытом доступе в сети «Интернет», стала информационным продуктом, объединяющим все сведения о воинских захоронениях, мемориальных объектах и сооружениях на территории Чувашии, посвященных погибшим, подвигам защитников Родины в годы Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, участникам локальных войн и вооруженных конфликтов. Интерактивная карта, презентация которой состоялась 19 июня 2019 г. в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, позволит провести виртуальные и реальные экскурсии по памятным историческим местам, обратить внимание на состояние воинских захоронений и памятников, на их значимость в деле патриотического воспитания молодежи [1, с. 188].

Источники и литература

1. *Андреев О.В.* Оборонно-массовая и военно-патриотическая работа в России (XX – начало XXI в.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. 436 с.

2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 [Электронный ресурс] – URL:http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf (дата обращения: 25.11.2018).

3. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 (ред. от 19 июля 2018 г.) [Электронный ресурс] – URL: http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-14011993-n-4292-1-ob/ (дата обращения: 25.11.2018).

4. Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ (ред. от 04 ноября 2014) [Электронный ресурс] – URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-19051995-n-80-fz-ob/ (дата обращения: 11.08.2019).

5. Состоялось первое заседание Координационного совета при Главе Чувашской Республики по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://pfo.gov.ru/press/theregionslife/102861/ (дата обращения: 11.03.2019).

6. Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова: офиц. сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chuvsu.ru/ (дата обращения: 09.03.2019).

O.V. Andreev, S.N. Kodybaikin, M.A. Shirokova

CONTRIBUTION OF SEARCHING MOTION OF CHUVASHIA TO MAINTENANCE OF MEMORY ABOUT GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. In the article analysed the basic stages of becoming and development of searching motion in the USSR, Russian Federation and Chuvashia; given a characteristic of process of forming of legal base, major normatively-legal acts, marked their role in activation and increase of efficiency of searching activity that presently acquired system character. Given the estimation of activity of people, who stood at the sources of searching motion in Chuvashia: in 1960th – front-line soldier V.M. Burmistrov; in 1980 and presently – E.G. Shumilov, who head

a regional separation «Searching motion of Russia» on Chuvash Republic; in the Chuvash State University of I.N. Ulianov in 1990 – associate professor B.V. Kakhovskii. Brought information, characterizing directions and forms, scales and results of job of searching detachments of Chuvash Republic in modern terms.

Keywords: Great Patriotic war, maintenance of memory, searching motion, legal base of immortalization of memory, memorial objects, interactive map, military-patriotic education.

УДК 37.035.6

А.Г. Бахтин

РЕЗУЛЬТАТЫ ДИАГНОСТИКИ ЗНАНИЙ ШКОЛЬНИКОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ О ГЕРОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: События Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. занимают значительное место в патриотическом воспитании учащихся. В статье приводятся предварительные результаты проводящегося исследования по диагностике знаний учащихся о героях войны. Исследование проводилось методом письменного анонимного опроса учащихся 14 школ Республики Марий Эл с 6 по 11 класс в 36 классах у 694 учащихся в 2018–2020 гг. Ответы сгруппированы по категориям: Герои Советского Союза, полководцы, пионеры-герои, участники войны из МАССР, а также наиболее часто упоминающиеся имена. Проведённая диагностика позволяет выявить как достижения, так и недостатки, пробелы и искажения, имеющие место в знаниях учащихся. Учащиеся смогли назвать около 300 имён, большинство из которых относится к участникам Великой Отечественной войны. Многие указывают своих родственников – прадедушек и прабабушек. К сожалению, имеются учащиеся, которые показали полное незнание героев войны. Использование предварительных результатов исследования может помочь педагогам в патриотической работе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; диагностика знаний; Герои Советского Союза; полководцы, пионеры-герои; родственники – участники войны.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила трагический след в судьбе народов СССР. По мере отдаления войны и ухода живых свидетелей и участников не утихают и даже усиливаются битвы за прошлое, появляются желающие переписать историю: обвинить и осудить победителей, обелить и сделать героями проигравших преступников. В этих условиях необходимо уделять повышенное внимание патриотическому воспитанию на примерах героических подвигов нашего народа на фронтах Великой Отечественной войны. Время лечит и боль от утраты постепенно притупляется, но это не означает, что можно забыть ту цену, которую советский народ заплатил за свободу и независимость Родины и защиту мира от нацизма. Актуальность событий войны не теряет своего значения. Интерес к теме остаётся значительным, происходит даже усиление мотивации среди учащихся. На вопрос о том, какие события в истории нашей страны они считают наиболее важными, ученики, как правило, называют Великую Отечественную войну. Проведённое в Ульяновске социологическое исследование в 2015 г. показало, что 61,9 % учащихся из 763 выделили войну как главное событие XX века, а 67,9 % опрошенных связало само слово «война» с Великой Отечественной [3, с. 189–190].

Анализ результатов ЕГЭ по истории показывает, что 74 % учащихся знают этапы войны, 64% – основные сражения и вклад тыла. Так, в 2003 г. 55–67 % учащихся показали неплохое знание хода военных операций. Знакомство с проводившимися во время войны конференциями глав государств антигитлеровской коалиции ограничивается 43–58 % учащихся. Существенно слабее усвоение дат, названий и имён участников. Здесь показатель ниже 50 % [2, с. 54]. Например, по результатам 2003 г. военачальников правильно указали всего 24 % школьников. Обычно показатели улучшались в юбилейные годы Победы в 2005, 2010, 2015, что связано с усилением внимания к теме и проведением воспитательных мероприятий. Следует полагать, что и в 2020 г. будет наблюдаться та же тенденция. В промежутках между юбилеями уровень знаний падал с 66 % до 56 %, т.к. фактор юбилея Победы отходил, сокращалось число школьных мероприятий, посвящённых войне, снималась информационная поддержка СМИ. Это сказывалось отрицательно на уровне знаний выпускников [2, с. 56–57]. По результатам ЕГЭ прослеживалась тенденция снижения знаний выпускников о героях Великой

Отечественной войны. В 2007 г. только 59 % сдающих экзамен смогли определить правильный ряд имён среди героев труда, участников гражданской, Великой Отечественной и Отечественной войны 1812 года. Только 47 % выпускников в 2008 г. смогли выполнить задание с упоминанием сержанта Якова Фёдоровича Павлова, с именем которого связана защита стратегически важного дома в Сталинграде. В 2014 г. отмечалось недостаточное знание военачальников и героев войны. Около 70 % не смогли среди имён И.В. Панфилова, В.К. Блюхера, В. И. Чуйкова и М.В. Фрунзе определить командующего 62-й армии в Сталинграде. В 2016 г. ФИПИ сделал вывод, «что выпускники очень плохо знают историю Великой Отечественной войны». В 2017 и 2018 гг. показатели возросли с 35,2 % до 61,2 %, что связано с адаптацией учеников к требованиям ЕГЭ и изменением системы оценивания [2, с. 58].

Мною с помощью студентов-историков во время прохождения педагогической практики в 2018–2020 гг. проводится исследование по выявлению уровня знания учащимися средних и старших классов участников и героев Великой Отечественной войны. Исследование ещё не закончено, но уже есть возможность представить предварительные результаты. Это позволит не потерять актуальность и оперативно использовать в военно-патриотической работе. Первые результаты опубликованы в декабре 2019 года [1]. На данный момент получены дополнительные сведения, позволяющие сделать более полное обобщение.

Опрос проводился в 14 школах Республики Марий Эл[1], в 36 классах среди 694 учащихся с 6 по 11 класс, анонимно в течение 3–5 минут в письменном виде. Ученикам был поставлен вопрос: Кого из советских героев Великой Отечественной войны вы знаете?

---

[1] Школы г. Йошкар-Олы: МБОУ «Гимназия № 4», МБОУ «СОШ № 5 «Обыкновенное чудо», МБОУ «СОШ № 7», МОУ «Лицей № 11 им. Т.И. Александровой», МОУ «Гимназия №14», МБОУ «Образовательный комплекс Школа № 29», ГБОУ РМЭ «Экономико-правовая гимназия», МОУ «Гимназия им. Сергия Радонежского».

Сельские школы: МОУ «Помарская СОШ», МБОУ «Сысоевская СОШ им. С.Р. Суворова», МБОУ «Новоторъяльская СОШ», МБОУ «Хлебниковская СОШ», МБОУ «Шойшудумарская ООШ», МОУ «Эмековская ООШ».

Требовалось указать непосредственно сражавшихся с врагом в составе армии и флота, в партизанских отрядах и в подполье. Опрос не распространялся на тружеников тыла. Каждый респондент мог написать любое количество имён или сдать листок не заполненным.

Всего учениками было указано около 300 имён. В ходе исследования, по мере поступления результатов опроса, показатели менялись, но основные позиции сохранялись. Лучше всего участники знают Героев Советского Союза. Их назвали 465 учеников – 68 %. Первоначальный показатель был ещё выше – 88 %. Маршалов и генералов знают 287 учащихся или 41,4 % опрошенных. Эти результаты сопоставимы с полученными в Ульяновске, но там опрос проводился по иному [3, с. 191]. Несмотря на то, что сейчас не так много говорят о пионерах-героях, их указали 149 учащихся, что составляет 21,5 %. Видимо, в школах проводится соответствующая работа. Участников войны из МАССР назвали 30 %, родственников указали около 15 % учащихся.

При анализе полученного материала возникает трудность в идентификации отдельных героев. В большинстве случаев ученики указывали только фамилии, но многие писали инициалы, имя полностью и даже краткие сведения. Если Жукова, Рокоссовского и Конева с Космодемьянской и Матросовым идентифицировать не сложно, то не всегда ясно, какого Павлова имеют в виду ученики – генерала или сержанта, скорее последнего. Совсем непонятно, какого Кузнецова подразумевали учащиеся. Был разведчик-диверсант Николай, но воевал и адмирал Николай Герасимович. Одним из самых известных учащимся героев является Суворов. Однако пришлось отказаться от идентификации его личности. Суворов упоминается более 90 раз, но ученики чаще всего ограничивались фамилией, поэтому нет полной ясности, кого они имеют в виду. Некоторые, несомненно, называют Сергея Романовича – первого Героя Советского Союза из мари. Они указывали его имя или инициалы, но в тех случаях, когда употреблялось имя Александр или с инициалами А.В. Суворов и даже В. Суворов, часто «Суворов – полководец», явно под ним подразумевался прославленный военачальник XVIII века. Совпадение фамилий двух патриотов Отечества разных эпох и определили столь высокий результат. В некоторых случаях фамилии писались с ошибками, но оставались узнаваемыми, например: Конеф (Конев), Сталив (Сталин), Мересьев (Маресьев). В послед-

нем случае явно произошло соединение прототипа и литературного героя книги Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Труднее узнать в Жуковском маршала Г. К. Жукова. Зину Петрову и даже Портнову Дину с Зиной Портновой связать сложно. Есть сокращённые варианты Зоя К. и просто Валя, Зина, Лёня и т.п. И даже «Зина какая-то» и «девочка Зина». Такие ответы пришлось не учитывать, т.к. нет полной уверенности, что Зоя К. – это Зоя Космодемьянская, а за именами скрываются точно пионеры-герои. Ответы подобного типа, если и показывают знания, то очень поверхностные, на уровне представления.

В таблицу 1 сведены имена героев Великой Отечественной войны, которые встречаются 5 и более раз. *Курсивом* выделены герои из Марийской АССР, **жирным** шрифтом – маршалы и генералы.

Таблица 1

Наиболее часто упоминаемые герои
Великой Отечественной войны

№	Имя	Число упоминаний	%	№	Имя	Число упоминаний	%
1	**Жуков Г. К.**	215	30,8 %	22	*Тихомирова О.А.*	16	2,3 %
2	Космодемьянская З.	133	18,3 %	23	**Будённый С.М.**	15	2,2 %
3	Матросов А.	104	15 %	24	*Лебедев М.В.*	14	2,1 %
4	Гастелло Н.	94	13,5 %	25	Егоров М.А.	14	2,1 %
5	**Сталин И.В.**	81	11,6 %	26	**Малиновский Р.Я.**	13	1,9 %
6	Маресьев А.	80	11,5 %	27	*Рябинин Н.С.*	13	1,9 %
7	Котик В.	79	11,4 %	28	*Архипов В.С.*	12	1,7 %
8	Голиков Л.	73	10,5 %	29	**Тимошенко С.К.**	12	1,7 %
9	**Рокоссовский К.К.**	66	9,5 %	30	Баран Т.	11	1,6 %
10	Портнова З.	54	7,8 %	31	*Соловьёв В.И.*	11	1,6 %
11	**Конев И.С.**	50	7,2 %	32	Раскова М.М.	10	1,5 %
12	Дубинин В.	42	6,1 %	33	**Василевский А.М.**	9	1,3 %
13	Казей М.	37	5,3 %	34	Колобанов З.Г.	9	1,3 %
14	Талалихин В.	31	4,5 %	35	**Пономаренко П.К.**	9	1,3 %

15	Кожедуб И.Н.	28	4,1 %	36	**Чуйков В.И.**	9	1,3 %
16	**Панфилов А.П.**	22	3,2 %	37	Брежнев Л.И.	8	1,2 %
17	Кантария М.В.	21	3,1 %	38	**Ковпак С.**	8	1,2 %
18	Зайцев В.	18	2,6 %	39	*Хасанов Х.Х.*	7	1 %
19	**Ворошилов К.Е.**	17	2,5 %	40	**Ерёменко А.И.**	5	0,7 %
20	Покрышкин А.И.	17	2,5 %	41	**Карбышев Д.М.**	5	0,7 %
21	*Бастраков С.А.*	16	2,3 %	42	Павлов Я.Ф.	5	0,7 %

Как видим, полководец победы Г.К. Жуков является первым по известности. Он лидирует и по результатам ЕГЭ – 81 % в 2003 г., и 88 % в 2004 году. На втором месте на всех этапах подсчёта находилась прошедшая жестокие пытки и казнённая фашистами комсомолка диверсантка Зоя Космодемьянская. Солдат Александр Матросов при подсчётах долго конкурировал с генералиссимусом И.В. Сталиным, но, в конце концов, вышел на третье место по известности учащимся. 14 позиция – это лётчик Виктор Талалихин, одним из первых совершивший в небе ночной Москвы 1941 г. таран вражеского бомбардировщика и вскорости погибший. 18 строчку занимает снайпер Василий Зайцев, прославившийся в Сталинграде и выигравший дуэль с лучшим немецким снайпером. 30-ю строчку занимает повторивший подвиг Ивана Сусанина белорусский мальчик Тихон Баран 11-ти лет. На 32 позиции лётчица Раскова Марина Михайловна, создательница женских авиаполков, получившая звание Героя ещё до войны, погибшая вскоре после прибытия на фронт в авиакатастрофе. 34 строчка – это танкист Зиновий Григорьевич Колобанов, подбивший в одном бою рекордное количество вражеских танков (22), но так и не удостоенный звания Героя.

Следует отметить неплохое знание участников войны из республики. Лидирует Сергей Романович Суворов, но как уже отмечалось, нет полной уверенности, что учащиеся во всех случаях имеют в виду его. Семён Аверьянович Бастраков упоминается 16 раз. Сам он из Новоторъяльского района и все упоминания о нём сделаны в Новоторъяльской школе в 6 кл. Названы Ольга Тихомирова, Лебедев Михаил Васильевич, Рябинин Николай Сергеевич, Архипов Василий Степанович, Соловьёв Василий Иванович, Хасанов Хакив Хусаинович. Братья Шерстнёвы – Борис, Евгений, Геннадий – наз-

ваны только по фамилии 7 раз. Лётчик Вершинин Константин Андреевич упоминается 4 раза. Гайсина Ахметсафу Гайсиновича указали 3 учащихся, К.П. Кутрухина знают двое.

Порой называются и целые группы, объединяемые подвигом – панфиловцы – 7 %, молодогвардейцы – 6,7 %, подольские курсанты, герои Сталинградской битвы и даже «Тимур и его команда». Один ученик, написав имя Олега Кошевого, пояснил, что он входил в «Белую гвардию».

Достойны памяти замечательные герои, к сожалению, мало известные ученикам. Их имена упоминаются 4 и менее раза. Это Никита Сергеевич Хрущёв, Людмила Павличенко, уничтожившая 309 фашистов, упоминается 3 раза. Она, скорее всего, известна ученикам по фильму «Битва за Севастополь». Есть единичные упоминания таких выдающихся героев, как Николай Сиротинин, в одиночку два с половиной часа сражавшийся с целой танковой дивизией в июле 1941 г. и уничтоживший 17 единиц боевой техники и около 50 солдат и офицеров противника, командир подводной лодки Александр Маринеско, совершивший «атаку века» на «Вильгельм Гуслав», но так и не ставшие Героями Советского Союза.

Отрадно, что значительное количество учащихся, порядка 15 %, указали своих родственников. Они отмечали степень родства, чаще всего – дедушка (прадедушка), бабушка (прабабушка), часто указывали имена, фамилии и даже отчества. В некоторых случаях писали какую-то информацию о них. Это свидетельствует, что в семьях проявился интерес к прошлому своих предков, немаловажную роль без сомнения сыграла акция «Бессмертный полк», широко проходящая в стране. К сожалению, из записей не всегда ясно, имели ли родственники отношение к военным действиям. Есть запись, что «бабушка Ефросинья была поваром», но не поясняется, где – в тылу или в воинской части. Имеются краткие рассказы, что прадед «прошёл всю войну и дошёл до Берлина». И даже то, что «воевал и убил Гитлера». Такие наивные пояснения, тем не менее, свидетельствуют о гордости учеников за своих предков, о желании подчеркнуть их вклад в победу над врагом.

В то же время опрос выявил наличие учащихся, имеющих смутное представление о героях войны или не знающих их вовсе. 82 человека сдали пустые листочки, это 11,8 %. Данный показатель по

мере подсчёта неуклонно рос и особенно увеличился после обработки результатов от самых юных респондентов – 6 классов. Только из одного класса 23 учащихся не дали никакого ответа. Можно сослаться на то, что они ещё не проходили тему войны в курсе истории, но в этих же классах есть и очень полные ответы, содержащие до 5–6 имён. В это число не включены те, кто что-то написал, но при этом показал своё полное незнание: «люди военные», «фронтовики», «лётчики», «я знаю, но не помню», «знал много, но всех забыл», «вообще не помню», «никого не помню», «ничего не знаю», «никого не знаю», «никого». Такие ответы преобладают в 6–8 классах, но есть и в старших. Отдельные учащиеся писали текст, к опросу не относящийся, и даже выражали несогласие с формой опроса. Ученик 9 класса, отвечая на вопрос, написал: «Это абстрактное понятие. Все воевавшие за родину – герои нашей страны в целом и войны в частности. Список достоин упоминания фамилий всех воевавших». Но в вопросе как раз и указано, что речь идёт не об участниках войны, а о героях, под которыми понимаются все защищавшие Родину. К сожалению, мальчик не назвал никого из «всех воевавших» и тем пополнил число незнающих. Всего таких ответов 24.

Есть упоминания тех, кто не воевал, но являлся жертвой войны – девочка из блокадного Ленинграда Таня Савичева – 15 упоминаний.

Называются имена людей, которые погибли ещё до войны. Так Валерий Чкалов удостоился 15 упоминаний, из них 12 в 10 кл. Чекист Николай Зарубин, погибший в сентябре 1918 г. в ходе Княжнинского крестьянского восстания называется трижды. Председатель ЧК Сергей Данилов, убитый одновременно, назван один раз. Попал в число пионеров-героев Павлик Морозов, ставший жертвой ещё в период коллективизации. Парашютистка Ната Бабушкина, разбившаяся при показательных прыжках в МАССР в июне 1936 года, тоже «стала» участницей войны. Ленин Владимир Ильич в разных школах назван 9 раз. Вождь мирового пролетариата присутствовал и среди полководцев войны в опросах в Ульяновске – 117 упоминаний или 15,3 % [3, с. 191]. Тут мы должны учесть, что опрос проводился на родине революционера, где к нему особое отношение. 4 раза упомянут Михаил Кутузов. Встречаются Тухачевский трижды, Чапаев дважды, Киров, Михаил Фрунзе, Нахимов и Невский, вероятно, князь новгородский Александр, Донской, вероятно, князь Дмитрий, Нестеров, очевидно, лётчик Первой мировой войны –

4 раза. Иван Сусанин тоже зачислен в участники войны с Германией. Есть даже двукратное упоминание П.А. Столыпина в 10 кл. и Иван IV Грозный (8 кл.). В последнем случае мы имеем дело явно с ученической шуткой, т.к. указание имени и порядкового номера царя свидетельствует, что писавший точно знал, что это не участник Великой Отечественной войны. Тем более что в своём ответе он до этого назвал несколько правильных имён. Дважды называется Чехов, есть Лермонтов. Десятиклассники назвали Семёна Петлюру и Порошенко. Думаю, что много военнослужащих советской армии с фамилией Порошенко достойно воевали с врагами, но скорее подразумевается экс-президент Украины, имя которого на слуху.

Двое отнесли к героям войны артиста Йывана Кырлю, погибшего в лагере и не воевавшего. Упоминаются также конструкторы оружия и боевой техники – Яковлев, Лавочкин, Дегтярёв, Шпагин, Кошкин, Мосин, Калашников, некоторые из них реально воевали, но не все.

Командир 6 роты псковского десанта Марк Евтюхин, героически погибший в Чечне в 2000 г. и ставший Героем России, отнесён к героям Великой Отечественной войны 17 учениками 10 кл. лицея № 11. Это указывает, что работа с учениками проводилась, но хронологически у них всё спуталось, период этих войн стал для них уже далёким, почти былинным.

В 8 кл. лицея № 11 ученик записал в герои войны Путина. Трудно решить, то ли мы имеем дело с незнанием, шуткой или ученик имел в виду отца нашего президента моряка Владимира Путина, защищавшего Ленинград и получившего ранение на Невском пятачке. Ныне здравствующая космонавт, депутат Госдумы Валентина Терешкова названа двумя учениками 8 кл. школы № 29.

Называются не наши соотечественники, но союзники – премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль – 3 раза, президент США Рузвельт назван трижды, есть Трумэн. Имеется даже Наполеон. Встречаются литературные герои – Василий Теркин 2 раза в 7 классах.

К сожалению, к героям причислен предатель генерал Андрей Власов. Он неплохо воевал под Киевом, выходил из окружения, является одним из авторов победы под Москвой. Все эти заслуги были перечёркнуты предательством.

Но в число советских героев попал и… Гитлер, названный 10

раза с 6 по 11 кл. разных школ. В одном случае автор сам оказался свидетелем того, как ученица 10 кл. вписала это имя в пустой листок. На вопрос «Почему она написала это имя», ответ был простой: «Ну, Вы же сами сказали написать кого-нибудь». Многократное и ровное распределение такого ответа по школам и классам свидетельствует о том, что учащиеся правильно соотносят персонаж с историческим периодом, но совершенно не осознают его роль в этих событиях.

Как минимум два Гитлера воевали с фашистами. В РККА служил наводчиком станкового пулемёта красноармеец еврей по национальности Семён Константинович Гитлер. В составе Приморской армии он мужественно защищал Одессу. В начале августа 1941 г. оказался в окружении и, несмотря на ранение, стрелял, пока не закончились патроны. После этого ползком с пулемётом, преодолев 10 км по занятой немцами территории, пробрался к своим. За этот подвиг его представили к медали «За боевые заслуги», но наградили более высокой по статусу медалью «За отвагу». Фамилия героя смущала вышестоящие инстанции и уже тогда её попытались переделать в Гитлев. Потом Гитлер защищал Севастополь и погиб в самом трагическом финале битвы 3 июля 1942 года 20-ти лет от роду. Фамилия выручила семью Семёна, оказавшуюся под оккупацией в Сумской области Украины. Нацисты не решились расправиться с Гитлерами, пусть даже и евреями [4, 5]. Известен ещё молодой красноармеец 1927 г.р. Х. Д(Т). Гитлер [6]. Воевали в рядах советской армии Борманы, Гессы, Мюллеры и Геринги. Однако об этих настоящих патриотах нашей Родины, по воле судьбы оказавшихся однофамильцами руководителей Третьего Рейха, практически никто не знает, поэтому сомнительно, что именно их имели в виду учащиеся.

Таким образом, предварительные результаты исследования выявили, что учащиеся в целом знают героев Великой Отечественной войны, однако существуют серьёзные пробелы и искажения, которые необходимо устранять в работе по патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Источники и литература

1. *Бахтин А.Г.* О знании школьниками Республики Марий Эл героев Великой Отечественной войны // Туныктышо. Учитель. Йошкар-Ола. 2019. № 3–4. С. 67–71.

2. *Пазин Р.В.* Представления выпускников о Великой Отечественной войне на основе анализа результатов ЕГЭ по истории (2002–2018 годы) // Преподавание истории в школе. 2019. № 1.

3. Симбирский-Ульяновский край в ритмах XX века: очерки истории / ОГБУ «НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина»; [под ред. Н.В. Липатовой]. Ульяновск: «Корпорация технологий продвижения», 2016.

4. Гитлер, Семён Константинович – Википедия

5. Переиздание // WIKI 2. *URL: http:////wiki2.org/ru/Гитлер,_Семён_Константинович (дата обращения: 15.12.2019).*

6. Подвиг народа. Документы

7. л. 342-349. *URL:* http://podvignaroda.ru/?#id=

8. 12037076&tab=navDetailDocument.

9. *(дата обращения: 15.12.2019).*

10. Герои войны л. 61.*URL:* https://pamyat-naroda.

11. ru/heroes/memorial-chelovek_vpp1980489997/

12. (дата обращения: 15.12.2019).

A.G. Bakhtin

RESULTS OF DIAGNOSIS OF SCHOOL KNOWLEDGE THE REPUBLIC OF MARIE EL ON HEROES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation: The events of the Great Patriotic War of 1941–1945 occupy a significant place in patriotic education of students. The article provides preliminary results of the ongoing study on the diagnosis of students 'knowledge of war heroes. The follow-up was conducted by means of a written anonymous survey of students of 14 schools of the Res Public Marie El from grade 6 to grade 11 in 36 classes for 694 students in 2018–2020. The answers are grouped by categories: Heroes of the Soviet Union, commanders, pioneer heroes, teachers of war from the MASSR, as well as the most frequently mentioned names. Diagnostics revealed both achievements and shortcomings, gaps and distortions in students 'knowledge. Students were able to name about 300 names, most of which refer to participants of the Great Patriotic War. Many point out their relatives great-grandparents and great-grandparents. Unfortunately, there were students who had not yet known the heroes

of the war. The use of preliminary research results could help teachers in patriotic work.

Keywords: Great Patriotic War; diagnostics of knowledge; Heroes of the Soviet Union; commanders, pioneers heroes; Relatives – participants of the war.

УДК 398.87

Н.В. Мушкина

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ МАРИЙЦЕВ

Аннотация. Исторические песни – разновидность жанра эпических песен, повествующих о событиях и знаменитых героях прошлого. Марийская история содержит немало событий, нашедших отклик в песенно-музыкальном фольклоре. Сохранились «Песня Каная», «Песня Мамая», «Мелодия московского марийца», «Шем нуранет», «Песня Кукарки», «Марш Акпарса», «Мелодия Тотары», песня времен пугачевского восстания и др. Музыкально-стилевые особенности исторических песен указывают на достаточную развитость и богатство традиции.

Ключевые слова: исторические песни, Канай, Мамай, Акпарс, Тотара, кугусортинцы, гусли, Пугачёв.

Исторические песни являются разновидностью жанра эпических песен, повествующих о народных судьбах, исторических событиях и героях, о крупных передовых государственных деятелях прошлого, содействовавших в свое время величию Родины, о вождях и руководителях освободительного движения. Они «отражают в форме конкретно-исторических сюжетов реальные политические конфликты, характерные для данного исторического момента и почему-либо важные для народа» [16, с. 53].

В марийском фольклоре отсутствуют монументальные произведения стихотворного эпоса вроде карело-финской «Калевалы», киргизского «Манаса» или якутского «Олонхо». Эпические произведения марийского народа представлены в основном небольшими произведениями в виде легенд и преданий, мифологических расска-
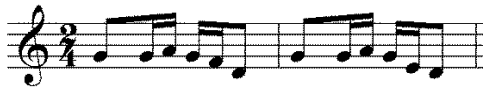
зов и исторических песен. Последние, как правило, имеют стихотворную форму изложения. В.Я. Пропп отмечал: «Одна из особенностей стихотворных произведений фольклора состоит в том, что эти произведения, к какому бы жанру они ни принадлежали, всегда поются… Напевность выражает лирическое отношение к изображаемому» [14, с. 53].

История марийского народа содержит немало ярких событий, вызвавших появление различных песенных и инструментальных музыкальных произведений, сохранивших память о прошлом.

Известно, что в прошлом марийцы занимали обширную территорию и проживали западнее и южнее современной территории их расселения. С 11 в. на марийскую территорию начинает проникать русское население, под давлением которых марийцы были вынуждены отойти на восток. «В конце 12 в. русская колонизация охватывает бассейн Вятки и Ветлуги, там образуется Вятская земля» [19, с. 86]. Примерно к этому периоду относится одна из первых исторических песен – **«Песня Каная»**, повествующая о переселении марийцев из-под Москвы. Канай – предводитель московских марийцев, убитый русскими. Яков Эшпай называет его «древним марийским богатырем» [21, с. 26]. Возможно, речь идет о князе Ханаяне, легенду о котором записал Илья Васильевич Зыков[1].
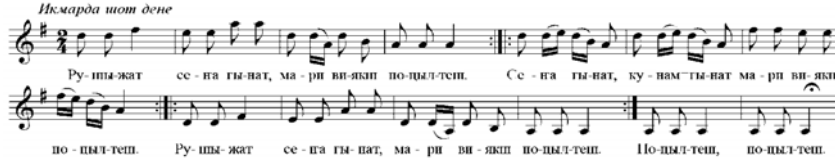
[1] «А было время, когда марийцы владели половиной русской земли и главным городом была Маска-Ава (Медвежья мать) – Москва, как русские назвали ее, когда наших предков выгнали. В то время наш бог Кугу Юмо был самый большой из всех богов, и все люди почитали его за главного бога, и наше племя было самое большое их всех племен на русской земле… На Москве сидел в то время царь наш и князь Ханаян, а сын его Омельян был в Перми, а в большой Ямбургской крепости сидел богатырь наш Тач, а на Яранске сидел князь Мамай, а у нас здесь в городе Пижанке сидел князь Пивик… Вот однажды потребовал Кугу Юмо от Ханаяна жертву – 70 жеребцов. Ханаяну жалко стало отдавать богу такое количество жеребцов… Кугу Юмо рассердился и решил Ханаяна наказать. Напали на марийцев русские, силы у марийцев Кугу Юмо отнял, и начали они от Москвы отступать к Волге и за реку Волгу. Много людей погибло. Умер и сам Ханаян… Славен был марийский князь Ханаян, богат, счастлив, но его упрямство и скупость погубили его. Разбрелись марийцы по дремучим лесам» [10, с. 34–35].

Песня Каная сохранилась в записях Т.Е. Ефремова и В.М. Васильева. Т. Ефремов в «Очерке о марийской инструментальной музыке», описывая волыночную музыку в историческом развитии, пишет: «Около XIII века играли на волынке при марийском вожде Канае, когда он под натиском славянских племен с юго-запада двинулся в переселение из-под Москвы на восток. Переселение было массовое, обставлено торжественно, с шумной музыкой в 17 волынок и 17 труб. Впоследствии Канай дошел до устья реки Оки и здесь умер. От его имени и получило это место свое название Канавино. Волыночный мотив от времени Каная не упоминается, но гуслевой мотив самого вождя Каная среди кугусортинцев сохранился… Начинается он так:

[7, л. 9–10; 9, с. 32].

Эта же мелодия со словами обнаружена нами в Государственном архиве Республики Марий Эл в черновых нотных рукописях В.М. Васильева. Песня была записана от кугусортинцев и названа «Моском руш налме годсо муро»(«Песня времён взятия русскими Москвы»):

Рушыжат сеӊа гынат,
Мари виякш поцылтеш.
Сеӊа гынат, кунам-гынат
Марий виякш поцылтеш.
Рушыжат сеӊа гынат,
Марий виякш поцылтеш!
Поцылтеш, поцылтеш!
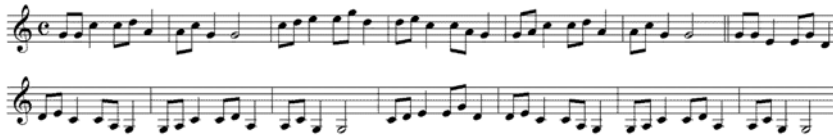
Если русские и победят,
Сила мари всё равно раскроется.
Даже если победят, когда-нибудь
Сила мари откроется.
Даже если русские и победят,
Мощь мари проявится.
Проявится, проявится!

[3, л. 29].

В музыкальном отношении наблюдаются следующие черты: 1) форма обрамляющего типа, складывается из трех предложений – **а в а$_8$**, каждое из которых состоит из двух одинаковых фраз; 2) для ритмического рисунка характерны четкость, маршеобразность,

«притопывающий каданс»; 3) нисходящая направленность мелодического развития, интонационная основа – движение по звукам аккордов, фанфарность, восходящие, призывные интонации; 4) ладо-звукорядная основа – архаичный т.н. «медведевский лад», или пентатоника «соль» (типа *соль-ля-до-ре-ми*).
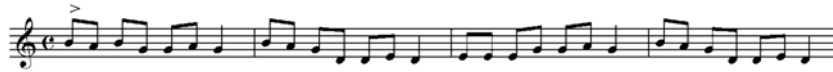
В записи Т. Ефремова сохранилась и некая **«мелодия московского марийца»**. «В деревне Изи Кугунур Оршанского района и вообще в этом районе, – пишет Ефремов, – есть марийцы, носящие фамилии Москвин и Москвичев. Оказывается, это потомки тех марийцев, которые переселились сюда из-под Москвы. По-видимому, с московскими марийцами имели близкое соприкосновение и кугусортинцы:

[7, л. 11; 9, с. 32–33].
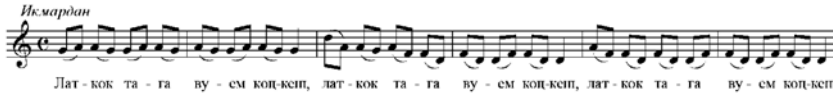
В мелодии обнаруживаются черты предыдущего примера: ладовая основа – «медведевский звукоряд», форма складывается из чередования двух 2-тактовых фраз, образуя следующую композицию: **а в а в$_8$ а$_8$ в$_8$ а$_8$.** Подобная структура – с переносом начального построения на октаву вниз – не характерна для современного известного нам марийского фольклорно-музыкального материала; возможно, в прошлом у марийцев мелодии имели иные формообразующие принципы.

Следующая историческая песня – **песня Мамая,** известная в нескольких вариантах. По версии Т. Ефремова, Мамай – вождь яранских марийцев 14 века, убитый русскими и похороненный в Яранске на том месте, где впоследствии был построен городской собор. В 1929 году в д. Керды (Кӧрдӧ) Оршанского р. Т. Ефремовым от кугусортинцев была записана поэтическая легенда «Мамай». «Тело Мамая, – пишет Ефремов, – по преданию, было зарыто в стоячем положении, т.к. он и умер в стоячем положении, будучи до этого закопан в землю по грудь» [7, л. 9; 9, с. 31]. Перед смертью Мамай исполнил на волынке наигрыш, распространенный и в настоящее время у луговых мари как похоронно-поминальный мотив:

[6, л. 4].

Похожая версия сюжета истории о Мамае содержится в песне, записанной В.М. Васильевым в 1919 г. в Царевококшайске. Она имеет следующий комментарий:*«Мамай – картлан коштшо. Яраҥ ола шичме деч ожно илен. Кумалме верч орланен колен»* («Мамай – марийский жрец. Жил в период до основания Яранска. Был убит за свои моления»).

Латкок тага вуем кочкеш. (3) Двенадцать баранов едят мою голову. (3)

[3, л. 29; 15, № 715].

Третий вариант песни Мамая, отнесенной к периоду черемисских войн 16 века, был записан финским филологом Юрьё Вихманном в 1906 году от кугусортинца Василия Тихоновича Якманова в д. Упша Оршанского района. «В период черемисских войн, в 1592 году, русскими был взят в плен и убит вождь марийцев Мамай, – комментирует Вихманн [22, с. 249]. Предсмертные слова Мамая:

Маре, маре, Юмым сӧрвалаш — Мари, мари, бога молить
Ӧрканышыч да тынарыш шуыч! — Ты поленился и дошёл до такой жизни!
Таҥем-шамыч, таҥем-шамыч! — Друзья мои, любимые!
Коч шым мелна терке дене — Если семью тарелками блинов
Юмым шыда сӧрвале, — Не могли у Бога вымолить,
Коч шым тичмаш дене сӧрвалыза! — То хоть семью хлебами помолите!

«Мамайым руш калык кучен, вынемым копаен да Мамай кумалаш ямдылыме шыштыжым левыктен улыт, Мамайым вынемыш пуртен шогалтен улыт кыдал марте да шокшо шыштым воктенже опталын улыт. Опталмеҥге шӱвыржым пуэн улыт, вара шке мурыжым йӧсланен шоктен и тыгелан мурен» (Перевод: «Русские поймали Мамая, выкопали яму и растопили воск, который Мамай приготовил для моления; Мамая поставили по пояс в эту яму и вы-

лили туда горячий воск. После этого дали ему его волынку и, страдая, Мамай играл на ней и пел:

Яран ола – ең вуй кочшо,	Город Яранск – пожиратель людских голов[2],
Шанчара олат – кинде кочшо,	Город Царевосанчурск – пожиратель хлеба[3],
Чарла олат – пу кочшо.	Царевококшайск – пожиратель деревьев.

[22, с. 249–250].

Большой вклад в дело собирания и изучения исторического фольклора внес А.М. Бердников[4], который в 1937–1938 гг. под руководством фольклориста К.А. Четкарева и Института этнографии Академии наук СССР в лице проф. Н.П. Андреева собирал материалы марийского исторического фольклора (легенды, предания, песни, загадки, поговорки и др.) у привятских мари (Шурминский, Уржумский и Кильмезский районы Кировской области). По отзыву академика Д.К. Зеленина, предания о переселениях марийского населения, записанные А.М. Бердниковым, «проливают свет на древнейшую историю марийского народа» [2, л. 1].

Предания и легенды шурминских мари свидетельствуют о том, что они «в древнейшие времена проживали по Волге, под Казанью. Затем они подпали под гнет Казанского царства, откуда были вынуждены спастись бегством на территории нынешних Шурминского, Уржумского и Кильмезского районов. В этих районах марийцы не только вытеснили удмуртов, но даже организовали как бы отдельные самостоятельные княжества» [Бердников. Оп. 1. Д. 301, с. 10].

От марийцев этого края Бердниковым была записана песня «Шем нуранет» («Черная стерлядь»), повествующая о скитаниях
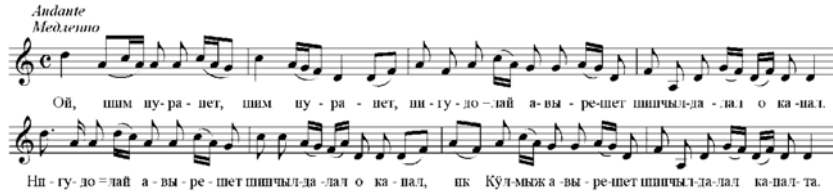
---

[2] Яранск – пожиратель людских голов, т.к. Мамай был убит со многими другими марийцами в Яранске.

[3] По народному преданию, город Царевосанчурск русскими был основан на месте ржаной пашни с прорастающими посевами; в наказание за это жители города никогда не удовлетворялись собственным зерном.

[4] Алексей Матвеевич Бердников – бывший учитель Уржумской фельдшерской школы, в 1937–1939 гг. – сотрудник сектора истории МарНИИНСК, заместитель директора. Участник ВОВ, убит в 1943 г.

шурминских мари из прежнего местожительства.Эта песня связана с преданием о Шуран (Тӱкан) Шуре[5]:

Ой, шем нуранет, шем нуранет,	Эх, стерлядь, стерлядь черная,
Нигудо-лай авырешет шинчылдалал ок канал.	Тебе приюта нет
Нигудо-лай авырешет шинчылдалал ок канал,	В глубоком тихом омуте,
Ик Кӱлмыж авырешет шинчылдалал каналта.	У берегов текучих рек.
Нигудо-лай родемланат	Не на родню свою надеюсь я,
Энгертышашем укалеш.	На них давно надежды нет.
Ик ышке шочшемланат	Лишь на дитя мое родимое
Ӱшаналын илалам.	Надеюсь, в нем сомненья нет.

[1, л. 14. Акмазики Шурминского (ныне Уржумского) р. Кировской обл. 1938. Исп. Акмазиков С.Д., председатель к-за «Трактор». Запись мелодии Кузьмы Смирнова. Перевод А.М. Бердникова].

[5] «Раньше марийский народ жил под властью татар, был у них и свой правитель Тӱкан Шур. Живя под властью татар, марийцы присматривались к укладу их жизни. Тӱкан Шур тоже был под властью татар. Он был очень сильным, ловким, свирепым, жестоким и умным по тому времени. Всем, кто ему сопротивлялся или сказал что-либо против, он сразу отсекал шашкой голову. Он много думал о том, как избавиться от власти татар. На его глазах протекала трудная жизнь и угнетение мари. Он думал: «Чем хуже марийский народ своих угнетателей татар? Разве мы не способны устроить царство, как у татар? После долгих раздумий Тӱкан Шур собрал умных и видных марийцев и рассказал им о своих думах. «Родные! – говорил он марийцам. – Скроемся куда-нибудь в сторону и там устроим свое независимое царство». Его слушали Чимбулат, Мамаш, Ешполда, Янгелда, Танай и другие. Они ответили, что согласны идти на его призыв. Стали они сеять мысли о свободе среди марийцев и готовить их к восстанию. Объединившись, они поднялись вверх по Каме или Вятке с игрой на пузыре и с песней… Поселились марийцы здесь, на Шурминской земле. Место здесь было хорошее, веселое и богатое. Тӱкан Шура марийцы поставили марийским князем» [2, л. 37–38. Инф. Акмазиков Семен Демидович, 1899 г.р.].

Мелодия песни достаточно развита: отличается широким диапазоном, распевностью, в основе лада – «горномарийский звукоряд» (пентатоника «ля» – *ля-до-ре-ми-соль*).

Советчиком управы Шуран Шура, докладчиком (витньызе) был Кукарка (Кугу корка), или Курык кугыза, живший на горе Кукарка у истока реки Пижмы (ныне г. Советск Кировской области). Название Кугу Корка он получил от того, что медовую сыту ему преподносили всегда в большом ковше. Один-два раза в год собирался совет старейшин. Даты молений, порядок празднования, вопросы войны и др. обсуждались с советов, приказаний Кукарки. Он был очень умным, уважаемым в народе. К тому же был очень богат, одалживал всем деньги» [1, л. 84. Перевод наш. – *Н.М.*]. Сохранилась песня Кукарки:

Кукарка курыкет – вуй йомдарышет,	Гора Кукарка – потеря головы (смерть),
Вӱрзым олат – вӱр йоктарышет.	Город Уржум – проливающий кровь.
Чарла чанҥет – вуй анҥыртышет.	Колокол Царевококшайска – одурманивающий голову.
Мемнан илышет – чон йӱлалтышет,	Наша жизнь – разжигающая душу,
Тендан илышет – чон нӧлталшет.	Ваша жизнь – поднимающая настроение.
Чарла чанҥ гай йӱкем уло,	Мой голос – как царевококшайский колокол,
Кукарка купес гай капем уло.	Фигура моя как у кукарского купца,
Калыкын гай тореш йолан,	С кривыми ногами, как у всех,
Шадыра марий мый улам.	Я – мариец с шероховатым лицом.
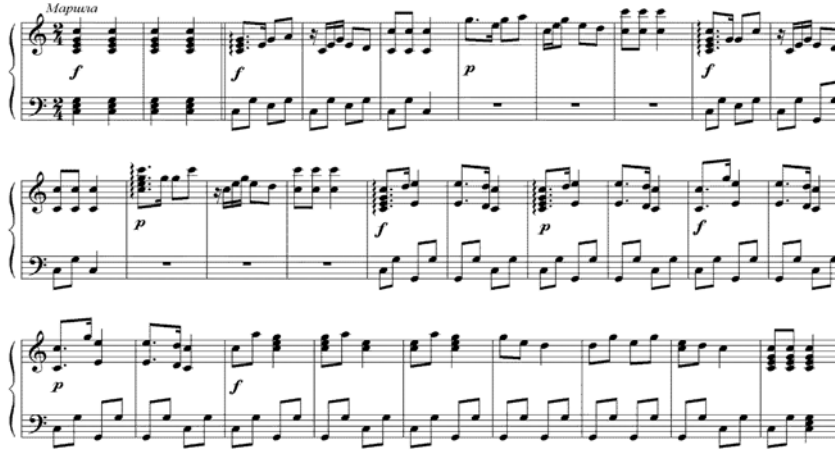
[1, л. 83. Зап. в 1937 г., д. Ешпаево Васькинского с/с Шурминского р-на. Исп. Кузнецова Александра Григорьевна, колхозница, 1884 г.р. Она вспомнила песню от старого учителя Мамаева Тимофея Тимофеевича д. Човаксола Новоторъяльского р-на, который пел ей в 1915 году].

Со второй половины XVI века наблюдается новый виток социально-экономического развития Марийского края, уже в составе Российского централизованного государства. Марийские предания сохранили память о покорении Казани Иваном Грозным. Известно два образца эпических песен, посвященных этому событию. Первый из них – «Марш Акпарса», связанный с горномарийским преданием, повествующем о совместной борьбе русского и марийского народа против Казанского ханства в середине XVI века. Впервые предание было опубликовано в 1887 году в газете «Нижегородский биржевой листок», где анонимный автор пишет об Акпарсе так: «Акпарс повесил на свою грудь гусли и пошел, медленно делая шаги … к казанским стенам, на всем пути он играл на гуслях напе-

вы, теперь называемые Акпарсовыми. Он играл на гуслях и вместе с этим считал шаги в уме. Играл он так хорошо, что татары, услышав его превосходную игру на гуслях, слушали с величайшим вниманием… Музыка акпарсовых напевов оригинальна, своеобразна и не лишена приятности» [13; цит. по: 20, с. 16].
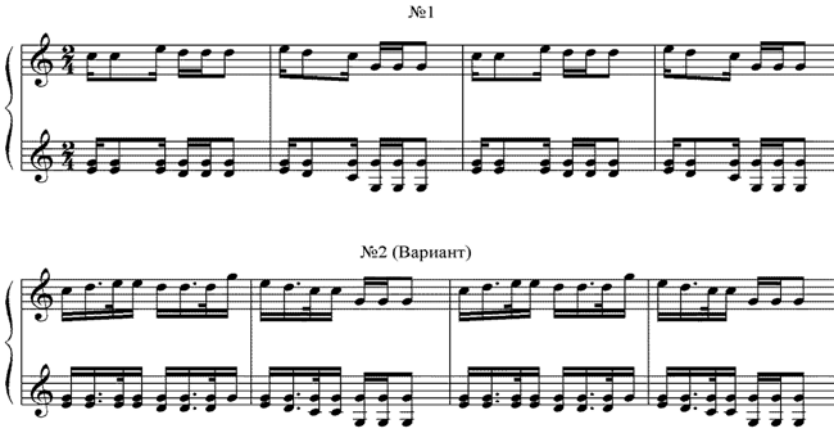
Акпарс был сотным князем, предводителем горных мари. Он был не только дальновидным и умным лидером, но и хорошо играл на гуслях. Благодаря точному расчету расстояния, сделанному Акпарсом, удалось прокопать подкоп под стену Казанского Кремля и взорвать ее, что и решило исход сражения за Казань. Мелодия под названием «Азан нӓлмӹ сем» сохранилась до наших дней и известна как «Марш Акпарса». Исполнение на гуслях «Мелодии Акпарса» – «Акпарс сем» – сопутствует повествованию предания и звучит обязательно в конце рассказа, а также иногда в том месте предания, когда Акпарс идет с гуслями к крепостной стене. «Марш Акпарса» являлся своеобразным гимном горных марийцев, а предание об Акпарсе – их любимым произведением, патриотическим музыкальным сказанием [12].

В марийской музыкальной фольклористике имеется несколько вариантов «Марша Акпарса» – в записях Т.Е. Ефремова, Я.А. Эшпая, А.Р. Сидушкиной. В настоящее время этот «гимн горных мари» исполняется в обработке А.Р. Сидушкиной, записавшей его в свое время от самодеятельного ансамбля гусляров села Микряково Горномарийского района:

[17, с. 85–86].

Предание о взятии Казани с таким же сюжетом существует и среди луговых мари. Записал его в 1936 г. Т. Ефремов в д. Шоруньжа под названием «Кӱслече кугыза Тотара» («Дедушка-гусляр Тотара»). Гуслевая мелодия Тотары:

[5, л. 1].

Оба наигрыша обладают сходными чертами. Но, судя по стилевым признакам, горномарийский вариант древнее – в ладо-гармоническом отношении основывается лишь на одном аккорде, в луговомарийском же образце намечаются контуры тонико-доминантовых отношений. Оба мотива основаны на опевании ангемитонного звукоряда – *соль–ля–до–ре–ми* в «Марше Акпарса» и *соль–до–ре–ми* в «Мелодии Тотары».

Предание «Кузе марий Моско велке лийын» («Как марийцы перешли на сторону Москвы») содержит песню казанского царя, которую тот пел во время побега из Казани:

Ой, Казанка, Казанка!
Казань город не бывал,
Белый хлеб не ашал.
Красный девкам не бывал,
Казань город не бывал.

Ой, Казанка, Казанка!
В Казани-городе не бывал.
Белый хлеб не ашал (едал),
У красных девок не бывал,
В Казани-городе не бывал.

Хан с этой песней плыл вниз по Волге, посадив в свою маленькую лодку свою дочь, кота, жену» [11, с. 242–243. Запись А.М. Бердникова в 1944 году от Т.А. Алексеева в д. Нижняя Вичмарь Лопъяльского с/с Уржумского района Кировской области].

Марийский край помнит и события 1773–1775 гг. – Пугачевское восстание. В.А. Акцорин в 1965 году в д. Исменцы Звениговского района записал предание «Пугачев поян марий ваштареш кредалеш», содержащее песню, которую раньше «исполняли для избавления души от тяжести, печали» *(«Ондак тиде мурым чонышко витыше йӧсым кудалташлан муреныт»)*:

Элнет энер – кугу энер,	Река Илеть – большая река,
Марий калык – кугу калык.	Марийский народ – большой народ.
Элнет энер – кагыр энер,	Река Илеть – река с извилинами,
Марий калык – чодыра калык.	Марийский народ – лесной народ.

В предании говорится: «Пугачев боролся и с марийскими богачами. Здесь раньше был Илетский мост. Близ него было крупное сражение. На мосту стояла вышка. Один сторож влез на нее и пел эту песню») [18, с. 190].

Имеется много и других образцов исторических песен, отразивших наиболее яркие события марийской истории. Ефремов в статье «Изучение марийской инструментальной музыки (краткий отчет)» упоминает «Песню Йыландая», «Выкуп яранского марийца», «Песню во время битвы с одо-мари» и др. [4, с. 80].

Итак, исторические песни – один из наиболее важных жанров марийского фольклора, донесших до наших дней замечательные памятники старины, демонстрирующие древнюю традицию народного песнетворчества.

Источники и литература

1. *Бердников А.М.* Материалы к сборнику исторических легенд, преданий, песен, поговорок и других исторических сведений о мари Шурминского и Уржумского районов Кировской области. 1938 // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 332.

2. *Бердников А.М.* Сборник материалов марийского исторического фольклора. 1939 // НРФ. Оп. 1. Д. 301.

3. *Васильев В.М.* Черновые рукописи – ноты марийских народных песен // ГА РМЭ. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 67.

4. *Ефремов Т.Е.* Изучение марийской инструментальной музыки // Марий илыш. Йошкар-Ола: Издание Марийского общества краеведения, 1931. Вып. 4. С. 77–80.

5. *Ефремов Т.Е.* Кӱслече кугыза Тотара // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 529. 1936.

6. *Ефремов Т.Е.* Мамай // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 539. 1929.

7. *Ефремов.* Очерк о марийской инструментальной музыке // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.1. Д. 531. 1936.

8. *Ефремов Т.Е.* Роль песен у черемис в их племенной языческой жизни // Инородческое обозрение. Приложение к журналу «Православный собеседник» за сентябрь 1913. Кн. 4. Казань, 1913. С. 261–266.

9. *Ефремов Т.Е.* Шӱвырзӧ кугыза. Избранные труды по марийской инструментальной музыке / ред.-сост. Герасимов О.М. Йошкар-Ола: ГБПОУ РМЭ «Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая», 2016. 60 с.

10. *Зыков И.В.* Религиозные течения среди марийцев. Н. Новгород: Нижегородское краевое издательство, 1932. 51 с.

11. Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола, 1991. 288 с.

12. *Мушкина Н.В.* Марш Акпарса // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 39.

13. Н. Черемисское предание, относящееся ко взятию русскими Казани // Нижегородский биржевой листок. 1887, № 31 от 8 февраля.

14. *Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 46–82.

15. Свод марийского фольклора. Песни луговых мари. Ч. 2. Необрядовые песни / сост. Мушкина Н.В. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 502 с.

16. *Селиванов Ф.М.* О специфике исторической песни // Специфика фльклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 52–67.

17. *Сидушкина А.Р.* Кырык мары халык мырывлӓ. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1958. 92 с.

18. Тошто марий ой-влак / В.А. Акцорин чумырен. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1972. 216 с.

19. Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. 872 с.

20. *Эшмякова Ф.В.* Марийские гусли: прошлое и настоящее. Йошкар-Ола: Республиканский центр народного творчества, 1993. 59 с.

21. *Эшпай Я.А.* Национальные музыкальные инструменты марийцев. Йошкар-Ола:Маргосиздат, 1940. 40 с.

22. *Wichmann Yrjö.*Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. Helsinki: Suomalais-Ugrileinen Seura, 1931. 479 с.

N.V. Mushkina

HISTORICAL SONGS OF THE MARIES

Abstract. Historical songs are a form of genre of epic songs, telling about events and famous heroes of the past. The marian story contains

many events that have resonated in song-musical folklore. «Song of Kanai», «Song of Mamai», «Melody of Moscow Mari», «Black sterlet», «Song of Kukarka», «March of Akpars», «Melody of Totara», song of the times of the Pugachev uprising, etc. Musical-style features of historical songs indicate sufficient development and richness of tradition.

Keywords: historical songs, Kanai, Mamai, Akpars, Totara, Kugusortinians, Husli, Pugachev.

УДК 379.45

Д.А. Устинов

ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА В ФИЛАТЕЛИИ

Аннотация. Представлен филателистический материал, связанный с биографией Героя Советского Союза Александра Матросова.

Ключевые слова: конверты, марки, открытки, Герои Советского Союза.

Александр Матвеевич Матросов (5 февраля 1924, г. Екатеринослав – 27 февраля 1943, дер. Чернушки, Калининская область) – Герой Советского Союза (19 июня 1943), красноармеец, стрелок-автоматчик 2-го отдельного стрелкового батальона 91-й отдельной Сибирской добровольческой бригады имени И.В. Сталина 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса оперативной группы генерала Герасимова Калининского фронта, член ВЛКСМ. Погиб в 19 лет, закрыв своей грудью амбразуру немецкого дзота, дав возможность бойцам своего взвода совершить атаку опорного пункта. Его подвиг широко освещался в газетах, журналах, литературе, кино и стал в русском языке устойчивым выражением («грудью на амбразуру»).

В приказе Народного комиссариата обороны СССР № 162 от 8 сентября 1943 года было записано: «Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и геройства для всех воинов Красной Армии». Этим же приказом имя А.М. Матросова было присвоено 254-му гвардейскому стрелковому полку, а сам он был навечно зачислен в списки 1-й роты этого полка.

Александр Матросов стал первым советским воином, зачисленным навечно в списки воинской части [7].

В современной литературе немало внимания уделяется моменту, в том числе и военными специалистами, о невозможности закрыть телом амбразуру дзота (дота). Но никто не отрицает, что минутного замешательства у амбразуры дзота бывает достаточно для выполнения задачи подразделением, штурмующим простреливаемую территорию дзотом.

Казалось бы, жизнь и подвиг Александра Матросова известны всем. Действительно, многое, начиная с детского дома, понятно и объяснимо. Но до сих пор вызывают споры о месте рождения А. Матросова. Существует три версии. Первая – официальная, в Днепропетровске. В настоящее время, документы, подтверждающие это место рождения героя, науке не представлены. Якобы, архивы сгорели во время Великой Отечественной войны. Вторая версия, что Матросов родом из Башкирии. Как показывает статистика той поры, Саша Матросов, воспитанный в национальной семье, в 5–6 лет должен был плохо или с акцентом говорить по-русски. Но по словам очевидцев, знавших Сашу Матросова в те годы, мальчик говорил по-русски чисто.

Третья версия такова, что Александр Матросов родился в селе Высокий Колок Ставропольского уезда Самарской губернии (в настоящее время территория Новомалыклинского района Ульяновской области). Мать Саши, оставшись с тремя детьми без мужа, в 1929 году отдала его в Мелекесский детский дом, чтобы спасти от голода. Оттуда его перевели в Ивановский детский дом Майнского района Ульяновской области.

Все три версии места рождения героя подробно рассмотрены ульяновскими историками-краеведами Н.А. Дубовик, А.В. Кобзевевым, С.А. Прокопенко в статье «Александр Матросов: загадки биографии» [3].

Александр Матросов и его подвиг широко освещены в филателии. Знаковые места, связанные с жизнью и подвигом А. Матросова

Еще в годы Великой Отечественной войны вышли почтовые карточки, рекламные листовки и даже почтовые марки. Первая марка вышла в СССР в 1944 году [5, с. 69].

По окончании Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

вышли почтовые карточки, рассказывающие о подвиге А.Матросова, а в 1963 году – почтовая марка СССР [5, с. 69–70].

Портрет Героя Советского Союза А.М. Матросова был воспроизведен на художественном маркированном конверте СССР 1983 года [4, с. 300], на немаркированном конверте в честь 40-летия подвига была сделана надпечатка и прошло гашение, а также на ряде почтовых открыток в СССР.

В г. Великие Луки, расположенном южнее деревни Чернушки, где совершил свой подвиг Александр Матросов сооружен памятник, который неоднократно изображался на почтовых конвертах СССР, в том числе в 1967, 1976, 1978, 1980,1983 годах и в РФ в 2004 году [4].

В Днепропетровске, где по официальной версии родился А.М. Матросов, был сооружен памятник и открыт Музей его имени, чьи изображения были помещены на ХМК (художественных маркированных конвертах) СССР в 1978 году [4].

В пос. Ивановка, Ульяновской области, где в Детском доме воспитывался А. Матросов, ему установлен памятник, который изображен на ХМК СССР 1973 года [1, с. 13]. В честь А. Матросова был назван теплоход, который попал на почтовую карточку СССР [2, с. 89].

В Республике Башкортостан, в том числе в городе Уфе, воздвигнуты памятники А. Матросову, так как по одной из версии он родился в Башкирии и уж доподлинно известно, что с 1940 по 1942 год жил в Уфе, именно из Уфы был призван в Красную Армию. Памятники А. Матросову в Уфе изображены на двухсторонней почтовой карточке СССР 50-х годов XX века, на ХМК СССР 1962 года [6, с. 96] и на немаркированном конверте РФ 2010 года. Другой памятник в Уфе в память об А. Матросове изображен на ХМК РФ 1995 г. Изображение парка имени А. Матросова в Уфе мы видим еще на одном ХМК СССР 1962 года (изображение отсутствует) [4, с. 39].

В Великих Луках, помимо памятника, еще есть и Музей А. Матросова, который был изображен на ХМК СССР в 1974, 1976 и 1983 годах [4].

Герою Советского Союза А. Матросову воздвигнуты памятники в разных городах нашей страны. Так, памятник в Великих Луках помимо конвертов изображен на почтовых карточках СССР.

Два памятника А. Матросову были установлены в Ленинграде и изображены в том числе на открытках в 1951 и 1954 годах, в 1954 году также вышла открытка с памятником Герою в Москве.

Подвиг Александра Матросова в годы Великой Отечественной войны повторили сотни советских воинов, и некоторые из них увековечены на потовых марках, конвертах и открытках, в том числе У. Аветисян, Н. Вилков, В. Пешехонов, А. Покальчук и П. Гутченко [5, с. 36–37, 86–88].

Источники и литература

1. *Будкевич В.И.* Ульяновцы в Великой Отечественной войне. Ульяновск: Студия печати. 2008. 68 с.

2. Герои-ульяновцы в боях за Родину: Краткий биографический словарь. Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2000. 120 с.

3. *Дубовик Н.А., Кобзев А.В., Прокопенко С.А.* Александр Матросов: загадки биографии // Вопросы истории. 2019. № 5. С. 38–62.

4. *Ивашкин В.В.* Художественные маркированные конверты СССР 1953–1991. СПб.: Реноме, 2016. 378 с.

5. *Лурье Ю.С., Бусел А.Ф.* «Подвиг на почтовой марке». Каталог-справочник. М.: Центральное филателистическое агентство «Союзпечать», 1985. 135 с. 36–37, 86–88.

6. *Марков В.П.* «Во славу Родины». Каталог-справочник. М.: Радио и связь, 1985. 184 с.

7. Матросов, Александр Матвеевич // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 30.11.2019).

D.A. Ustinov

ALEXANDER MATROSOV'S FEAT IN PHILATELY

Abstract. Philatelic material related to the biography of the Hero of the Soviet Union Alexander Matrosov.

Keywords: envelopes, stamps, postcards, Heroes of the Soviet Union.

УДК 791.43.03

А.А. Устинова

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ФИЛЬМА «ПЫЛЬ ПОД СОЛНЦЕМ» ПО СОБЫТИЯМ МУРАВЬЕВСКОГО МЯТЕЖА В СИМБИРСКЕ В СВЕТЕ НОВЫХ ФАКТОВ

Аннотация. В статье рассматривается история создания фильма «Пыль под солнцем», основа фильма, место съемок, актерский состав, рецензии.

Ключевые слова: кинофильм, история создания, место съемок, актерский состав, рецензии

Как создавался сценарий

В период СССР одним из видов пропаганды было кино. К важным датам, например, годовщине со дня свершения Октябрьской революции 1917 г., снимались кинофильмы, режиссеры и сценаристы стремились создать свои произведения в рамках заданной тематики, но, желательно, на уникальном материале.

К 60-летию Октябрьской революции в 1977 году сценарист Евгений Сергеевич Котов, занимавший в то время должность заместителя главного редактора Главной сценарной коллегии Госкино СССР [23], обратился к истории «двух дней», произошедших в Симбирске, и на этой основе написал сценарий фильма «Пыль под солнцем» [16, с. 4].

«В процессе работы я изучил исторические документы, архивные материалы, которые позволили восстановить и воспроизвести те далекие события почти с хронологической точностью. Это и книга «Симбирская губерния 1917–1919 годов», и «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», стенограммы допросов в ВЧК, фотодокументы…», – рассказывает Котов [5, с. 4].

Режиссером фильма стал режиссер Марионас Винцович Гедрис. Это была совместная работа Мосфильма и Литовской Киностудии. Производство велось в 1977 году, фильм планировали выпустить к началу ноября. К этому сроку, в октябре в журнале «Искусство кино» опубликована статья Гедриса «Большевик Варейкис», в которой он рассказывает, почему именно этот герой революции привлек

его внимание: «Интересно было исследовать и понять в развитии реальных человеческих характеров сложную и в некотором смысле даже загадочную политическую ситуацию, сложившуюся в Симбирске… Всякая попытка ответить на эти вопросы… связать разноречивые свидетельства в единую драматургическую структуру ставит в центр исследования фигуру Варейкиса, возглавлявшего в то время Симбирский губком РСДРП(б). Показать кровную, коренную связь общего дела и отдельной личности, чувствующей, осознающей себя не только частью, но и полноценной представительницей интересов революции, является для нас одной из важнейших творческих задач» [8, с. 56]. Тогда же и ульяновский журналист Ю. Бельский на страницах «Ульяновской правды», беседуя со сценаристом фильма Котовым, обещает читателям: «Монтаж фильма «Пыль под солнцем» заканчивается в эти дни. В ноябре состоится его премьера» [5, с. 4]. Однако, по какой-то причине, фильм в прокат выходит только в 1978 году. Поэтому в разных источниках указывается разное время создания фильма. В одних – 1977 год [30], в других 1978-й [32].

Историческая основа фильма

Фильм охватывает события, произошедшие в Симбирске 10–11 июля 1918 года. В эти дни симбирской ячейкой РСДРП(б) была пресечена попытка вооруженного мятежа в рядах Красной Армии [9, с. 30]. Задумал и попытался реализовать ее командующий Восточным фронтом, в прошлом левый эсер, Михаил Артемьевич Муравьев. Он узнает, что в Симбирске сосредоточены большие военные силы, а он – главнокомандующий, и армия ему обязана подчиниться, он решает объявить себя вне закона военного времени, создать автономную Поволжскую республику, возглавить ее и диктовать свои условия Москве. В статусе командующего фронтом он прибывает в Симбирск на пароходе «Межень».

Руководители большевистской ячейки арестованы и заперты в здании губкома, командарм Тухачевский под конвоем, подвижниками Муравьева захвачены телефон, телеграф, вокзал; армия деморализована, солдаты не понимают, чьим приказам следовать.

Но во время совета, на котором Муравьев планировал объявить об образовании автономной республики, он был убит спрятанной большевиками ротой латышских стрелков [34, с. 113–172].

Мы видим, что историческое время картины исчисляется всего несколькими часами, а основная коллизия – противостояние персонажей: председателя губкома РСДРП(б) Варейкиса и командарма Тухачевского, с одной стороны, и командующего Восточным фронтом Муравьева – с другой. Поэтому очень важно было правильно подобрать актеров.

Актерский состав фильма

В картине «Моя любовь на третьем курсе» комиссара стройотряда Алешу сыграл молодой актер Московского драматического театра им. Станиславского Тимофей Спивак. «Эту работу, – рассказывает Тимофей Иванович, – увидел автор сценария фильма «Пыль под солнцем» Е. Котов и посоветовал режиссеру М. Гедрису попробовать меня на роль Варейкиса. Интересно было и встретиться с героем, мужественным, решительным, большевиком-ленинцем, и работать с такими талантливыми актерами, как Петр Вельяминов, Владимир Заманский» [2]. Петр Вельяминов сыграл в фильме Муравьева [5, с. 10]. Как он признавался, это был единственный в его

Плакат фильма
«Пыль под солнцем»

Областная контора по прокату кинофильмов выпускает на экраны Ульяновска и области новый цветной широкоэкранный фильм

«ПЫЛЬ ПОД СОЛНЦЕМ»

Автор сценария — Евгений Котов.
Режиссер-постановщик — Марионас Гедрис.
В ролях: Тимофей Спивак, Петр Вельяминов, Александр Овчинников, Геннадий Юхтин, Владимир Заманский, Светлана Пенкина и другие.
Это историко-революционный фильм о ликвидации контрреволюционного мятежа, поднятого в Симбирске в июле 1918 года левым эсером Муравьевым, являвшемся в то время командующим Восточным фронтом Красной Армии.

Производство Литовской киностудии и «Мосфильма».

Газета Ульяновская правда,
22 октября 1978 г., с. 4

жизни отрицательный персонаж [31]. Сыграл он его так хорошо, что в 1978 году был награжден призом за лучшее исполнение мужской роли на Международном кинофестивале фильмов о свободе и революции в Сопоте (Югославия) и вторым призом за лучшее исполнение мужской роли на Всесоюзном кинофестивале в Ереване [27].

Актерский состав русско-литовский, кроме Тимофея Спивака, Петра Вельяминова, Владимира Заманского, в картине принимают участие Александр Овчинников, Геннадий Юхтин, Светлана Пенкина, Антанас Шурна, Владимир Носик, Владимир Новиков – популярные тогда и молодые начинающие, но ставшие впоследствии известными актеры театра и кино [1; 32].

Место съемок

К сожалению, фильм, основанный полностью на симбирских событиях, в Ульяновске не снимался. Съемки фильма проходили в трех местах. Павильонные съемки проводились в Вильнюсе [15], сцены военных действий – в Алабино под Москвой, а натурные съемки – в Костроме [5, с. 4]. «На вопрос: «Почему не в Ульяновске?» – Е. Котов ответил:

– Ульяновск, особенно его центр, чрезвычайно изменился и мало чем напоминает Симбирск. Стала морем и Волга. Режиссерская

Съемки фильма. Кострома, 1976

группа вынуждена была подыскать более близкую для того времени натуру. Остановились на Костроме» [5, с. 4]. Нам удалось найти три фотографии времен съемок [33; 35]. По воспоминаниям жителей города «В городе асфальт засыпали песком. По этому поводу шутили: «Как-никак пыль под солнцем снимается» [17, с. 30]. Костромичи снимались и в массовке, «изображали симбирских обывателей и солдатские толпы» [31].

На основании найденных материалов мы можем исправить неточность в публикации ульяновского новостного портала: «Улпресса», в котором фильм указан как кинолента, снятая на территории Ульяновска. Теперь мы видим, что это не так [22].

Приезжала ли съемочная группа фильма в Ульяновск?

А приезжала ли вообще съемочная группа фильма в Ульяновск? Указание на изучение источников, отсылка к симбирским газетам того времени, «Просматривая симбирскую газету, выходившую шестьдесят лет назад, мы практически в каждом выпуске находим публикацию Варейкиса» [8, с. 57], слова о том, что Ульяновск чрезвычайно изменился с того времени, косвенно подтверждают, что члены съемочной группы приезжали в наш город. Но нам хотелось бы прямых доказательств. И такое доказательство мы нашли.

Съемки фильма. Кострома

В ОГКУ «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека им В.И. Ленина» более полувека проработала библиотекарь, создатель краеведческого отдела Нина Ивановна Никитина. О ней был опубликован сборник воспоминаний. Мира Мироновна Савич, научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея, вспоминает один случай: «Помню, как был потрясен режиссер фильма о муравьевском мятеже в Симбирске после встречи с Ниной Ивановной.

Он приехал в Ульяновск, чтобы посмотреть город, где проходили эти события, посмотреть, что сохранилось с тех пор, можно ли снимать здесь фильм.

Я ему показывала нашу экспозицию. Когда речь зашла о муравьевской авантюре, гость спросил, не встречалось ли мне где-либо описание внешности Муравьева (в фильме его должен был исполнять артист Вильяминов). Я ответила отрицательно, чем очень огорчила нашего гостя. Тогда я предложила ему зайти во Дворец книги к Нине Ивановне Никитиной, сказав, что она обязательно поможет.

На лице режиссера появилась легкая скептическая улыбка. Но во Дворец книги мы все-таки пошли. Выслушав нашу просьбу, Нина Ивановна сказала: «Сейчас посмотрим» и вышла в другую комнату.

Минут через десять она появилась. В руках у нее была книга «Воспоминания» Бонч-Бруевича, в которой Владимир Дмитриевич описывает внешность Муравьева, открытая на нужной странице.

Когда мы возвращались в музей, режиссер изумленно воскликал: «Можно подумать, что ее каждый день спрашивают о внешности Муравьева! Вот о ком надо писать книги и снимать фильмы», – говорил он» [12, с. 94].

Объяснение названия

Откуда же появилось такое название? «Пыль под солнцем»? В самом фильме эта фраза не звучит, участники съемочной группы в прессе название не объясняют. Лишь в рецензии Армена Медведева (в то время главного редактора всесоюзного объединения СОЮЗИНФОРМКИНО [3]) мы находим попытку объяснения метафоры: «Наблюдая столкновение Варейкиса и Муравьева, мы ощутили всю недолговечность вихря авантюристической пыли, взметнувшейся под вихрем революции» [20, с. 4].

В этой рецензии примечательно еще и то, что она выходит в газете «Правда» 12 июня 1978 года. Т.е. мы можем предположить, что в это время фильм полностью готов к показу, но на широкий экран он выходит к ноябрьским праздникам 1978 года.

Предпросмотр киноленты

Несмотря не то, что съемок в Ульяновске не было, авторы осознавали значимость города в создании фильма. В описаниях кинокартины сказано, что в прокат фильм вышел 6 ноября [38] в Москве и 13 ноября 1978 [30] – в мире. Однако мы нашли публикацию в «Ульяновской правде» от 24 октября 1978 года – приглашение на «кинопремьеру нового цветного широкоэкранного художественного фильма «Пыль под солнцем», которая состоится 26, 28, 29, 30, 31 октября в Большом зале Ленинского мемориала» [25, с. 4], т.е. в Ульяновске состоялся предпремьерный показ киноленты.

Далее фильм вышел в кинопрокат, нами обнаружено 5 разных афиш (три на русском, одна – на украинском, одна – на польском языках) [26]; участвовал в фестивалях. Совместно с фильмом «Красные дипкурьеры» на Всесоюзном кинофестивале 1978 года в Ереване получил приз за лучшую разработку историко-революционной темы [27; 11].

На центральном телевидении в советский период он транслировался 5 раз (в 1982, 1983, 1987), два раза в вечерний прайм-тайм с повтором с утра, в третий раз – показ был только вечером [29].

О фильме найдено свыше 30 источников и публикаций, которые можно разделить на три части: рассказывающие об истории создания фильма (интервью с режиссером, сценаристом, актерами и т.д., кадры съемок, логика создания сценария); его дальнейшей жизни на киноэкране [28, с. 4] (афиши, приглашения на просмотр, указание о выходе в телевизионный эфир) и рецензии.

Рецензии на фильм

В основном критика к фильму отнеслась благосклонно [13, с. 2–36; 4, с. 3; 6, с. 3–7; 7, с. 4; 10, с. 6–7; 18, с. 5; 19, с. 3; 24, с. 6; 37, с. 1; 36, с. 18–19]. В своих статьях рецензенты отмечали хорошую разработку документальной темы [37, с.1], эпичность батальных сцен [21, с. 3], преобразование официальных документов в художественную ткань фильма [14, с. 101].

Критиковали они технические детали: театральность массовых сцен [5, с. 10], «невыпуклость», «смазанность» героев второго плана [16, с. 4], а также тусклость образа главной героини [16, с. 4].

Сейчас фильм не воспринимается анахронизмом. Из-за своей документальной основы он воспринимается как художественное пособие для изучения истории тех дней и характеров персонажей – Тухачевского, Гимова, Муравьева. Для ульяновцев же эти люди «не просто герои», это герои, которые закрепились и в топонимике города – их именами названы улицы [17, с. 30].

Источники и литература

1. Актеры фильма // URL: http://kinorole.ru/film/pyl-pod-solncem (дата обращения 17.11.2019).

2. *Алексюк О.* Тимофей Спивак // Советский экран. 1981. № 14. URL: http://akter.kulichki.net/se/14_1981.htm (дата обращения 29.08.2019).

3. Армен Медведев: биография // URL: https://7days.ru/stars/bio/armen-medvedev/bio.htm (дата обращения 30.11.2019).

4. *Бауман Е.* Люди и легенды // Вечерняя Москва. 1978. 8 декабря.

5. *Бельский Ю.* Герои фильма – И. Варейкис и М. Тухачевский // Ульяновская правда. 1977. 30 октября.

6. *Бернижис С.* Х/ф «Пыль под солнцем» // Пресс-информация. 1978. № 15 (278) С. 3–7.

7. *Васильев В.* Праздничный киноэкран. В. Васильев // Ульяновский комсомолец. 1978. 5 ноября.

8. *Гедрис М.* Большевик Варейкис // Искусство кино. 1977. № 10. С. 56–58.

9. *Генейшвили О.* Герои фильмов – коммунисты. М.: Союзинформкино. 1981. 64 с.

10. Главное – столкновение характеров // Советский экран. 1979. № 7. С. 6–7.

11. *Глаголева И.* Сербские встречи // Советский фильм. 1978. № 39. 27 октября.

12. Добрый гений наших краеведов. Краеведческий сборник, посвященный памяти Н.И. Никитиной / сост. В.А. Гуркин. Ульяновск: Регион-Инвест, 2007. 345 с.

13. *Заика Вл.* Пыль под солнцем // Спутник кинозрителя. 1978. № 11. С. 2–3.

14. *Ишимов В.* Связь времен // Искусство кино. 1978. № 10. С. 91–112.

15. Киножурнал «Советское кино». 1977. № 50 // URL: https://www.net-film.ru/film-13290/ (дата обращения 17.11.2019).

16. *Кириллов В.* Грозные часы Симбирска // Ульяновская правда. 1978. 27 октября.

17. *Липатова Н.* Два симбирских дня, снятых в Костроме // Мономах. 2016. № 4.

18. *Маркова Ф.* Адресовано юношеству. Кинообозрение // Советская культура. 1978. 14 февраля.

19. *Матвеенко Е.* Место действия – Симбирск // Вечерняя Москва, 1977. 6 сентября.

20. *Медведев А.* Было время суровым // Правда. 1978. 12 июня.

21. *Михалкович В.* Живая страница истории // Советский экран. 1978. № 11.

22. *Назаренко М.* Ульяновск как декорация. В каких российских фильмах можно увидеть наш город // URL: https://ulpressa.ru/2015/04/14/651740/ (дата обращения 17.11.2019).

23. Некролог на Е.С. Котова, сценариста // URL: file:///C:/Users/%D0%9C%D0%BE%D0%B9/Downloads/365.pdf (дата обращения 27.11.2019).

24. *Новиков М.* Солдаты революции. Кинообозрение // Известия. 1978. 13 апреля.

25. Объявление // Ульяновская правда. 1978. 24 октября.

26. Плакаты к фильму «Пыль под солнцем» // URL: https://www.mosfilm.ru/movies/24926/ (дата обращения 17.11.2019).

27. Пыль под солнцем // URL: https://ruskino.ru/mov/6375 (дата обращения 17.11.2019).

28. Пыль под солнцем // Ульяновская правда. 1978. 22 октября.

29. Пыль под солнцем на тв. // URL: http://20vek.net/index.php?func=4&id_type=1824&id_cat=77 (дата обращения 17.11.2019).

30. Пыль под солнцем // URL: https://www.kinofilms.ua/movie/531327/ (дата обращения 17.11.2019).

31. Пыль под солнцем. Обсуждение // URL: https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/5873/forum/print/(дата обращения 18.11.2019).

32. Пыль под солнцем. Ю. Шуцкий о том, что он снимался в этом фильме // URL: http://www.kinoexpert.ru/index.asp?comm=4&num=3424#1 (дата обращения 30.11.2019).

33. Пятницкая улица Костромы. Фото съемок // URL: http://m.kostromka.ru/bochkov/163.php (дата обращения 26.11.2019).

34. Симбирская губерния в 1918–1920 гг. Сборник воспоминаний. Ульяновск: Ульяновское книжное издательство. 1958. 234 с.

35. Съемки фильма «Пыль под солнцем» – фотографии прошлого // URL: https://pastvu.com/p/603144 (дата обращения 27.11.2019).

36. Тревожные дни // Советский фильм. 1978. № 10. С. 18–19.
37. *Шепетис Л.* Время больших свершений // Советский экран. 1979. № 7.
38. 1978. Жизнь замечательных времен. Раззаков Федор // https://history.wikireading.ru/164153 (дата обращения 30.11.2019).

A.A. Ustinova

THE STORY OF THE FILM «DUST UNDER THE SUN» ON THE EVENTS OF THE MURAVYEVSKY REBELLION IN SIMBIRSK IN THE LIGHT OF NEW FACTS

Abstract. The article discusses the story of the creation of the film «Dust under the Sun», the basis of the film, the location of the shooting, the cast, reviews.

Keywords: film, history of creation, place of filming, cast, reviews.

УДК 94(47).084.8

А.В. Шурыгин

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА АРКАДИЯ КРУПНЯКОВА (по фондовым материалам Национального музея Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева)

Аннотация. В докладе раскрывается военный период биографии народного писателя и лауреата Государственной премии Марийской АССР Аркадия Степановича Крупнякова (1919–1994) по фондовым материалам Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. Будут представлены уже известные и новые материалы по жизни и творчеству писателя. Также будет произведен краткий анализ нескольких стихотворений Крупнякова военных лет. Исследование приурочено к 100-летию со дня рождения писателя.

Ключевые слова: Музей, фонд, документы, война, литература, столетие.

Одним из интересных и значимых этапов развития художественной литературы Марийского края является литература времен Великой Отечественной войны. Марийские писатели-фронтовики в это переломное для всей страны время создавали произведения, отличавшиеся обостренным чувством гражданского долга, патриотизмом, ненавистью к немецко-фашистским захватчикам, бесстрашным желанием встать на защиту своей Родины. В этом смысле «литературу периода Великой Отечественной войны называют «голосом воюющего народа», «героической летописью победы» [5, с. 249].

Одним из самых известных русскоязычных писателей нашей республики, прошедших Великую Отечественную войну от начала и до конца и начавших свою литературную деятельность именно в эти годы, является народный писатель Марийской АССР, лауреат Государственной премии республики, кавалер ордена Дружбы народов Аркадий Степанович Крупняков (1919–1994). В Национальном музее им. Т. Евсеева – ведущем музее Республики Марий Эл – хранятся уникальные мемориальные фонды известных марийских поэтов и писателей фронтового поколения: Дим. Орая, Ш. Булата, М. Калашникова, Н. Ильякова, А. Бика, М. Казакова, А. Крупнякова, С. Вишневского, А. Волкова, Г. Матюковского и многих других. Фонд А.С. Крупнякова насчитывает 118 единиц хранения и содержит фотографии, документы, рукописи и машинописные тексты произведений, печатные издания и т.п. Некоторые из этих экспонатов, в т.ч. относящиеся к военному периоду жизни и творчества А.С. Крупнякова, легли в основу выставки «Мастер слова», открывшейся в Национальном музее РМЭ им. Т. Евсеева 30 апреля 2019 года и приуроченной к 100-летию со дня его рождения.

В открытии этой выставки приняли участие друзья, коллеги, почитатели творчества Аркадия Степановича, среди которых были ученые, писатели, журналисты, общественные деятели, сотрудники библиотек и музеев. На мероприятии присутствовало и подрастающее поколение: студенты-филологи Марийского государственного университета под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры филологии и журналистики Т.А. Золотовой и обучающиеся 7 класса гимназии № 4 им. А.С. Пушкина г. Йошкар-Олы во главе с педагогом А.С. Ипаевой. О личном знакомстве и творческом взаимодействии с писателем А.С. Крупняковым рассказал доктор исторических наук, профессор Г.Н. Айплатов. Большое зна-

чение творчества Крупнякова для истории не только русскоязычной литературы нашей республики, но и всей отечественной литературы подметили доктор филологических наук, профессор Т.А. Золотова, известные поэты А. Хобер, Э. Миненкова, Ю. Цветкова, А. Тарасов. О творческих контактах с сыном А.С. Крупнякова Сергеем Аркадьевичем, продолжающим дело отца, поведали авторы-исполнители, организаторы Творческого объединения «Гармония» К. Шемякин и М. Мальгина. Приглашенные гости поделились своим отношением к личности и творчеству знаменитого писателя, выразив единое мнение о необходимости продолжения популяризации и изучения творческого наследия писателя. Словно подтверждая название самой выставки, прозвучали лирические отрывки из романов «Царев город» и «Амазонки» в исполнении поэта, члена Российского союза писателей С. Земцова и юной поэтессы, обучающейся Политехнического лицея-интерната г. Йошкар-Олы А. Соковой. Настоящим украшением вечера стала демонстрация сцены с участием Мурзы Кучака и Эрви из спектакля «Марш Акпарса» по одноименному роману А.С. Крупнякова в исполнении актеров Академического русского театра драмы им. Г. Константинова: заслуженного артиста РФ, народного артиста РМЭ Ю. Синьковского и актрисы А. Голубовой. По завершении мероприятия для всех гостей была проведена краткая ознакомительная экскурсия по выставке с обозначением наиболее уникальных экспонатов. На выставке были представлены экспонаты и материалы не только из фондов Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева (фотографии, документы, рукописи, печатные издания писателя), но и из личных архивов его соратников по творчеству, народных марийских поэтов М. Казакова и Г. Матюковского. Особое внимание было уделено представлению творческого наследия А.С. Крупнякова и описанию событий, связанных с увековечением памяти о писателе в наше время. Также здесь экспонировались театральные костюмы из спектакля «Марш Акпарса» по одноименному роману писателя из фондов АРТД им. Г. Константинова [7].

Аркадий Крупняков в РККА был призван в мае 1939 года, практически за 2 года до начала Великой Отечественной войны. До июля 1941 года А. Крупняков служил рядовым 753-го горнострелкового полка 292-й горнострелковой дивизии Киевского военного округа. Начавшаяся в июне 1941 года война с гитлеровской Германией застала его на румынской границе, когда он заканчивал службу и гото-

вился к скорой демобилизации. Сам писатель позднее так вспоминал самое начало войны и последующие ужасающие масштабы ее развития: «22 июня в расположении казарм разорвались первые снаряды, и ротный старшина поднял всех в ружье. Отступать пришлось с первого дня войны. Без патронов, без одежды и пищи… А потом – оборона Москвы, контузия, бои за Псков, за многострадальный Ленинград… Целый год героической обороны, сотни попыток вернуть Синявинские высоты, круглосуточные шквальные огненные вихри артобстрелов, бомбежек и атак. Недалеко от Синявинских высот на Невском пятачке поставлен памятник. Он представляет собой медный куб в метр высотой. На том месте, где стоит памятник, вынули ровно один кубический метр земли, промыли, выделили 136 килограммов металла осколками бомб, снарядов, мин. Эти осколки положили внутрь памятника, на меди выбили слова: «Вы, живые, знайте, что с этой земли мы уйти не хотели и не ушли. Мы стояли насмерть у темной Невы, мы погибли, чтобы жили вы» [6, с. 3].

Мемориал «Синявинские высоты». Памятник воинам 128-й стрелковой дивизии, павшим в битве за Ленинград 1941–1943 гг.

А. Крупняков – командир радиогруппы при взводе полковой разведки 374-го стрелкового полка 128-й стрелковой дивизии. Ленинградская область, д. Синявино. 1942 г.

С июля 1941 по февраль 1943 года он сражался на Западном фронте, был заместителем политрука роты, командиром штабного взвода роты связи 374-го стрелкового полка 128-й ордена Красного Знамени стрелковой дивизии III Прибалтийского фронта [4].

В феврале 1943 года Аркадий Степанович находился уже на Волховском фронте, был командиром взвода стрелкового полка. В том же году получил звание лейтенанта и вступил в ВКП(б) [2, с. 228]. Воевал под Ленинградом, в районе Синявинских высот (ныне – п. Синявино), участвовал в боях за Псков. Был контужен, в 1944 году ранен в руку и ногу [2, с. 228].

А. Крупняков (4-й справа в последнем ряду) на курсах снайперов в 374-м стрелковом полку 128-й стрелковой дивизии под Ленинградом. 1942 г.

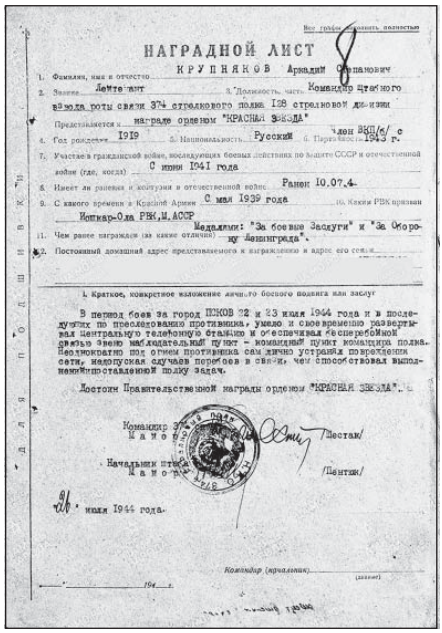
Вскоре А. Крупнякова отправили на курсы военных корреспондентов, по окончании которых он стал корреспондентом армейской газеты. Демобилизовался он из армии в феврале 1946 года.

За мужество и храбрость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, А. Крупняков был награжден медалью «За оборону Ленинграда» (1942). Будучи старшиной, он также был награжден медалью «За боевые заслуги» (Дата подвига: 12.01.43–15.01(1943)). 6 августа 1944 года Приказом № 032-н частям 128-й

А. Крупняков (в центре) на встрече с однополчанами – ветеранами 128-й стрелковой дивизии. Ленинград. 1978 г.

стрелковой дивизии 3-го Прибалтийского фронта Действующей Армии от имени Президиума Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» командир штабного взвода роты связи 374-го стрелкового полка А. Крупняков был награжден орденом Красной Звезды [3]. В наградном листе к ордену Красной Звезды от 26 июля 1944 года воинским командованием были отмечены личная отвага и боевая сноровка лейтенанта А. Крупнякова: «В период боев за город Псков 22 и 23 июля 1944 года и в последующих по преследованию противника, умело и своевременно развертывал центральную телефонную станцию и обеспечивал бесперебойной связью звено наблюдательный пункт – командный пункт командира полка. Неоднократно под огнем противника сам лично устранял повреждения сети, не допуская случаев перебоев в связи, чем способствовал выполнению поставленной полку задач» [3].

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

КРУПНЯКОВ Аркадий Степанович

Лейтенант — Командир стрелкового взвода роты связи 374 стрелкового полка 128 стрелковой дивизии

Представляется к — награде орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

1919 — Русский — член ВКП(б) с 1943 г.

С июня 1941 года

Ранен 10.07.4.

С мая 1939 года — Капитан-Ода РВК, М.АССР

Медалями: "За боевые Заслуги" и "За Оборону Ленинграда".

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В период боев за город ПСКОВ 22 и 23 июня 1944 года и в последующих по преследованию противника, умело и своевременно развертывал Центральную телефонную станцию и обеспечивал бесперебойной связью свою наблюдательный пункт - командный пункт командира полка. Неоднократно шо отчем противника сам лично устранял повреждения сети, недопуская случаев перебоев в связи, чем способствовал выполнению поставленной полку задач.

Достоин Правительственной награды орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

/Шестак/

/Пентин/

" " июня 1944 года.

Наградной лист к ордену Красной Звезды лейтенанта А. Крупнякова. 1944 г.

6 апреля 1985 года, в год 40-летия Великой Победы, ветеран А. Крупняков стал кавалером ордена Отечественной войны II степени.

Весьма символично, что именно в тяжелое военное время А. Крупнякову довелось испытать первые муки и радости творчества. Его боевые товарищи пели сочиненный им «Марш дивизии». Публиковаться же писатель начал с 1943 года. Еще в 1942 году в окопах Ленинградского фронта, в промежутках между боями А. Крупняков написал свое первое прозаическое произведение – военно-приключенческую повесть «Белые ночи» и опубликовал её в дивизионой газете «За родину!» уже в 1943 году [1, с. 356]. Повесть посвящена борьбе со шпионами-диверсантами, действовавшими в Ленинграде. Написана она серьезным, достаточно эмоциональным, местами публицистичным языком в традиционном ключе военно-приключенческой литературы советской эпохи.

Первые стихотворения молодого защитника Родины А. Крупнякова начали появляться в районной газете «Социализм корно» («Путь социализма», село Ронга Советского района) и на страницах фронтовых газет. Так, стихотворение «Моей матери» (1944) содержит традиционный для всей советской военной лирики мотив возвращения солдата в родной дом после победы над врагом:

Ожидай, дорогая! Жди в надежде,
Вот покончим с проклятым врагом, –
Я такой же, любящий, как прежде,
Возвращусь в родительский дом!

Построено оно в форме письма матери своему сыну – защитнику Родины с последующим изложением его содержания, эмоционального и трогательного:

В блиндаже, при мерцаньи коптилки,
Я твоё распечатал письмо,
Сколько радости, нежности пылкой
Во мне разбудило оно!
Знаю я, дорогая, родная,
Сколько нежности, муки, тоски
Были вложены в те долгожданные,
Для меня дорогие листки!

Лирический герой стихотворения явно надеется на скорую встречу с самым близким на этой земле человеком после возвращения с войны, в своих мыслях и переживаниях предчувствует то, как это будет:

И при радостной встрече, родная,
Материнской слезы не таи!
Ведь сейчас я увидеть мечтаю
Те счастливые слёзы твои!

Семантическая структура, тональность этого стихотворения А. Крупнякова перекликаются с композицией и настроением знаменитого стихотворения С. Есенина «Письмо к матери», пожалуй, с той лишь разницей, что лирический герой крупняковского стихотворения говорит голосом советского солдата, желающего как можно скорее вернуться домой после войны…

В стихотворении «В отпуску» (1945) описывается долгожданная встреча лирического героя, защищающего Родину, с родными, близкими, со всей деревней во время побывки:

Вот опять я в колхозе родном
После долгой военной разлуки,
Говорю о житье о своём,
Пожимаю товарищам руки.

Солдат рассказывает родным и землякам о своем нелегком фронтовом пути, страшных военных событиях:

Был в Крыму я, под Волховом дрался,
Ленинград защищал целый год,
Был и ранен, а чуть поправлялся, –
Снова в строй и снова в поход…

Он охотно откровенничает с людьми, делится с ними своими воспоминаниями о войне, подчеркивает патриотизм, смелость и мужество своих братьев по оружию в деле защиты Родины:

Мы любили свою страну
И за честь её стойко сражались!

Финал стихотворения ставит перед читателями многоточие, появляется некая недосказанность, лишний раз говорящая о том, что о войне, ее реалиях, одержанной вопреки всякому сопротивлению фашистов Победе можно говорить бесконечно и спустя годы нужно помнить о случившемся:

Начинает светать на дворе,
Ни на миг не смолкает беседа…

Добавим, что А.С. Крупняков в качестве писателя-профессионала и ветерана Великой Отечественной войны регулярно участвовал во встречах с читателями, писательских собраниях и конференциях. Как вспоминают многие, там он, будучи довольно открытым человеком, рассказывал о годах суровой фронтовой жизни, делился ценными воспоминаниями, особенно с подрастающим поколением.

Народный писатель Марий Эл А.С. Крупняков написал на тему Великой Отечественной войны не так много, главные его произведения посвящены другим эпохальным событиям в истории России и Марийского края. Военный период жизни и творчества этого выдающегося писателя не так основательно изучен, а между тем, на наш взгляд, он достоин более пристального внимания со стороны ученых-литературоведов, писателей, журналистов. Осуществлять важную работу по популяризации творческого наследия А.С. Крупнякова, привлечению внимания к нему более широкого круга заинтересованных, возможно в том числе и благодаря работе по актуализации фондовых коллекций музея. Подобное знакомство с боевыми подвигами, заслугами известных писателей, их творчеством через уникальные фотодокументальные материалы, предметный ряд призвано пробуждать у подрастающего поколения интерес к военной истории нашей страны, воспитывать чувство патриотизма и уважительное отношение к героическим событиям прошлого, способствуя тем самым сохранению исторической памяти и преемственности поколений.

Встреча писателя-фронтовика А.С. Крупнякова
с сотрудниками МВД Марийской АССР. 1979 г.

Марийские писатели-фронтовики (3-й справа А.С. Крупняков).
Май 1983 г.

Источники и литература

1. Аркадий Крупняков (1919–1994) // Писатели Марий Эл: библиографический справочник / сост.: А. Васинкин, В. Абукаев и др. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. С. 356–359.

2. *Зайниев Г.З.* Крупняков Аркадий Степанович // Марийская биографическая энциклопедия / руков. проекта В. Мочаев. Йошкар-Ола, 2017. С. 228.

3. Крупняков Аркадий Степанович [Электронный ресурс] // Информационный ресурс «Память народа». URL:http://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie39908510/. Дата обращения: 20.09.2019

4. Крупняков Аркадий Степанович 1919 г.р. [Электронный ресурс] // Информационный ресурс «Подвиг народа». URL:http://podvignaroda.ru/?#id=39908510&tab=navDetailManAward. Дата обращения: 20.09.2019.

5. Марийская литература периода Великой Отечественной войны // История марийской литературы / отв. редакторы К.К. Васин, А.А. Васинкин. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. С. 246–274.

6. Мы стояли насмерть… // Вестник района. 1991. 7 мая. С. 3.

7. Открытие выставки «Мастер слова» к 100-летию А.С. Крупнякова [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального музея РМЭ им. Т. Евсеева. URL:http://fumus.ru/post/events/3120. Дата обращения: 19.09.2019

A.V. Shurygin

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIFE AND THE CREATIVITYOF THE FRONT WRITER ARKADIY KRUPNYAKOV (ON THE STOCK MATERIALS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF MARI EL NAMEDAFTER TIMOFEJEVSEEV)

Abstract. The report reveals the military period of the biography of the people's writer and laureate of the state prize of The Mari ASSR Arkady Stepanovich Krupnyakov (1919–1994) on the stock materials of the National Museum of the Republic of Mari El. named after T. Evseev. There will be presented already known and new materials on the life and the work of the writer. There will also be a brief analysis of several poems by Krupnyakov of the war years. The study is timed to the 100th anniversary of the birth of the writer.

Keywords: Museum, stock, documents, war, literature, 100-anniversary.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

УДК 94 (100)

Г.Ф. Горбашова

КРЫМСКАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ АНГЛИЙСКИХ ЖЕНСКИХ ТРАВЕЛОГОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению английских женских травелогов второй половины XIX века как исторического источника, формирующего представления о Крымской войне (1853–1856). Показано, что травелоги представляют собой личные наблюдения, содержащие достоверную, но неизвестную в Британии информацию о повседневной жизни на войне столь непопулярной в британском обществе. Использование такого источника дает возможность взглянуть на Крым, во-первых, с различных позиций – от мнения аристократок до представительниц «среднего класса», во-вторых, показать формирование представлений англичанок о Крымской войне 1853–1856 годов, в-третьих, понять, что чувствовали и о чем думали люди в самые сложные периоды этой военной компании, увидеть Восточную войну «изнутри». Статья никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту данной темы.

Ключевые слова: женские травелоги, английские путешественницы, Восточная война, Крымская война, исторический источник.

Середина XIX в. знаменовалась очередным обострением Восточного вопроса. В основе назревавшего конфликта между Россией, Англией и Францией было давнее соперничество за господство на Ближнем Востоке вообще и Черном море в частности. Восточная

война (или Крымская война 1853–1856 гг.) была первой, которая освещалась не только в английской прессе, где публиковали материалы и новости с полей сражений, письма солдат, официальные донесения военного командования [6], но и в женских травелогах [4, с. 87–183]. И никто в Англии не предвидел возможных осложнений, но уже осенью 1854 года начинают приходить первые письма, свидетельствующие об ужасающем положении английских войск. Так, в одном из писем, опубликованных в «TheTimes» сообщалось о тяжелейших условиях солдат: «Погода промозглая и холодная, у нас мало теплой одежды, и обувь разваливается, постоянные перебои с пайком. Мы вынуждены жить в грязи, люди умирают от холода из-за отсутствия палаток. В наиболее худшем положении находятся раненые, не хватает средств первой необходимости» [6]. Хотя Британское общество пришло в некоторое замешательство, но в то же время по всей стране организовываются сборы в помощь пострадавшим в ходе войны. В то время предполагалось, что удел женщины – оставаться дома и ухаживать за детьми. Работали только самые бедные женщины, неспособные без этого свести концы с концами. Крымская война стала поворотным моментом в жизни этих англичанок. В период Восточной войны (Крымской войны) в Крым отправились представительницы различных социальных слоев: представительницы высшего обществ – Флоренс Найтингейл, являвшаяся основательницей сестринского дела в Британии, организовавшая первую медсестринскую службу, представительницы «среднего класса» – сестра милосердия Мэри Сикоул, Фрэнсис Изабелла Дуберли – супруга казначея 8-го гусарского полка Генри Дуберли. «Путешествие» в Крым для них являлись средством, чтобы вырваться из повседневной жизни, расширить кругозор. При этом они были неординарными личностями, хорошо образованными, но не самыми талантливыми писательницами. Они оставили описание сложных и трудных будней на войне и получили возможность заработать деньги за свои «личные переживания». Выбранные нами для изучения и анализа травелоги (путешествия) объединяет: во-первых, место путешествия в Крым, в них описываются одни и те же населенные пункты (Судак, Балаклава, Севастополь), будни на войне, во-вторых, авторы этих путешествий не занимались литературным творчеством профессионально, травелоги представительниц

Туманного Альбиона представлены в разных жанрах: дневниковые записи миссис Генри Дуберли, записки о пребывании в Крыму миссис Сикоул [4]. Фрэнсис Изабелла Дуберли (1829–1903) или как называли ее знакомые и друзья Фанни, Мэри Сикоул («экзотическая» женщина из-за ее цвета кожи – она была мулаткой) – представительницы «вынужденного военного туризма» периода Крымской войны – хотели своими записками привлечь внимание своих соотечественников к тяготам повседневной жизни на войне, геройским действиям британцев в «негостеприимном» Крыму. Присутствие этих двух женщин на войне не было исключительным явлением, хотя в Британии и были не столь известны имена (за исключением Флоренс Найтингейл) таких участниц Крымской войны, как Анастасия Блэквуд, Бетси Дэвис и других женщин-медсестер, которые облегчали страдания британских солдат и офицеров, при этом большинство из них не имело специального медицинского образования. В их сочинениях преобладали конкретные факты и реальные люди, неизвестные страницы из их жизни, их героические поступки и страхи.

Изабелла Дуберли – супруга небогатого казначея Его величества 8-го гусарского полка Генри Дуберли, неизменно оказываясь в центре событий в военном английском лагере, так пишет о повседневной жизнь английских моряков и солдат: «…моряки работали (устанавливая на позициях орудия. – *Г.Г.*) с величайшей энергией и рвением… копали окопы с песнями и смехом… однако «…их опыт проживания в условиях военного лагеря являлся непродолжительным по сравнению с нашими бедными солдатами, на фоне которых они являют жизнерадостную противоположность» [2, с. 98]. Ей нельзя отказать в наблюдательности и чувстве сострадания к морякам и солдатам, хотя большую часть своего времени она проводила среди офицеров.

Изабелла Дуберли была доверенным лицом многих офицеров-аристократов, которые обсуждали с ней важные «новости войны», поэтому она располагала большим количеством сведений и была в курсе событий союзных армий. Так, она пишет: «Понедельник, 16 (октября 1854 г. – *Г.Г.*): …три дня не прекращался обстрел… чтобы присоединиться к флоту, вчера из Балаклавы отплыл «Агамемнон» … в этот момент французы высаживали на берег свой полк кавалерии»; «пятница, 20: сегодня французские осадные пушки отлично

выполняли свою работу, стреляя с хорошим прицелом». Так, Изабелла Дуберли, наблюдавшая события от высадки английской армии в апреле 1854 года до падения Севастополя, будучи привлекательной молодой особой в военном лагере, не только внимательно следила за событиями, происходившими на английских и французских батареях, но и возбуждала внимание союзников англичан – любвеобильных французов, отпускавших ей вслед комплименты. С иронией Фанни отмечала, что очень часто русские, в прямом смысле слова, водили французов за нос. Обычно все начиналось с того, что группа русских появлялась на амбразурах с криками «Ne tirez pas! Nous sommes Anglais!» («Не стреляйте! Мы англичане!»). Отмечая храбрость французов, Изабелла Дуберли с явным сарказмом описывает их недостойное поведение – факты кражи французами английских снарядов, осуждая бездействие англичан: «…на набережной полно французских солдат. С величайшим удовольствием я наблюдаю, пока они в прямом смысле разворовывали наши снаряды и ядра, как быстро они исчезали в их руках для отправки на фронт. Пока наши соотечественники поняли, что к чему, 100, 200, 250 ядер, переходя из рук в руки, отправились в вагоны, где их уже ждали» [2, с. 122].

Изабелла Дуберли в своем крымском дневнике особое внимание уделяет осаде Севастополя и прогнозам, которые господствовали в английских военных кругах: «Мы думали, что Севастополь, возможно, выстоит три дня осады, более вероятно – один день, тогда как некоторые … давали ему восемь часов для сопротивления напору союзников... Вероятно, лорд Раглан уверен, что может быстро овладеть городом… и при этом она обращает внимание на гуманность лорда Раглана – его стремление «избегать бессмысленных разрушений и смертей…» [2, с. 102–103]. Не оправдавшиеся прогнозы – Севастополь выстоял – приводят в уныние не только престарелого лорда Раглана, но и саму Изабеллу.

Вместе с тем тяготы войны не обошли и ее стороной. «Викторианская дама» столкнулась и с проблемой нехватки медикаментов, продовольствия, при этом она считала, что люди находились в таком положении, в каком редко бывают даже английские нищие. Изабелла Дуберли невообразимо страдала от холода и голода. В Крыму она мечтала о трех вещах: камине, ковре и вкусной еде. Столкнув-

шись с «ужасными новостями» – крушением кораблей, пожара на корабле, на котором она жила, несмотря на все ее мужество, ее не покидали страхи, она страдала от ужасной крымской погоды – пронизывающего ветра, проливных дождей и редких солнечных дней, но она оставалась женщиной, считавшей, что невзгоды, опасности – все же лучше, чем бестолковое «сидение дома». Изабелла Дуберли по-прежнему сохраняла страсть к путешествиям, к активным действиям и в августе 1855 года после падения Севастополя «ворвалась на его опустевшие бастионы». Ее дневник, даже в одной ее части, был бы неполным, если бы в нем не нашлось места описанию общества офицеров, которые ее окружали в Балаклаве: лорд Кардиган, сэр Эдмунд Ластон, Доусен Демер и другие. Она обожала хорошую компанию и, как пишет Е.Н. Деремедведь, жена полкового казначея с ее утонченными манерами, острым умом вскоре завела в Балаклаве много друзей и знакомых из самых различных социальных слоев, с радостью принимала приглашения английских офицеров отужинать или отобедать у них в палатке или каюте – уж она-то знала, как вести себя с аристократами [1, с. 44]. Но в то же время ей хотелось оказаться в Англии среди родных и близких, но страсть к путешествиям не оставляла ее, и после окончания Крымской войны она побывала в Индии, где прожила десять лет вместе со своим супругом. По-прежнему незнакомые страны, смертельные опасности, будоражащие кровь события, но все это, по ее мнению, было лучшим, чем сидение дома.

Следует отметить еще одну интересную представительницу «вынужденного военного путешествия» – Мэри Сикоулт (1805–1881) – «чернокожую мулатку». Она родилась на Ямайке и была дочерью шотландского офицера Гранта и островитянки-мулатки. От своей матери, кроме смуглой кожи, она переняла неукротимую энергию, удачу в коммерции, а также знания о лечебных растениях с умением их применять [5]. Вместе со своим мужем англичанином Эдвином Сикоулом занималась торговлей, но деятельной Мэри этого было мало, она всегда считала, что главное для женщины – быть полезной. Обладая навыками в народной медицине, она лечила больных солдат британского гарнизона, стоявшего в Кингстоне. Осенью 1854 года Мэри Сикоул отправилась в Лондон, надеясь присоединиться к медсестрам, которых набирали в помощь Флоренс Найтингейл. Однако ей в этом было отказано – «она была слишком шумной, темно-

кожей и пожилой». К тому времени она уже овдовела и, распоряжаясь имуществом самостоятельно, решила продать торговые склады и отправиться в Крым. Она решила действовать самостоятельно, нашла себе партнера – некоего Томаса Дея – и, прибыв с ним на Крымский берег весной 1855, в небольшой рыбацкой деревушке Спринг Хилле, возле которой располагался английский военный лагерь, Мери Сикоул «решила создать спокойный уголок» – «Британский отель», включавший в себя гостиницу и склад – «длинное, возведенное из железа, помещение с прилавками – стойками и полками, над ним находилась другая комната с низким потолком, которую мы использовали для хранения наших товаров, а над всем развевался огромный Юнион Джек…», маленькую кухню, напоминающую «корабельный камбуз», два деревянных дома, в которых спальни и комната для прислуги, столовая для солдат и большой «огороженный загон для скота, много конюшен» [3, с. 131].

Кроме содержания постояльцев, военных офицеров (зачастую в долг), она готовила только ей известные снадобья и пользовала ими всех страждущих. В английской армии быстро распространилась слава сестры милосердия, и темнокожую британку именовали не иначе как «матушка Сикоул». Надо отметить, что Мэри Сикоул, столкнувшись с множеством «хозяйственных трудностей» – работа в магазине, приготовление еды для постояльцев, лечение раненых и больных, должна была и «защищать» свой отель от «грабителей двуногих и четвероногих», «люди и животные беспокоили» Мэри Сикоул «больше обычного» и, возможно, представляли собой для нее самую большую проблему [3, с. 132]. Например, крымские крысы, и она со свойственным ей упорством решила «обыскать военный лагерь в поисках кота». По-видимому, даже в мелочах для нее не существовало слова «не могу», будучи рачительной хозяйкой, заботившейся о постояльцах «ее отеля», она не могла допустить «воровства» продуктов крысами, не говоря уже о ворах в «людском подобии», она держала «такую же отчаянную оборону», как и русские, «защищавшие свой несчастный город» (Севастополь. – *Г.Г.*) Осуждая воровство, М. Сикоул в насмешливом тоне пишет об уловках воришек – «необычных штанах», которые воришки использовали как «удобные хранилища… и мелкие и объемные вещи исчезали в них как в карманах в клоунской пантомиме». Тема крымского воровства, по-видимому, для честной женщины была очень болезнен-

ной, затрагивающей ее чувства ответственности и порой вызывала открытое раздражение: «…как меня достали французы. Однажды я поймала на кухне одного из наших союзников, который грабил меня самым неблагодарным образом» [3, с. 133, 136] и это в ответ на доброе отношение к этому французу.

Вне всякого сомнения, Мэри Сикоул сумела «нарисовать» очень необычный образ жизни на войне, и он отражал ее восприятие жизни, ее воспитание, морально-этические нормы англичанки и ее стремление быть «полезной и достойной» представительницей Британии. К сожалению, многие из ее постояльцев так и не оплатили свои долги, и по возвращении в Лондон Мэри Сикоул оказалась в весьма плачевном финансовом положении. Дело было настолько плохо, что в ноябре 1856 ее объявили банкротом. Но к тому времени ее слава как героической женщины Крымской войны облетела всю империю и многие захотели отблагодарить Мэри за ее подвиг. В Англии был открыт специальный фонд взносов, собравший вполне достаточно средств, чтобы «матушка Сикоул» прожила остаток жизни безбедно. За свою деятельность во время Крымской войны она была награждена тремя медалями.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что травелоги англичанок могут служить примером наблюдательности, в то же время в них нашли свое отражение взгляды представительниц различных социальных слоев британского общества второй половины XIX века, их уровень образования и новые представления о стиле и образе жизни и его ценностях. В травелогах в большей степени затрагиваются темы, близкие английским женщинам, – тяготы войны, их хозяйственная деятельность, последствия войны для всех и не только для англичан. Личные наблюдения, содержащие достоверную и неизвестную в Британии информацию, преобладание конкретных фактов повседневной жизни на войне, столь непопулярной в британском обществе, помогают понять, что чувствовали и о чем думали люди в самые сложные периоды этой военной компании, увидеть Восточную войну «изнутри». Неслучайно, период их пребывания в годы Крымской войны называют «вынужденным военным путешествием», так как они либо следовали за своими мужьями (Фрэнсис Изабелла Дуберли), либо зарабатывали деньги травелогами (Мэри Сикоул, Изабелла Дуберли).

Источники и литература

1. *Деремедведь Е.Н.* Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008. 208с.

2. Из дневника Изабеллы Дуберли / Неизвестный Крым на страницах британских женских путеводителей XVIII – начала XX в. // Деремедведь Е.Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде.Симферополь, 2008.

3. Из книги М. Сикоул «Удивительные приключения миссис Сикоул во многих землях» / Неизвестный Крым на страницах британских женских путеводителей XVIII – начала XX в. // Деремедведь Е.Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008.

4. Неизвестный Крым на страницах британских женских путеводителей XVIII – начала XX в. // Деремедведь Е.Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008. С. 87–183.

5. Mary Seacole in Focus [электронный ресурс] – режим доступа: http://www/maryseacole/com/maryseacole/pages/mary_main

6. «Times» [электронный ресурс] – режим доступа: http://crimeantexts.russianwar.co/uk/sources/times/t541225c.html

G.F. Gorbashova

CRIMEAN WAR ON THE PAGES OF ENGLISH FEMALE TRAVELOGUES

Abstract. The article is devoted to the consideration of English female travelogues of the second half of the 19th century as a historical source, forming ideas, the Crimean War (1853–1856). Travelogues are shown to be personal observations containing credible but unknown information in Britain about everyday life in a war so unpopular in British society. The use of such a source gives an opportunity to look at Crimea, first, from various positions – from the opinion of aristocrats to representatives of the «middle class», second, to show the formation of British ideas about the Crimean War of 1853–1856, in the third, to understand what people felt and thought about during the most difficult periods of this military company, to see the Eastern War «from within». The article in no way purports to be exhaustive.

Keywords: English female travelogues, English travellers, Crimea, the Crimean War, historical source.

УДК 930.9

В.Л. Ларионов

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВОЙН В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена изучению межконфессиональных войн в средние века на примере крестовых походов. В статье прослеживается изменение соотношений религиозных мотивов и материальных интересов участников крестовых походов.

Ключевые слова: религиозные войны, религиозная вера, священная война, папа римский, крестовые походы, хроники, Иерусалим.

Религиозные войны занимают особое место в истории войн. Самыми значительными религиозными войнами между христианами и мусульманами в средневековой Европе были крестовые походы и Реконкиста на Пиренейском полуострове. Историки под крестовыми походами понимают военно-колонизационные движения западноевропейских феодалов, части горожан и крестьянства, осуществлявшиеся в форме религиозных войн, под лозунгом освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти мусульман [5, с. 271]. Крестовые походы по своему характеру были религиозными войнами, вызванными рядом социально-экономических, политических и религиозно-психологических причин.

Идеологическая и организационная подготовка крестовых походов проходила в условиях феодальной раздробленности, анархии и постоянных междоусобных, братоубийственных войн на большей части средневековой Европы. В XI веке в Европе также продолжалась активная внутренняя колонизация и внешние экспансии – скандинавские колонизации, завоевание юга Франции, Реконкиста в Испании, немецкая колонизация славянских земель и т.д.

К XI веку в Европе сформировалось многочисленное рыцарство. Они принимали участие в междоусобных войнах своих сеньоров, занимались разбоем, грабежами, захватом в заложники торгов-

цев, представителей духовенства с целью получения выкупа. Таким образом, рыцари представляли серьезную угрозу для внутреннего мира в Европе. Перед Европой стояла задача установления христианского мира. Крестовыми походами братоубийственной, греховной войне между братьями-христианами в Европе была противопоставлена священная война в защиту христианской веры, святынь на Востоке. Заслуга в этом принадлежала католической церкви во главе с папой Римским.

Что касается религиозно-психологических причин, то необходимо отметить, что в Европе в XI веке получило широкое распространение апокалиптического ожидания конца света. Христиане жили ожиданиями второго пришествия Христа, то есть наступления Страшного суда. Для большинства верующих это означало божью кару за свои грехи. Церковь указывала, что только покаяние, молитва на особо священном месте, прикосновение к священным реликвиям является верным средством очищения от грехов [3, с. 36]. Однако во второй половине XI века Иерусалим, где находилось большинство христианских святынь, был захвачен турками-сельджуками. Перед христианским миром возникла проблема освобождения христианских святынь и обеспечения возможностей беспрепятственного паломничества к святым местам, посещения храма Гроба Господня. Поэтому крестовым походам предшествовала большая религиозно-идеологическая подготовка. В XI веке с призывами освобождения священных мест для христиан на Востоке активно выступали монахи-отшельник Петр Пустынник, странствующий проповедник Фульк Нейский, аббат Бернар Клервосский и многие другие.

С призывом к крестовому походу выступил папа Урбан II на Клермонском соборе в 1095 году. Уже до собора у папы римского был хорошо продуманный план, об этом свидетельствуют события, произошедшие по пути к Клермону. Сначала Урбан II заявил феодальной знати, что намерен выступить с призывом оказать помощь восточным братьям-христианам. Предстоящая священная война против иноверцев на Востоке нуждалась в проповедниках с благословляющим крестом в руках, в воинах-рыцарях с оружием в руках и авторитетных предводителях. Прежде всего папа нуждался в поддержке светских и церковных сеньоров. Поэтому еще в августе 1095 года папа встретился с епископом города Пюи Адемаром Мон-

тейским и уговорил его принять на себя миссию духовного главы крестоносцев. Затем Урбан II встретился с графом Раймондом IV Тулузским, который также согласился участвовать в походе. Предстоящая война вполне соответствовала его амбициозным интересам – создать на Востоке суверенное государство [3, с. 36–37].

Другие феодалы, надо полагать, догадывались, что папа приехал во Францию не только решать церковные дела, а с более значительными целями. Поэтому к началу собора в Клермон съехалось множество лиц духовного звания, тысячи рыцарей, собралась огромная толпа простонародья. После окончания собора 26 ноября папа Урбан II выступил перед огромной толпой на равнине близ города. Содержание публичной речи Урбана II дошли до современников в различных хрониках, посвященных истории первого крестового похода. Из всех хронистов только Роберт Монах в своей «Иерусалимской истории» [8, с. 56–66] сообщает, что лично присутствовал на публичном выступлении Урбана II. Поэтому его описание более подробное и местами он излагает речь папы римского даже используя прямую речь. Хронисты Фульхерий Шартрский, Роберт Реймсский, Ордерик Виталий воспроизводят содержание речи папы по воспоминаниям очевидцев. Выступление Урбана II было хорошо продумано – оно затрагивало интересы и чаяния почти всех социальных слоев населения феодального общества. Урбан II в начале своей речи «со слезами на глазах» рассказывал об осквернённых храмах, святынях, ужасных страданиях и унижениях братьев-христиан на Востоке от мусульман. Глава апостольской церкви, взывая к религиозным чувствам, призывал к священной войне ради освобождения гроба господня в Иерусалиме и во спасение братьев-христиан. При этом папа взывал к слушателям именем всевышнего – Христа. Таким образом, религиозная цель предстоящей священной войны была четко определена. В условиях, когда христианская религия полностью владела умами верующих, речь папы нашла отклик обширной аудитории. К тому же от имени Господа папа Римский участникам похода обещал отпущение грехов, а воинам, которые падут в борьбе за веру – вечную награду в небесах. Особое внимание папа римский уделил рыцарям. Конечно, рыцарям было мало обещания вечного блаженства в раю небесном, они жаждали новых земель, собственных вассалов, военной добычи и прочих земных благ. Прекрасно

осознавая это, Урбан II призывал рыцарство прекратить усобицы в Европе и двинуться на завоевание восточных земель. Такие обещания не могли оставить равнодушными рыцарей, которые только и думали о том, где бы найти применение своей воинственности. Крестовый поход представлялся им военным паломничеством, в котором воплощалось и самоотречение ради спасения души, искупление грехов и возможность улучшить свое материальное положение [3, с. 40–41].

В речи Урбана II прозвучали не только религиозные мотивы, но и вполне мирские обещания материальных благ. Тех, кто примет обет идти в поход или в святое паломничество, как тогда называли это мероприятие, победа над «неверными» принесет вполне ощутимые земные выгоды. Таким образом, речь папы Римского совмещала религиозные мотивы с щедрыми обещаниями земных благ для всех участников похода. Из речи главы апостольской церкви следовало, что спасение души и земное обогащение не противостоят друг другу, а дополняют одно другое. В целом вот такими двойственными мотивами была пронизана речь папы, они же звучат во всех хрониках и других источниках первого крестового похода [3, с. 41].

Таким образом, в крестовых походах переплетались интересы самых различных социальных групп: европейских монархов, крупных феодалов, рыцарей, католической церкви во главе с папой римским, части горожан, крестьян и части купечества городов-республик Северной Италии. Урбану II в период феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц удалось объединить почти все социальные слои средневекового общества под религиозным лозунгом освобождения христианских святых мест в Палестине. Но экономические и политические цели участников похода различных социальных групп с самого начала были совершенно разными. Так, высшее феодальное дворянство, которое стремилось к большей политической независимости у себя на родине, надеялось создать на завоеванных землях самостоятельные суверенные монархии. Огромная армия агрессивно настроенных рыцарей жаждала завоевать новые земли и улучшить свое материальное положение. Крестьяне, часть горожан, откликнулись отправиться в поход в надежде освободиться от долгов, получить землю, свободную от феодального гнета. Итальянское купечество, принимавшее участие

в последующих походах, надеялось вытеснить византийских купцов в торговле с восточными странами. Римская католическая церковь хотела подчинить своему влиянию византийскую церковь и распространить христианство на Востоке. Византийский император надеялся вернуть прежде утраченные территории империи в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

История крестовых походов достаточно подробно изучена в зарубежной и отечественной исторической науке. Мы ограничимся только выяснением особенностей крестовых походов как религиозной войны. Как известно, поход крестьян закончился полным их разгромом под Никеей, где погибло примерно от ста до двухсот тысяч человек. Крестьяне после первого неудачного похода постепенно отходят от участия в данном мероприятии. В последующих походах социальная база крестоносного движения продолжает сужаться, постепенно превращаясь в чисто феодально-рыцарское мероприятие.

Первый крестовый поход в отличие от последующих был самым результативным для крестоносцев. По пути своего следования крестоносцы штурмом брали города и подвергали их разграблению. При дележе добычи происходили постоянные распри между предводителями отрядов крестоносцев. По пути в Иерусалим крестоносцы терпели страшные бедствия и страдания. О тяготах крестоносцев по пути в Иерусалим выразительно рассказывают многие хронисты. Переход через безлюдные местности при палящей жаре совершался с большим трудом. Крестоносцы страдали от недостатка продуктов питания, особенно мучительно переносилась нехватка воды. Из-за нехватки воды и кормов гибли лошади, ослы. Порой только сильные религиозные чувства давали моральные силы выдержать все трудности похода. Особенно страдали бедные рыцари, не имеющие достаточно средств для похода. Поэтому по пути к святым местам им приходилось заниматься грабежами, насилием.

Примечательна история создания графства Эдесское, которая свидетельствует о превосходстве материальных интересов над религиозными мотивами крестоносцев. В октябре 1097 года к крестоносцам за помощью обратились жители Эдессы. По совету своего брата герцога Готфрида Бульонского, Бодуэн согласился оказать помощь местным армянам в разрешении возникшего у них кон-

фликта. Имея всего лишь сотню рыцарей и опираясь на поддержку некоторых армянских правителей, сначала он завладел двумя важными крепостями, а затем и самой Эдессой. Граф Бодуэн поддержал заговор части армянской знати против их правителя Тороса, затем сам захватил власть. Вскоре по его приглашению в Эдессу прибыли и другие знатные крестоносцы со своими рыцарями. Власть графа Бодуэна в Эдессе и близлежащих землях держалась исключительно на терроре. Крестоносцы занимались грабежами в городах, расхищали поместья, должности, казну [3, с. 74–75]. Таким образом, часть крестоносцев практически отказалась продолжать поход до далекого еще Иерусалима, совершенно забыв про свой обет – освободить христианские святыни от неверных. Этого графу Бодуэну до конца своей жизни так и не смог простить его родной брат Готфрид Бульонский. Примечательно также то, что население Эдессы и других городов графства было христианским. То есть графа Бодуэна Бульонского и других крестоносцев это обстоятельство ничуть не смущало.

В октябре 1097 года крестоносцы подошли к Антиохии – самому значительному в экономическом и стратегическом значении городу по пути в Иерусалим. Крестоносцы после длительной осады с трудом сумели взять город, но подошла огромная мусульманская армия под предводительством Мосулы Кербоги. Теперь уже крестоносцы сами оказались в осадном положении без продовольствия. Боевой дух воинов резко падал, началась паника. Одни полностью отчаявшись, впадали в религиозное исступление и с утра до ночи стояли в храмах, отдавая поклоны иконам Христа, девы Марии и святых угодников. Другие утратили религиозный энтузиазм, которыми были охвачены раньше. Как повествуют хронисты, многие трусы, посчитавшие, что Бог от них отвернулся, бежали из города. Первым из Антиохии бежал родич Боэмунда Тарентского – Гийом де Гранмениль. Среди прочих бежал и граф Этьен Блуасский. Эти сиятельные крестоносцы, награбив золота и серебра на Востоке, не желали подвергать опасности свое добро ради проблематичного освобождения гроба Господнего, до которого еще было далеко [3, с. 83].

Когда осажденные в городе дошли до полного отчаяния, у голодных воинов начались галлюцинации. Раймонд Тулузский поручил своему капеллану Раймонду Агильскому сотворить нечто необычное, что могло бы поднять боевой дух крестоносцев. Тогда нашелся

бедняк Пьер Бартелеми, который сообщил, что ему пять раз являлся Апостол Андрей Первозванный и сообщил, что в церкви святого Петра зарыто копье. Согласно евангельскому сказанию этим копьем римский воин пронзил бедро распятого на кресте Иисуса Христа. Пьер Бартелеми убеждал, если крестоносцы отыщут это копье, то будут спасены. Хронист Раймонд Агильский поэтому пишет, что обнаружение святого копья вновь оживило сердца крестоносцев и укрепило веру, что Бог не покинул их. И через две недели осажденные крестоносцы, готовые пойти на любой риск и безрассудство, вдохновленные, что святыня обеспечит им победу над неверными, пошли на прорыв блокады. Впереди войска провансальцев капеллан Раймонд Агильский нес копье господне, вид которого должен был вдохновлять на битву с неверными [3, с. 83–87]. Хотя крестоносцы, значительно уступали врагам в количественном отношении, были изможденны голодом, но тем не менее одержали победу.

Надо признать, что в минуты отчаяния, когда религиозный энтузиазм и боевой дух значительно упал, инсценировка «чуда» с копьем способствовала поднятию боевого духа крестоносцев. Однако в стане крестоносцев нашлось и немало людей, которые усомнились в правдоподобности этой спасительной истории копья. В чудо решительно отказался поверить даже епископ Адемар Монтейский – духовный предводитель первого крестового похода, ведь он-то стоял близко к графу Раймонду Тулузскому. В числе скептиков был и князь Боэмунд Тарентский. Бесспорно, все крестоносцы были верующими людьми, но не чуждыми элементов определенного рационализма [3, с. 94–95].

После длительных споров крестоносцы решили отдать Антиохию под власть князя Боэмунда Тарентского – предводителя нормандских рыцарей Южной Италии. Вместе с ним осталась и значительная часть его войска, тем самым значительно ослабив и без того сильно поредевшее войско крестоносцев.

7 июня 1099 года изрядно поредевшее войско крестоносцев подошло к Иерусалиму. Как сообщает хронист Раймонд Агильский, в двенадцатитысячном войске крестоносцев едва набралось бы 1200–1300 рыцарей [7, с. 184]. К тому же, несмотря на общую цель борьбы, предводители воинства Христова не прекращали взаимных усобиц. Поэтому священнослужителям приходилось утихомирить

постоянные ссоры. Перед началом штурма церковнослужители объявили пост и устроили крестный ход вокруг Иерусалима для поднятия религиозного духа. Босиком с непокрытыми головами крестоносцы двинулись к Масличной горе, где Петр Пустынник произнес пламенную проповедь, а Арнульф из дружины графа Нормандского призвал сохранить терпение [2, с. 178].

Штурм города начался 12 июня и только 15 июня в пятницу около девяти часов утра крестоносцам удалось прорваться в город. И в этом хронисты также увидели божеское предопределение. Хронисты сообщают, что крестоносцы прорвали оборону города в тот же день и в тот же час, в котором Господь пострадал за весь род человеческий [2, с. 180].

Ворвавшись в Иерусалим воины Христа, охваченные религиозным фанатизмом и жаждой отмщения, бросились убивать иноверцев и грабить богатства захваченного города. Вильгельм Тирский сообщает, что Танкред со своими рыцарями ворвался в храм Соломона и перебил там бесчисленное множество народа. Далее хронист пишет, что он, «говорят, унес из храма несметное множество золота, серебра и драгоценных камней». Но тут же хронист добавляет, что впоследствии, когда прошло смятение, Танкред возвратил, как полагают, все в целости [2, с. 181]. Как видим, даже в словах хрониста звучат ноты сомнения в последнем. Так что этот «спаситель гроба господня», даже убивая неверных, не забывал о своих вполне земных интересах.

Все хронисты описывают страшную резню, устроенную «освободителями христианских святынь» в Иерусалиме. Вероятно, сгущая краски, Раймонд Ажильский описывает, что в черте храма было перебито около десяти тысяч людей, «кровь доходила до колен всадника и уздечек коней» [7, с. 186]. Вильгельм Тирский рассказывает, что «не только обезображенные трупы и отрубленные головы представляли ужасное зрелище, но еще более приводит в трепет то, что сами победители были в крови с ног до головы» [2, с. 181]. При массовой резне крестоносцы не щадили ни мусульман, ни иудеев, ни женщин, детей, стариков, не говоря уже о мужчинах.

После великого кровопролития, крестоносцы разбрелись по домам. Хронист сообщает, что «при этом каждый, ворвавшись в дом, обращал его в свою собственность со всем находившимся в нем,

ибо еще до завоевания города было условлено между ними, что по завоевании каждый присваивает себе на вечные времена все, что он успеет захватить. Ходя таким образом по городу, чтобы врываться в дома жителей и их тайные убежища, каждый в знак овладения домом вешал на дверях свой щит или другое свое оружие, чтобы через то объявить, что они должны идти дальше, ибо это место уже имеет для себя господина» [2, с. 181]. Далее хронист продолжает, что в домах, которыми крестоносцы овладели силой, было найдено в огромном количестве золото, серебро, драгоценные камни, одежды, фрукты, вино, масло и также вода, в которой они сильно нуждались во время осады [2, с. 183].

После длительных и ожесточенных споров крестоносцы решили создать Иерусалимское королевство и передать его Гофриду Бульонскому, присвоив ему титул защитника гроба Господнего. Все захваченные земли вместе с крестьянами на них были распределены между крестоносцами. В результате первого крестового похода были образованы графства Эдесское, Антиохийское, княжество Триполи и королевство Иерусалимское. На завоеванных землях были установлены точно такие же феодальные порядки как у себя на родине. Католическая церковь предъявила претензии на четвертую часть Иерусалима, напомнив, что именно по ее инициативе произошло освобождение святых мест. Но все же наибольшую выгоду из крестовых походов извлекли для себя итальянские торговые города – республики – Венеция, Генуя, Пиза. С самого начала нерелигиозные мотивы побуждали их к участию в походе, а ими руководили чисто практические цели – извлечь для себя крупные торговые выгоды. Венецианские купцы потребовали предоставления в каждом городе рыночной площади, свободы от всяких налогов и сборов, третьей части добычи.

Весть об успехах крестоносцев произвела сильное впечатление на Западе. Рассказы о несметных богатствах, захваченных крестоносцами, возбуждали многих феодалов. Повсеместно распространялась легенда о том, что Танкред привез шесть телег золотых и серебряных драгоценностей. В начале XII века католическая церковь во главе с папой Пасхалием II развернула активную проповедническую деятельность с призывом «оказать помощь в божьей войне». В 1100 году состоялся церковный собор сначала в Валенсе, затем

в Пуатье. В результате на Восток двинулись значительные отряды людей. Были захвачены один за другим такие города, как Хайфа, Арсуф, Кесария, Акра, Триполи, Бейрут, Тир [3, с. 115].

Таким образом, в ходе крестовых походов религиозный энтузиазм постепенно отходил на второй план. Уже первый крестовый поход постепенно превращался в чисто военно-колонизационное движение, направленное на захват земель и военной добычи. Во время первого похода часть крупных феодалов, захватив земли и образовав самостоятельные владения, отказалась продолжать поход, забыв о его первоначальной цели. После первого похода демонстрация привезенных трофеев, богатств порождала стремление отправиться в поход чисто из стремлений к легкой наживе. Религиозный пыл, доходящие порой до фанатизма в начале движения, постепенно угасал, вытесняясь экономическими и политическими целями участников крестовых походов. Если первый крестовый поход еще имел все признаки межконфессиональной религиозной войны, то последующие походы уже были конфессионально-локальными войнами западноевропейских феодалов с целью колонизации новых земель на Востоке.

Уже начиная со II крестового похода первоначальные цели движения начинают постепенно меняться. Второй поход был направлен с целью захвата Дамаска. А IV поход дискредитировал саму идею священной войны против неверных, доказав, что захватнические, колонизационные цели становятся первостепенными. Как известно, в ходе четвертого крестового похода сначала был захвачен и разграблен христианский город Задар в 1202 г., а затем в 1204 г. Константинополь. Не религиозные, а в первую очередь политические амбиции и экономические интересы направили меч крестоносцев против Константинополя. Ни о каком продолжении похода в Святую землю крестоносцы дальше даже не помышляли. На захваченной территории христианской Византийской империи они создали Латинскую империю с такими же феодальные порядками, как на Западе. Четвертый поход был выражением глубокого кризиса самого крестоносного движения. Последующее за Четвертым походом крестоносное движение вряд ли можно отнести к религиозным войнам, так как их объединяет только то, что в них принимали участие единоверцы, а их армии сопровождали христианские священники.

Таким образом, начавшись как религиозная война, крестовые походы постепенно выродились в обычное военно-колонизационное мероприятие западноевропейских феодалов с целью завоевания новых земель и захвата военной добычи. В крестовых походах сочетались глубокая религиозная вера ее участников со стремлением улучшить свое материальное положение, проявляя при этом невероятную жестокость по отношению к местному населению. Вера побуждала крестоносцев к самоотречению ради спасения души, искупления грехов, вера придавала силы вынести все тяготы и лишения в походе. Когда голод, болезни доводили их до отчаяния, церковь даже не останавливалась перед инсценировкой чудес для поднятия морального духа.

Оставаясь глубоко верующими и убежденными в том, что, освободив Иерусалим от власти неверных, они заслужат царства небесного, крестоносцы пренебрегали основными заповедями христианства по пути следования к Иерусалиму. Они захватывали чужие земли, устраивали еврейские погромы, массовые избиения и грабежи местного населения. Причем религиозный энтузиазм и стремление к обогащению не противоречили друг другу. Так был устроен феодальный мир средневековой Европы. Без владения землей с использования труда крепостных крестьян феодальное общество не могло удовлетворять большую часть своих потребностей.

Источники и литература

1. *Горин А.А.* Религиозные войны: проблемы исторической интерпретации. Учебное пособие. Издание второе, переработанное и дополненное. Казань: Издательство «ЯЗ», 2015.

2. *Вильгельм Тирский*. Осада и взятие Иерусалима // История средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд. Испр. и доп. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб., 2001.С.172–183.

3. *Заборов М.А.* Крестоносцы на Востоке. М.: Издательство «Наука», 1980.

4. *Куглер Бернард*. История крестовых походов. Ростов на Дону: Изд-во «Феникс», 1998.

5. История средних веков: В 2 т. Т. 1: Учебник / под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Моск. Ун-та, Изд-во «Высшая школа», 2003.

6. *Ордерик Виталий*. Церковная история // История средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. 3-е изд. Испр. и доп. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб., 2001. С. 61–66.

7. Раймонд Агильский. История франков, которые завоевали Иерусалим / М.М. Стасюлевич. Указ. соч. С. 153–167.

8. *Роберт*. Иерусалимская история // История средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / М.М. Стасюлевич. Указ. соч. С. 56–60.

9. *Роберт Реймсский*. Иерусалимская история // История средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / сост. М.М. Стасюлевич. Указ. соч. С. 56–60.

10. *Фульхерий Шартрский*. Иерусалимская история. (Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим) / сост. М.М. Стасюлевич. Указ. соч. С. 219–227.

V.L. Larionov

PROBLEMS OF RELATION OF RELIGIOUS MOTIVES AND MATERIAL INTERESTS OF PARTICIPANTS OF INTERFAITH WARS IN THE MIDDLE AGES

Abstract: The article is devoted to the study of inter-confessional wars in the Middle Ages using the example of the Crusades. The article traces the change in the ratio of religious motives and material interests of participants in the crusades.

Keywords: religious wars, religious faith, holy war, pope, crusades, chronicles, Jerusalem.

УДК 94(438)

В.М. Новик

КНИГА АНДЖЕЯ ФРЫЧА МОДЖЕВСКОГО «О ВОЙНЕ» И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются важнейшие проекты польского мыслителя и политического деятеля эпохи Возрождения А.Ф. Моджевского о предотвращении войны и сохранении мира, высказанные в его книге «О войне». Они неоднозначно были восприняты его современниками, но не потеряли своей значимости и в наше время.

Ключевые слова: Польша, Моджевский, мир, война, реформы, армия, толерантность.

Одним из виднейших представителей политической мысли Польши в эпоху Возрождения был Анджей Фрыч Моджевский (1503–1572). Великий мыслитель, гуманист, политический деятель, публицист оставил немалое литературное наследие, в котором изложил широкую программу общественного переустройства, требовавшего своего разрешения.

Наибольшую известность автору принес трактат «Об исправлении государства» («De Respublika emendanda libriguigue») из пяти книг: «О нравах» («Demoribus»), «О законах» («Deligibus»), «О войне» («Debella»), «О церкви» («Deecclesia»), «О школе» («Deschola»). Первое издание, вышедшее в 1551 г., состояло из трех книг «О нравах», «О законах», «О войне». Книги «О церкви» и «О школе» не пропустила церковная цензура. Ст. Хозьюш, вдохновитель контрреформации в Польше писал: «Издание сочинения является величайшим позором для нашего народа, обычаи и законы которого подвергаются в нем бешенной критике» [6, с. 81]. Через три года в Базеле при поддержке известного в Европе издателя Яна Опорина вышли все пять книг фундаментального труда Фрыча. Книга, в которой «смелые и реальные планы реформ общественного переустройства сочетались с утопическими идеями» [4, s. 27], поставила Моджевского в центр внимания всей просвещенной Европы. Интеллектуальные круги европейского общества приветствовали этот манифест прогресса в условиях XVI века [2, s. 23]. Идеи Моджевского в его трактате и книге «О войне» по достоинству были оценены современниками. Появились переводы трактата на немецкий, польский, французский языки. Книга «О войне», содержащая пятнадцать глав, была переведена отдельно на испанский язык итальянским ученым Джузеппе Джустиниано из Падуанского университета. Обращаясь непосредственно к Моджевскому, он писал: «…был бы рад, чтобы на все христианские языки была переведена книга и распространена среди множества людей» [1, s. 38].

Интерес к трактату в XVII в. проявили и представители русского государства. Сочинение польского мыслителя на латинском языке в 1677 году приобрел боярин Артемон Матвеев, находившийся на дипломатической службе в правление Алексея Михайловича. Через год в Москве трактат был переведен на церковнославянский язык (без книги «О церкви»). Обладателем сочинения стал князь

В.В. Голицин. Оригинал этого перевода не сохранился, но остались три его списка. Два из них хранятся в Историческом музее в Москве, третий – в Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге [5].

Мы попытаемся рассмотреть теоретическую программу Моджевского по вопросам войны и мира в третьей книге «О войне» и показать, какие миротворческие инициативы мыслителя созвучны нашей эпохе.

Главным источником глубокого содержания книги «О войне» великого гуманиста была современная ему действительность, наполненная острыми социальными, политическими, идеологическими конфликтами.

И в польской публицистике шла острая борьба между реакционным и прогрессивным направлениями по основным вопросам социально-экономической и политической жизни страны. Особенно остро эта борьба проявлялась в отношении вопросов войны и мира. В истории Польши это было время непрерывных войн с Османской империей, татарами и Русским государством. Если войны с первыми велись с целью сохранения национальной независимости, то войны с Русским государством носили агрессивный, захватнический характер. Их особенно восхваляли реакционные польские публицисты – П. Скарга, Ст. Ожеховский и др., тем самым они толкали короля на войну с восточным соседом.

Совершенно иную позицию занимал Моджевский. Для него, как гуманиста, крайне важно было предложить свою программу предотвращения войны и сохранения мира, чтобы «защитить общество от жестокости и насилия» [8, s. 107–108]. Великий мыслитель не имел прямого отношения к военному делу, но писал о войне, используя свой опыт политика, так как долгое время исполнял функции королевского секретаря при дворе Сигизмунда Августа. Кроме того, в качестве дипломата, он часто выезжал за пределы Польши для урегулирования отношений с другими королевскими дворами Европы, имел тесные контакты и переписку с известными гуманистами Э. Роттердамским, Т. Мором, и др., которых не в меньшей степени интересовали вопросы войны и мира.

В своей книге «О войне» мыслитель изложил и всесторонне обосновал самый животрепещущий вопрос эпохи в определенной

последовательности, считая, что следует предпринимать перед войной, в ходе войны и после ее завершения [3, s. 355].

Чтобы предотвратить начало вооруженного конфликта, «необходимо было, считал Моджевский, проявлять особую бдительность по отношению к внешней политике соседних государств и обращать внимание на то, чем они заняты в мирное время, с кем ведут переговоры» [3, s. 305]. Важно было вовремя определить, чтобы под прикрытием «мнимого мира не велась подготовка к войне», ибо чем дольше будет продолжаться состояние непрочного мира, тем больше времени будет иметь неприятель для подготовки к войне, тем труднее одержать победу в случае ее начала [3, s. 305].

Не менее действенными должны были стать и своего рода санкционные меры: «запрет вывоза в государство противника из страны любого сырья, необходимого для изготовления военного снаряжения» [3, s. 305]. В целях обеспечения безопасности государства необходимо было укреплять его границы. Для этого следовало «в пограничных местах создать военные поселения из шляхты, которая вследствие своей бедности не имеет возможности участвовать в военных походах в таком виде, который соответствовал бы их шляхетскому званию» [3, s. 306]. Это была, как известно, мелкая шляхта, не имевшая снаряжения, с которым она должна была явиться в поход «на добром коне, во сбруе с древком, топором, на котором был панцирь, в цветном платье». Именно эту безлошадную, малоземельную шляхту необходимо было наделить землей, чтобы она создавала запасы продовольствия, построить для нее жилище, чтобы она могла следить за приближением неприятеля или сдерживать его до прибытия войска [3, s. 306]. На пограничных территориях, где находились лесные массивы, со стороны неприятеля, Моджевский предлагал создать своеобразные фортификационные заграждения (по принципу домино. – *Н.В.*) «из подрезанных заранее деревьев, которые должны были падать с обеих сторон дороги и преграждать путь неприятелю или сдерживать его» [3, s. 306–307]. Результативность подобных мер он подтверждает примером из данных древнеримского историка Тита Ливия, описавшего гибель двухсотпятидесятитысячной армии римлян, пытавшихся захватить Галлию. Важную роль в предотвращении международных конфликтов, по мнению автора книги «О войне», могут иметь или «законы», или «честные реше-

ния мудрых мужей» [3, s. 305]. При этом конфликтующие стороны, заключив между собой договор, должны были избрать из числа иностранцев или подданных своих государств – судей, освободив их от присяги королю, чтобы они независимо от власти могли вынести справедливое решение. По существу, это была новаторская идея мыслителя о создании международного права и арбитражных судов для разрешения споров. Не вписывалось в общий контекст эпохи и предложение Моджевского о возможности участия в международном сообществе не только христианских государств, но и тех, в которых «исповедуется другая религия» [3, s. 305]. Не подлежит сомнению, что он «имел в виду Турцию, с которой необходимо было вступать в диалог» [9, s. 109].

Таким образом, Моджевский одним из первых робко прокладывал путь к еще редким в XVI веке сторонникам веротерпимости. Но, как человек своей эпохи, он верил в неограниченные возможности государя, способного предотвратить военные конфликты, в осознание им своего долга перед народом. Возлагая надежды на благую волю монарха, мыслитель обязывал его «беспокоиться о судьбе своих подданных, как о судьбе своих детей, заранее предвидеть любую угрозу, чтобы предотвратить ее с помощью созданного совета или смягчить, или, в крайнем случае, принять то, что уготовит судьба» [3, s. 313]. У Моджевского, как и у многих других передовых мыслителей эпохи, еще не возникало сомнений в том, что абсолютный правитель по своей природе не способен положить конец многим лишениям простонародья, в том числе и войне.

Все перечисленные меры по предотвращению войны, предлагаемые мыслителем, дополнял тщательно продуманный проект военной реформы. Неслучайно он вызвал резкую критику сторонников создания наемной армии из иностранцев, содержание которой возлагалось на все слои населения.

По замыслу Моджевского, следовало создать постоянную регулярную армию из числа поляков [3, s. 323]. Расходы на ее содержание он предлагал возложить главным образом на дворян. В этом вопросе реформатор солидаризировался с коронным канцлером Яном Ласким, который в 1530 году предлагал ввести военный налог из половины годовых доходов каждого шляхтича и священника. Вопрос о расходах на содержание армии неоднократно был предметом

острых дискуссий на созываемых сеймах. Однако все рассуждения и споры сводились к тому, что главными налогоплательщиками должны быть крестьяне и мещане.

Создаваемая по проекту Моджевского армия должна быть организованной, подготовленной, дисциплинированной, способной защитить свое отечество. В IV главе книги «Искусство обучения воинов» автор, как настоящий стратег, описывает, каким образом можно добиться успехов в военном деле. Прежде всего, считает он, воины должны отправляться на войну подготовленными. Для их обучения необходимо иметь специальные школы для получения теоретических знаний, которые они могут получить от знающих и опытных участников военного дела [3, s. 323]. Основная же часть подготовки была ориентирована в проекте на получение практических навыков. Для этого необходимо было упражняться в верховой езде, иметь хорошую лошадь, уметь ухаживать за ней, приучать ее не бояться ни рва, ни реки и всего, что может быть на войне [3, s. 320]. Не меньше требований предъявлялось и к всаднику, который должен был научиться управлять лошадью, умело использовать меч, ружье, копье [3, s. 320]. Военная подготовка требовала от воинов переносить жажду, голод, мороз, жару, преодоление бездорожья, с саблей, копьем, другими тяжестями на плечах [3, s. 321]. Следовало научиться во время похода «как можно укрыться от врага в местах открытых, видимых, в оврагах, на бездорожье» [3, s. 322]. Моджевский считает также, что ежегодно в определенный день все представители рыцарского сословия должны съезжаться на военные смотры на конях, со слугами, в доспехах, с оружием [3, s. 331]. В этих военных маневрах они должны были научиться, как вести себя на войне, чтобы защитить отечество.

Искусство ведения войны требовало порой особой смекалки, считал Моджевский. Он рекомендовал научиться делать все так, чтобы «большое войско выглядело малым и, наоборот, малое – большим» [3, s. 323]. Наука военного искусства была иллюстрирована Моджевским примером из античной эпохи. Читателю он напоминал о том, что «римляне весь мир завоевали не только числом, но и искусством ведения военных действий [3, s. 325]. Аналогичным образом поступали и турки, когда «искусством и хитростью они выиграли больше побед, чем силою [3, s. 325]. Различного рода меры

по предотвращению войны и создание хорошо подготовленной регулярной армии, как считал Моджевский, должны были стать залогом мира. Если же все мирные способы были исчерпаны, оказались безрезультативны, он допускал мысль, что война неизбежна.

Причины войн гуманист видел в «ненасытной людской жадности, жестокой, дикой вспыльчивости человеческих чувств, не способных ни мир с достоинством сохранить, ни жизнь людей от угрозы спасти» [3, s. 302]. Враги извне «жаждут крови, посягают на имущество, захватывают земли» [3, s. 302]. Суммарное понимание захватнических, несправедливых войн Моджевским: личные, корыстные желания шляхты, страсти правителей, религиозные разногласия, высокомерие и косность, присущие людям. В противоположность феодально-рыцарской морали, считавшей военное ремесло делом чести и славы, он «решительно осуждает агрессию и войну как род деятельности, недостойной человека» [7, с. 22]. Страницы книги «О войне» содержат многочисленные примеры жестокости, которое испытывает население во время войны. Завоеватели, вступив на чужую землю, грозят непомерными налогами, грабят, убивают людей, захватывают зерно, фураж, угоняют скот [3, s. 304]. В ходе успешного продвижения войска неприятели сгоняют жителей с насиженных земель, и многие гибнут от голода, чинят насилие над женщинами, девушками, похищают молодых, убивают детей [3, s. 315].

Моджевский в своей книге порицал и тех, кто стремился завоевать почет и уважение огнем и мечом. Эти патриотические качества, на его взгляд, можно завоевать «готовностью отдать свою жизнь, защищая жену, детей, имущество, землю, где ты родился, дом, в котором вырос и был воспитан» [3, s. 318].

Сурово осудив политику феодальной агрессии, Моджевский был все же далек от пацифизма. Для него война позволительна, если имеет справедливую причину. Справедливой или необходимой, как считал Моджевский, она может быть только тогда, «когда воюют не ради славы и не с целью расширения границ государства» [3, s. 308], а из-за «необходимости защиты наших людей от несправедливости, нанесенной неприятелем» [3, s. 355]. Начиная оборонительную войну, Моджевский адресовал свое обращение к шляхте, чтобы она «готовясь к войне, не готовилась допускать произвол и грабеж отечества» [3, s. 316].

Четырнадцатую главу книги «О войне» под названием «Что делать, одержав победу?» Моджевский посвятил вопросам послевоенной политики. Он был убежден, что государство, ведущее справедливую войну, не могло ее проиграть.

В главе книги Моджевский развивает ряд прогрессивных мыслей. В частности, он провозглашает принцип неприкосновенности частного имущества на территории противника во время войны: «Никого не убивать, чужого имущества не присваивать. Совершившие эти деяния будут наказаны» [3, s. 353]. Прогрессивную направленность имеет и выдвинутое Моджевским требование человеческого отношения к военнопленным и к населению побежденной страны [3, s. 354]. Как опытный государственный деятель он советует обращаться с гражданами побежденной страны, как со своими подданными: дать им установленную меру земли, защищать как судья от всех бед, принимать на воинскую службу, если убежден в их преданности [3, s. 353]. Только в этом случае, по мнению Моджевского, могут быть достигнуты положительные результаты по сохранению мира.

В искренности мирных устремлений великого гуманиста невозможно сомневаться. Однако действенность его предположений была незначительна. Страстному желанию осуществить предлагаемые проекты противостояло недостаточное осознание реальности.

Как человек своей эпохи, «он был убежден, что в польских условиях достаточно действовать силой аргументации и апелляции к этике» [4, s. 38], чтобы добиться установления мира.

Провозглашенные идеи Моджевского укрепления рубежей государства, толерантности по отношению к народам различных конфессий, стремление к диалогу между государствами, попытки урегулирования конфликтов мирным путем не утратили своей актуальности и в наше время.

Источники и литература

1. *Бардах Ю.* Літоўска – «русская» эліта эпохі Адраджэння і польскі пераклад «De Respublica emendanda» А. Фрыча Маджэўскага» // Кантакты і дыялогі. Мінск, 1996. № 7–8.

2. *Lepszy K.* Andrzej Frycz Modrzewski // Odrodzenie w Polsce. T. I. 1955.

3. *Modrzewski A.F.* O poprawie Rzeczypospolitej // Dziela wszystkie. T. 1. Warszawa, 1953.

4. *Modzelewski Z.* Tło społeczne nauki polskiej w dobie Odrodzenia. Warszawa, 2010.

5. *Новик В.М.* Трактат Анджея Фрыча Моджевского «Об исправлении государства»: герменевтический аспект // Вестник Межрегионального открытого социального института. Йошкар-Ола, 2015. № 1.

6. *Оболевич В.Б.* История польской литературы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983.

7. *Сушкевич Л.П.* Воззрения Анджея Фрыча Моджевского по вопросам войны и мира // Вестник Белорусского университета. Серия 3. История, философия, научный коммунизм, экономика, право. 1973. № 1.

8. *Voisé W.* Andrzej Frycz Modrzewski 1503–1572. Wrocław, 1975.

9. Z dziejuw polskiej mysli filozoficznej i społecznej. Wiek XV–XVIII. T. I. Warszawa, 1956.

V.M. Novik

THE BOOK BY A.F. MODZEWSKIE «ON THE WAR» AND THE CONTEMP

Abstract: The article deals with the most important projects of the Polish thinker and politician of the Renaissance A. F. Modzewskie on the prevention of war and the preservation of peace, expressed in his book «On the War». They were ambiguously perceived by his contemporaries, but have not lost their importance up to our time.

Keywords: Poland, Madzhewskie, world, war, reform, the army, the tolerance.

УДК 94(73).07

А.В. Тайгильдин

ДНЕВНИКИ СОЛДАТ-КОНФЕДЕРАТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США (1861–1865) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Гражданская война в США 1861–1865 годов стала самой кровопролитной войной в истории Америки. До нас дошло огромное количество писем, дневников, воспоминаний которые

солдаты писали во время и после войны. Они являются важным историческим источником, так как позволяют нам взглянуть на войну с позиции простого солдата. Дневники конфедератов помогают нам не только увидеть бытовую сторону солдат мятежников, но и узнать, почему эти люди поддержали отделение их штатов от Союза и почему они пошли воевать? Отсюда вытекает цель статьи – показать дневники конфедератов как источники, содержащие в себе ценную информацию описания будней солдата и его мыслей по поводу судьбы Юга. В заключении сделан вывод, что южан мало беспокоили политические и экономические противоречия регионов, конфедераты сражались за «дело Юга».

Ключевые слова: история США, Гражданская война в США, солдат-конфедерат, дневники.

Гражданская война между Севером и Югом 1861–1865 гг. – самая кровопролитная война в истории США. Более шестисот тысяч солдат погибло в сражениях с той и с другой стороны. Для человека середины XIX века эта война была не просто внутренним конфликтом государства, находящегося на периферии мировой истории, но событием, взбудоражившим весь мир, изменившим торговлю и геополитику, изменившим взгляд на войну в целом и на боевые действия – как на море, так и на суше – в частности и ставшим причиной отмены рабства в США. Даже для европейцев, привыкших к постоянным конфликтам, события в США казались чем-то невообразимым, ведь в предыдущей Крымской войне 1853–1856 гг., по значимости для мировой истории не уступающей войне в Америке, погибло в общей сложности около 300 тысяч человек. А для американцев, которые в американо-мексиканской войне 1846–1848 гг. потеряли 13 тысяч человек, Гражданская война стала настоящим кошмаром и проверкой на прочность молодой демократии и нации.

В случае с Гражданской войной в США есть соблазн назвать главную и единственную причину этого конфликта – рабство. Так говорили и многие американские историки, и особенно на это обращали внимание в советской историографии. Так, видный американский историк рубежа XIX–XX веков Джеймс Родс писал, что прямая причина конфликта – рабство, а Линкольн и Дэвис лишь скрывали это ради политической выгоды: Линкольну были необходимы при-

граничные штаты и единство партий на Севере, а Дэвису признание в Европе [6, с. 57]. Советские историки, используя тезис К. Маркса о том, что в основе Гражданской войны в США лежала «борьба двух социальных систем – системы рабства и системы свободного труда» [4, с. 355], нисколько не сомневались, что причина конфликта – это рабство. Однако нельзя утверждать, что рабство рассматривалось как единственная причина войны. Советская американистика прошла путь от рассмотрения чисто экономических и политических причин Гражданской войны, основываясь на марксистско-ленинской методологии, до всестороннего изучения этой проблемы [8, с. 55].

Сегодня рабство не рассматривается главной или единственной причиной Гражданской войны. Причины можно разделить на экономические, политические и социальные. К экономическим мы можем отнести закон о тарифах, спор о западных землях, центральное налогообложение и т.д. К политическим – теорию прав штатов и нуллификацию. В последнее время все чаще стали обращать внимание на социальные причины: Юг был уникальным регионом, имеющим все предпосылки для создания нации и собственного государства. В культурном плане южане сильно отличались от северян, да и северяне зачастую видели в южанах чужих. Об этом разногласии пишет Г.Ю. Прокопенков. Он рассматривает взаимоотношения двух регионов через призму концепции свой-чужой и показывает, как культурно-региональная идентичность переросла в гражданско-национальную [5].

Наверно, не будет преувеличением сказать, что в Америке тема Гражданской войны наиболее популярна. Казалось бы, за столько лет ее можно было изучить вдоль и поперек, но каждый год ей посвящают огромное количество статей и научных трудов и до сих пор существуют существенные лакуны в истории этого события и проблема памяти. Достаточно вспомнить недавние события 2017 г., возникшие вокруг вопроса о сохранении памятников героям конфедератам. Однако в российской историографии есть некоторое преимущество: мы можем более объективно смотреть на причины войны, характер войны, роль негров в конфликте и, самое главное, на южан как формировавшуюся нацию.

Юг не был просто географическим регионом. На Юге сформировалась особенная политическая, экономическая и социальная

система, которая имела все предпосылки для формирования нации. Южанам лишь не хватало широкого независимого политического поля, и если для северян война была лишь способом сохранения политического Союза, то для южан – шансом обретения независимости и защиты собственного жизненного уклада. Исходя из этого, ценными для нас источниками являются дневники солдат конфедератов, которых сохранилось огромное количество (80 % солдат в армии конфедератов были грамотными и оставили воспоминания [7, с. 153]). Из них мы можем почерпнуть не только информацию о военных буднях и быте солдата, но и о его чаяниях и надеждах. Однако необходимо иметь в виду, что авторы дневников писали их уже после войны. Если в начале войны они были уверены в собственной скорой победе, то, вспоминая это время после войны, ветераны отмечают бесперспективность для «Дела Юга» [5, с. 91].

В самом начале войны, после того как прозвучали выстрелы в форте Самтер и Линкольн подписал указ о мобилизации 75 000 добровольцев, южане были сплочены как никогда. Единство и воодушевление южан признавали даже северяне, хотя Линкольн ошибочно полагал, что большинство южан являются сторонниками Союза, тогда как меньшинство толкает их на войну [6, с. 37].

В патриотическом порыве многие стали записываться в армию конфедератов.

Одним из них был Дэвид Джонстон из 7-го Вирджинского пехотного полка. Ему было пятнадцать лет, когда избрали Линкольна. В этот период даже в его родной школе говорили только о сецессии и о войне, и «даже мальчишки в школе … разделились во мнениях примерно в той же пропорции, как их отцы, опекуны и соседи» [1, p. 4]. Очень скоро патриотизм взял верх, и для нас важно мнение юноши, который не занимался политикой и был не осведомлен во многих вопросах, но четко и осознано понимал, где его дом и родина. «Естественно, следуя своим ранним впечатлениям, я стал и был убежденным сторонником и защитником прав штата и отделения, не понимая, что на самом деле подразумевалось под этими терминами. Мой юношеский ум был вдохновлен мыслью о том, что я живу на юге, среди южных людей. Я думал и чувствовал, что их интересы были моими интересами, их противники и агрессоры были в равной степени моими, их страна – моей страной, на которую падали лучи

южного солнца, и что росы, увлажнявшие могилы моих предков, падали с южного неба. Не только это, но и патриотические песни, и мысль о том, чтобы стать солдатом, с мундиром и яркими пуговицами, марширующим под звуки боевой музыки, путешествие в Ричмонд – все это оживляло и приводило меня в восторг, и я решил стать солдатом» [1, p. 5–6].

Джонстон писал не только о своих чувствах и о солдатском быте, но дал и свое видение многих происходящих во время войны событий. Опустив причины конфликта, он пишет, что южане «пришли к выводу, что война неизбежна и никакого урегулирования на мирных и почетных условиях быть не может. Поэтому мы покинули Союз… Мы чувствовали себя обязанными обратиться к мечу за разрешением вопросов, которые не удалось решить государственной мудростью, но всегда были готовы заключить с северянами детскую сделку: «оставьте нас в покое, и мы оставим вас в покое» [1, p. 28–29]». Даже после стольких лет Джонстон не сомневался в правильности и справедливости отделения. Подводя итоги конфликта, он писал о конфедератах как о храбрых и благородных солдатах, которые в этой борьбе потеряли все, кроме «чести и достоинства» [1, p. 351–352].

Автор следующего дневника – Л. Леон, хоть и напечатал его уже в преклонном возрасте, но писал непосредственно во время войны, описывая почти каждый день тяжелой солдатской битвы. Леон мало вдавался в пространные рассуждения о долге и патриотизме, он лишь записывал то, что видел. Однако во вступительном слове он все же подчеркнул мысль о справедливости дела, за которое они сражались [2, Preface].

Дневник Леона хорош тем, что в нем содержатся детали обычной солдатской жизни, начиная от того, где они спали и что ели, заканчивая описанием сражений, позволяя нам увидеть их изнутри, а не только глазами высшего командования или из документов официальных донесений. Кроме того, Леон иногда описывал чувства, которые испытывал солдат в тех или иных ситуациях. Так, например, в самом начале войны, как только их призвали, солдаты чувствовали унижение, что их ночлегом стала конюшня, а их кроватями сено. «Они даже не дали нам зеркало», – так возмущался Леон 25 апреля 1861 г. [2, p. 1]. Его дневник дает нам яркое представ-

ление о солдате-конфедерате, как о типичном представителе Юга, привыкшем к хорошему обращению, ночлегу, еде и не привыкшему работать руками. Когда они в первый раз копали бруствер, работа для них была не только трудной, но и унизительной: «Я никогда не думал, что это работа солдата, но мы вынуждены были это делать. Что за руки у меня были через несколько дней работ! [2, p. 2]». Еда также не удовлетворяла их. Но зато как он описывал сражения! Если верить Леону, в небольшом сражении 10 июля они потеряли 7 человек ранеными и одного убитым, тогда как северяне потеряли около двухсот ранеными и убитыми [2, p. 4].

Как уже отмечалось выше, это был первый серьезный конфликт в США, и нет ничего удивительного, что война в представлении американцев выглядела как романтическая прогулка. Справедливости ради необходимо отметить, что и на Севере солдаты не обладали хорошей дисциплиной. Например, генерал северян Уильям Шерман вспоминал, что в самом начале войны, несмотря на все его личные усилия, он не мог остановить солдат, покидающих строй «в поисках воды, ежевики и чего им там еще вздумалось» [6, с. 47].

С течением времени записи Леона становятся более сухими и лаконичными. Его уже не возмущали неудобства, а ежедневная работа уже выглядела как обычная рутина. Вот что он записал 8 декабря: «Сегодня мой день рождения. Мне 21 год [совершеннолетие. – *А.Т.*], но я должен сказать, что исполнял долг мужчины до 21 года, так как долг солдата – это долг мужчины. Я потратил весь день, таская грязь, чтобы укрепить нашу огневую точку» [2, p. 12–13]. Сухость повествования иногда заменялась размышлениями по поводу войны. Так, например, когда их отряд вошел в город Кинстон, который был разрушен янки, Леон увидел в его руинах символ того, «как янки пытаются восстановить Союз» [2, p. 17]. Понятно, что с высоты времени нам легче рассуждать о суровых реалиях войны, и мы скорее увидим в разрушенном городе результат войны, нежели лицо той ли иной стороны, но для Леона и для остальных солдат-конфедератов это было лишь подтверждением их правоты. Последняя запись датируется 1 апреля 1865 г. Находясь в плену, он описал свое чувство от поражения, полное скорби, но был по-прежнему уверен в том, что они сражались за правое дело [2, p. 69–71].

Следующие воспоминания были написаны рядовым 52-го вирджинского пехотного полка Джоном Робсоном. Примечательно, что он был одноногим солдатом, ставшим инвалидом еще до войны. 16 июня 1861 года Робсон из-за «вскипевшего патриотизма» записался добровольцем в пехотный полк под командованием Джона Болдуина в роту Джозефа Хаддла [3, p. 6–7]. Боевой дух солдат-конфедератов был на высоте. Южане считали, что они «мало, если вообще, уступают Наполеону в своих способностях и возможностях, и … были уверены, что один конфедерат стоит пяти янки на поле боя» [3, p. 8]. Робсон вспоминал, что представления о войне поначалу сильно расходились с реальностью. Солдаты учились практически с нуля. Высокие сапоги, которые отвечали представлениям южан о внешности военного, очень скоро сменились удобными короткими сапогами; тяжелые набивные пальто с длинными фалдами и множеством пуговиц сменились серыми однобортными пиджаками [3, p. 8–9].

Робсон в своих воспоминаниях больше давал волю чувствам, чем это делали Джонстон и Леон. Он чаще вдавался в пространные размышления о том, почему Юг воевал. Его слова были переполнены гордостью за своих боевых товарищей. Он писал: «Если это было бы в моих силах, имена тех, кто сражался и пал за «потерянное дело», были бы высечены золотыми буквами на гранитном памятнике … как дань их чистому патриотизму и бескорыстной преданности Родине и родному краю и стойкости, которая проявлялась в течение всех этих кровавых лет, когда они защищали любимую южную землю от нападения всех народов и языков, которые хотели покорить наш народ» [3, p. 34]. Кроме гордости, его переполняли чувства горечи и обиды за проигранное дело. Робсон понимал, что конфедераты-бунтовщики «должны были быть наказаны» за то, что отказались принимать «догматы фанатиков» с Севера, но они сделали это с оружием в руках. «И они сражались со всеми превосходящими силами противника, которые были тщательно вооружены и оснащены всеми новейшими военными изобретениями. Сражались со всеми болезнями, которые приходили из заблокированных портов, пустых казначейских хранилищ, с воплями отчаяния из дома, с холодом, голодом, наготой. Сражались без жалованья с легионами Северной армии, которые имели регулярное ежемесячное жа-

лованье в хороших деньгах, обилие еды, обилие одежды, одеял и палаток, всем тем, что могла предложить санитарная комиссия для утешения больных и раненых. Конфедерат же не мог получить лекарства, когда болел, а часто – когда требовалась ампутация – даже хлороформа, чтобы заглушить агонию, вызванную ножом и пилой хирурга. Солдат Конфедерации боролся против торговли Соединенных Штатов и всех средств ведения войны, которые могла предоставить Европа, и жизнь отдавал за жизнь наемных войск немцев, ирландцев, итальянцев, англичан, французов, китайцев, японцев, белых и черных» [3, p. 35–36]. Так рассуждал Робсон, с одной стороны, отдавая дань мужеству конфедератам, с другой стороны, объясняя, почему Север победил в войне.

Таким образом, даже поверхностного рассмотрения некоторых дневников достаточно, чтобы взглянуть на конфликт другими глазами. История Гражданской войны преподносится как история победителей Северян. Однако южане имели полное представление и идеологическую базу, объяснявших целесообразность их войны. С этой позиции история проигравшего Юга для нас не менее важна. Будучи разделенными, северяне и южане уже не видели друг в друге соотечественников: южане были мятежниками, северяне – фанатиками и деспотами. Дневники и воспоминания конфедератов помогают нам узнать чувства простых солдат, которым зачастую не были понятны политические идеи или экономические выгоды Юга. Помимо описания быта, одежды, еды, военных кампаний, в дневниках много размышлений о судьбе солдата и Юга. Примечательно, что все воспоминания были напечатаны на рубеже XIX–XX веков, однако никто из авторов не сомневался в правильности дела Юга. Мы не можем сказать, понимали ли они с высоты времени, что в условиях развития мировой экономики рабовладельческий Юг был обречен, раскаивались ли они в том, что защищали рабство, но мы четко видим, что до конца жизни они оставались южанами, которые гордились тем, что защищали «дело Юга».

Источники и литература

1. *Jonston David E.* The Story of a Confederate Boy in the Civil War. Portland, Oregon. 1914. 380 p.

2. *Leon L.* Diary of a Tar Heel Confederate Soldier. Charlotte, N.C. 1913. 88 p.

3. *Robson John S.* How a One-Legged Rebel Lives. Reminiscences of the Civil War. Durham, N.C. 192 p.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 15. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 796 с.

5. *Прокопенков Г.Ю.* «Старый Юг» в исторической памяти американцев (1870–1910 гг). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. 255 с.

6. *Родс Дж. Ф.* История Гражданской войны в США: 1861–1865. М.: Азбука-Аттикус, КоЛибри, 2018. 432 с.

7. *Супоницкая И.М.* Цивилизация США: контуры истории. М.: ЛЕНАНД, 2017. 304 с.

8. *Тайгильдин А.В.* Изучение вопроса о рабстве накануне Гражданской войны в США в отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. Т. 4. № 2. С. 52–62.

A.V. Taigildin

DIARIES OF CONFEDERATE SOLDIERS OF THE AMERICAN CIVIL WAR (1861–1865) AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract. The American Civil war of 1861–1865 was the bloodiest war in American history. A huge number of letters, diaries, and memories have reached until our time that soldiers had been writing during and after the war.They are an important historical source, as they allow us to look at the war from the soldier`s point of view.Confederate diaries help us not only to see the everyday`sroutine of rebel soldiers, but also to learn why these people supported the separation of their States from the Union and why they went to war?Hence, the purpose of the article is to show the Confederate diaries as sources containing valuable information describing the everyday life of the soldier and his thoughts on the fate of the South. It is concluded that the southerners were not concerned about the political and economic contradictions of the regions; they fought for the “cause of the South”.

Keywords: U.S. history, American Civil war, Confederate soldier, diaries.

УДК 94(72).05

А.А. Ярыгин

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КАЛИФОРНИИ НАКАНУНЕ АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1846–1848 гг.

Аннотация. Статья посвящена анализу причин и значения экспансионистской политики США на тихоокеанском побережье, её последствий для экономического, политического и социального развития Соединенных Штатов. В статье прослеживается многолетняя борьба США за контроль над Северной Калифорнией, взаимоотношения с Испанией, Великобританией, а затем с Мексикой за тихоокеанское побережье. На основе анализа экспансионистской политики США во второй трети XIX века показывается, что аннексия мексиканских земель на тихоокеанском побережье стала закономерным результатом внешней политики США на Североамериканском континенте и пользовалась полной поддержкой американцев.

Ключевые слова:экспансия, война, президент Полк, Калифорния, Орегон, экспансионизм.

Одним из наиболее ярких примеров формирования государства в ходе развития экспансионистской политики является история превращение США из английских колоний на побережье Атлантического океана в трансконтинентальную державу в Северной Америке. Если государственной независимости американцы добились в ходе долгой войны за независимость, то дальнейший быстрый рост территории США шел сравнительно мирным путем. Уже с первых дней своего существования американское правительство сформировало несколько внешне-политических доктрин, предъявлявших территориальные претензии на значительную часть Североамериканского континента. Однако вплоть до Американо-мексиканской войны 1846–1848 годов, правительству США, используя благоприятную международную обстановку, удавалось существенно расширить свою территорию преимущественно дипломатическими методами. Конечно, если не считать прямых захватов индейских земель и насильственного переселения племен американских индейцев на

земли к Западу от Миссисипи. В учебниках по истории США превалирует идея о том, что формирование современной территории США шло либо за счет освоения свободной земли, либо покупки у других государств в ходе заключения международных договоров (Луизина, Флорида, Аляска и другие территории) [1].

Первым этапом территориального роста США стали присоединение в ходе успешной американской дипломатии Луизианы и Флориды у Франции и Испании. Значение приобретения Луизианы, которая, по мысли известного американского историка Т. Бейли, стала «ключом к континенту» [2], выходило далеко за рамки простого приобретения свободной территории. Покупка Луизианы явилась преддверием американской экспансии во Флориду, Техас, Новую Мексику, Калифорнию, Орегон, Аляску. Завершением первого этапа стал 1819 год, когда после фактического захвата генералом Джексоном Флориды, в соответствии с Испано-американским договором 1819 года, к США отошли огромные территории бывших испанских владений. Переживая тяжелый период распада своей колониальной империи в Латинской Америке, внутренней нестабильности и экономического кризиса в стране, испанцы предпочли не обострять отношений с США. Стремясь заручиться хотя бы нейтралитетом, испанцы по договору Адамса – Ониса окончательно отказались в пользу США от Флориды, уступили им Орегон, согласившись с проведением северной границы по 42 параллели вплоть до Тихого Океана [3].

Вторым этапом стал период от присоединения Техаса до аннексии Новой Мексики и Калифорнии, а также урегулирование вопроса об Орегоне с Великобританией. В этот период формируются официальные доктрины внешнеполитического курса экспансии США на американском континенте, такие как «Доктрина Монро» и «Доктрина Предопределения Судьбы», которые пользовались огромной популярностью внутри американского общества. Усложняются и методы борьбы за присоединение территорий. Характерной чертой экспансионистского курса американских правительств становится тайная и фактическая поддержка сепаратистских действий отдельных групп авантюристов при соблюдении официального курса «свободных рук». Первым шагом к осуществлению американского контроля над землями Техаса стала неофициальная поддержка

переселения колонистов на слабозаселенные земли Техаса. Наиболее успешно этот метод был апробирован на поддержке восстания техасских поселенцев против правительства Мексики и в провозглашении республики Техас в 1835–1836 годах. В 1845 году Техас входит в состав США в качестве рабовладельческого штата. Но территориальные претензии США в западном направлении были гораздо шире, чем просто удовлетворение претензий рабовладельцев на дополнительные земли. Это в полной мере касалось и того, что в техасских землях были заинтересованы и предприниматели Севера. Через Техас проходили удобные пути в Калифорнию, которую американцы рассматривали как наиболее географически выгодную территорию для торговли с Китаем, китобойного и котикового промысла и организации портов, но которая всё ещё находилась под контролем Мексиканского правительства.

Особенно возрастал интерес к тихоокеанскому побережью со стороны предпринимателей штатов Новой Англии, и в частности Массачусетса. Ещё в первой четверти XIX века в этом районе Тихого океана действовало 177 морских судов (две трети из Массачусетса), занятых промыслом калана. Почти полное истребление морской выдры в этом районе не привело к уходу из этого региона американцев. Торговцев пушниной сменили китобои. В середине тридцатых годов здешние воды бороздило 341 американское китобойное судно, на рубеже десятилетия их было уже 557. В 1844 году, в соответствии с американскими правительственными данными, китобойный флот насчитывал уже 700 судов объёмом в 240 000 тонн. Он давал общую прибыль не менее чем 10 млн. долларов [4]. Однако отсутствие у американских китобоев удобных портов на тихоокеанском побережье снижало прибыль и увеличивало издержки на содержание судов. Всё это побуждало судовладельцев и предпринимателей оказывать давление на американское правительство в борьбе за тихоокеанские заливы и гавани Орегона и Калифорнии. Китобоев активно поддерживали американские бизнесмены, связанные с торговлей с Китаем и островами Тихого океана. Общий торговый объём американо-китайской торговли в 1838–1840 годах достиг уровня 20 млн. долларов. Основными товарами, которые американцы ввозили в Китай, были железо и металлоизделия, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, продукты китобойного промысла, звонкая монета и,

главное, опиум. Если в 1831 году стоимость американского экспорта в Китай составила 244 790 долларов, а стоимость товаров, доставленных из Китая на американских судах, 3 млн. 083 205 долларов, то в 1840 – 469 186 и 6 млн. 640 829 долларов, соответственно. На следующий год американский экспорт в Китай увеличился почти в два раза, и это не учитывая стоимость иностранных товаров, которые перевозились на американских судах, зафрахтованных для торговли с Китаем иностранными предпринимателями [5]. В 1844 году США добились подписания неравноправного торгового договора с Цинской империей, который открывал американским купцам дополнительные пять портов Китая, а американские граждане получали права экстерриториальности. Аналогичная ситуация развивалась и в торговле с Гавайскими островами. Гавайские острова рассматривались США как важнейшая база для китобойной промышленности в Тихом океане, крупным рынком сбыта для американских промышленных и продовольственных товаров. В период с 1939 по 1844 год только ввоз американских товаров на Гавайи оценивался почти в 18 млн. долларов [6]. Колониальная и торговая политика в тихоокеанском регионе настоятельно требовала создания на северо-западном побережье целой сети военно-морских и торговых баз, присоединения к США Орегона и Калифорнии, с удобными естественными гаванями устья реки Колумбия и залива Сан-Франциско. Активизация американцев в Орегоне не прошла мимо российского посланника в США графа А.А. Бодиско, который счел уведомить об этом Санкт-Петербург [7].

Администрации президентов Джон Адамса, Эндрю Джексона, М. Ван Бюрена, а затем Джона Тайлера безуспешно увеличивали денежные предложения за эти территории или хотя бы часть калифорнийского побережья. Основной расчет американцев был на очень сложную и нестабильную политическую обстановку внутри Мексиканских Соединенных Штатов, частую смену власти (за короткий срок, с 1824 по 1848 г., здесь произошло 250 военных мятежей, сменился 31 президент), слабое экономическое развитие страны. Центральное правительство слабо контролировало свои провинции, что дало повод к развитию сепаратизма в различных частях Мексики – Калифорнии, Техасе, Юкатане и т.д. Кроме того, коррумпированность власти сверху донизу вселяло в американские власти надежду

на благоприятное для США решение вопроса о судьбе юго-западных земель Мексики. Ещё в период второго срока президентства Э. Джексона государственный секретарь США Дж. Форсит дал поручение поверенному в делах США в Мексике добиваться от правительства Мексики согласия на покупку Верхней Калифорнии или хотя бы района Сан-Франциско [8]. Позже правительство США поддержало претензии техасского правительства Г. Смита–С. Хьюстона на территории Новой Мексики и Верхней Калифорнии, но также безрезультатно. Сложная внутриполитическая и международная обстановка не позволили реализовать эти флибустьерские планы.

Правительство Дж. Тайлера также стремилось купить Верхнюю Калифорнию у Мексики. Послы Франции и Великобритании с тревогой проинформировали свои правительства о том, что США предложило 10 млн. долларов Мексиканским Штатам за урегулирование вопроса о Техасе и территории Верхняя Калифорния. Причем посол Великобритании Р. Пакинхем высказался за скорейшее установление англо-французского контроля над Калифорнией, иначе «рано или поздно этот район тихоокеанского побережья будет аннексирован США» [9].

В то же время американские правительства поощряли миграцию граждан США в Калифорнию, чтобы попытаться повторить техасский сценарий уже на калифорнийской земле. Первоначально большая часть переселенцев, которые посещали Калифорнию до 1840 года, были мореходами, охотниками за пушниной или «джентльменами удачи» – аферистами, как знаменитый Дж. Саттер, купивший Форт Росс у Российско-Американской компании. Добираться туда поначалу приходилось на кораблях чрезвычайно утомительным, опасным и дорогостоящим маршрутом вокруг Американского континента. В 1832 году американцы проложили и сухопутный маршрут, который начинался в г. Индепенденсе на реке Миссури и выводил их в Орегон и Калифорнию. Этот маршрут получил название Орегонской тропы через Великие равнины и доступные горные перевалы Скалистых гор. Одними из первых американцев, поселившихся в Калифорнии, были трапперы Джеймс Огайо Патте и Джедедайя Смит. В сообщениях от Калифорнийских поселенцев, включая и швейцарца Джона Саттера и Джона Марша, описывались необыкновенно привлекательные условия на здешних плодородных

землях в Калифорнии. Знаменитый первопоселенец Дж. Марш, владевший в Калифорнии 50 000 акров земли и крупными стадами крупного рогатого скота, в газете «Дейли Аргус» призвал земляков не бояться трудностей и переселяться в Калифорнию: «Это, без сомнения, великолепная страна с прекрасным климатом. Чего нам не хватает, так это людей! Если бы у нас было полсотни семей из Миссури, мы могли бы делать здесь всё, что нам заблагорассудится, без всяких опасений. Трудности пути сюда – чистая выдумка…» [10].

В 1840 году эмигранты из местностей центрального Запада США, а потом и из других районов США, несмотря на протесты мексиканских властей, начали организованными партиями прибывать в Калифорнию, заселяя эти земли и другие регионы Тихоокеанского побережья. В 1843 году идея переселения на Запад охватила многие районы США. Одни бежали от долгов, другие оставляли ставшие нерентабельными старые фермы и отправлялись на запад, некоторые заработали достаточно денег, чтобы рискнуть заняться бизнесом на тихоокеанском побережье. К 1846 году уже около 800 колонистов прибыли в Калифорнию с запада по проложенным маршрутам через прерии и Скалистые горы в Орегон и Калифорнию. Всего с 1840 по 1846 год в Калифорнию пришло 1885 человек [11]. Вооруженные, сплоченные общей идеей превращения Калифорнии в американский штат, относящиеся в основном с презрением к местному населению, они представляли из себя передовой отряд американского экспансионизма.

Параллельно и американское правительство вело подготовку к возможным военным действиям по захвату района Сан-Франциско и Верхней Калифорнии. В октябре в бухту Сан-Франциско вошла флотилия из четырех судов под командованием коммодора Ч. Уилкса. Он провел промеры его фарватера, не располагая никаким согласием мексиканских властей на подобные действия. Официально Ч. Уилкс был направлен для исследования арктических районов, но фактически основной миссией коммодора стали разведка и изучение возможностей американского флота вести боевые действия в заливе и устье реки Сокраменто. Фактически аналогичную миссию выполнили и сухопутные экспедиции знаменитого исследователя, а впоследствии и политического деятеля Джона Фримонта. Он

проложил новые более удобные пути для американских поселенцев для заселения Калифорнии, а в 1946 году по его пути двинулись и отряды полковника Кирни на вооруженный захват Калифорнии.

Яркой иллюстрацией намерений Вашингтона в отношении Верхней Калифорнии стал так называемый «инцидент Джонса». 19 октября 1842 года в бухту Сан-Франциско вошла тихоокеанская флотилия США под командованием коммодора Джонса. Он высадил военный десант и захватил город Монтерей, подняв над ним американский флаг. Свои действия он позже объяснил тем, что действовал под влиянием слухов о начавшейся американо-мексиканской войне и по собственной инициативе. Однако было ясно, что командир небольшого военного соединения вряд ли решится действовать подобным образом, не имея тайных инструкций от своего командования и правительства [12].

«Инцидент Джонса», рост числа американских переселенцев, слабость местных мексиканских властей свидетельствовали о том, что вопрос об аннексии Верхней Калифорнии лишь вопрос времени. Не хватало только политической воли правительства США по окончательному приобретению США этой важной стратегической и экономической территории тихоокеанского побережья, в которой были заинтересованы и рабовладельцы Юга, и предприниматели Севера, и фермеры Запада. И она появилась в 1844 году после победы на президентской кампании Демократической партии. Избранный президент Дж. Полк вопрос о захвате всего тихоокеанского побережья, в том числе и Верхней Калифорнии, сделал одной из основных целей своего правительства. После нескольких попыток купить Калифорнию у правительств Мексики он приходит к решению о военном решении калифорнийской проблемы как части войны с Мексикой. Неудача переговоров на тему о продаже Калифорнии и Новой Мексики приводит президента Полка к мысли, что вопрос об аннексии мексиканских земель возможен только силовым путем. В своем дневнике он подчеркивал, что как бы не развивался ход военных действий в войне с Мексикой «в любом случае мы должны получить Верхнюю Калифорнию и Новую Мексику» [13]. Курсу на войну способствовала изменившаяся международная обстановка. Полк успешно решил вопрос о разделе тихоокеанской территории с Англией и мог не опасаться осложнений во взаимоот-

ношениях с Англией [14]. Опираясь на широкую поддержку своего военного курса экспансионистами внутри США, Полк принимает решение начать войну с Мексикой. Основные военные действия развернулись на юго-востоке американского континента, но значительное внимание он уделил и калифорнийскому направлению. Инспирировав восстание американских поселенцев в Калифорнии, Полк немедленно поддержал их силами армии Стефана Кирни и военно-морского флота США, что обеспечило американцам победу. Аннексия Калифорнии стала логическим завершением долгих усилий Вашингтона по приобретению этой стратегической и важной экономической зоны тихоокеанского побережья и яркой страницей американо-мексиканской войны 1846–1848 годов.

Источники и литература

1. См. например: Nation of the Nations: a narrative history of the American Republic / Ed. by Ch. Johnson. Wash., 1994.
2. *Baily Th.* A Diplomatic History of the American People. N.Y., 1945. P. 96.
3. Bevans, Charles, I. ed., C«Adams-Onís Treaty: 1819», Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776–1949. http://www.tamu.edu/faculty/ccbn/dewitt/adamonis.htm
4. *Kushner H.* The Oregon Question is…A Massachusetts Question // Oregon Historical Quarterly, 1974. Vol.75, № 4. P. 316.
5. American State Papers. New Series. Commerce and Navigation. Vol. 26. P. 18–20.
6. *Stevens S.* American Expansion in Havaii, 1842–1898. Harrisburg, 1945. P. 12.
7. *Бодиско А.А.* – Нессельроде К. В. 18/30 мая 1840 г. Архив внешней политики России. Фонд 133. Дело 180. Л. 145.
8. Diplomatic Correspondence of the United States. Inter-American Affairs, 1831–1860: Vol. 1–12. Washington, 1932–1939. Vol. 6. P. 37.
9. Guide to the Materials in London Archives for the History of the United States/ Ed. by Ch. Paulin and P. Paxon. Washington, 1914. P. 483.
10. Цит. по: *Стоун И.* Достойные моих гор. М, 1981. С. 48.
11. The Overland Emigrants and the Trans-Mississippi West, 1840–1860. Urbana, 1979. P. 120.
12. Eisenhower J. S. So Far from God. The U.S. War with Mexico? 1846–1848. New York, 1989. P. 203–204.

13. *Polk J.* The Diary of a President, 1845–1849/ Ed. by A. Nevins. New York, 1958. P. 118.

14. *Ярыгин А.А.* Орегонский вопрос в системе англо-американских отношений в первой половине 19 века // Марийский юридический вестник. 2015. № 1.

A.A. Yarygin

U.S. POLICY TOWARD CALIFORNIA ON THE EVE OF THE MEXICAN-AMERICAN WAR OF 1846–1848

Abstract: The Article is devoted to the analysis of the reasons and significance of the USA expansionist policy to the Pacific coast and its consequences for the economic, political and social development of the United States. The article traces the long-term struggle of the United States for control of Northern California and Pacific Ocean coast, relations with Spain, Great Britain and then with Mexico for the Pacific coast. Based on the analysis of the USA expansionist policy in the second third of the XIX century, it is shown that the annexation of Mexican lands on the Pacific coast became a natural result of US foreign policy on the North American continent and had the universal support of the population.

Keywords: expansion, war, President Polk, California, Oregon, expansionism.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 908

С.М. Газизьянова

ИСТОРИЯ РОДА КУРМАШЕВЫХ

Аннотация. В статье раскрывается деятельность татарских краеведов Республики Марий Эл, род Курмашевых и родословная связь автора с Гайнаном Курмашевым, антифашистом, руководителем подпольной организации Волжско-уральского легиона «Идель-Урал».

Ключевые слова: краеведение, родословная, Гайнан Курмашев, Курмашевы, Муса Джалиль, джалиловцы, Мари-Ноледур, Холодный Ключ, герои.

В настоящее время татарские краеведы Республики Марий Эл продолжают работу по изучению истории сёл и деревень, а также знаменитых личностей республики, культурного наследия и быта жителей населённых пунктов, где компактно проживает татарское население.

Как новая форма деятельности практикуются выездные заседания Общества татарских краеведов Республики Марий Эл, где рассматриваются текущие вопросы и проводятся культурные мероприятия, посвященные жизни и деятельности знаменитых личностей той местности, где они проходят.

Большое внимание уделяется совместной работе с культурными учреждениями. По итогам совместных научно-практических конференций с Республиканским центром татарской культуры краеведы выпустили сборник материалов «История села – история России.

Роль ислама в сохранении духовности татарского народа» и «Историко-богословское наследие Шигабутдина Марджани и современное татарское общество Республики Марий Эл» [2].

Ведется активная работа с деятелями Духовного управления мусульман республики. Самому старшему краеведу Самавия апа Сафиуллиной недавно исполнилось 90 лет. 12 июня краеведы в честь этой даты организовали вечер встречи с её родственниками и единомышленниками. Представители духовного управления высказали слова благодарности юбиляру-абыстай за вклад в духовно-нравственное оздоровление общества. К этой дате самый активный краевед, председатель общества татарских краеведов Медведевского района Фирзия Файсламовна Сабирьянова выпустила очередной, четвёртый, сборник своих стихов. К слову, под её редакцией были изданы книги «Нәсел хатирәсе», «Чык тамчысы», «Пронести через века», получившие высокую оценку казанских учёных.

2019 год – год 100-летия со дня рождения антифашиста, руководителя подпольной организации Волжско-уральского легиона «Идель-Урал» Гайнана Курмашева. По случаю этой даты в мае 2019 года в п. Мари-Турек на базе районного краеведческого музея краеведы совместно с Региональной общественной организацией Республики Марий Эл «Центр социальных инициатив» провели мероприятие «Верните память, вернитесь сами», в котором своими впечатлениями делились ветераны. Выступления сопровождались музыкальными номерами. В заключение обсуждались планы работы краеведов Мари-Турекского, Параньгинского, Медведевского районов и города Йошкар-Олы.

С Гайнаном Курмашевым нас объединяет родословная связь. И поэтому важным является уточнение и пополнение этой родословной, где одну ветвь составляет семья Шарифа Курмашева (прадед автора).

Наши предки имели магазины в Казани. Были владельцами сотен гектаров земли, двух маслобоен и водяных мельниц в деревнях Холодный Ключ и Мари-Ноледур Мари-Турекского района. Кстати, район Холодного Ключа [5] с давних времён служит зоной отдыха. А с 2002 года в целях сохранения, восстановления, изучения и популяции редких видов растений, занесенных в Красную Книгу

Республики Марий Эл, эта территория является государственным природным биологическим заказником. Здесь, в трёх километрах от п. Мари-Турек, 22 июня 2012 года установлен памятный камень «чёрному хлебу войны» – торфу [1, с. 98]. Голодающее население в 1921–1922 годах и военное лихолетье торф считало «красным творогом» (при кипячении торф приобретает буро-красный цвет). Из него, мешая с лебедой, делали болтушку на воде, её называли «торфушкой». Пекли лепёшки, добавляя в них липовые опилки. За этим торфом приезжали даже из Кировской области.

В этой местности успешно работал завод керамических изделий Курмашевых. В деревне Прикум-фабрика были их спичечная и писчебумажная фабрики. Среди далеких предков были и князья-мурзы (татарские князья политическими привилегиями не обладали), и помещики, представители духовенства от мулл и ахундов, и даже герои. Как представителя рода Курмашевых нас вдохновляет прошлое этих предков, хотя оно было более чем трагичное. Чувство гордости за них обязывает изучать более подробно их жизнедеятельность. Работа началась с поиска могил прадедов на Куянковском кладбище. В результате сопоставлений с фактами из документов [3, с. 27] были найдены могилы прадеда Фатхуллы и его племянника (отца прадеда Шарифа) Габделхая, которые хотя считались служилыми помещиками, являлись щедрыми работодателями, умело сочетали духовную и светскую жизнь.

Деревня Куянково Параньгинского района Республики Марий Эл является малой родиной отца и матери Гайнана Курмаша. А в Параньге, окончив педагогический техникум, он получил специальность учителя. И начал преподавать в Куянковской школе. Но вскоре Гайнан был вынужден оставить педагогическую деятельность. В стихотворении «Последнее письмо» он пишет, что отодвинулось время его могилы [4, с. 470].

В самый первый раз это случилось, когда он глянул смерти в глаза в декабре 1937 года перед тройкой НКВД. При попытке тайно выехать через Арск в Актюбинск Гайнана обвинили в «сокрытии социального происхождения», что совершенно противоречило его положению. И когда Гайнана оповестили о предстоящем неизбежном аресте, он решил малую родину родителей оставить навсегда.

Курмаш с одноклассником по Параньгинскому техникуму, по его окончании – коллегой, другом, с которым жил вместе на частной квартире, Назипом Файзрахмановым попросил Нигмадзяна абзый отвезти их в Арск. Выехали ранним утром – все трое почти молчали, всматриваясь в скрипучий снег, если не считать вопроса старика, предупредившего Гайнана о предстоящем аресте. Курмаш возмущённо сказал: «Почему меня хотят арестовать как сына кулака, хотя отец погиб в боях с басмачами. Мне в то время было всего 7 лет».

В ходе погони, когда уже стало понятно, что им не удастся скрыться по просёлочным дорогам, умудрённый опытом мужчина (Нигмадзян) остановил лошадь и посоветовал юноше прикинуться умалишённым. Артистизм Гайнана позволил ему выйти из положения.

Когда к саням путников подъехали преследователи, Нигмадзян убедительно сказал: «Видите, что он творит, ничего не соображает, что с таким собираетесь делать?» – показывая на «ничего не соображающего и наивно улыбающегося» Гайнана. Разъярённой тройке оставалось только развернуться в сторону Параньги.

Молниеносная реакция старика, правильная на тот момент, удлинила жизнь Гайнана Курмаша на семь с половиной лет. Из них, хотя три с половиной года были самыми страшными, но они показали истинного Гайнана, героя-антифашиста.

Находясь в лагере для военнопленных в польском местечке Демблин, Гайнан Курмаш собирал вокруг себя верных людей, вёл подпольную работу. Следует отметить, что в составе легиона «Идель-Урал» было около 25 тысяч представителей всех национальностей Поволжья. Легионеры «Идель-Урала» активно саботировали приказы германского командования и участвовали в антифашистском Сопротивлении. Здесь же он встретился с Мусой Джалилем, с которым был знаком ещё до войны.

Нельзя не согласиться с мнением азербайджанского поэта Самеда Вургуна, который Мусу Джалиля видел в одном ряду с великим Байроном, славным венгерским народным поэтом Петефи, чешским героем Юлиусом Фучиком, для которых смерть являлась подвигом.

Как считал Фарит Султанбеков, если Абдулла Алиш – старший Берлинской группы – был правым крылом сокола – Мусы Джалиля, то Курмаш – его левым крылом.

А эти строчки были написаны после получения известия о героической гибели Курмаша его любимой девушкой из Параньги Даниёй Габбасовой, которой он посвятил стихотворение «Дание» [4, с. 472]:

Он не пропал без вести.
В Параньге, сколько бы ни искали,
Не найти нам Гайнана следы.
Друга Мусы, земляка, поэта,
Нет, не забудем вечно мы.
Гайнанга
Бәрәңгедә күпме эзләсәк тә,
Гайнан йөргән эзләр табылмас.
Муса дусты, якташ,
Яшь шагыйрьне
Безнең кебек беркем сагынмас [4, с. 75].

Группа легионеров, бывших военнопленных была арестована 12 августа 1943 года. 12 февраля 1944 года их судил Имперский суд Германии. И хотя он находился в Дрездене, выписка из приговора найдена в пражском архиве лишь в начале XXI века. Называется этот документ «Курмашев и десять других».

В колонке «Обвинение» указаны причины смертного приговора: «содействие врагу», «подрыв военной мощи», «военное предательство» и даже «недонесение». В обвинительном акте говорилось, что члены группы Курмашева «засланы советским командованием, поддерживали связи с другими организациями Сопротивления, с партизанами».

Вспомним их имена: Гайнан Курмашев, Муса Джалиль, Абдулла Алиш, Фуат Сайфульмулюков, Фуат Булатов, Гариф Шабаев, Ахмет Симаев, Абдулла Батталов, Зиннат Хасанов, Ахат Атнашев, Салим Бухаров.

Лишь один из них – поэт Муса Джалиль – получил посмертно звание Героя Советского Союза, а остальные члены группы Курмаша 5 мая 1990 г. Указом Президента СССР М.С. Горбачева посмертно награждены орденом Отечественной войны I степени. Имена джалиловцев должны быть увековечены в памяти народной. Казнённые вместе с Джалилем достойны звания Героя Советского Союза.

Источники и литература

1. *Закиров А.Д.* История медицинского обеспечения военных городков Суслонгер и Сурок в 1941–1946 годы. Казань: Отечество, 2019.
2. История села – история России. Роль ислама в сохранении духовности татарского народа: материалы межрегиональной научно-практической конференции (18 апреля 2018 г.), составитель Ф.Ф. Сабирьянова. Йошкар-Ола: Вертола, 2018.
3. Милли-мәдәни мирасыбыз: Мари Эл татарлары. Бәрәнге. Казан, 2012. (Фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән; дүртенче китап)
4. Чык тамчысы (Капелька росы) / под редакцией Ф.Ф. Сабирьяновой. Йошкар-Ола, 2017.
5. http://komanda-k.ru/Марий-Эл/заказник-холодный-ключ

S.M. Gazizyanova

THE STORY GENERATIONOF KURMASHEVS

Abstract. The article reveals the activities of the tatar local historians of the Republic of Mari El, generation of Kurmashevs and the genealogy of the author with Gainan Kurmashev, an antifascist, the head of the underground organization of the Volga-Ural Legion «Idel-Ural».

Keywords: local history, genealogy, Gainan Kurmashev, Kurmashevs, Musa Jalil, Jalil people, Marie-Noldor, Cold Key, heroes.

УДК 94 (47)

Н.В. Давыдова

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В.Ф. КРИВОРОТОВ

Аннотация. Статья посвящена участнику Великой Отечественной войны Герою Советского Союза Владимиру Федоровичу Криворотову, уроженцу города Козьмодемьянска.

Ключевые слова: воздушно-десантные войска, Красная Армия, самоходная артиллерийская установка, Герой Советского Союза.

Владимир Федорович Криворотов родился 27 сентября 1923 года в городе Козьмодемьянске в семье крестьянина. В 1931 году Володя Криворотов поступил в начальную школу № 4, а затем в семилетнюю школу № 2. Окончив семилетнюю школу, он продолжил учебу в десятилетке в школе № 1, где учился до 1941 года, проявлял успехи в учебе, активно участвовал в общественной жизни и вступил в члены ВЛКСМ [1, с. 5].

Летом 1941 года Владимир подал заявление о поступление в ДОСААФ в г. Йошкар-Олу. Но его не приняли, так как ему еще не было 18 лет. В сентябре 1941 года Владимира Криворотова пригласили в Горномарийский райком комсомола и предложили поступить в воздушно-десантную школу. Нужно отметить, что комсомол шефствовал над воздушно-десантными войсками еще с 30-х годов XX века и способствовал тому, что в эти войска шла лучшая молодежь Советского Союза, в них несла службу элита советского общества.

Владимир Федорович прошел в городе медицинскую комиссию и в сентябре месяце 1941 года Горномарийским районным военкоматом был направлен в парашютно-десантную школу в г. Энгельс Саратовской области. Здесь он обучался парашютному делу: изучал парашют, учился складывать его и совершать прыжки, познавал азы военного дела. Выпускники школы были зачислены в состав 4-го воздушно-десантного корпуса, в который входила 7-я воздушно-десантная бригада. Владимир попал в 3-й батальон, в пулеметный взвод и был назначен 1-м номером пулеметного расчета. Так В.Ф. Криворотов в возрасте 18 лет оказался в рядах Красной Армии [1, с. 11].

В середине ноября 1941 года подразделение Владимира Криворотова было переброшено из г. Энгельса в подмосковный город Раменское. Десантники в окрестностях аэродрома строили землянки для размещения личного состава, оборудовали учебные поля и классы, проводили учения в полях, готовились к десантированию за линию фронта. В Раменском В.Ф. Криворотов окончил школу младших командиров, и ему было присвоено звание сержанта. Он был назначен командиром отделения десантников 4-го воздушно-десантного корпуса.

27 января 1942 года с аэродрома Раменское поднялись самолеты с десантниками, началась Вяземская воздушно-десантная операция.

Цель операции: содействовать разгрому фашистов под г. Вязьмой. Высадка десантников 4-го воздушно-десантного корпуса была произведена с самолетов в район д. Озеречная и начата с 8-й воздушно-десантной бригады. К 1 февраля 1942 года в указанный район было высажено три батальона 8-й воздушно-десантной бригады, всего 2497 чел. К месту сбора вышло только 1300 человек. После гибели во время высадки генерала Левашова возглавил 4-й корпус начальник штаба полковник А.Ф. Казанский.

За несколько дней десантникам удалось вывести из строя отдельные участки железной дороги, разгромить штабы нескольких частей немецкой армии, овладеть рядом населенных пунктов. Немецкое командование подтянуло дополнительные части и окружило десантников, которые понесли большие потери.

По приказу Советского командования с 16 по 24 февраля в район населенного пункта Желанья высадились главные силы 4-го воздушно-десантного корпуса – 7373 десантника. Видимо, в их числе и был сержант Владимир Федорович Криворотов. С февраля по июнь 1942 года он, как отмечено в наградном листе по присвоению ему звания Героя Советского Союза, принимал участие в боевых действиях [1, с. 8].

28 февраля, пройдя 22 км, десантники вышли на рубеж встречи с 50-й армией. Однако войска армии не смогли прорвать линию обороны немецкой армии, и встреча не произошла. 18 марта 1942 года в тяжелых оборонных боях корпус был рассечен и понес большие потери. 11 апреля 1942 года по приказу командования армии 4-й десантный корпус перешел под командование генерал-майора П.А. Белова, который совершал рейд по немецким тылам во главе 1-го конного корпуса.

Объединенная группа овладела большим районом южнее Вязьмы и удерживала его до конца мая, сковав несколько немецких дивизий. В ночь на 26 мая объединенная группа прорвала кольцо немецкого окружения и двинулась по направлению на г. Киров Калужской области, громя немецкие подразделения на своем пути. 24 июня 1942 года десантники и кавалерия, прорвав немецкую линию обороны, вышли на соединение с войсками 10-й армии. Среди вышедших солдат, как мы предполагаем, был и 18-летний десантник Владимир Федорович Криворотов.

Еще в декабре 1942 года командованием Красной Армии воздушно-десантные бригады были переформированы в гвардейские воздушно-десантные стрелковые дивизии, многие из них направлены воевать на Северо-Западный фронт.

В.Ф. Криворотов с февраля по апрель 1943 года воевал на северо-западном фронте в составе 18-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 7-го воздушно-десантного дивизиона.

В звании старшего сержанта и в должности старшего писаря полка в составе 68-й армии Владимир Федорович участвовал в Старо-Русской наступательной операции с 4 по 14 марта 1943 года. Он принимал участие в форсировании реки Ловать под г. Старая Русса. 5 апреля 1943 года вместе с боевыми товарищами он был представлен командованием к награждению медалью «За боевые заслуги». Вскоре после этого события в 1943 году Владимира Криворотова командировали учиться в танковое училище в г. Сызрань. Получив звание младшего лейтенанта в сентябре 1944 года вместе с выпускниками училища он уехал в г. Горький. Там его воинская часть в течение месяца получала военную технику СУ-76 (самоходная артиллерийская установка) и направилась на 1-й Украинский фронт в 8-ю артиллерийскую бригаду.

Незадолго до Нового 1945 года Владимир Федорович написал домой письмо:

«Добрый день! Здравствуйте мои дорогие мама, бабушка, Боря, Нина и маленький Анатолий. Шлю вам всем свой фронтовой привет и желаю вам всего наилучшего в вашей жизни и труде. Мама, мне бы хотелось встретить этот новый год в кругу семьи, в кругу моих лучших друзей, близких и родных, но, видишь ли, такая возможность далеко не осуществима, я так далеко от Родины, что даже не укладывается в голове, но я не теряю надежды совместно встретить последующие годы, моя жизнь только ещё начинается, и я пожелаю тебе мама и всем вам море счастья в новом 1945 году» [1, с. 7].

16 января 1945 года Владимир Федорович командиром 1-го артдивизиона 8-й САБР майором Васильковым был представлен к правительственной награде, ордену Отечественной войны I степени. В представлении к награждению сказано: «Младший лейтенант Криворотов В.Ф. смелый и самоотверженный офицер. 12 января 1945 года при прорыве вражеской обороны в районе села Хжанув Пацанувской гмины (Польша), умело маневрируя на поле боя и ведя

огонь прямой наводкой, одним из первых ворвался в траншеи противника и, подавив его огневые точки, способствовал продвижению вперед пехоты и выполнению боевой задачи. При атаке пункта Магерув Пацанувской гмины наша пехота была встречена сильным минометным огнем противника. Криворотов В.Ф. умело, обойдя батарею с фланга, подавил ее и открыл дальнейший путь продвижения нашей пехоты. Только за время боев 12 января 1945 года огнем его установки уничтожено 3 полевых орудия, 3 подводы до 35 солдат и офицеров противника, подавлен огонь минометной батареи».

17 января 1945 года из Польши Владимир Федорович пишет короткое письмо родным в г. Козьмодемьянск: «Добрый день! Здравствуйте мои дорогие мама, бабушка, Боря и малыш Анатолий. Мой фронтовой привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Мама, я жив и здоров, нахожусь в боях. Ты, наверное, слышала о наших победах на 1-м Украинском фронте? Победа в наших руках».

25 января 1945 года Владимир Криворотов в составе батареи первого самоходного артдивизиона по приказу командования 178-го гвардейского стрелкового полка в числе первых пяти установок в 2 часа дня под ураганным артиллерийско-миномётным огнем противника и бомбардировками с воздуха форсировали р. Одер в районе пункта Эйзенау.

Развивая дальнейшее наступление за расширение плацдарма на западном берегу р. Одер младший лейтенант В.Ф. Криворотов совместными действиями отбивал контратаки противника численностью до двух батальонов пехоты, десяти танков и десяти бронетранспортеров, в результате чего враг понес большие потери в живой силе и технике.

Приказ командования был выполнен и захваченный плацдарм остался за нашими войсками. В этом бою младший лейтенант Владимир Криворотов, отдавая все силы на разгром врага, с явной опасностью для жизни проявил личный героизм, мужество и отвагу. За этот подвиг Владимир Федорович был представлен командованием 20 января 1945 года к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

17 апреля 1945 года однополчане В.Ф. Криворотова вспоминали: «В это утро река Нейсе вздрогнула от орудийного гула. К полудню была наведена переправа и наши самоходки заспешили на за-

падный берег, начались бои с превосходящими силами противника: атака и оборона, маневр и отражение атак. Но мы вели наступление. Встретили 25 танков врага. После сложного маневренного боя заняли населенный пункт. Продвигаемся дальше. Снова бои с танками. Минометный и танковый удар врага».

18 апреля 1945 года Владимир Федорович пишет письмо на Родину:

«Добрый день! Здравствуй мой дорогой папа. Мой фронтовой привет и самые наилучшие пожелания в твоей жизни. Завтра ухожу в бой, за разгром врага окончательно. Может выйти придется погибнуть, так не вспоминай меня лихом, твоей фамилии не опозорю никогда, выпей и за меня тогда в день победы, за мою лихость. Но все-таки со мной ничего не должно случиться».

19 апреля 1945 года во второй половине дня в районе Едерниц (Германия) начался еще один бой. Самоходки рассредоточились и впереди пехоты двинулись через ничейную полосу на полотно дороги. Перед самоходкой Владимира Криворотова встала полоса заграждений. Он дал команду на маневр, и самоходка проскочила черную полосу дыма и огня. Но по левому борту самоходки раздались удары. В.Ф. Криворотов подал команду водителю-механику: «Прикрой левый борт сгоревшим танком». И в этот момент в наушниках его шлемофона раздался странный звук. Владимир Криворотов оперся руками на радиатор, опустил голову. По виску, щеке текла кровь. Осколок прошел по левой части головы над виском. Механик-водитель вывел машину из боя, перевязал, не хватило одного пакета, вскрыл другой. В.Ф. Криворотов молча сидел на коленях, слабый, тяжело дышал. Тяжело раненого его отправили в госпиталь.

21 апреля 1945 года вышел приказ о награждении командира СУ-761-го артдивизиона В.Ф. Криворотова за образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом доблесть и мужество орденом Красной Звезды. Подписали приказ командир бригады полковник Кочин и начальник штаба бригады майор Волгарев.

Скончался В.Ф. Криворотов от ран в госпитале 22 мая 1945 года и похоронен в городе Бунцлау (Германия).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года Владимиру Криворотову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина посмертно.

В августе 1945 года мама В.Ф. Криворотова от однополчан ее сына получила письмо: «Дорогая Антонина Васильевна, я с Вашим сыном был почти во всех боях. В минуты передышек отдыхали вместе. Не было ни одного такого офицера и товарища, как Ваш сын. Его уважали бойцы и все командование. Вам, вероятно, известен его подвиг на Одере, за который он стал Героем Советского Союза, кроме того, был еще награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалью «За боевые заслуги».

Не было бесстрашнее и рассудительнее командира танка, чем он. Несмотря на его молодой возраст, экипаж любил его, как отца. Ранен он был тяжело, хотя глаза его были и закрыты, но узнавал тогда по голосу меня и других своих товарищей, кто к нему подходил. Я держал его голову на коленях и с ним отправился в госпиталь. Затем бои, и мы от него ничего не получали. Ваше письмо для нас неожиданность. Ведь мы так ждали возвращения его в родную часть. С уважением к Вам и светлой памяти Вашего сына его товарищ Константин Пенкин. 28 августа 1945 г.».

Память о В.Ф. Криворотове увековечена: школа № 2 носила имя героя, во дворе школы № 1 установлен бюст герою, на здании школы установлена мемориальная доска, одна из улиц в городе Козьмодемьянске носит его имя, писатель С.И. Захаров написал о нем книгу «Березка на ветру».

Источники и литература

1. Документальный фонд Художественно-исторического музея им. А.В. Григорьева.

N.In. Davydova

HERO OF THE SOVIET UNION V.F. KRIVOROTOV

Abstract. The article is devoted to the participant of the Great Patriotic War Hero of the Soviet Union Vladimir Fedorovich Krivorotov, a native of Kozmodemyansk.

Keywords: airborne troops, Soviet Army, self-propelled artillery, Hero of the Soviet Union.

УДК 9 (929.52)

О.В. Кораблева

«ВОЕВАТЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ…»: УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ П.С. ФИЛОНОВ

Аннотация. В статье рассказывается о судьбе участника Великой Отечественной войны П.С. Филонова. Показан его жизненный путь. Большое место в работе занимает рассмотрение военного периода в жизни солдата.

Ключевые слова: семья, хозяйство, война, пулеметчик, награды.

Чем дальше уходит в историю 1945 год, тем меньше рядом с нами солдат Победы. Мы – наследники Великой Победы – преклоняемся перед ратным подвигом солдат Отчизны, героическим трудом тружеников тыла. Низкий поклон всем, кто на своих плечах вынес все лишения военного лихолетья, превозмогшим боль, победившим смерть. А также низкий поклон и благодарность всем, кто поднял страну из руин, кто всей своей жизнью показал, каким должно быть поколение победителей. Мы должны помнить имена тех, кто подарил нам мир.

Петр Семенович Филонов родился 12 июля 1904 года, в день Петра и Павла, в д. Зенканур тогда еще Вятской губернии (ныне это Кировская область). Семья была очень большая – помимо Петра у родителей было еще семеро детей: Илья, Мария, Анна, Василий, Анастасия, Яков, Александра. Мать Дарья Филипповна была домохозяйкой. Отец Семен Николаевич сам никогда не сидел без дела и детей своих с детства приучал к труду.

В хозяйстве Филоновых была лошадь, несколько коров и много другой живности, поэтому в период коллективизации семейство раскулачили. Вскоре друг за другом умерли сначала мать, а затем и отец. Петр остался в семье одним из старших. Все дети, которые к тому времени уже могли работать, пошли трудиться в колхоз. Петр Семенович скоро стал бригадиром, потому что умел читать и писать, еще до революции он окончил 3 класса в церковно-приходской

школе, к учебе у него были способности, да и отец хотел видеть своих детей образованными людьми.

Вскоре Петр женился на красавице Анастасии, один за другим пошли у них дети: Валентина, Зинаида, Тамара, Галина, Павел, Руфина. Но в 1938 г. пришла беда: жена умерла во время родов. Петр очень переживал, но решил, что детям нужна мать. И весной 1941 г. вновь женился. Его второй женой стала Мария Михайловна Безденежных. Но недолго молодожены прожили вместе, через несколько месяцев началась война.

В октябре 1941 г. Петр Семенович ушел защищать Родину. Прошел всю войну, в действующей армии находился с 1 марта 1942 г. до мая 1945 г. Служил пулеметчиком, участвовал в самых ожесточенных сражениях, воевал на Сталинградском, Южном, 4-м Украинском фронтах. В одном из боёв был ранен в ногу и контужен в голову. После лечения в госпитале вернулся в строй, но контузия давала о себе знать до конца жизни, левый глаз почти не видел. Победу он встретил в составе войск 3-го Украинского фронта, домой вернулся в сентябре 1945 г.

За отличную службу получил звание гвардия ефрейтора, награждён медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями.

После войны Петр Семенович вернулся в родную деревню, нужно было восстанавливать разрушенное сельское хозяйство. В колхозе он проработал до 65 лет. В 1948 и 1954 гг. в семье появились младшие дети – Николай и Александра.

В 1969 г. семья перебралась из Кировской области в г. Козьмодемьянск Марийской АССР. Возраст позволял Петру Семеновичу отдыхать на пенсии, но неугомонный фронтовик продолжал работать в охране на торговой базе Райпотребсоюза до 78 лет. Последние годы его жизни прошли в семье младшей дочери Александры, Петр Семенович нянчил внучек, много читал и всегда был очень молчалив.

Про войну он рассказывать не любил. В редкие минуты, когда, очевидно, уже невозможно было отделаться от тяжелых воспоминаний, он говорил, что «там» было страшно – и все же каждый солдат знал, что за его спиной великая Родина и его родная деревушка, его родные и близкие, и поэтому воевать нужно изо всех сил, до по-

следней капли крови. А главное, Петр Семенович желал, чтоб его дети и внуки никогда не пережили того, что пришлось пережить его поколению.

Умер Петр Семенович в 1988 г. в возрасте 84 лет и похоронен на козьмодемьянском кладбище рядом со своей супругой, с которой они прожили в мире и согласии почти полвека, 48 лет.

До самого последнего времени семья Петра Семеновича, практически ничего не знала о подробностях его боевого пути. И лишь совсем недавно нам посчастливилось наткнуться на документы, пролившие свет на героические страницы жизни деда. Только теперь стал ясен подлинный смысл его слов – и о том, что «там» было страшно и что значит «воевать до последней капли крови», и каким жизненно важным было для каждого солдата «чувство родины»…

Документы эти – список бойцов, представленных к награждению медалью «За боевые заслуги» и наградной лист на гвардии ефрейтора, пулеметчика 11-го отдельного гвардейского пулеметно-артиллерийского батальона 1-го гвардейского Николаевского Краснознаменного укрепрайона Петра Семеновича Филонова, выписанный командиром батальона, гвардии майором Балыбиным 6 августа 1945 г. Вот что было сказано в этом наградном листе:

«Гвардии ефрейтор Филонов за время Отечественной войны проявил себя как один из стойких и мужественных бойцов. В боях под с. Опатовец (Югословия) при форсировании Дуная и занятии плацдарма первым выкатил свой пулемет и открыл огонь по противнику. Внезапный огонь сделал среди немцев панику, что помогло Филонову захватить огневую точку и пулемет противника и продолжать уничтожать врага». В оборонительных боях под с. Корчма (Венгрия) тов. Филонов не раз отражал яростные атаки немцев, при этом показывая пример другим бойцам. В боях за город Кестель (Венгрия) Филонов шел в первых рядах наступающей пехоты [1].

За активное участие в боях на фронтах Великой Отечественной войны с 1 марта 1942 г., проявленные мужество и отвагу гвардии ефрейтор Петр Семенович Филонов достоин награждения медалью «За боевые заслуги».

Остаётся только добавить, что все они, солдаты Великой Отечественной, достойны нашей вечной и благодарной памяти.

Источники и литература

1. Электронный ресурс: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig.

O. V. Korableva

«FIGHT TO THE LAST DROP OF BLOOD…»: PARTICIPANT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR P.S. FILONOV

Annotation. The article tells about the fate of the participant of the great Patriotic war Filonov PS Shows his life path. A great place in the work is taken by the consideration of the military period in the life of a soldier.

Keywords: family, economy, war, machine gunner, awards.

УДК 069.1

Е.В. Лукьянова

«СКОРЕЕ ПОКОНЧИТЬ С ЭТИМИ ФАШИСТСКИМИ СОБАКАМИ»: ФРОНТОВЫЕ БУДНИ В ПИСЬМАХ МУЖА К ЖЕНЕ

Аннотация. В статье раскрывается содержание фронтовых писем времен Великой Отечественной войны. Отмечается процесс передачи их в музей. Показаны глубокие душевные переживания человека, пережившего тяжелое время.

Ключевые слова: письма на память, спички, проводы, похлебка из лебеды.

Мир не без добрых людей, народная мудрость как всегда права. Как ни дороги детям Великой Отечественной войны письма и фотокарточки погибших родителей, но они все же делятся ими с музеем. Уже не первая жительница г. Козьмодемьянска откликнулась на музейный конкурс «Помним и не забудем». 5 писем и несколько фотографий своего отца принесла Тамара Григорьевна Репкина и рассказала обо всем по порядку:

«Мой отец, Репкин Григорий Михайлович, родился в деревне Красная Горка Горномарийского района Марийской АССР 17 января 1914 года. Был он вторым ребенком в многодетной семье, кроме него ещё были старшая сестра Серафима и младшие: брат Сергей, сестры Александра и Анна, брат Александр. Его маму звали Мария.

Моя мать, Петрякова (Репкина) Клавдия Ивановна, родилась 5 мая 1914 года в деревне Красная Горка Горномарийского района Марийской АССР.

В деревне нас звали Романовыми, по фамилии материного деда, Репкиной меня и не знали, все Романова да Романова.

Писем отец писал много, у нас был целый сундук их. Там лежали письма ещё с «финской» войны. Мама после выбросила их, я же отобрала для себя самые последние, на память. Отец погиб в звании офицера Красной Армии, мама получала после его гибели пенсию. Жаль, что не вернешь отца, а я его до сих пору люблю.

Помню я его с того момента, как он пришел с «финской» войны. Был он высокий, красивый, подтянутый, не в пример сегодняшним мужчинам с большими животами. Вернулся он в конце 1939 года и стал работать в Кумье в лесхозе шофёром. Вместе с ним туда уехали мама с братом, а я осталась с бабушкой и тетей Шурой, маминой сестрой. Папа приезжал в Красную Горку каждую неделю, я была его любимицей. Ждала его сильно, спички собирала и по одной откладывала. Спрашивала у бабушки: когда папа приедет, а она спросит, сколько у тебя осталось. Я покажу: вот сколько, ну, ещё столько-то ждать надо, скажет. Когда спички заканчивались, бежала к полевым воротам и там сидела, ждала. Как увижу его вдалеке, так слезаю с них и несусь к нему навстречу. Иногда он на машине приезжал. Деревенские просили его помочь перевезти что-то, он всегда помогал, не отказывал. Добрый был, хороший, всех любил, но меня все же больше.

Помню, как его провожали на Великую Отечественную войну. Проводы были у бабушки дома, собралось очень много народа, большинство мужчины. Он первый из деревни нашей уходил, и друзьям своим наказывал: если погибну, кто останется живой, должны помогать моей семье, не забыть о старой матери и жене с малыми детьми. Дядя Леша Петряков сдержал слово, всегда помогал нам по хозяйству. У него была лошадь, он нам огород пахал, картошку

сажал, ни в чем не отказывал. Хотя у него была своя семья, про нас не забывал. Большое спасибо ему за это.

Точное место гибели отца мы не знаем, говорили, что в Воронежской области. Пришел с войны наш деревенский, Рыжков Иван Федорович, много старше отца. Так вот он говорил, что видел Кисина Александра (друга папы), а тот ему рассказал, как встретился и похоронил своего товарища, Григория Репкина. Служил Кисин в похоронной бригаде, тело друга висело на плетне, а головы не было. В кармане были фотокарточки с семьей, вот по ним-то и узнал, кто перед ним. Голову нашёл далеко от тела, похоронил, как подобает.

Письмо от Кисина Александра мама получила перед Крещением 1943 года, с тех пор папу вспоминаем именно в этот церковный праздник. Уже после Крещения получили извещение, что папа пропал без вести.

Мне долгие годы снился папа, и все время уходил от меня в поле.

У папы с мамой нас было двое, я, Тамара, 1935 г.р. и младший брат Геннадий, 1936 г.р. В войну мама много работала, была все время вне дома, и нас поднимала тетя Шура, мамина сестра, и бабушка. Мама умерла на 95-м году жизни, брат Геннадий умер в 2004 году.

Дядя Сергей, братишка отцов, был, как и папа, танкистом, погиб в 1941 году. У него был один сын, Виктор, он сейчас уже умер.

Мне 23 февраля 2019 года исполнилось 84 года. Не думала, что столько будет, но все-таки хорошую жизнь прожила. Молодым же хочу сказать, чтоб не допустили больше такого ужаса, как война. Это страшно! Я знала, что папа убит, но все равно ждала его до 30-ти лет.

Как рассказать, чтобы поняли, что такое потерять любимого отца? Как объяснить сегодняшним детям, что похлёбка из лебеды – это очень невкусно, но когда ничего другого нет, рад и этому? Нельзя, чтобы люди гибли, это страшная боль для их близких, душевные раны долго не заживают. Поэтому мир должен быть и в сердцах, и на деле».

Читая содержание солдатских писем, неоднократно убеждаешься в простой сути: самое важное на свете – это просто жить. Грустно ли, холодно ли, голодно ли, но ты живешь, ты думаешь о родных, о Победе, ты с каждым днем стремишься приблизить её, чтобы вернуться домой, зажить обычной жизнью. Осознанное чувство благо-

дарности уже за свое существование возникает при чтении маленьких треугольников, и понимаешь в новом свете слова лозунга: «Никто не забыт – ничто не забыто». Действительно, давайте вспомним их к 75-летию Великой Победы.

Первое по счету письмо, по сути, обрывок его, последняя страничка.

«...домой, то может быть что-нибудь и сделал. Клавдичка, письмо я пишу в 12 часов ночи 7-го ноября. Празднуем, гуляем, но не очень весело, потому что сама знаешь, когда бывает весело, а у меня на махорку нет, а потому можешь сделать вывод, как я гуляю. Ну, тебе я знаю, что ещё хуже, чем мне. Я знаю, что ты сегодня смотришь на моих товарищей, как они гуляют и только вспоминаешь о том, как бы я с ними тоже гулял.

Клавдичка, ты пишешь, что послала мне посылок, но я его не получал, потому что я в это время был на фронте.

Клавдичка, писать пока заканчиваю. Передай привет Маме, Шуре и Зине, а теперь пока. До свидания, пиши ответ и все новости. Жму руку и крепко целую. Ваш друг Репкин. Пиши по адресу: г. Минск, п/я №100/12- «Д», Репкину. 7 февраля 1939 г.»

Второе письмо:

«28 ноября 1939 г.

Привет лучшему другу в жизни: Клавдичке из Минска.

Клавдичка, хотя и недавно я послал тебе письмо, но в настоящий момент я пропадаю с тоски и решил хоть несколько строк написать, может быть полегче будет на душе. Клавдичка, я знаю, что ты на меня обижаешься из-за того, что я не еду домой, но это зря. По-моему тебе видно, что Колька Бахтин тоже ещё не едет и пока неизвестно, когда приедет. Потому что в настоящий момент международная обстановка очень обострена. Может быть, Милочек, вы и не знаете, а если и узнаете, то не точно. Но я вам хочу разъяснить точнее и, вы поймете, что в деревне наболтают чего и не было.

26 ноября 1939 года на Финляндской границе, около Ленинграда, с финляндской стороны произвели семь выстрелов из орудий. В результате чего на нашей стороне 4 человека убило и 9 человек ранило. А из этого, как видите, на наш Советский Союз покушаются напасть, а поэтому можете сделать вывод, что домой сейчас приехать не придется, до тех пор, пока не успокоится эта провокация.

Теперь, Милочек: я почему-то стал очень тосковать, не нахожу места, где бы мне успокоиться, а я знаю, ты мне писала, что у тебя создаются, я бы сказал, не очень здоровые мысли, ты что-то думаешь все сама себя порешить. Но ты подумай, кому ты хочешь досадить? Никому, окромя меня, ты досадишь только мне, а потому можно сделать вывод, ты забыла мои слова, которые я говорил: я никогда не изменял и сейчас об этом думать не надо.

Но все же, Милочек, я прошу тебя, как лучшего друга, позаботься может быть, как и достанешь справки, которые мне надо, необходимо. Клавдичка, но все же я не надеюсь, что сейчас здорова, я видел во сне очень нехороший сон и думаю, что наверно моя ненаглядная захворала с заботы да с работы.

Клавдичка

Я вспомню сад, где мы сидели,
С тобой один наедине.
Кругом тянулися аллеи,
и плавал месяц в тишине.

Я помню звонкий голосочек,
Твою улыбку на устах.
Узор твой скрашивал ужасно
Румянец на щеках.

Ведь я любил тебя, Милочек,
Не мог минуты жить без вас.
А теперь прошло два года
Как я не вижу ваших глаз.

Проходят дни, проходят ночи,
Терзает грудь мою тоской.
И все же есть у меня надежда
Когда-то встретиться с тобой.

Сочинял, когда сидел в глубоком раздумье и думал, как у нас проходили с тобой молодые годы и как проходят сейчас. Клавдичка, береги это письмо, если придется нам встретиться, то я много об этом письме тебе расскажу.

Пока, до свидания, жму руку и крепко целую. Ваш друг Репкин.»

Третье письмо:

«15 августа 1942 года.

Привет с фронта! С берега Дона. Добрый день, здравствуйте, милая Клавдичка. Тома и Гена, шлю я вам свой пламенный привет с пожеланием всего наилучшего в вашей жизни и успехов в работе. Милочек, спешу сообщить о том, что в данный момент я нахожусь недалеко от города Воронежа, на защите донецких степей.

Клавдичка, писем от тебя почему-то опять не стало, хотя получал, но очень мало, и то они были писаны в июне месяце, а сейчас не знаю, что делается у вас дома.

Клавдичка, своих около меня никого нет, хотя товарищи у меня и хороши, но они все дальние. Но это не беда, лишь бы остаться живому и скорей разгромить фашистских гадов. Клавдичка, война мне на здоровье не влияет, в боях я действую смело и буду драться с кровавыми палачами до последней капли крови.

Милочек, писать больше нечего. Ты мне все говорила, пиши понемногу, но почаще, вот я так и делаю. Здоровье у меня хорошее, я совсем стал не такой, какой был в Стемасе, а намного здоровше. Так что обо мне не беспокойся, а смотри за собой и береги здоровье. Может быть, ещё придется нам с тобой пожить.

Пока, Милочек, до свидания. Остаюсь жив и здоров, и вам того желаю. Передавай привет Маме, Шуре и всем моим родным. До свидания, жму руку и крепко целую. Ваш верный друг Г.М. Репкин.

Шли фотокарточку и ответ быстрее».

Четвертое письмо:

«17 августа 1942 года.

Привет, милой Клавдичке!!

Клавдичка, спешу сообщить о том, что письмо я ваше получил, за что очень и очень благодарю. Милочек, я очень рад, что узнал о жизни своей семьи, и притом письмо почему-то пришло очень скоро. Ты его послала 5 августа, а я его получил 16 августа, так что письмо шло всего 10 дней.

Клавдичка, почему-то это письмо на меня особенно подействовало. Когда я его читаю, то мне вас всех как-то жалко, но и одновременно читать как-то обидно. Ты не подумай, что я обиделся, нет, а дело в том, что ты пишешь письмо и оно у тебя почему-то очень

печальное, а поэтому и у меня настроение падает. Но ты учти, Милочек, война – это дело нелегкое, но у меня и в целом у моих товарищей плоховатое настроение. Нет, никогда, мы всегда шутим и смеемся как дети, но когда идем в бой, то этих шуток у нас уже нет, а идем на врага смело и уничтожаем своим грозным оружием немецкие танки и самих фашистских собак. Вот, Клавдичка, почему я тебе и пишу, чтобы ты себя вела бодрее, и работала веселее, и совместно с вами мы будем стараться скорее разбить врага. Мы уничтожаем его на фронте, а вы честно работаете в тылу, и этим самым мы скорее придем к победе.

Клавдичка, ты спрашиваешь, кто со мной товарищи. Я тебе уже писал, что сейчас нет близких, никого. Был со мной вместе Дунин Иван, ахмыловский. Его тяжело ранило, не знай, он останется живой или нет. Я больше про него ничего не знаю.

Клавдичка, вот на этом пожалуй я писать заканчиваю. Пиши ответ и все новости. Пропиши, как дела у вас в колхозе, и как пишут или нет письма мои товарищи: Ваня Кочкин, Петряков Олешка, Белов Аркашка и т.д. А Мишухе Максимову передай привет. Вот, Милочек, пока, до свидания. Остаюсь жив и здоров, и вам того желаю. Передай привет Маме моей, Шуре, Нюре, и братишке Шурке. Ну и ещё Маше и Шуре Романовым.

До свидания, жму руку и крепко целую, а Генку и Томку поцелуй, так и скажи, что это велел папа.

Ваш любимый Гриша.

Передай, что я послал им по два письма, но не знай, они получали или нет».

Пятое письмо:

«Привет с фронта!

К тебе сквозь туманы, леса и поляны,
Летит мой конверт голубой.
Лети мой листочек, родной голубочек,
В тот дом, где расстались с тобой.

Пусть горы высоки, пусть степи широки,
Слова прилетят в край родной.
О смелых ребятах, о грозных атаках
Расскажет конверт голубой.

Ты помнишь сказала, когда провожала,
Разлуку враги принесли.
Тех слов не забуду, врагов бью повсюду,
Чтоб вновь разлучить не могли.

В боях и походах, в буран, в непогоду,
Вспомню твой голос родной.
Мне станет теплее, мне станет милее,
Как будто ты рядом со мной.
На память Клавдичке.

Клавдичка, спешу сообщить о том, что письмо я ваше получил 30 декабря 1942 г., которое было послано 15 декабря 1942 г., и за что очень и очень благодарю.

А 2 января 1943 года получил твой посылок, за который я и не знаю как благодарить. Милочек, многим моим товарищам присылали посылки. Но таких не было ни у кого, потому что им присылали каких-то кляклых лепёшек. Но ваши сухари в роту сами тают. В такое время я от вас не ожидал такого посылка, думал, что пришлешь хуже.

Клавдичка, меня очень взволновало ваше письмо. Я никогда не ожидал этого, чтобы тебя угнали от детей за такие километры. И сейчас пишу я это письмо, а не знаю, когда ты приедешь домой и когда будешь его читать. Милочек, я думаю все же можно бы тебе от этого дела открутиться, иначе дело плохое. Дети хотя в надёжных руках, но они наверно матери надоели, так что, если приедешь домой, постарайся больше не ездить.

Я хотел написать письмо этому Лазареву, но думаю, что все равно бесполезно. Если бы поговорить с ним лично, то это дело было бы лучше, а теперь выкручивайся сама. Ну ладно, Милочек, пока приходится переносить все трудности, а если останусь жив, то это все будем только вспоминать, как будто это видели во сне.

Клавдичка. выполнил твой приказ, видел Кисина Александра и говорил ему, почему ты не пишешь письма. Он мне ответил, что писем посылаю каждую неделю, а почему не получают, я, говорит, не знаю. Но он от своей Маруси получает.

Клавдичка, пару слов о себе. Живу пока хорошо, ожидаю ещё лучше, потому что Красная Армия беспощадно громит фашистских

захватчиков. А потому у каждого из нас, а в частности, лично у меня, сейчас создаётся такое настроение, только вперед и вперед на запад, скорее покончить с этими фашистскими собаками и вернуться к своей ненаглядной и снова начать жить по-старому.

Вот, Милочек, писать на этом я кончаю, остаюсь жив и здоров и вам того желаю.

Пока, до свидания, жму руку и крепко целую, а Томку и Генку поцелуй от меня. Передай привет и большое спасибо Маме и Шуре, потому что они нас с тобой и наших детей не бросают и не забывают.

До свидания, пиши ответ и все новости. Ваш любимый Гриша.

3 января 1943 года».

E.V. Lukyanova

«RATHER END WITH THESE FASCIST DOGS»: FRONT LIFE IN LETTERS HUSBAND TO WIFE

Abstract: the article reveals the content of front-line letters of the great Patriotic war. The process of getting them into the Museum is noted. Shows the deep emotional experiences of a person who has experienced a difficult time.

Key words: letters on memory, matches, seeing off, soup from a quinoa.

УДК 75.044

Е.М. Новосёлова

ЭПИЗОДЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ В КАРТИНАХ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. Статья посвящена художникам, чьи картины на военные темы хранятся в Козьмодемьянском музее.

Ключевые слова: художник, война, музей.

Тему военной истории раскрывали на своих полотнах художники всех времен и поколений. Что касается Поволжья, а еще конкретнее, Марийской республики, города Козьмодемьянска, то и сейчас в экспозиции музея на первом этаже висит на стене работа ленинградского художника Георгия Михайловича Осокина «Акпарс», раскрывающая тему военно-стратегического решения взятия неприступной Казани войсками Ивана Грозного при непосредственном участии марийских воинов и их лидера Акпарса.

В творчестве этого художника можно найти отражение военных событий далекого прошлого поволжского городка: участие мари в восстании Степана Разина, картина – «Степан Разин», живописная работа «Марийцы в отряде Пугачева», «Провозглашение Советской власти в Козьмодемьянске». Тема войны затронута на работах художников М.Г. Платунова «Ленинград в блокаде» (бумага, темпера, 1942), И.М. Пландина – «Вернулся с фронта» (1944) и на полотнах других художников.

В декабре 1790 года в ходе русско-турецкой войны была взята неприступная крепость Измаил. В картинной галерее музея есть работа, красочно демонстрирующая этот исторический момент «Взятия крепости Измаил» художника А.В. Русина (1926 г.р.), написана работа в 1953 году (х. м.).

А.В. Русин. Взятие креспости Измаил

События военных действий показал на своей картине (эскиз) «Фронтовая дорога» художник Николай Лукич Бабасюк, «Партизан» Великой Отечественной войны представлен на полотне Георгия Осокина. В фондах музея имеются графические работы Юрия Михайловича Непринцева, правдиво напоминающие о тяжелых событиях военного времени «В блокадном Ленинграде» и «Фронтовая остановка».

В Козьмодемьянском художественно-историческом музее военная тема освящается на постоянной основе: как в экспозиции, посвященной военным событиям Великой Отечественной войны, так и на полотнах известных художников.

Один из таких художников – известный реставратор Анатолий Владимирович Трескин. Имя Анатолия Владимировича вспоминается с особым уважением и благодарностью – за боевой подвиг и за чудо возрождения выдающихся творений отечественного искусства, разрушенных врагом в военные годы, и Павловского дворца.

Анатолий Владимирович Трескин (1905–1986) среди выдающихся мастеров ленинградской школы реставрации занимает место в числе первых. Народный художник РСФСР, лауреат Государственной премии, обладатель Золотой медали Академии художеств Анатолий Трескин родился в 1905 году в Ленинграде. Талант художника проявился еще в детстве. Желание научиться профессионально рисовать привело его в Ленинградский художественно-промышленный техникум при ВХУТЕИН. Его учителями были педагоги В.Н. Кучумов, В.А. Кузнецов и Д.И. Киплик, принадлежавшие к удивительному поколению мастеров ленинградской школы живописи. Он очень гордился своей профессией художника монументальной живописи

Художник А.В. Трескин

еще во время учебы на четвертом курсе под руководством Д.И. Киплинга реставрировал плафон в Малом зале Консерватории. В 1930-е годы участвовал в реставрации Строгановского, Шуваловского, Юсуповского дворцов в Петербурге, в галерее Гонзага в Павловске. В те же годы оформлял интерьеры дворцов культуры, санаториев, домов отдыха. А. Трескин расписывал стены по заданной тематике, но всегда творчески подходил к каждому заданию.

В годы войны А.В. Трескин работал художником Балтийского флота во время блокады. «Всё для фронта, всё для победы!» – с боевым настроением он и его коллеги по кисти создавали плакаты, листовки, портреты героев войны. Наряду с портретами А. Трескин делал многочисленные натурные зарисовки и писал картины на военную тематику: «Снайпер на подступах к Ленинграду», «Партизаны», «Герои Ленинграда», «Возьмите!», «Портрет красноармейца». Характер работ, почти документальных по содержанию, передает отношение автора к происходящим событиям. Его главная задача – правдиво рассказать современникам и потомкам о мужестве защитников Ленинграда.

После войны Трескин возвратился к реставрационной деятельности, принимал участие в восстановлении живописных работ в Мариинском и Михайловском театрах, в залах Эрмитажа и Русского музея, в интерьерах дворцов Ораниенбаума и Царского села, выезжал реставрировать храмы в Великий Новгород. В 1950–1970-х годах руководил работами по реставрации росписей Павловского дворца.

А.В. Трескин был талантливым живописцем и мастером рисунка, виртуозно владел не только кистью, но и карандашом. Среди его работ много пейзажей природы, в которых он раскрывается как тонкий лирик, передающий свое впечатление от натуры через богатую палитру красок. Его вдохновлял любой, пусть даже будничный, мотив, в котором он находил гармонию и естественную красоту. Мастерство кисти художника проявляется в блестящей композиции, в умении передать сложную фактуру предметов. В колорите и композиционном решении станковых произведений художника А.В. Трескина просматривается влияние живописи мастеров прошлых веков [1].

А.В. Трескин. Котовцы. Купание коней

А.В. Трескин. Поколение победителей

В экспозиции Козьмодемьянского музея находятся две работы Анатолия Трескина «Котовцы. Купание коней» (1936) и «Поколение победителей».

«Купание коней» – довольно популярная тема у художников для написания картин. Известны живописные работы с изображением коней Аркадия Пластова, Кузьмы Петрова-Водкина, Валентина Серова и многих других. Эта тема какой-то неведомой силой связывает на полотнах художников мир людей и животных, делая этот мир добрым, чистым, одухотворенным. На полотне Анатолия Владимировича «Купание коней» мы видим хорошо сложенных бойцов Красной Армии, по ощущениям, даже больше радовавшихся воде, чем их четвероногие помощники. Бойцы, как на подбор, бравые, крепкие, отчаянные.

Другая работа Анатолия Владимировича «Поколение победителей», находится в постоянной экспозиции центрального зала картинной галереи. Казалось бы, спокойная обстановка на полотне, все действующие герои картины сидят, улыбаются, радуются детям, обнимают стариков. И лишь медали и ордена на груди вернувшегося с войны командира, да устремленный далеко вперед взгляд самого старшего члена семьи, беззвучно говорящий о тяжело прожитых годах жестокой войны с немецким захватчиком и накопившейся за эти годы усталости, о том, сколько ещё нужно сил, чтобы восстановить разрушенную врагом страну, возвращают нас, сегодняшних, в далекое военное время. В нашей памяти молниеносно, не так, как было на самом деле, всплывают и сменяют один за другим событийные моменты военно-полевых битв, поражений и побед. И эта картина, как результат боевых сражений, итог неимоверных усилий советского народа, народа-победителя, сплоченного одной великой целью – миром на Земле, играет важную роль в патриотическом воспитании последующих поколений. Новостройка и проходящая на заднем плане картины разноцветная радуга усиливают эмоциональное восприятие картины, помогают понять значимость происшедших событий военного периода.

Название картины «Поколение победителей» полностью соответствует живописному рассказу художника, ведь так или иначе война коснулась каждого изображенного на картине персонажа, лицо которого – есть собирательный образ человека его поколения.

Творчество Анатолия Владимировича Трескина разнообразно, его картины несут добро и любовь к миру, который окружает его. Отрадно, что с творчеством этого талантливого художника можно познакомиться в Козьмодемьянском художественно-историческом музее им. А.В. Григорьева, дающем возможность каждому посетителю коснуться эпизодов военной истории России.

Источники и литература

1. Энциклопедия. Трескин Анатолий Владимирович [Электронный ресурс] URL:https://artlot24.ru/article/treskin-anatolij-vladimirovich-111(дата обращения: 22.10.2019.)

E.M. Novoselova

MILITARY HISTORY EPISODES IN PICTURES OF THE KOZMODEMYANSKY ART AND HISTORICAL MUSEUM

Abstract. The article is dedicated to artists whose paintings on military topics are stored in the Kozmodemyanskiy Museum.

Keywords: artist, war, museum.

УДК 9 (94)

М.Г. Родюшкина

«ОНИ ПОГИБЛИ В КАРЕЛИИ»: ОБ УРОЖЕНЦАХ ГОРНОМАРИЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Аннотация. Доклад посвящен уроженцам Горномарийского района, воевавшим на Карельском фронте. Представлено краткое изложение их личных боевых подвигов и заслуг.

Ключевые слова: Карелия, война, Горномарийский район, подвиг.

Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 гг. навсегда останется одной из самых тяжелых страниц в истории всего человечества. Путь к Победе был трудным и долгим. Он пролег

через огонь и кровь небывалых по размаху и ожесточенности сражений на фронте. И чем дальше в историю отходят от нас годы войны, тем полнее и ярче проявляется величие героического подвига советского народа, мужественно отстоявшего в невиданно жестокой борьбе с фашизмом нашу Родину [1].

Рука об руку с русскими и украинцами, белорусами и грузинами, татарами и азербайджанцами, казахами и чувашами воевали на фронтах Великой Отечественной войны и представители марийского народа. Они были в рядах защитников Брестской крепости и Одессы, Москвы и Ленинграда, участвовали в битвах за Сталинград и на Курской дуге, сражались в Белоруссии, на Украине, в Крыму и в лесах Карелии, освобождали Польшу, Чехословакию, Болгарию, Венгрию, штурмовали Берлин. Более 130 тысяч уроженцев Марийской АССР воевали с фашистскими захватчиками [1].

За проявленное мужество и отвагу десятки тысяч наших земляков награждены боевыми орденами и медалями. Тридцати шести уроженцам нашей республики присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В Великой Отечественной войне в равной мере проявили высокую доблесть все рода и виды войск. И сегодня хотелось бы вспомнить имена своих земляков, уроженцев Горномарийского района, воевавших на Карельском фронте.

Карельский фронт был образован в августе 1941 г. для ведения боевых действий на северном стратегическом направлении. В его состав вошли 14-я и 7-я армии, отдельные соединения и части, сражавшиеся с первых дней Великой Отечественной войны в Заполярье и Карелии в составе Северного фронта в полосе от Баренцева моря до Ладожского озера. Карельскому фронту был оперативно подчинен Северный военно-морской флот. Из всех советских фронтов в годы Великой Отечественной войны Карельский фронт существовал самое продолжительное время (три с половиной года) и действовал в самой широкой полосе протяженностью почти 1600 км. Физико-географические условия Заполярья и Карелии создавали большие трудности войскам для ведения боевых действий: ограничивали маневр, затрудняли инженерные работы, постройку дорог, аэродромов и других сооружений, применение танков и артиллерии. Даже зимой, когда болота и озера замерзали, проходимость

автотранспорта и военной техники из-за глубокого снега не улучшалась, а ухудшалась. Работа тыла была сложная, требовались специальные меры по бытовому устройству личного состава и дорожному обеспечению. Труднопроходимая местность и слабая дорожная сеть в полосе фронта допускали ведение боевых действий только по отдельным направлениям. Важнейшими из них были: мурманское, кандалакшское, кестеньгское, ухтинское, ребольское, поросозерское, петрозаводское и олонецкое. Бои на этих направлениях могли вестись лишь вдоль дорог в полосе 20–50 км, изолированно друг от друга на 30–200 км, а вне их, хотя полностью не исключались, требовали весьма тщательной подготовки войск и всестороннего инженерного обеспечения [2].

Основное оперативно-стратегическое предназначение фронта в период стратегической обороны Советских Вооруженных Сил состояло в том, чтобы обескровить и остановить ударные группировки врага, не допустить захвата им Заполярья и Карелии, сохранить важнейшие железнодорожные и морские коммуникации, обеспечить базирование советского флота. Ведением активной обороны фронт должен был сковать противника и не позволить ему перебрасывать соединения и части из Заполярья и Карелии на другие участки советско-германского фронта, и прежде всего под Ленинград. С переходом Советских Вооруженных Сил к стратегическому наступлению фронт должен был разгромить противостоящие группировки немецких и финских войск, освободить Советскую Карелию и Заполярье, вывести из войны Финляндию и начать освобождение Северной Норвегии от гитлеровских оккупантов [2].

В ходе обороны, а затем и наступательных операций против объединенных сил вермахта и финнов войска Карельского фронта покрыли свои знамена неувядаемой славой, закалились в борьбе и приобрели большой боевой опыт действий в сложных природных и климатических условиях Карелии и Заполярья [2].

По данным Книги памяти, на Карельском фронте погибло 56 человек из Горномарийского района и г. Козьмодемьянска. Обратившись к интернет-порталу подлинных документов о Второй мировой войне «Память народа» удалось найти более полную информацию о пяти уроженцах Горномарийского района, воевавших на Карельском фронте.

Старший лейтенант Карасев Александр Петрович – 1910 года рождения, место рождения – Марийская АССР, Горномарийский район, село Красногорка. На фронте – с 22 июня 1941 года на Ребольском направлении Карельского фронта. Командир взвода 239-го стрелкового полка, 27-й стрелковой дивизии. Умер от ран 03.08.1943 г., место захоронения – Республика Карелия, город Медвежьегорск. Награжден медалью «За отвагу».

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. Товарищ Карасев на фронте Отечественной Войны с первого дня и начала, участник многих боевых операций по уничтожению живой силы противника. Как командир проявляет инициативу и решительность в своих действиях и командовании взводом.

25 июля 1941 года, участвуя в выполнении задачи по разгрому гарнизона противника, взвод под командой товарища Карасева успешно справился с поставленной задачей. Преодолев труднопроходимые подходы к вражескому гарнизону, минные поля и заграждения и сломив сопротивление засевшего в усиленные огневые точки противника, его взвод, искусно маневрируя, штурмовал высоту, разгромив огневую точку, разбил две землянки, приспособленные к обороне, уничтожил кухню, 12 солдат и офицеров противника и, выполнив боевое задание, с боевыми трофеями отошел по приказанию командования на исходный рубеж. Как опытный командир решительный и инициативный, смелый и мужественный в бою, товарищ Карасев достоин правительственной награды – медали «За отвагу» [3].

Майор Козиков Семен Александрович – 1898 года рождения, место рождения – Марийская АССР, город Козьмодемьянск. На фронте Отечественной войны с 20 сентября 1943 года на Ленинградском фронте. Заместитель командира по политчасти 996-го стрелкового полка, 286-й стрелковой дивизии. Умер от ран 20.06.1944 г., место захоронения – Республика Карелия, город Терийски. Награжден орденом Отечественной войны I степени.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. Товарищ Козиков политически грамотный и опытный политработник, имеет достаточный опыт партийно-политической работы в боевой обстановке, систематически проводит политико-воспитательную работу с личным составом полка, умело руководит пар-

тийными и комсомольскими организациями и правильно мобилизует коммунистов и комсомольцев на решение задач, поставленных командованием. В боях в июне-июле на Карельском перешейке с финскими захватчиками полк все поставленные задачи выполнил с честью. Сам товарищ Козиков смел, храбр и волевой политработник. Во время боев сумел сохранить ударную силу ротных партийных организаций, организуя работу по приему в ряды ВКП(б). Правильно нацеливает парторгов, комсоргов на ведение непрерывной партийно-политической работы во всех периодах боя. Товарищ Козиков за проявленное ранее в боях мужество и храбрость награжден орденом Красной Звезды. Лично дисциплинирован, морально устойчив. Достоин награждения правительственной наградой – орденом Отечественной войны I степени [3].

Сержант Лазуркин Илья Дмитриевич – 1914 года рождения, место рождения – Марийская АССР, Горномарийский район, деревня Токари. Командир отделения 5 стрелковой роты. Убит в бою 4 августа 1944 года, место захоронения – 12 км вправо от поселка Андропова гора Ругозерского района КФССР. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. Командир отделения 5-й стрелковой роты сержант Лазуркин награжден медалью «За боевые заслуги» за то, что в бою за высоту «Безымянная» 26–28 июня 1943 года со своим отделением, пробравшись под проволочные заграждения противника, приблизившись к вражеской огневой точке, мешавшей преодолению заграждения наступающим подразделениям, забросал ее гранатами, обеспечив преодоление заграждения противника [3].

Рядовой Марков Александр Николаевич – 1924 года рождения, место рождения – Марийская АССР, Горномарийский район, село Владимирское. На фронте Отечественной войны с марта 1943 года. Минометчик. Умер от ран 04.07.1944 года, место захоронения – Республика Карелия, 2 км западнее д. Люккюля. Награжден медалью «За отвагу».

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. Товарищ Марков в составе своего орудийного расчета 10 раз успешно отражал налеты авиации противника на охраняемые аэродромы. В завершающих боях по разгрому немецко-фашистских

войск в период прикрытия батарей аэродрома Туржаны, батарея несколько раз отбивала атаки штурмовиков противника, не допустив их, чтобы повредить охраняемую материальную часть самолетов. В этих боях товарищ Марков вел себя смело, энергично и мужественно [3].

Ефрейтор Петров Григорий Ефимович – 1917 года рождения, место рождения – Марийская АССР, Еласовский район, д. Алдеево. На фронте Отечественной войны с августа 1941 года. Разведчик отдельной роты разведки 70-го отделения Морской Стрелковой Краснознаменной Бригады. Убит в бою 20.08.1944 года, место захоронения – Суоярвский район КФССР юго-восточне озера Конгос-Ярви. Награжден орденом Отечественной войны II степени (посмертно).

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. 23.06.44 г. в период десантной операции на берегу Ладожского озера между рек Тулокса и Видлица ефрейтор Петров действовал смело и решительно. В первый день десантной операции Петров участвовал в разведке, где сталкивается с противником. В первом бою он уничтожил двух белофиннов. В последующих разведоперациях Петров всегда проявлял мужество и отвагу. 02.08.44 г. во время боя был окружен командир 1-го стрелкового батальона майор Кондрашов. Группе разведчиков лейтенанта Уруппа была поставлена задача любой ценой спасти жизнь командира батальона. Петров в этой схватке огнем автомата и гранатами уничтожил до десяти белофиннов. После того, как был спасен командир батальона, Петров бросился на помощь к раненым бойцам и оказал помощь трем раненым [3].

Достойный вклад в разгром фашистских захватчиков внесли войска Карельского фронта. Вспоминая сегодня наших земляков, героически сражавшихся на этом фронте, хотелось бы, чтобы память о них была с нами каждый день, а не только по праздникам и по особым датам.

Источники и литература

1. Книга памяти. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 528 с.

2. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк. М.: «Наука», 1984.

3. Интернет-портал «Память народа» https://pamyat-naroda.ru/

M.G. Rodyushkina

«THEY DIED IN KARELIA»: ABOUT NORTHERS OF THE GORNOMARI DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MARI EL

Abstract. The report is dedicated to the natives of the Gornomariysky region who fought on the Karelian front. A summary of their personal combat feats and merits is presented.

Keywords: Karelia, war, Gornomariysky district, feat.

УДК 908

Ф.Ф. Сабирьянова

ТРАГЕДИЯ МАРИЙСКИХ ЛЕСОВ: ПОЛОЖЕНИЕ СОЛДАТ УЧЕБНЫХ ЛАГЕРЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙСКОЙ АССР В 1941–1945 ГОДЫ

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам положения военных учебных лагерей в пос. Сурок и Суслонгер Марийской АССР. Работа основана на архивных документах и свидетельствах родственников участников событий.

Ключевые слова: трагедия, эвакогоспиталь, война, фронт, солдаты, землянка, голод, документальные данные, свидетели.

В годы войны на территории Марийской АССР дислоцировалось несколько военных формирований. Одними из таких являлись учебные лагеря в посёлках Суслонгер и Сурок, откуда на фронт были отправлены несколько тысяч солдат и офицеров [6]. В эти годы вокруг Суслонгера и Сурка были расположены учебные лагеря новобранцев, спецпоселения крымских татар, эвакогоспитали, военные госпитали, лагерь пленных финнов, 3-й батальон выздоравливающих и др. К сожалению, воспоминания свидетелей и родственников, архивные документы раскрывают нам высокую смертность курсантов. По сведениям Дмитрия Яковлевича Шипунова, на Марковском кладбище Йошкар-Олы покоятся около 800 воинов, умерших от ран и болезней в 1941–1945 годах. 768 солдат считаются известными,

188 из которых имели адреса мест рождения, проживания и призыва. В 2014 году силами поисковиков отряда «Демос» были восстановлены адреса ещё 216 погибших воинов [3].

Трудности испытывали солдаты, попавшие в эвакогоспитали. В конце октября 2019 года в Курганской области прошла Всероссийская историко-научно-практическая конференция, в работе которой принимали участие и татарские краеведы Республики Марий Эл. Мы рассказали о том, что уроженцы Курганской области покоятся на Марковском кладбище, назвали краеведам установленные фамилии их земляков, имена которых высечены на мемориальной доске.

Тема смертности курсантов – одна из наименее изученных в историографии Великой Отечественной войны. Документы, способные в полной мере раскрыть причины данного вопроса, доступны лишь узкому кругу специалистов. И поэтому, когда отсутствуют документальные данные, воспоминания очевидцев событий, теперь уже их детей и внуков, имеют историческую ценность. Они схожи в описании картин массовой гибели новобранцев от голода, туберкулёза, отравлений, мороза, истощения организма, сердечной недостаточности, дистрофии, тифа, кишечных инфекций [2, с. 27].

В то же время устным источникам характерна некоторая неточность, но и их нельзя исключить. Поэтому известные свидетельства такого характера подтвердить или опровергнуть могут только документальные данные, которые хранятся в ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ) и его филиале военно-медицинских документов в Санкт-Петербурге.

Как сказано в документах, в октябре 1941 года большая часть красноармейцев и начальственного состава учебных частей в посёлках Сурок и Суслонгер размещались в типовых землянках. Но многие жили в палатках и в шалашах из сосновых ветвей, осыпанных листьями и землёй. Много землянок находилось в стадии строительства, которое затруднялось плохим транспортным сообщением. Поэтому строительный материал (доски и кирпичи) красноармейцы носили на себе от станции Суслонгер в лагерь, что в оба конца составляет 24 км [7].

В народной памяти жителей Марийской АССР, Чувашии и Татарстана сформировалось устойчивое убеждение о многочисленных потерях среди личного состава подразделений вышеназванных учебных лагерей, готовивших пополнение для фронта [2, с. 27].

Впервые эта тема в нашей республике была предана огласке в начале 1992 года по просьбе ветеранов, которые предложили организовать встречу солдат 46-й запасной стрелковой дивизии, проживающих в Марийской АССР. Как видно из материалов «Марийской правды», всю работу координировал заместитель главного редактора Юрий Головин. Читатели в письмах и телефонных разговорах благодарили редакцию за то, что наконец-то приоткрыта и эта страница истории [4].

Данная тема нас глубоко затронула, прежде всего из-за сведений, обнаруженных в 2017 году, об Ахмете Валиеве (дед по матери), 1896 года рождения [5], уроженце деревни Тат-Китня Мари-Турекского района. Он считался в течение 75 лет пропавшим без вести, хотя Великая Отечественная для него была не первой войной. Подтверждающих документов пока у нас нет. Надееемся, что они обнаружатся.

Недавно довелось узнать, что его 10-й гужевой транспортный батальон находился в селе Токтайбеляк Куженерского района, то есть был в составе военных формирований на территории Марийской АССР совсем недалеко – в 50 км от родного дома. Но тогда ни жена, ни дочери об этом не знали [2, с. 25]. Проследить дальнейший боевой путь деда удалось благодаря материалам ЦАМО.

Также внимание привлекла история Софьи Мухарлямовой, рассказавшей, как её мама носила своему брату Харису Сафуанову в Суслонгер тёплые вещи, хлеб, испечённый с добавлением картошки. Встретиться им не удалось. Вещи и продукты женщина оставила часовым. Затем от брата пришло письмо, что он дошёл до Каунаса. Но вскоре там погиб.

Такие примеры можно привести из любого района. Шарифулла Газизов был направлен бригадиром на лесозаготовку в Суслонгер из деревни Алашайка Параньгинского района. При встрече с женой Шамсинахар абыстай он с болью высказал, как солдаты добровольно уходят из жизни, не выдержав тяготы службы. А сам умер в 1943 году от заболевания лёгких. Весть о его смерти до семьи дошла только через год.

Габдульбар Бакиев себя считал счастливцем, ибо ему в учебном лагере пришлось находиться недолго: он был отправлен на фронт [8].

Порядки в лагерях были далеки от уставных. В своих письмах солдаты Суслонгер и Сурок называли «сушилкой», так как там они быстро становились изможденными скелетами.

Были случаи, когда молодые рядовые солдаты, не выдержав недоедания, пытались сбежать домой. Обычно истории заканчивались возвращением их в лагерь. Перед строем товарищей таких курсантов заставляли рыть яму для себя, после чего их расстреливали.

Деревенские жители ходили в Суслонгерские лагеря менять продукты на солдатское обмундирование. Ходоки и рассказывали потом о невыносимых условиях жизни. Рассказывали, что прорубь, откуда брали воду для лагерной кухни, стали охранять после того, как несколько солдат не выдержали и свели там счёты с жизнью [4].

К концу 1945 года воинские части в Сурке и Суслонгере были расформированы.

По прошествии лет нужно ли об этом знать? Должны ли об этом знать современные и последующие поколения? Мы в большом долгу перед погибшими. Это не только желание, а внутренний порыв современного поколения. В настоящее время открываются архивные данные, что даёт возможность расширения поиска информации по данной теме в преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Подтверждением тому является мнение бывшего генерала Генерального штаба Вооружённых Сил СССР, уроженца Мари-Турекского района Павла Васильевича Мальцева, который в своей книге «Неизведанный путь, повесть моей жизни» говорит, что «историю изменить нельзя, но оценивать её объективно надо. И не только, чтобы оправдать понесённые жертвы, но, в первую очередь, – в целях будущего развития, выбора верных и достойных ориентиров. Я знаю, наше время не прошло бесполезно, его будут вспоминать, когда история унесёт все те ошибки и извращения, что были допущены, – засверкает обнажённая истина» [1, с. 412].

Источники и литература

1. *Бушков Р.А.* Рассвет земли Онара. Казань, 2017.

2. *Закиров А.Д.* История медицинского обеспечения военных городков Суслонгер и Сурок в 1941–1946 годы. Казань: Отечество, 2019.

3. Книга памяти. Вспомним их поимённо. Йошкар-Ола.

4. Марийская правда за 18 января 1992 года, 21 марта 1992 года, 8 февраля 1902 года, 17 июля 1992 года.

5. «Мемориал» сайт ОБД.

6. *Черепанов М.В.* Марши памяти как новая форма краеведения и патриотического воспитания // История села – история России. Роль ислама в сохранении духовности татарского народа: сборник статей. Йошкар-Ола, 2018.

7. Фонд военно-медицинских документов. Ф. 2637. Оп. 55611/1/1

8. Сведения информантов-земляков.

F.F. Sabiryanova

THE TRAGEDY OF THE MARI FORESTS: POSITION OF SOLDIER CASES IN THE TERRITORY OF THE MARI ASSR IN 1941–1945

Abstract. The article is devoted to some issues of the situation of military training camps in the village Surok and Suslonger of the Mari ASSR. The work is based on archival documents and testimonies of relatives of participants in the events.

Keywords: tragedy, evacuation hospital, war, front, soldiers, dugout, famine, documentary evidence, witnesses.

УДК 94(470) «18/19»-057.36

Е.В. Федотова, Т.Ю. Федотова

СТЕПАН СЕРГЕЕВИЧ ЩЕРБАКОВ: СЛУЖБА В ЦАРСКОЙ ГВАРДИИ

Аннотация. В статье освещена биография Степана Сергеевича Щербакова, служившего в царской гвардии – в охране семьи Николая II, участника Первой мировой войны в составе 164-го пехотного Закатальского полка, красноармейца, которому в последующем предстояли арест, расстрел и реабилитация.

Ключевые слова: Степан Сергеевич Щербаков, царская гвардия, охрана Николая II, Первая мировая война, 164-й пехотный Закатальский полк.

Во время фольклорно-этнографической экспедиции в чувашских селениях Нурлатского района Республики Татарстан в селе Илюткино учитель физики Виталий Леонтьевич Михайлов [4] рассказал нам о том, что у его знакомых из деревни Средняя Камышла дед Степан Сергеевич Щербаков служил в царской гвардии – в охране семьи государя Николая II. Ввиду того, что в последнее время в общественности стало больше внимания уделяться семье царя Николая II – открываются выставки с фотографиями и документами царской семьи, ведутся телепередачи – нам было интересно подробнее узнать о человеке, который служил в охране царской семьи. Тем более этот человек – земляк наших родственников, чуваш по национальности.

Цель работы: узнать о Степане Сергеевиче Щербакове, который служил в царской гвардии в охране царской семьи.

Для достижения цели перед нами встали следующие задачи:

1) найти родственников, которые могут рассказать нам о С.С. Щербакове,

2) узнать, есть ли сведения о нем в Российском государственном военно-историческом архиве;

3) поиск в библиотеках и электронных ресурсах литературы о царской охране и материалы персонально о С.С. Щербакове.

В своей работе мы использовали следующие методы исследования: 1) поиск и изучение источников, 2) анализ найденного материала, 3) метод опроса родственников С.С. Щербакова – нестандартизированный опрос.

Один из внуков С.С. Щербакова живет в городе Нурлат Республики Татарстан, в районе сахарного завода, который так и называется «Сахарный». Его зовут Владимир Егорович Щербаков [5]. Он со своей супругой Антонидой Алексеевной Щербаковой, учительницей, пригласил нас к себе домой в уютную квартиру в двухэтажном доме. У них дома бережно хранятся фотография и копии документов его деда по отцу С.С. Щербакова. В.Е. Щербаков с гордостью и горечью рассказал нам о судьбе своего деда, о мытарствах его осиротевшей раскулаченной семьи, ознакомил с копиями документов.

Степан Сергеевич Щербаков родился 21 декабря 1886 года в чувашской деревне Средняя Камышла. По национальности он был

С.С. Щербаков в годы службы в царской гвардии

чуваш. Ростом был высокий – около 2 метров. Телом был крепкий, сильный, здоровый. Его богатырскую силу передает рассказ внука о том, что он раз соседскую лошадь поднял на плечи. Красавец – это подтверждает и фотография. Фотография выполнена во время службы в царской гвардии, где он служил около десяти лет. Служба Степана Сергеевича состояла в том, что он верой и правдой охранял царскую семью. Потомки гордятся им. Они помнят рассказы деда, которые передают из поколения в поколение. Владимир Егорович тоже помнит рассказы своего отца, Егора Степановича Щербакова, 1927 года рождения. А отец слышал от своего отца Степана Сергеевича, который рассказывал о службе в охране царской семьи в Царском Селе, о самом Государе Николае II, о его сыне – цесаревиче Алексее. По рассказам С.С. Щербакова, Государь был добрый человек. К служащим в его охране, охране его семьи относился по-отечески. «Подходил и, похлопывая по плечу, спрашивал, как живут отец с матерью, разговаривал по-отечески тепло». Степан Сергеевич, когда растил своих детей: Андрея, Егора, Петра, Акулину, иногда к слову рассказывал им о своей службе в Царском Селе, что утром царевич Алексей выходил гулять, подходил к озеру и, как обыкновенный деревенский мальчишка, иногда кидал камешками в лягушек, сидящих на берегу озера. Государь подходил и говорил охране: «Вы за ним, сорванцом, внимательно следите». Николай Андреевич Степанов, тоже внук С.С. Щербакова (фамилия Степанов по имени деда Степана – Щербакова Степана Сергеевича) [6] с веселым смехом рассказал (по телефону) семейную сценку о царских детях, которую помнил по рассказам бабушки, Устиньи Михайловны, и отца, Андрея Степановича: «Бабушка и отец рассказывали. Стоял дед (С.С. Щербаков) в Царском Селе, охраняя царских детей. Стоял он высокий, в длин-

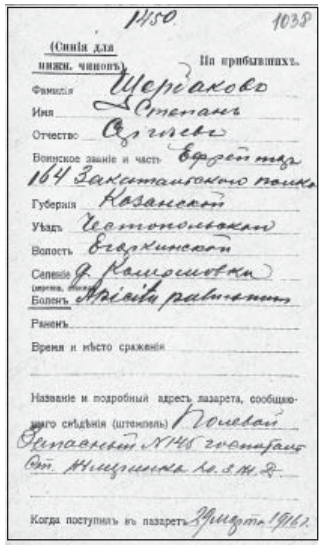
ной шинели, почти до пят. А дети Николая II во время прогулки играли. Когда они играли в прятки, цесаревич Алексей подбегал к С.С. Щербакову и спрашивал: «Дядя Степан, можно спрятаться в твоей шинели?». Дед, конечно, разрешал. Алексей быстро прятался внутрь под шинель (стоял рядом с дедом внутри шинели), а сестры бегают, ищут его: «Алексей, где ты?.. Ну где же ты, Алексей!» Потом Алексей тихонько выходит, а сестры все также удивляются, куда он так мог спрятаться?» Еще Николай Андреевич помнит и следующий отрывок из рассказов бабушки и отца: «Иногда Государь подходил, за руку здоровался (он ведь был демократичный): «Здравствуйте, пан!» И спрашивал: «Что из деревни пишут?» А дед

С.С. Щербаков (в центре сидит)

отвечает: «Ну, тяжело живется, трудно». Царь говорит: «Надо терпеть. Наладим жизнь». Вот такой короткий разговор. Иногда царь здоровался за руку». Вот эти небольшие рассказы говорят нам о том, что Государь Николай II был человеком внимательным, добрым семьянином, а цесаревич Алексей был таким же обыкновенным мальчиком, которому хотелось и поиграть, и поупражняться в меткости. Примечательно, что в народе, в данном случае в лице потомков Щербаковых, хранятся такие добрые рассказы, теплые воспоминания о Государе.

Надо отметить, что люди в императорскую охрану подбирались тщательно, только наиболее достойные. Брали по рекомендациям, учитывали не только внешние данные – крепкое телосложение, рост не ниже 2-х аршинов и 8-ми вершков (180 см), но и личные качества – сообразительность, преданность и умение ладить с людьми. Казачий конвой, пехотная рота, железнодорожный полк, Дворцовая полиция, особый отряд охраны, а также большое количество агентов в штатском – это не полный перечень тех, кто днем и ночью обеспечивал спокойное существование императорской семьи [2]. Здесь двенадцать лет служил Степан Сергеевич Щербаков.

1450 1038

(Синія для нижн. чиновъ) На прибывшихъ.

Фамилія Щербаковъ
Имя Степанъ
Отчество Сергѣевъ
Воинское званіе и часть ефрейторъ 164 Закатальскаго полка
Губернія Кавказская
Уѣздъ Черноморскаго
Волость Егорлыкская
Селеніе д. Камышевка
Болѣнъ Рожа правой ноги
Раненъ
Время и мѣсто сраженія

Названіе и подробный адресъ лазарета, сообщившаго свѣдѣнія (штемпель) Полевой Запасный №145 госпиталь от Жмеринка 10.3 ж.д.

Когда поступилъ въ лазаретъ 29 марта 1916 г.

Документ из лазарета

С.С. Щербаков участвовал в Первой мировой войне в составе 164-го Закатальского полка. Лечился от болезни в 145-м полевом запасном госпитале на станции Жмеринка с 29 марта 1916 года. Об этом говорится в официальном письме из Российского государственного военно-исторического архива, который прислали 29 ноября 2018 г. внуку С.С. Щербакова Николаю Андреевичу Степанову [6] в ответ на его запрос. В документе изложено следующее:

«Уважаемый Николай Андреевич!

На Ваше письмо сообщаем, что в картотеке Бюро по учету потерь на фронтах Первой мировой войны значится ефрейтор 164-го пехотного Закатальского полка Щербаков Степан Сергеевич, уро-

женец Казанской губернии, Чистопольского уезда, Егоркинской волости, дер. Камышовка. Находился на излечении от болезни в 145-м полевом запасном госпитале на станции Жмеринка с 29.03.1916 г.

Других сведений по данным научно-справочного аппарата (каталогу, картотекам, указателям, электронным базам) по Вашему запросу не обнаружено.

В фонде 164-го пехотного Закатальского полка (ф. 2778) алфавитных, именных, послужных и наградных списков солдат не содержится, в связи с чем выявить дополнительную информацию о службе Щербакова С.С. не представляется возможным.

Рекомендуем Вам обратиться в Национальный архив Республики Татарстан, где возможно, имеются на хранении документы соответствующих уездных воинского начальника и воинского присутствия…».

Незадолго до революции 1917 г. С.С. Щербаков был демобилизован, вернулся домой. Потом служил в рядах Красной Армии до 1920 г. После демобилизации вернулся на родину в деревню Средняя Камышла. Женился, растил детей. Жену звали Устинья Михайловна. С.С. Щербаков работал плотником в отделении «Заготзерно» в Нурлате (железнодорожная станция, поселок (ныне – город), районный центр). Для своего времени хорошо говорил по-русски, был грамотным.

6 августа 1937 г. приехали какие-то люди домой к Щербаковым, на глазах детей повалили С.С. Щербакова на телегу и увезли. Больше его никто не видел. Семью выгнали из дома, раскулачили (но документов по раскулачиванию в архиве не нашлось, получается, что раскулачили незаконно). Устинье Михайловне с детьми пришлось жить у соседей в хлеву. Домой смогли вернуться только после войны, с конвоиром приехали. Жена С.С. Щербакова писала письма к властям с просьбой ответить ей, где находится ее муж, но внятного ответа долго не было. Сохранились даже копии писем, написанных на имя Ворошилова. Только недавно, через друзей и знакомых потомкам С.С. Щербакова удалось узнать из совершенно секретных документов, что его арестовали как кулака, как ведущего повстанческую агитацию против Советской власти. Расстрелян 15 сентября 1937 г. в городе Бугульма. Реабилитирован 24 августа 1961 г. Внук С.С. Щербакова Владимир Егорович считает, что вся его «вина»

была в том, что служил в царской гвардии, что обвинение строили на этом. Потомки С.С. Щербакова ездили и в город Бугульму, чтобы найти людей, видевших арестованных (конечно же, в первую очередь имели в виду своего отца и деда Степана Сергеевича Щербакова) или что-нибудь слышавших о них. Они нашли одного человека, который жил на окраине города и в 1937 г. по ночам слышал выстрелы. Видимо, там расстреливали арестованных, в том числе и С.С. Щербакова.

Потомки С.С. Щербакова, служившего в охране царя Николая II, живут в разных уголках нашей страны, работают в разных сферах, включая и науку, помнят о своем легендарном предке. Собрали о нем достаточно богатый материал (причем копии из секретных документов – анкета арестованного, протокол допроса и др.), бережно хранят справку о реабилитации, фотографию в форме царской гвардии и память о нем. Н.А. Степанов интересовался и документами, связанными с охраной царя. Но получил ответ, что документы из Царского Села тщательно уничтожались. Поэтому пока никаких документов, подтверждающих службу в охране царя Николая II, на С.С. Щербакова нет.

Мы искали литературу об охране Государя Николая II в библиотеках города Чебоксары. Не нашли. Нам ответили, что это очень узкая тема. Получается, на самом деле это нетронутое поле для исследования. Не удивительно, что нет литературы, материала о служивших рядовых в царской охране Николая II. О самом главном человеке в службе охраны Государя А.И. Спиридовиче и некоторых известных, состоящих на службе в Собственном Его Величества конвое, Алексее Пилипенко, Тимофее Ящик (оба казаки) написано, есть фотографии [2]. В республиканской газете «Хыпар» опубликована статья Ю. Михайлова «Император Яковлева та йышăннă» (Император принял и Яковлева) [3, 2], где говорится о том, что русские цари в охранники брали к себе преданных надежных чуваш. Одним из них был С.С. Щербаков. Но о нем и таких как он – материалов нет, к сожалению. Если только собрать по крупицам, по воспоминаниям потомков, по сохранившимся документам и фотографиям, как в нашем случае.

В интернете мы нашли анкету с данными С.С. Щербакова как о реабилитированном [7]. В анкете ничего не говорится о его службе

в царской гвардии, в охране царя. Также не указано, что служил в Красной Армии. Национальность указана, что он русский. На самом деле он чуваш. Представляем анкетные данные:

«Щербаков Степан Сергеевич (1886)

Дата рождения: 1886 г.

Место рождения: Нурлатский р-н, с. Средняя Камышла

Пол: мужчина

Национальность: русский

Профессия / место работы: плотник, пункт «Заготзерна».

Место проживания: Нурлатский р-н, с. Средняя Камышла

Дата расстрела: 15 сентября 1937 г.

Место смерти: в г. Бугульма.

Мера пресечения: арестован

Дата ареста: 6 августа 1937 г.

Обвинение: («бывший кулак, пораженческая, повстанческая агитация, провокационные слухи о войне, падении Сов. вл.»)

Осуждение: 11 сентября 1937 г.

Осудивший орган: тройка при НКВД Татарской АССР г. Казани

Приговор: ВМН, конфискация имущества.

Дата реабилитации: август 1961 г.

Источники данных: БД «Жертвы политического террора в СССР»; «Книга памяти г. Миасс Челябинской обл.»

Таким образом, мы нашли родственников С.С. Щербакова, служившего в охране царской семьи, расспросили их, ознакомились с фотографией и документами, в том числе и с документом из Российского государственного военно-исторического архива, изучили по возможности его биографию. Тем самым узнали еще об одном человеке в истории России – участнике Первой мировой войны в составе 164-го пехотного Закатальского полка, красноармейце – защитнике Родины. Через воспоминания потомков С.С. Щербакова мы имеем представление о Государе как о человеке демократичном, о детстве цесаревича Алексея. Несмотря на то, что прошло много лет, память о Государе жива, воспоминания передаются из поколения в поколение. Мы считаем, что изучив биографию С.С. Щербакова, своей работой вносим вклад в историю нашей Родины. История С.С. Щербакова еще раз подтверждает, что среди наших земляков были до-

стойные люди, которые служили на самом ответственном месте – в царской гвардии, в охране царской семьи. Колесо истории идет не всегда равномерно. В 1937 г. С.С. Щербаков был расстрелян. В 1961 г. реабилитирован. Об этом есть материал в электронных ресурсах. Литературы, где написано подробно об охране Государя Николая II, в частности, С.С. Щербакова, нет. Это предстоящая работа. Наше исследование – подступ к этому большому и нелегкому труду.

Практическая значимость нашего исследования заключается в том, что вводится в научный оборот новый материал, который до сих пор был неизвестен. Результаты могут быть использованы при составлении книг по истории династии Романовых, царской семьи Николая II, по истории охраны царской семьи, по истории России.

Источники и литература

1. *Васильев Г.* Чувашский спецназ – «бешеная рать» // Грани. 20.04.2012. http://www.grani21.ru/pub/chuvashskij-specnaz-beshenaja-rat дата обращения: 09.11.2018 г.

2. Как на самом деле охраняли императора Николая II // Русская семерка http://russian7.ru/post/kak-okhranyali-nikolaya/ дата обращения: 08.11.2018 г.

3. *Михайлов Ю.* Император Яковлева та йышăннă (Император принял и Яковлева) // Хыпар. № 71. 2018. Июль, 3. С. 2. Здесь слово о И.Я. Яковлеве, чувашском просветителе.

4. Полевые материалы авторов (ПМА). Михайлов Виталий Леонтьевич, 1948 г. рождения. Учитель физики. Ветеран педагогического труда. Село Илюткино, Нурлатский район, Республика Татарстан.

5. ПМА. Щербаков Владимир Егорович, 1954 г. рождения. Уроженец города Нурлат Республики Татарстан. 19 лет работал в милиции. Капитан полиции. Работал судебным приставом на государственной службе. Ветеран труда. Проживает в г. Нурлат Республики Татарстан.

6. ПМА. Степанов Николай Андреевич, 1954 г. рождения. Уроженец д. Средняя Камышла, Октябрьского (ныне Нурлатского) района ТАССР (ныне Республики Татарстан). Кандидат медицинских наук, врач. Живет и работает в г. Саранск. Документ (№ 4175) из Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) прислан Н.А. Степанову по запросу.

7. Щербаков Степан Сергеевич // https://ru.openlist.wiki/Щербаков_Степан_Сергеевич_(1886) Дата обращения: 10.11.2018 г.

E.V. Fedotova, T.Y. Fedotova

STEPAN S. SHCHERBAKOV: SERVICE in the ROYAL GUARD

Abstract. The article highlights the biography of Stepan S. Shcherbakov, who served in the Royal guard-in the protection of the family of Nicholas II, a participant In the first world war as part of the 164th infantry regiment Zakatala, the red army, which subsequently had to arrest, execution and rehabilitation.

Keywords: Stepan S. Shcherbakov, Tsar's guard, protection of Nicholas II, world war I, 164th infantry regiment of Zakatala.

УДК 069.1

В.Л. Шерстнев

НЕЗАБЫТЫЕ СОЛДАТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья подготовлена на основе мероприятия, прошедшего 1 августа 2014 г. в МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс».

Ключевые слова: война, солдат, память, мероприятие, опыт, музей.

Указом Президента России В.В. Путина в 2013 году 1 августа объявлен Днем памяти солдат Первой мировой войны. МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс» в документальном фонде хранит материалы о солдатах Первой мировой войны. Одним из них был Василий Анисимович Баринов. Родился он в 1878 году в г. Козьмодемьянске в семье пекаря. Окончил трехклассное городское училище. В поисках работы он уехал в Нижний Новгород, поступил там на судостроительный завод слесарем масленщиком. С 1899 по 1903 год был на военной службе на Балтийском флоте.

После службы продолжил работу в Нижнем Новгороде. В.А. Баринов много читал, интересовался политикой. В январе 1904 года началась русско-японская война, А.В. Баринов по мобилизации вновь попадает на Балтику. В составе экипажа военного транспорта

«Шилка» он участвует в трудном переходе из Кронштадта во Владивосток. После войны А.В.Анисимов возвращается в Козьмодемьянск. В 1916 году А.В.Баринова мобилизовали в г. Николаевск на военный судостроительный завод. В 1917 году со службы А.В. Баринов возвратился в г. Козьмодемьянск. Сейчас в г. Козьмодемьянск есть улица его имени [1].

В г. Козьмодемьянске находится известный Художественно-исторический музей им. А.В. Григорьева. С 1914 года будущий основатель музея А.В. Григорьев учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. В декабре 1915 года, будучи студентом, призывается в армию. На службе он находится с декабря 1915 года по июнь 1916 года. Служил Александр Владимирович в 10-й армии и заведовал походными солдатскими банями и прачечными [2].

Видную роль в истории г. Козьмодемьянска играл Михаил Федорович Красильников. Родился он в 1886 году 21 октября в г. Козьмодемьянске в бедной семье чернорабочего бурлака. Окончил церковноприходскую школу, дальше продолжать учебу у родителей средств не было. Его отдали в мастерскую по изучению столярного дела. Приобрел специальность мебельщика и работал в мастерских и фабриках города Казани. В 1908 году его призвали в армию. На военной службе был прикомандирован ко второму железнодорожному батальону, где был использован по специальности в железнодорожном депо. Одновременно окончил железнодорожную школу по строительной части, получив звание железнодорожного мастера. Активно участвовал в революционной деятельности на стороне РСДРП. В 1913 году окончил военную службу, вернувшись в Казань, поступил на работу, на мебельную фабрику Розенберга по механической обработке дерева. В 1914 году по общей мобилизации был мобилизован на войну и направлен в действующую армию, где и пробыл до декабря 1917 года. С начала февральской революции, общим собранием воинской части был избран председателем дивизионного солдатского комитета. Помимо партийной работы в своей части приходилось также вести разъяснительную работу и в пехотных, особенно среди таких, которые находились в окопах. Разъяснял солдатским массам суть и политику буржуазного правительства. После войны работал военным комиссаром в г. Козьмодемьянске. Затем в Йошкар-Оле был начальником областной милиции, начальником административного отдела Марийского облисполкома. За

плодотворную и полезную работу в органах милиции был награжден НКВД именным боевым оружием с объявлением благодарности в приказе по милиции РСФСР [3].

К 100-летию начала I мировой войны исторический отдел МУ «Козьмодемьянского музейного комплекса» запланировал и провел мероприятие «Незабытые солдаты I мировой».

Предварительно было разработано положение о фотоконкурсе «Семейные фотохроники I мировой войны». Информация была предоставлена в прессу и на сайт музея. Занималась разработкой данного направления научный сотрудник музея Дарья Андреевна Антонова. Ей удалось привлечь к конкурсу детей, преподавателей и родителей. Накануне общего музейного мероприятия итоги фотоконкурса были подведены. Участники конкурса были приглашены на общее музейное мероприятие, которое прошло 1 августа 2014 г. Предварительно к общемузейному мероприятию была разработана программа, которая прилагается в тексте:

Программа. Незабытые солдаты I мировой. К 100-летию начала войны.

1. Доклад: «Первая мировая. К столетию со дня начала войны». Н.В. Давыдова.

2. Лекция: «Дневник солдата I мировой Ярова И.А.». О.В. Кораблева.

3. Лекция: «Участник двух мировых войн Якимов А.В.». В.Л. Шерстнев.

4. Подведение итогов музейного фотоконкурса «Семейные фотографии первой мировой». Д.А. Антонова.

5. Выставка фото и документов I мировой войны: «Незабытые солдаты Первой мировой». О.В. Кораблева.

6. Лекция: «Козьмодемьянск в годы I мировой войны». Е.В. Лукьянова.

7. Выступления присутствующих на мероприятии.

1 августа 2014 г. в Художественно-историческом музее им. А.В. Григорьева прошло мероприятие «Незабытые солдаты I мировой. К 100-летию со дня начала войны». На мероприятии присутствовали ветераны г. Козьмодемьянска, сотрудники МУ «Козьмодемьянского музейного комплекса», учащиеся школ города.

В ходе мероприятия сотрудники музея и присутствующие рассказали об отдельных участниках I мировой войны – уроженцах

г. Козьмодемьянска и Горномарийского района Республики Марий Эл. Были подведены итоги первого этапа конкурса фотографий: «Пусть век прошел – воспоминания живые». Победителями конкурса фотографий стали: Иван Вагин, Александра Кузнецова, Антон Эдушов. Им были вручены грамоты и подарки.

Приводится пример доклада научного сотрудника МУ «Козьмодемьянский комплекс» О.В. Кораблевой:«Уникальный документ о Первой мировой войне сохранила для потомков жительница г. Козьмодемьянска Галина Ивановна Абрамова «Дневник солдата Первой мировой войны». 1914 годом датируется первая запись в дневнике: «Первая мировая война в полном разгаре. Не проходило одной недели без мобилизации. В первых числах ноября мне вручили повестку, явиться в канцелярию васильсурского военного начальника. Явившись в срок по указанному адресу и пройдя врачебно экспертную комиссию, был признан годным в нестроевую роту. На следующий день нашу партию мобилизованных в количестве 400 человек на лошадях направили в г. Н. Новгород в 183-й пехотный запасной полк, размещенный в тобольских. От зари и до восхода солнца шли строевые занятия, а по вечерам изучали родословную царской фамилии, их титулов, а также чинопочитание всех военноначальников» [4]. В январе 1915 года И.А. Ярова в числе группы «нестроевых» направили в Канавинский эвакогоспиталь – для обслуживания больных и раненых военнопленных. На фронт он отправился только в августе 1916 года. Тогда же началась его военная «эпопея», растянувшаяся на целых четыре года и на несколько стран: Россия, Франция, Греция, Македония, Алжир, Россия. Вот как описывал Иван Алексеевич прибытие русских войск во Францию, в портовый город Брест на пароходе 14 сентября 1916 года. «Утром высадились на берег, маршем прошли по городу в казармы. Пообедали и отправились на посадку в вагоны. Население города встретило нас торжественно: женщины и дети награждали нас цветами, сигаретами и другими подарками. Вечером эшелон двинулся по маршруту: Брест – Марсель» [5]. По иронии уже после заключения Брестского мира между Россией и Германией И.А. Яров и его однополчане оказались в плену у бывших союзников. Стали агитировать вступать русских пленных во Французский иностранный легион. Все отказались. Тогда их отправили не домой, как обещали, а в свои колонии в Северную Африку – батрачить на виноградниках. Там А.И. Яров прошел через голод,

нужду, унижения. Дорога домой к жене и сыну оказалась для солдата долгой и трудной даже на родине. Там полыхала гражданская война, свирепствовал тиф, который снова поставил Ивана Алексеевича на грань жизни и смерти. Но солдат и на этот раз выжил и домой вернулся только в 1920 году».

В целом можно сказать, что век прошел, но родные и близкие помнят солдат Первой мировой войны.

Источники и литература

1. Документальный фонд МУ КМК, папка Баринов В.А. Один из коммунаров. Газета «Ленинский путь». 6.11.1971.

2. *Сануков К.Н.* Судьба художника. Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 2011.

3. Документальный фонд МУ КМК, папка Красильников М.Ф., автобиография.

4. Документальный фонд МУ КМК, папка Яровой И.А., Марийская правда от 8.08.2014 г.

5. Документальный фонд МУ КМК, папка Яровой И.А., Марийская правда от 8.08.2014 г.

V.L. Sherstnev

UNFORGETTABLE SOLDIERS OF THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The article was prepared on the basis of an event held on August 1, 2014 at the Kozmodemyansk Museum Complex.

Keywords: war, soldier, memory, event, experience, Museum.

УДК 069.1

М.Н. Юртукова

КОЗЬМОДЕМЬЯНСКИЕ МАСТЕРА МУЗЫКАЛЬНЫХ ДЕЛ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В Козьмодемьянске была открыта первая в России музыкально-столярная школа по производству струнных щипковых музыкальных инструментов. В статье пойдёт речь о преподавателях

и учащихся этой школы, которые защищали Родину в годы Великой Отечественной войны. Многие из них были настоящими героями, проявляя мужество, самоотверженность и храбрость на фронтах этой страшной войны. За совершённые подвиги они были награждены орденами и медалями.

Ключевые слова: музыка, столяр, школа, скрипка, инструктор, война, Родина, награда.

Музыкально-столярная школа была создана в 1913 г. Город Козьмодемьянск для размещения школы был выбран неспроста. По левобережью от города, в многочисленных лесах, произрастала резонансная ель, которая использовалась для изготовления музыкальных инструментов. Школа размещалась в здании, которое позже было занято туберкулёзной больницей. В окрестностях города в марийских деревнях были мастера по изготовлению марийского народного инструмента гусли. В городе работали прекрасные мастера столярного дела, об этом говорят резные наличники многих зданий нижней части города и, видимо, были умельцы, изготавливающие музыкальные инструменты. В школе преподавались общешкольные предметы и специальные по изготовлению щипковых музыкальных инструментов: мандолины, домры, гитары, скрипки, балалайки, и других смычковых щипковых музыкальных инструментов, а также преподавалось столярное дело. Инструкторы школы были высококвалифицированными специалистами. Те ученики школы, которые проявляли большие способности, оставались в школе инструкторами. Многие преподаватели школы были участниками Великой Отечественной войны и были награждены орденами и медалями за совершённые подвиги.

В 1916 г. в школу поступил учиться Фёдор Степанович Якимов из д. Еникеево Горномарийского района. Он родился в 1902 г. В городе Козьмодемьянске снимал квартиру. Изредка ходил по воскресеньям в свою родную деревню. Учился на мастера по изготовлению и настройке музыкальных инструментов. Учиться было трудно. Несмотря на это, он научился играть на скрипке, его преподавателем игры на скрипке был Алексей Дмитриевич Кузнецов. После окончания школы в 1920-е гг. Фёдор Степанович работал в столярно-музыкальной мастерской «Ленинец». В 1930-е гг. работал инструктором

в музыкальном отделении Козьмодемьянской музыкально-столярной профтехнической школы. Награждён орденом Отечественной войны I степени.

В 30-е гг. музыкально-столярная школа была преобразована в ФЗО (фабрично-заводское обучение). Школа в то время называлась «Козьмодемьянская профсоюзно-техническая школа по производству музыкальных инструментов и мебели». Учащиеся жили на государственном обеспечении. Было 2 отделения: музыкальное и столярное. В 1935 г. директором был Павел Илларионович Маланкин, который родился в 1907 г., жил в переулке Некрасова г. Козьмодемьянска. В годы Великой Отечественной войны получил звание: сержант. За подвиг 2 марта 1943 г. награждён медалью «За отвагу».

В школе проводились конкурсы на изготовление лучшего музыкального инструмента, как среди учеников, так и среди инструкторов. Лучшие музыкальные инструменты отправлялись на Всероссийские выставки. На одной из них балалайка инструктора школы Григория Кирилловича Изикова была отмечена грамотой. Г.К. Изиков родился в 1899 г. в селе Паратмары в семье крестьянина. С 1914 по 1917 г. учился в Козьмодемьянской инструментальной школе по производству музыкальных инструментов. С мая 1919 по май 1922 г. был в действующей армии на Восточном и Западном фронтах. С 6 ноября 1922 г. по 1 октября 1926 г. работал инструктором в Козьмодемьянской школе инструкторов по производству музыкальных инструментов. Выбыл по сокращению штата. С 1 апреля 1935 г. был принят на работу мастером в музыкальную профессиональную техническую школу. С 7 августа 1935 г. был переведён на должность старшего инструктора музыкального отделения. Был освобождён от работы 16 августа 1940 г. в связи с ликвидацией музыкального отделения при школе. Вечерами Григорий Кириллович работал дома, делал музыкальные инструменты, добиваясь лучшего качества и звучания. О его работе говорят письма выдающихся специалистов, которые просили изготовить инструменты руками Григория Кирилловича. В апреле 1939 г. он был участником I Всесоюзного конкурса музыкальных мастеров, мастерских и предприятий на изготовление лучшей балалайки и домры, где был отмечен похвальной грамотой Комитета по делам искусств при СНК СССР. Много заказов получал инструктор Г.К. Изиков на изготовление гитар и мандолин, балалаек

и скрипок и даже кантэле (финских музыкальных инструментов) со всех концов страны: из Йошкар-Олы, Горького, Москвы, Дальнего Востока и т.д. Мечтал он не только о производстве музыкальных инструментов, но и об умении учащихся владеть сделанными инструментами. Но началась война, и мастер Г.К. Изиков был призван в армию. 11 февраля 1942 г. он умер в Московском госпитале, похоронен в г. Москве. В музее им. А.В. Григорьева хранятся документы, балалайка и мебель, изготовленная руками мастера: комод, горка, подставка под цветы и шкаф для инструмента. Мебель изготовлена, примерно, в 1924–1926 гг.

На выставке Всекопромлессоюза в Москве скрипка, сделанная учеником мастера-инструктора Г.К. Изикова Даниилом Ивановичем Эшмеевым, заслужила высокую оценку. Эшмеев был приглашён в Московскую консерваторию для знакомства с преподавателями. Он родился 15 декабря 1918 г. в д. Токари Коршуновского сельсовета Горномарийского района Марийской АССР. Получил звание техник-лейтенант. К сожалению, этот талантливый человек погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Был награждён в 1944 г. орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, в 1945 г. – орденом Красной Звезды, а также медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В 1939 г. инструктором в школе работал Константин Яковлевич Колесников, который родился в 1911 г. в г. Козьмодемьянске. Получил звание: матрос (краснофлотец). За подвиг 10 января 1944 г. был награждён орденом Красной Звезды. Умер в 1972 г., похоронен в г. Козьмодемьянске.

Школа просуществовала до 1940 г., а затем была закрыта. Выпускники школы продолжали работать в нашем городе в артели «Марийская АССР», которая производила струнные музыкальные инструменты и мебель в годы Великой Отечественной войны, выпускала спички, лыжи, снегоступы, снарядные ящики. Артель «Марийская АССР» по изготовлению музыкальных инструментов была в городе создана примерно в 1934–1935 г. в здании, которое находилось рядом с зданием музыкально-столярной школы. В 1937 г. артель переехала в здание женского монастыря. Артель выпускала продукцию на заказ и для различной торговли. Иногда производились музыкальные инструменты для целого оркестра.

В артели начиная с 1937 г. и до закрытия в 1949 г. работал Алексей Иванович Яшин, который, сделав свою первую балалайку, на которой было изображено сердце с пронзённой стрелой, обменял её на ветлужский ботник (лодку). А.И. Яшин родился в 1919 г. в г. Козьмодемьянске. До 15 лет учился в 1 школе, затем поступил в музыкально-столярную школу. В рядах РККА – с 1939 г. Получил звание: ефрейтор. В период наступательных действий работал в первой команде по разминированию жилых помещений для авиаполков и батальона, а также местности, прилегающей к аэродрому и самого аэродрома. Только за июль-август 1944 г. обезвредил и подорвал разных мин 120 шт., подорвал фугасов 53 шт., подорвал невзорвавшихся артснарядов противника 122 шт., невзорвавшихся бомб противника 7 шт., непригодных авиабомб и снарядов 32 шт. Показал себя энергичным, исполнительным, знающим своё дело ефрейтором. Предотвратил посадку самолёта истребителя с невыпущенными шасси. Удостоен правительственной награды – медаль «За боевые заслуги». Умер в 2002 г., похоронен в г. Козьмодемьянске.

Его брат Пётр Иванович Яшин родился в 1919 г. в г. Козьмодемьянске. Получил звание: гвардии сержант, радист. Награждён медалью «За оборону Ленинграда». Погиб в бою 27 июля 1943 г., похоронен в Ленинградской области.

В артели в ходе производственного цикла существовало разделение труда. После Великой Отчеественной войны (в 1949 г.) артель прекратила своё существование. Позднее была организована мебельная фабрика, на которой стали трудиться выпускники закрывшихся музыкально-столярной школы и артели.

Замечательным мастером был Венедикт Степанович Кашутин, который родился 18 марта 1909 г. в д. Замятино (около села Кулаково). Закончил Козьмодемьянскую музыкально-столярную школу в 1931 г. или как в то время она называлась «Первая Российская школа инструкторов по производству музыкальных народных инструментов». Изготавливал В.С. Кашутин такие музыкальные инструменты, как гусли, гитары, балалайки. Он ввёл новую конструкцию переключательного механизма на гуслях. Венедикт Степанович Кашутин тоже был участником Великой Отчеественной войны. Участвовал в сражениях под Сталинградом, закончил войну

в Кёнигсберге, брал Крым. Вначале служил в мотопехоте, но когда при случае отремонтировал 2 пушки, его зачислили в дивизионные мастерские. Призывался из Йошкар-Олы. Получил звание: старший сержант. Должность: старший пулемётный мастер армейской артиллерийской ремонтной мастерской № 373. Из наградного листа: «он был высококвалифицированным мастером по ремонту станковых и ручных пулемётов и др. автоматического оружия. За январь, февраль, март, апрель 1945 г. выполнял задания на 150–200 %. Имеет целый ряд благодарностей от командования части и командующего артиллерией Армии». Был удостоен за подвиг 28 июня 1945 г. ордена Красной Звезды, за подвиг 25 октября 1943 г. – медали «За боевые заслуги».

После войны Венедикт Степанович был директором Промкомбината. Организовал производство лыж, мебели, инструментов. Затем его перевели в г. Волжск, был начальником цеха, работал в техникуме. Два года работал в г. Йошкар-Оле, в мастерской по производству музыкальных инструментов. Умер от болезни в 1978 г. в г. Волжске. В музее им. А.В. Григорьева хранятся изготовленные им в 1961 г. марийские гусли.

Степан Павлович Балыбердин родился в 1919 г. В 1936–1938 гг. учился в Козьмодемьянской музыкально-столярной школе. В то время на здании школы висела ещё старая вывеска «I-ая Всероссийская музыкально-столярная школа инструкторов». Приехал Степан Павлович в Козьмодемьянскую школу из Кировской области, Санчурского района. Специализировался в школе по производству скрипок «Прима», «Альт». За два года обучения в школе С.П. Балыбердин сделал примерно 5–6 скрипок, которые были отправлены в Московскую консерваторию. После окончания школы Степан Павлович работал в артели «Марийская АССР» до мая 1941 г. и в основном изготавливал балалайки, которые пользовались спросом больше всего. Во время Великой Отчеественной войны Степан Павлович служил на Севере, в районе г. Кандалакша, затем в г. Будапешт. Был ранен, получил инвалидность. Умер в 1999 г., похоронен в г. Козьмодемьянске. В годы войны получил звание: ефрейтор. Был награждён орденом Отечественной войны II степени.

Николай Васильевич Сорокин родился в 1918 г. в с. Коротни Горномарийского района, в крестьянской семье. Однажды в село

из г. Козьмодемьянска пришли учителя из музыкально-столярной школы с целью агитации поступать в их школу. Н.В. Сорокин поступил учиться в 1933 г., а окончил в 1935 г. До его поступления в школе было трехгодичное обучение, преподавали музыку, но в их год поступления это преподавание было отменено. В 1935 г. в школе было введено столярное обучение. В рядах РККА – с октября 1938 года. Получил звание: старший сержант. За совершённые подвиги в 1942 г. был награждён медалью «За отвагу».

В домике на территории школы жил старший мастер школы Павел Илларионович Маланкин, его жена преподавала в школе математику. Павел Илларионович родился в 1907 г. Получил звание: сержант. За подвиг 2 марта 1943 г. был награждён медалью «За отвагу».

Выпускником Козьмодемьянской музыкально-столярной школы в 1940 г. был Александр Игнатьевич Базанов, который родился в 1923 г. в д. Логиновское Уренского района Горьковской области, в многодетной семье. В 1938 г. поступил учиться в музыкально-столярную школу. В школе во время обучения изготавливали табуретки, столы, диваны, шифоньеры из дерева ильма (тёмного дерева). После окончания школы работал в артели «Марийская АССР» столяром. В 1941 г. Александр Игнатьевич добровольцем ушёл на фронт, окончил курсы сержантов, стал десантником-парашютистом. В феврале 1942 г. был тяжело ранен на Сталинградском направлении, на костылях вернулся домой. Сразу пригласили работать преподавателем в ФЗО. За боевые заслуги Базанов Александр Игнатьевич был награждён орденом Отечественной войны I степени.

С 1 сентября 1938 г. в Козьмодемьянской профессионально-технической школе учился Сергей Степанович Лебедев, который родился в 1923 г. Учился по 1 июля 1940 г. по специальности музыкально-щипковых инструментов. До поступления в школу жил в д. Азаново Медведевского района Марийской АССР. Пятнадцатилетним пареньком прочитал в газете объявление о школе и решил с другом ехать учиться. Он учился на музыкальном отделении и специализировался по изготовлению гитар. После окончания школы поступил работать в артель «Марийская АССР». В 1942 г. был призван в армию, был минёром 854-го батальона аэродромного обслуживания. В наградном листе указано, что «ефрейтор Лебедев, работая минёром, показал себя смелым и отважным воином при выполнении

боевых заданий, в своей самоотверженной работе, не считаясь ни с чем, проделал большую работу по разведке и разминированию передовых аэродромов, где непосредственно обезвредил и разминировал 960 мин противника. Этим самым способствовал быстрому разминированию аэродромов и продвижению нашей авиации». В период Великой Отчеественной войны непосредственно участвовал в боях на передовой СЗФ в октябре 1942 г., где был ранен. Воевал на Курской дуге, Белоруссии, Украине, Польше, Германии. После окончания войны работал столяром на мебельной фабрике, Сплавной конторе, заводе «Копир». Умер в 1998 г., похоронен в г. Козьмодемьянске. За самоотверженную работу и проявленное мужество и отвагу при разминировании аэродромов удостоен правительственной награды – медаль «За отвагу».

С 1 сентября 1935 г. по 1 июня 1937 г. в профессионально-технической школе обучалась Енафа Всеволодовна Шальнова. Родилась в феврале 1919 г. Специализировалась в школе по изготовлению балалаек. Является участником Великой Отчеественной войны, которую закончила в Польше в городе Познань в 1945 г. Служила радисткой в зенитной артиллерии. Звание: рядовой. Награждена орденом Отечественной войны II степени.

В школе работал инструктором Варсанофий Якимович Королёв. Родился в 1918 г. в с. Паратмары. Сначала учился в Паратмарской школе, Виловатовской, затем закончил Козьмодемьянскую музыкально-столярную школу. В 1939 г. был призван в армию. Началась война, был командиром отделения, пропал без вести в августе 1941 г.

В школе обучался Константин Михайлович Брагин. Он родился в 1902 г., старожил г. Козьмодемьянска (прожил 90 лет). В рядах РККА с 1941 года. Получил звание: майор. Умер в 1993 г., похоронен в г. Козьмодемьянске. За подвиги в 1945 г. награждён орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды.

Елизавета Петровна Сергеева в годы Великой Отчеественной войны работала в артели «Марийская АССР», которая размещалась в здании женского монастыря. В то время всё было поставлено на нужды фронта, и поэтому артель в эти трудные годы помогала стране разгромить фашистов всем, чем могла. Елизавета Петровна вспоминала, что она работала чертёжницей. На деревянных заго-

товках расчерчивала лыжи, а мастера по её чертежам их вырезали и выделывали. Артель изготавливала не только лыжи для фронта, но и снегоступы и спички. Эта продукция артели есть и в музее Козьмодемьянска.

Таким образом, в Козьмодемьянске была открыта первая в России музыкально-столярная школа по производству струнных щипковых музыкальных инструментов. Выпускники и преподаватели школы храбро сражались на фронтах Великой Отчественной войны.

Источники и литература

1. http://podvignaroda.mil.ru/
2. https://pamyat-naroda.com/
3. Документальный фонд МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс».

M.N. Urtukova

KOZMODEMYANSK MASTERS OF MUSICAL AFFAIRS ON THE FRONTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: in Kozmodemyansk, Russia's First musical carpentry school for the production of stringed plucked musical instruments was opened. The report will focus on the teachers and students of this school who defended their Homeland during the great Patriotic war. Many of them were true heroes, showing courage, selflessness and bravery on the fronts of this terrible war. For their exploits they were awarded orders and medals.

Keywords: music, carpenter, school, violin, instructor, war, homeland, award.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акилбаев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Алметева Ирина Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Андреев Олег Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории им. А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Ануфриев Александр Валерьевич – директор Центра историко-культурного наследия, старший преподаватель кафедры истории России, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Ащеулов Олег Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра военной истории, Институт российской истории РАН (г. Москва).

Баутина Светлана Леонидовна – старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, социальных технологий и коммуникаций, Камский институт гуманитарных и инженерных технологий (г. Ижевск).

Бахтин Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания социально-гуманитарных дисциплин, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Богатырёв Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и истории, Поволжский православный институт (г. Тольятти).

Борисов Борис Александрович – аспирант, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

Газизьянова Сания Мансуровна – руководитель общества татарских краеведов Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Гижов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки», Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова (г. Саратов).

Головнин Петр Андреевич – директор ОО Ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре» (г. Санкт-Петербург).

Горбашова Галина Фёдоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Григорьев Валерий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).

Григорькин Василий Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры экономической истории и информационных технологий, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск).

Давыдова Наталья Владимировна – эксперт по изучению и популяризации объектов культурного наследия, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет (г. Чита).

Ерошкин Юрий Витальевич – младший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Исхаков Рафаиль Лутфуллович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Кистанов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск).

Кодыбайкин Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Козлов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент, директор Межрегионального института общественных наук, Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Кораблева Оксана Валерьевна – заведующая отделом учета и хранения, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Кореева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований, Институт татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань).

Кошкина Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Кудрявцев Алексей Николаевич – научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Ларионов Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, Марийский институт образования (г. Йошкар-Ола).

Левин Виталий Ильич – доктор технических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела научных исследований, Пензенский государственный технологический университет (г. Пенза).

Лошкарев Анатолий Николаевич – старший преподаватель кафедры «Ракетная техника», Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова (г. Ижевск).

Лукьянова Елена Викторовна – старший научный сотрудник отдела истории, культуры и искусства, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Маркова Светлана Васильевна – кандидат исторических наук, заведующая музейным комплексом, Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко Министерства здравоохранения РФ (г. Воронеж).

Митюков Николай Витальевич – доктор технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории языка и литературы, Удмуртский Федеральный исследовательский центр УрО РАН, заведующий лабораторией военных исследований, АНО «Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований» (г. Ижевск).

Мушкина Наталья Валерьевна – научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола).

Новик Вера Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Новосёлова Елена Михайловна – старший научный сотрудник отдела хранения и учета, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула).

Першин Сергей Викторович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

Рогашова Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, специалист Центра развития истории и культуры региона, АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области», доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск).

Родюшкина Марина Геннадьевна – заведующая отделом по музейно-образовательной деятельности, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Сабирьянова Фирзия Файсламовна – председатель общества татарских краеведов Медведевского района Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Саркисов Сергей Каренович – заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата, Центральный государственный архив Удмуртской Республики (г. Ижевск).

Свечников Сергей Константинович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола).

Сергеев Николай Анатольевич – учитель истории и обществознания, Шойбулакская средняя общеобразовательная школа (Республика Марий Эл, Медведевский район, с. Шойбулак).

Сергеев Тихон Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).

Сергеева Алевтина Николаевна – начальник отдела использования и публикации документов, Государственный архив Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола).

Смирнова Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Ставропольский Юлий Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов).

Тайгильдин Андрей Валерьевич – аспирант, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Трапезников Дмитрий Алексеевич – студент 3 курса историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск).

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар).

Устинов Демид Александрович – член-корреспондент Российской национальной академии филателии, специалист Центра развития истории и культуры, АНО «Центр стратегических исследований Ульяновской области» (г. Ульяновск).

Устинова Александра Александровна – библиотекарь отдела краеведческой литературы и библиографии, Дворец книги «Ульяновская областная научная библиотека им В.И. Ленина» (г. Ульяновск).

Федотова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, выпускающий редактор редакционно-издательского отдела, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

Федотова Татьяна Юрьевна – ученица 9-го класса, боец школьного поискового отряда «Искра», Гимназия № 1 (г. Чебоксары).

Храмкова Елена Ленаровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара).

Шерстнёв Владимир Леонидович – ученый секретарь, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Широкова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории им. А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (г. Чебоксары).

Шурыгин Андрей Владимирович – старший научный сотрудник редакционно-издательского отдела – пресс-службы, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола).

Юртукова Мария Николаевна – методист по музейно-образовательной деятельности, Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс (г. Козьмодемьянск).

Ярыгин Андрей Андреевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

РЕГИОНЫ РОССИИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ

Материалы Межрегиональной
научно-практической конференции,
г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 года

ISBN 978-5-94950-090-3

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *В.В. Безденежных*

12+ Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 19.03.2020. Формат 60x84/16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 26,85. Печать офсетная.
Заказ № ..... Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А